STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2019

#3 (35) || Май

№3 (35) || May

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2019-35-3-1-300

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

доктор филол. наук, профессор, декан философского факультета университета им.

Палацкого г. Оломоуц Зденек Пехал (Чешская республика)

канд. филол. наук, редактор Е.В. Раздобурдина

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2019. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2019 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Doctor of Philology Professor Zdeněk Pechal
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of Lomonosov Moscow State University (Macedonia)
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishevska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

<i>Лифанов К.В. (Москва, Россия)</i> Проблемные единицы фонологической системы словацкого литературного языка	9
<i>Митевски В. (Скопје, Македонија)</i> Вираго (жена воин) во византиската и македонската епска поезија	24
<i>Щеголева Л.И. (Москва, Россия)</i> Греческо-славянские Псалтири РГБ, ф. 173/I, № 8 и 9: Рукописи и тексты	35
<i>Коростелёва А.А. (Москва, Россия)</i> К вопросу о функционировании средств коммуникативного уровня русского языка в речи врача (в аспекте преподавания РКИ)	49
<i>Сергеев А.В. (Москва, Россия)</i> Жанр литературной сказки в творчестве Х.К. Андерсена	71

Фундаментальные исследования

<i>Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. (Москва, Россия)</i> Homo Incrēpans: бранная лексика в речи персонажей Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова. Статья первая	78
---	----

Материалы и сообщения

<i>Клюева Т.В. (Москва, Россия)</i> Способы перевода русской кулинарной лексики в книге Маркуса Вольфа «Geheimnisse der russischen Küche»	91
<i>Бурмистрова С.В. (Сергиев Посад, Россия)</i> Функции апостольского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя	99
<i>Виноградов И.А. (Москва, Россия)</i> «Лишние люди» русской литературы: новое в школьной теме	108
<i>Воропаев В.А. (Москва, Россия)</i> Где и когда родился Гоголь: возвращение к теме	121
<i>Михайлова М.В. (Москва, Россия)</i> Лоскутная рецензия на роман Любви Копыловой «Одеяло из лоскутьев» (М., 2018).	126
<i>Кириллова С.Е. (Волгоград, Россия)</i> Принципы создания регионального катойконимического словаря: алфавитная часть	141
<i>Лаврищев И.В. (Москва, Россия)</i> Поэтические открытия А.А. Фета на фоне художественных поисков европейского импрессионизма	146
<i>Лочмелис Е.Р. (Россия, Москва)</i> Проблема сюжетного инварианта в поздней прозе Н.М. Карамзина	153

<i>Рыбка М.С. (Москва, Россия)</i> Некоторые фонетические особенности в речи испанских и русских детей	162
<i>Шмулевич Н.В. (Москва, Россия)</i> Довоенные киноадаптации произведений Ф.М. Достоевского	168

Библиографии

<i>Воропаев В.А. (Москва, Россия)</i> Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2017).....	175
<i>Сергиенко О.С. (Санкт-Петербург, Россия)</i> Тематическая библиография славяно-германских паремиологических исследований (2000–2018)	218

Программы

<i>Волошина О.А. (Москва, Россия)</i> Материалы для самостоятельной подготовки иностранных учащихся по курсу «Основы языкознания»....	231
<i>Чижова Л.А. (Москва, Россия)</i> Программа учебной дисциплины «Теория сравнительно-исторического языкознания»	268

Заметки. Впечатления

<i>Григина Е.А. (Москва, Россия)</i> Галисия: Finisterre или перекресток дорог?	277
<i>Фьяннатка К.М., Докукина Бобель А., Тонджани М. (Генуя, Италия)</i> Письмо в редакцию	284

Критика. Библиография

<i>Ружицкий И.В. (Москва, Россия)</i> Лукин В.А. 100 задач по семиотике текста: Учебное пособие. М.: Флинта, 2019. 144 с.	289
<i>Солнцева Н.М. (Москва, Россия)</i> Хартинг Дж.Э. Орнитология Шекспира / Пер. с англ. П. Тушаро. М.: Libra, 2019. 140 с.	294

In Memoriam

<i>Алексей Васильевич Степанов</i> (15.02.1930 – 14.04.2019)	299
---	-----

Contents

Articles

<i>Lifanov K.V. (Moscow, Russia)</i> Problem Units of the Phonological System in the Slovak Literary Language	9
<i>Mitevski V. (Skopje, Macedonia)</i> Virago (Woman-Warrior) in Byzantine and Macedonian Epic Poetry	24
<i>Shchegoleva L.I. (Moscow, Russia)</i> Greek-Slavonic Psalters of the Russian State Library, fond 173/I, No 8 and 9: Manuscripts and Texts	35
<i>Korosteleva A.A. (Moscow, Russia)</i> On the Functioning of Russian Communicative Level's Means in Physician's Speech (in the Aspect of Russian as Foreign Language Teaching)	49
<i>Sergeev A.V. (Moscow, Russia)</i> Genre of a Literary Fairy Tale in H.Ch. Andersen's Creative Work	71

Fundamental Research

<i>Potemkina E.V., Ruzhitskiy I.V. (Moscow, Russia)</i> Homo Increpans: Abusive Vocabulary of Personages in Fyodor Dostoevsky's and Nikolay Leskov's Works. The First Article	78
---	----

Communications and Materials

<i>Klyueva T.V. (Moscow, Russia)</i> Ways to Translate Russian Culinary Vocabulary in Marcus Wolf's Book "Geheimnisse der russischen Küche"	91
<i>Burmistrova S.V. (Sergiev Posad, Russia)</i> Functions of the Apostolic Text in Nikolay Gogol's "Selected Places from Correspondence with Friends"	99
<i>Vinogradov I.A. (Moscow, Russia)</i> "Superfluous Men" of Russian Literature: New in the School Topic	108
<i>Voropaev V.A. (Moscow, Russia)</i> Where and When Gogol was Born: Returning to the Question	121
<i>Mikhaylova M.V. (Moscow, Russia)</i> The Multy-Voices Review on Lyubov Kopylova's Novel "A Patch-Blanket" (Moscow, 2018)	126
<i>Kirillova S.E. (Volgograd, Russia)</i> The Principles of Creating a Regional Katoikonymic Dictionary: An Alphabetical Part	141
<i>Lavrishchev I.V. (Moscow, Russia)</i> A. Fet's Poetry Discoveries in the Context of Artistic Researches of the European Impressionism	146
<i>Lochmelis E.R. (Moscow, Russia)</i> The Plot Invariant in Nikolay Karamzin's Later Prose	153

<i>Rybka M.S. (Moscow, Russia)</i> On Some Certain Phonetic Features of Spanish and Russian Children's Speech	162
<i>Shmulevich N.V. (Moscow, Russia)</i> The Pre-War Screen-Versions of Dostoevsky's Works.....	168

Bibliography

<i>Voropaev V.A. (Moscow, Russia)</i> The Bibliography of N.V. Gogol's Works and Literature about Him in Russian (2017)	175
<i>Sergienko O.S. (Saint Petersburg, Russia)</i> Thematic Bibliography of Slavonic-Germanic Paremiological Studies (2000–2018).....	218

Programs

<i>Voloshina O.A. (Moscow, Russia)</i> Materials for Self-Training of Foreign Students in the Course "Fundamentals of Linguistics"	231
<i>Chizhova L.A. (Moscow, Russia)</i> The Program of Discipline "The Theory of Comparative-Historical Linguistics"	268

Notes. Impressions

<i>Grinina E.A. (Moscow, Russia)</i> Galicia: Finisterre or the Crossroads?	277
<i>Fiannacca C.M., Dokukina Böbel A., Tongiani M. (Genoa, Italy)</i> A Letter to the Editorial Board.....	284

Critique. Bibliography

<i>Ruzhitskiy I.V. (Moscow, Russia)</i> Lukin V.A. 100 Tasks on Semiotics of a Text: Tutorial. Moscow. Flinta Publ. 2019. 144 p.....	289
<i>Solntseva N.M. (Moscow, Russia)</i> Harting J.E. The Ornithology of Shakespeare / Transl. by P. Tusharo. Moscow. Libra, 2019. 140 p.....	294

In Memoriam

Alexey V. Stepanov (15.02.1930 – 14.04.2019)	299
---	-----

Статьи

Articles

К.В. Лифанов (Москва, Россия)

Проблемные единицы фонологической системы словацкого литературного языка

Аннотация: В статье рассматривается судьба проблемных единиц фонологической системы словацкого литературного языка – вокалической фонемы [ä] и консонантной фонемы [ɾ], которые имеют значительные сходства в своей истории в новом литературном языке, но разные конечные результаты. Обе эти фонемы по разным причинам не были кодифицированы Л. Штуром, но одновременно введены в литературный язык в компромиссной «Краткой словацкой грамматике» 1852 г. Закрепление обеих фонем в литературном языке первоначально происходило сложно, причем с бóльшим успехом приживалась фонема [ä], так как в орфографии обозначающая ее буква довольно быстро стала употребляться в соответствии с кодификацией, а соответствующий звук стал знаком сценического произношения. В дальнейшем, однако, этот процесс приостановился, и звук ä, а также соответствующая фонема стали утрачиваться. В настоящее время мы наблюдаем заключительную фазу этого процесса. Закрепление фонемы [ɾ] в словацком литературном языке протекало неравномерно под влиянием орфографии. В настоящее время нормой является произношение ɾ в позиции абсолютного конца слова, перед согласным и перед гласным непредного ряда, в которых мягкость обозначается на письме, и произношение l перед гласными переднего ряда и i-образными дифтонгами, где мягкость специальным знаком не обозначается. Норма, однако, существенно расходится с действующей кодификацией, которая требует произносить ɾ в обоих случаях.

Ключевые слова: фонема, графема, кодификация, сценическое произношение, орфография, позиция

K.V. Lifanov (Moscow, Russia)

Problem Units of the Phonological System in the Slovak Literary Language

Abstract: The article discusses the fate of the problem units of the phonological system in the Slovak literary language. These are the vocal phoneme [ä] and the consonant phoneme [ɾ], that have significant similarities in their history in the new literary language, but different final results. Both of these phonemes were not codified by Ľ. Štúr for various reasons, but were simultaneously introduced into the literary language in the

compromise “Brief Slovak grammar” of 1852. The Fixing both phonemes in the literary language was initially difficult, but the phoneme [ä] was accustomed with great success, as in spelling the letter denoting its quickly began to be used in accordance with the codification, and the corresponding sound became a sign of stage pronunciation. Later on, however, this process stopped and the sound [ä] as well as the corresponding phoneme happened to be lost. We are currently witnessing the final phase of this process. The phoneme fixation of [ɹ] in the Slovak literary language went on unevenly under the influence of spelling. Currently, the norm of the pronunciation [ɹ] is in the position of the absolute end of the word, before the consonant and before the vowel of the non-front row, in which softness is indicated on the letter, and the pronunciation [l] is before the vowels of the front row and i-shaped diphthongs, where softness is not indicated by a special sign. The norm, however, differs significantly from the current codification, which requires the pronunciation [ɹ] in both cases.

Key words: phoneme, grapheme, codification, stage pronunciation, spelling, position

В орфоэпии современного словацкого литературного языка существует довольно значительное количество чувствительных зон, в которых нередки отклонения от литературного произношения. К их числу относятся, например, нарушения количества гласных, сбои в реализации ритмического сокращения долгих гласных, отсутствие противопоставления по долготе и краткости слоговых /ɾ/ и /l/, произношение на месте дифтонгов /ie/, /ia/, /iu/ сочетаний соответствующих кратких гласных с j, а на месте дифтонга /uo/ (графически ô) сочетания vo, произнесение в конце слога глухого согласного /f/ вместо билабиального /u/ и др. [Sabol 1997: 146]. Истоки этих проблемных зон в орфоэпии восходят к значительным различиям между словацкими диалектами. Поскольку в основе фонетической системы словацкого литературного языка лежит соответствующая система среднесловацкого диалекта, элементы других диалектов, в большом количестве проникающие в речь пользователей литературного языка, и создают указанные проблемы. Это проявляется даже на коллективном уровне, поскольку пользователи литературным языком одного региона часто имеют одни и те же отклонения от орфоэпических норм литературного языка, поэтому в последние десятилетия стали говорить о территориальных вариантах литературного языка и рассматривать их как региональные субстандарты [Slančová, Sokolová 2011; Patráš 2012].

Вместе с тем некоторые фонетические отклонения, характеризующие словацкий литературный язык, выходят за рамки орфоэпии и проецируются на фонологический уровень. Эти отклонения имеют не региональный, а общесловацкий характер, хотя, естественно, их истоками также являются различия диалектного характера. При этом такого рода явления обусловлены спецификой развития фонетической системы словацкого литературного языка и затрагивают прежде всего специфический словацкий звук «широкое открытое е», обозначаемый графемой ä и мягкое ɹ, но не особенности их произношения, а функционирование и соответствие системе.

Звук ä реально представлен в ряде говоров среднесловацкого диалекта главным образом в позиции после губных согласных как рефлекс праславянского *ĕ, а также спорадически на месте гласного а в позиции после заднеязычных согласных как результат их палатализации, проходившей предположительно в XII в. В окраинных оравских говорах на самом севере среднесловацкого региона, а также в

гемерских говорах на крайнем юго-востоке этот звук представлен значительно шире как рефлекс носового **ɛ̃* в позиции после любых согласных, а не только губных, а также на месте гласного *a* в позиции после заднеязычных (спорадически) и функционально мягких согласных [Štolc 1994: 24]. В этих же окраинных говорах его долгим коррелятом является «широкое открытое *e* долгое» [ǣ], тогда как в остальных говорах – дифтонг [ia].

В первой кодификации словацкого литературного языка А. Бернолака (1787–1790), введившего в литературный язык значительное количество среднесловацких элементов главным образом как допустимых наряду с основными западнословацкими [Лифанов 2013], звук *ä* кодифицирован не был несмотря на то, что ее автор был родом с самого севера среднесловацкого региона, где этот звук представлен особенно широко; ср. примеры: *maso, pat' / pét'* (совр. слов. *mäso, päť*; чешск. *maso, pět'*) [Bernolák 1964].

Стремление зафиксировать звук *ä* на письме при помощи специальной графемы проявляется стихийно еще до кодификации современного словацкого литературного языка, осуществленной в 40-е гг. XIX в. Л. Штуром, что мы наблюдаем, например, в записях словацких народных песен Я. Коллара и С.Б. Гробоня, стихотворении С. Халупки или даже в словакизированных чешских прозаических текстах М. Годры в альманахе «Зора» в 30–40 гг. XIX в.; ср. примеры:

Sedí ptašok vo vrbine, zima tam,
kedy *sä jä* mladej ženy dočekám?
Dočekám *sä* mladej ženy na jeseň,
keď odpadne drobný lístok s čerešieň.
Včera večer moja milá plakala,
že som zaspal pod obločkom do rána.
Neplač, milá, veď *tä* vezmem na jeseň,
keď, odpadne drobný lístok z čerešieň [Kollár 1953 / 1834–35: 421–422].

Šuhajova mati tak mi nëodkazuj,
Ale si synáčka ku stolu *priväzuj* [Hroboň 1841].

Mladá som ja, mladá
Umrjet' mi nesladně,
Škoda kvetu, škoda,
Čo před časom *vädně* (Халупка¹).

Slávný dohán *dorábäjú* Slováci v Štítníku (Četnek), v Rybě, při Ipli, a dobré í v Báčské stolici okolo Kulpína [Godra 1835: 231]; I tvých, panno, libých *zvädnú* ruže líček, a udů // Sklesne plnosť spanilá! [Godra 1835: 226]².

Тем не менее Л. Штур, считавший звук *ä* «ненастоящим дифтонгом», т. е. таким, в котором два гласных – *i* и *a* – сливаются воедино и слышатся как один *e*-образный звук, не включает его в фонетическую систему литературного языка вследствие его не слишком широкого распространения, «сомнительного характера» и происходящей в настоящее время утраты [Štúr 1953 (1846): 174]. Л. Штур заменяет этот звук либо на *e*, либо на *a*, которые удивительным образом состав-

¹ Данный фрагмент представляет собой отрывок из стихотворения, который не был включен автором ни в один из своих сборников стихотворений. Был опубликован Й. Шкультеты в 1910 г. [Škultéty 1910].

² М. Годра, издатель альманаха «Зора», выходившего в 1835–1840 гг. в Буде, предлагал собственные правила создания текстов, базой которых он видел чешский язык, куда активно включались словацкие и прежде всего среднесловацкие элементы, в их числе был и звук *ä* [Lifanov 2010].

ляют пару по краткости и долготе не с дифтонгом *ia*, как это представлено в говорах среднесловацкого диалекта, а с дифтонгом *ie* (графически *je*), например: *peta* (*pata*) ‘пятка’ – род. пад. мн. ч. *pjet* [Štúr 1953: 199]; в среднесловацком диалекте: *rāta* (*peta*) – *riat*. Это, вероятно, связано с тем, что Л. Штур не хотел усложнять корреляцию краткого и долгого согласного *e ~ ie*, вводя в литературный язык дополнительную корреляцию *e ~ ia*, реально существующую в говорах среднесловацкого диалекта, в которых отсутствует фонема [ä].

Критики кодификации Л. Штура практически сразу же высказались за включение этой графемы в словацкий литературный язык. Так, М.М. Годжа полагает, что в орфографии словацкого литературного языка должна быть представлена не только рассматриваемая графема, но и графемы *ö* и *ü*, которые, как и графема *ä* (помимо рефлекса **ę*), могут обозначать видоизмененные гласные непятого ряда в позиции после палатальных согласных [Hodža 1848: 92]. Автор «Краткой словацкой грамматики», объединившей в языковом отношении католиков и протестантов, М. Гаттала, изучив предложения М.М. Годжи, интуитивно осознает различие между звуком, обозначаемым графемой *ä*, с одной стороны, и звуками, обозначаемыми графемами *ö* и *ü*, – с другой. Последние представляют собой лишь варианты гласных непятого ряда в позиции после палатального согласного, поэтому М. Гаттала их отсекает. В звуке же *ä* он различает два явления: особый звук, выступающий как рефлекс праславянского **ę* в позиции после твердых согласных, и вариант фонемы [a] в позиции после мягкого согласного и практически совпадающий с ним по звучанию звук *ä* в той же позиции; ср. характеристику рассматриваемого звука: «*ä*, соответствующее старославянскому *ę*, в котором после твердых согласных *ia* сливаются в одном *e*-образном звуке, напр.: *mäso*, *räť*, *räta*, стсл. *měso*, *řeť*, *řeta*; после мягких же согласных он звучит практически как *a*, напр.: *jahňa*, *ovča*, стсл. *jagnię*, *ovčę*, поэтому он удерживается только после твердых согласных» [Krátka 1852: 2]. Таким образом, в составе орфографической системы словацкого литературного языка оказывается графема *ä*, обозначающая специфический звук, выступающий после твердого согласного и являющийся рефлексом праславянского **ę*. Однако даже к кодификации фонемы *ä* он подходит осторожно: при перечислении «мягких» в его терминологии гласных, т. е. гласных пятого ряда, звук *ä* он помещает в скобки: (*ä*), *e*, *i*, *í*, *ia*, *ie*, *iu* [Krátka 1852: 3]. Заметим, что никакие произносительные варианты этой фонемы в «Краткой словацкой грамматике» не допускались.

Графема *ä* довольно быстро прижилась в словацком литературном языке, причем использовалась она не только в лексемах, в которых представлен рефлекс **ę*. Этот факт вполне объясним, поскольку лишь небольшое количество пользователей словацкого литературного языка могло знать о происхождении рассматриваемого звука, а списки словарных слов с этим звуком и соответствующей графемой отсутствовали. Авторы могли руководствоваться ситуацией в известных им говорах, где этот звук был представлен не только как рефлекс **ę*. В результате широкое распространение получило неверное с этимологической точки зрения написание некоторых слов с графемой *ä*, что побудило С. Цамбела в своем грамматическом труде специально привести их правильное написание [Czambel 1902: 8]. Ср. примеры из трудов известного историка Ф.В. Сасинька [Sasinek 1867, 1869]:

Pätoro (совр. слов. *pätoro*) synov Kubratových podelili si vládu otcovskú [1867: 111]; Od III. storočia ale, *najmä* (совр. слов. *najmä*) po páde ríše hunskej, šírenie sa Slovanov smerovalo na severozápad, západových a juhovýchod... [1867: 129]; Po *opätných* (совр. слов. *opä-*

tovných) ich vpádoch vyslaný bol prpti nim Chilvud, veliteľ Thracie... [1867: 138]; U čoho je patrne, že sa tuná rozumie Dacia zahrňujúca do *sebä* (совр. слов. seba) Potisie a Sedmohradsko [1867: 145–146]; I strana vojvodov v šiky sa *staväla* (совр. слов. stavala sa); Vladislav s vojskom byhorským postavený bol na ľavé krielo... [1867: 62]; ...keď však Leo zahrozil mu s cirkevnou *klätbou* (совр. слов. kliatbou), v Tribure prijal výminky pokoja... [1869: 41]; Stranu Beloslavovu podporoval Kazimir *smäly* (совр. слов. smělý), kráľ poľský [1869: 45]; *Nechýbälo* (совр. слов. nechýbalo) i na buričoch, na čele ktorých stál Ján, syn nekďajšieho Vathu [1869: 46]; ...dal razit' z ryzého zlata peniaze vysokej ceny dl'a behu *peňäzí* (совр. слов. peňazi) byzantinských... [1869: 47]; Pokoj tento nebol porušený ani tým, že Vilem *hrábä* (совр. слов. gróf, чешск. hrábě) z Poitou, Ida, *hrábänka* (совр. слов. grófka, чешск. hráběnka) rakúska, Hugo veľký, Štefan z Burgundu a Velf z Bavor so svojimi križiakami tiahli cez Uhorsko [1869: 78] – V tom Uhri cez porúchané múry vrazili do *pomateného* (совр. слов. pomäteného, чешск. pomateného) mesta, a Nikitu, vödca Grékov a Bulharov, prinútili, utiahnuť sa do hradu [1869: 52].

Подобная ситуация сохраняется до конца XIX в., о чем, в частности, свидетельствует языковой материал газеты «Католицке новины», издававшейся в г. Трнава. Ср. примеры из номеров за 1889 и 1890 гг.

Jakisi bezbožníci napadli nedávno *pohrăbný* (совр. слов. pohrebný) prôvod, uchytili kríž s umrlčej truhly a hodili ho do rieky Tiberu [1890: 154]; Jesú teda výhl'ady, že pekny francúzsky národ *okrăje* (совр. слов. okreje) životom novým, kresťanským, pripomínajúc si práve stoeleté pamiatky pekelných hrôz krvavej války občanskej... [1889: 3]; Jednoho dňa, keď priadzú svoju do mesta odniesla a domov sa vracala, zočila naraz jednu vznešenú, skvostne oblečenú, útleho síce a milého, ale i *blădého* (совр. слов. бледého) obličaja pannu... [1890: 155]; Zajiste ľahšie je, *kărovať* (совр. слов. kerovať / karovať) do tichej vody «modlime sa», než na búrne more «a pracujeme», jako to pozorujeme na celek čiare Cirkvi katolickej [1890: 82]; Mrtvá piesočnatá púšť, bydlisko divých šeliem, zaznievala žalmami a piesňami nábožnými, leví sa premenili na *bărănkov* (совр. слов. baráňkov) [1890: 80]; Andrej mu tedy poslal sklenicu krásneho, žltého *mădu* (совр. слов. medu) a dal ho poprosiť, aby ho predsa len raz navštívil [1889: 71]; Štrnásťpatrový dom. ...Tak nedávno *vystavăt* (совр. слов. vystavať) si dal v Chicago istý bohatý Bostončan dom na štrnásť poschodí, mieňac väčky si plniť peniazmi prenájomníkov [1889: 72]; Ale sotvy že bolo hotové štrnaste poschodie, milá táto babylonská *văža* (совр. слов. вежа) skydla sa na kopu [1889: 72].

Из грамматики С. Цамбела, однако, мы узнаем, что в действительности в словацком литературном языке произошло лишь закрепление графемы ä, причем точно не определен круг лексем, в которых ее следует писать. В связи с этим он ограничивает ее написание только позицией после губных согласных: «Букву ä пишем только после согласных b, m, p, v; после других никогда» [Czambel 1902: 7]. Кроме того, он приводит слова и формы, в которых букву ä писать не следует: med, veža, teba, seba и др. [Czambel 1902: 8]. С. Цамбел также отмечает, что словаки испытывают значительные сложности при произнесении соответствующего звука, поэтому он поясняет, как этот звук нужно произносить: «Звук “ä” произносится как ea, т. е. e + a, произнесенные “залпом” быстро и резко, причем звук e слышится меньше, чем a... Вместо букв ä, ä¹ никогда не пиши сочетание ae» [Czambel 1902: 2]. При этом никаких замен этого звука другими звуками не допускалось, так как представлялось вполне перспективным его освоение пользователями литературного языка.

Вскоре, однако, ситуация начинает меняться. Уже в «Правилах словацкого правописания» 1931 г. [Pravidlá 1931] констатируется следующее: «Звук ä простой,

¹ С. Цамбел ввел также графему ä, которую предлагал фиксировать только в словах иностранного происхождения, например: grăsens, но уже в первых «Правилах словацкого правописания» 1931 г. [Pravidlá 1931] эта графема была упразднена.

не сложный. Это очень открытое е, которое при произнесении приближается к звуку а и/или имеет окраску е. У кого возникают сложности при произнесении ä, произноси е, напр. *peť, meso, mekký, vezenie* и т. п., но *svätý* произноси с а». [Pravidlá 1931: 27]. Таким образом, впервые допускается вариантное произношение графемы ä. Более радикальную точку зрения высказывает наиболее видный словацкий лингвист первой половины XX в. Л. Новак, который полагает, что носители говоров с гласным ä в фонетической системе должны его произносить и в литературном языке, тогда как остальным лучше заменять его на е или а. По мнению Л. Новака, для замены в большей степени подходит звук е, в том числе и в слове *svätý*. При этом он высказывает мысль о том, что, поскольку количество носителей говоров, в которых представлен звук ä, невелико, отсутствует какая-либо надежда на его закрепление в фонетической системе литературного языка, поэтому этот звук вообще можно было бы из нее исключить [Novák 1934–35: 47]. Л. Новак, в целом, был сторонником возврата к шутовской орфографии, в связи с чем упразднение графемы ä с этой точки зрения было совершенно предсказуемым предложением. При этом он полагал, что произносить графему е, заменившую графему ä, можно было бы и как е, и как ä [Novák 1936: 83].

Лидер словацких пуристов и автор «Правил словацкого правописания» 1940 г. Г. Бартек также не настаивает на обязательном произнесении звука ä. Единственным словом, в котором он обязателен, по его мнению, является слово *svätý*. В остальных же случаях вполне допустима его замена гласным е [Pravidlá 1940: 31]. При этом начинает выкристаллизовываться сфера, в которой рассматриваемый звук действительно употребляется. Этой сферой оказывается театр, а звук ä превращается в атрибут сценического произношения, в наибольшей степени характерного для Словацкого национального театра, находящегося в Братиславе.

Между тем процесса расширения частотности звука ä в речи пользователей словацким литературным языком не наблюдается. Более того, начинается процесс утраты этого звука, причем как в нейтральном, так и в высоком стиле словацкого литературного языка. Это отражается и на рекомендациях лингвистов о его произношении. Последней грамматикой словацкого языка, в которой авторы настаивают на необходимости его произношения, стала широко известная и много раз переиздававшаяся «Словацкая грамматика» 1953 г. [Pauliny, Ružička, Štolc 1955: 35]. В то же время сохранялась точка зрения о том, что звук ä следует исключить из фонетической системы словацкого литературного языка. Так, например, В. Бланар отмечает, что большая часть словаков не может этот звук правильно произносить, причем даже те лингвисты, которые требуют узаконить подобное произношение как единственно верное, в своей собственной повседневной речевой практике произносят обычное е [Blanár 1951: 27].

В середине 60-х гг. в Словакии все более ощущается необходимость официального кодификационного труда по орфоэпии, который все еще отсутствовал. Существовало несколько работ, посвященных орфоэпии литературного языка, но они отражали индивидуальные точки зрения авторов и не имели общеобязательного характера. В связи с этим актуальным стал вопрос о том, что должно стать основой словацкой орфоэпии, а выбор этой основы непосредственно затрагивал и произношение отдельных звуков, в том числе и ä. В то время уже существовала точка зрения, восходившая к работам прежде всего Г. Бартека [Bartek 1944] и Я. Станислава [Stanislav 1953], что такой основой должно стать сценическое произношение, характерное главным образом для актеров Словацкого национального

театра. При этом оба названных автора настаивали на том, что по крайней мере в сценической речи произнесение звука *ä* должно быть обязательным. Эту точку зрения отстаивал также А. Краль, который полагал, что данный звук должен быть использован как стилистическое средство, а именно – как элемент высокого стиля [Kráľ 1964]. На возражение, что звук *ä* произносят не все актеры Словацкого национального театра, а только носители говоров, в котором этот звук присутствует, А. Краль отвечал, что актеры обучаются своей профессии и в процессе овладения актерским мастерством они должны научиться произносить и этот звук.

Против принятия за основу орфоэпии литературного языка сценической речи выступил Й. Лишка, который отметил, что сценическое произношение по сути является произношением старшего поколения интеллигенции среднесловацкого города Мартина. Городская речь, однако, не остается неизменной, поэтому основой орфоэпической нормы должна стать речь образованной мартинской молодежи. В отношении же гласного *ä* Й. Лишка заявляет, что его использование в литературном произношении в настоящее время большую часть словаков «удивляет» и вызывает у них «смешанные чувства», причем даже у мартинской молодежи, поэтому в будущей кодификации литературного произношения этого звука не должно быть, хотя его можно использовать на сцене для характеристики героев [Liška 1964: 201–202].

Л. Двонч соглашается с критическим отношением Й. Лишки к тому, чтобы основой кодификации литературного произношения стала сценическая речь, однако он выступает против того, чтобы орфоэпия литературного языка базировалась на городской речи Мартина и вообще – исключительно на среднесловацкой основе. По его мнению, словацкий литературный язык используется всеми словаками, а при вышеназванном подходе словаки, проживающие в Западной и Восточной Словакии, оказываются лишь пассивными реципиентами литературного языка. В действительности же в формировании нормы литературного языка принимают участие все словаки, поэтому, с его точки зрения, необходимо изучить реальное состояние литературного языка в разных регионах Словакии и на основе результатов этого изучения кодифицировать орфоэпию литературного языка [Dvonč 1965: 144]. Понятно, что при таком подходе места для звука *ä* в фонетической системе словацкого литературного языка не нашлось бы.

В целом можно констатировать, что уже в середине 60-х гг. XX в. ситуация с произношением звука *ä* была критической, о чем, в частности, свидетельствует высказывание школьного учителя В. Кривоша, который отмечает, что его верное произнесение можно услышать редко. «Учеников мы его не научили произносить. Это не удивительно, когда мы сами его не используем... Как же нам его воскресить и удержать!» (цит. по: [Dvonč 1965: 150]). И далее он подчеркивает, что даже если бы учитель произносил звук *ä*, отсутствовали бы какие-либо гарантии того, что ученики освоят такое произношение, потому что везде в своем окружении – в семье, по радио и телевидению, в театре и кинотеатре – они слышат, как правило, обычное *e* [там же].

Написанием кодификационного пособия по словацкой орфоэпии занимался А. Краль, первоначально сторонник обязательного произношения звука *ä* в сценической речи. Вероятно, его точка зрения нашла поддержку Э. Паулини, который интерпретирует этот звук как элемент «высшего» стиля, как факультативный стилистический вариант или часть устаревшей нормы [Pauliny 1979: 128]. В 1979 г. в качестве пробного варианта кодификации выходит «Настольный словарь сло-

вацкого произношения» [Kráľ 1979], а в 1984 г. – «Правила словацкого произношения» [Kráľ 1984], являющиеся кодификационным пособием по орфоэпии литературного языка до настоящего времени. А. Краль вводит понятие надстандарта, к которому он относит звук *ä*, и слова с этим звуком приводит в качестве орфоэпических вариантов, помечает их звездочкой (*) и не требует обязательного произнесения этого звука.

Между тем к этому времени утрачивается и восприятие звука *ä* как части сценического произношения, о чем свидетельствуют заметки В. Углара, присутствовавшего на общесловацком конкурсе молодых чтецов «Кубин Гвездослава» и отметившего, что чтецы вообще не произносили звук *ä*, что, по мнению автора, необходимо в высоком стиле словацкого литературного языка [Uhlár 1980a, 1980b]. Это, однако, был уже, пожалуй, последний призыв произносить звук *ä* хотя бы в сценической речи.

В последующее время в теоретической плоскости появилась интерпретация словацкой фонологической системы как состоящей из двух норм: основной, под которой понимается пятичленная система кратких фонем в виде треугольника без фонемы [*ä*], и вторичной, изображаемой в виде прямоугольника и включающей в себя фонему [*ä*] [Sabol 1989: 134–180].

Кодификация произношения до нашего времени не изменилась, однако следует отметить, что процесс утраты словацким литературным языком находится в завершающей стадии. Носители словацкого литературного языка воспринимают сейчас этот звук как диалектный. В «Правилах словацкого правописания» 2000 г. уже не отмечаются особенности произношении звука / звуков, обозначенных графемой *ä*, а в основном современном учебнике словацкого языка для иностранцев констатируется, что *ä* является лишь графемой, обозначающей звук *e*: *päť* [*peť*], *mäso* [*meso*], *deväť* [*deveť*], *bábätko* [*bábetko*] [Kamenárová a kol. 2007: 13].

Таким образом, завершается история фонемы [*ä*] в словацком литературном языке, которая, несмотря на усилия языковедов, не смогла стать полноценным компонентом его фонологической и фонетической систем и в настоящее время близка к полному исчезновению. Графема же *ä* практически превратилась в элемент орфографии аналогично графемам *u* и *ý*, а прямоугольная схема кратких вокалических фонем словацкого литературного языка фактически превратилась в треугольную:

i	u		i	u
e	o	>	e	o
ä	a		a	

При этом графема *ä* остается необходимой, так как сигнализирует то, что при продлении обозначаемый ею звук изменяется в дифтонг *ia*, а не *ie*. Кодификация же остается прежней, что можно объяснить тем, что фонема *ä* является одним из ярких дифференциальных признаков словацкого языка, поэтому решиться на его упразднение из фонологической системы литературного языка психологически сложно.

Мягкое *ľ* в говорах словацкого языка имеет значительно большее распространение, чем *ä*, поскольку оно встречается не только в среднесловацком диалекте, но и в восточнословацком и даже в ряде северных говоров западнесловацкого диалекта. Спецификой его распространения в среднесловацком диалекте является то, что в речи жителей среднесловацких городов оно утратилось, приобретая таким образом признак речи сельского населения. Так, Я. Станислав писал о том, что в центральном Липтове, говоры которого наиболее близки словацкому литературному языку, мягкое *ľ* считается неэстетичным звуком и признаком деревенского происхождения говорящего [Stanislav 1932: 199].

Несмотря на это, мягкое *Ľ* было включено А. Бернолаком в состав консонантной системы первой кодифиции словацкого литературного языка (1787 г.). При этом, заметим, реализация мягкого *Ľ* в кодификации А. Бернолака была непоследовательной и имела заметные отклонения от его функционирования в среднесловацком диалекте [Lifanov 2013: 180–181]. Последователи же А. Бернолака воспринимали звук *Ľ* неоднозначно, поэтому в более поздних бернолаковских текстах он начал утрачиваться [Лифанов 2012/13: 258–260].

Кодификатор нового словацкого литературного языка Л. Штур (1844 г.) негативно оценивает возможность включения мягкого *Ľ* в фонетическую систему словацкого литературного языка. По его мнению, этого не позволяет сделать то, что названный звук встречается в речи лишь небольшого числа словаков, да и у них он исчезает. Кроме того, этому препятствует и эстетическое восприятие мягкого *Ľ*: вследствие того, что этот звук «слишком растекается», он производит впечатление неприятного звука детской речи, поэтому из «чистого словацкого языка» его необходимо исключить. Сразу же после выхода «Науки о словацком языке» Л. Штура, однако, высказывается и иная точка зрения, согласно которой мягкое *Ľ* должно быть представлено в фонетической системе словацкого литературного языка. Это мнение сначала высказывает протестант М.М. Годжа, а затем повторяет в своей написанной на латинском языке грамматике католик М. Гаттала [Jóna 1946: 105]. В компромиссной кодификации словацкого литературного языка 1852 г., объединившей в языковом отношении протестантов и католиков, этот звук был включен в его фонетическую систему.

Мягкое *Ľ*, однако, с трудом «приживалось» в новом литературном языке. Так, например, в труде известного историка Ф.В. Сасинька при обозначении *Ľ* находим отклонения:

...keď však Leo zahrozil mu s cirkevnou *klätbou* (совр. лит. *kliatbou*¹), v Tribure prijal výminky pokoja... [Sasinek 1867: 41]; Salamon dobre znájuc, že vojvodovia nenechajú ho na pokoji, sobral bez oddychu pozostalé vojsko svoje a opevnil hrad Mútnenský (Mošošský) a Bratislavský, aby sa aspoň *dotial* (совр. лит. *dotiaľ*) udržať mohol, dokiaľ mu opäť dáka nemecko-česká pomoc nepride [Sasinek 1867: 65]; Ostatné sni svoje v *žialu* (совр. лит. *žiaľ*) a *bôlu* (совр. лит. *bôľ*) dokonala a pohrbený bol v Pečuchove [Sasinek 1869: 37]; Pred smrťou sv. Štefana musel i on s Andrejom a Leventom, uprchnúť do Čiech, *odtialto* (совр. лит. *odtiaľto*) do Poľska, kde sa tiež oženil [Sasinek 1869: 38–39]; Ty – obrátený k Vidovi pokračoval – *schvaluješ* (совр. лит. *schvaľovať*) pánu a kráľovi svojmu vedenie krvavej války s jeho pokrevnými [Sasinek 1869: 60].

В конце XIX в., в критический период развития словацкого литературного языка, когда его нормы были существенно расшатаны, ситуация с отражением мягкого *Ľ* достигла наивысшей точки неопределенности. Как показывает материал газеты «Католицке новины» за 1890 г., многие авторы обозначали мягкость этого согласного произвольно, поэтому в большом числе примеров, где оно должно быть обозначено, мы обнаруживаем его отсутствие, и, напротив, статьи из этой газеты изобилуют примерами его неверного обозначения:

Že som vychovateľke trirazy *noclah* (совр. лит. *nocľah*) dala, ano, to je pravda, to nemôžem tajiť; ...klesol na *postel* (совр. лит. *posteľ*), nevediac ani sám o sebe, ani o celom svete; Avšak neutrácajme *mysel* (совр. лит. *myseľ*) pri smutnom pohľade tohto; *Chválme* (совр. лит. *chváľme*) Boha vo svätých Cyrillu a Methodovi!; Jeden *polovnik* (совр. лит. *poľovník*)

¹ Перед гласными переднего ряда *e* и *i*, а также дифтонгами *ie*, *ia*, *iu* мягкость согласных не обозначается. В приведенном же примере согласный *l* является твердым, поскольку в актуальной в то время кодификации графема *ä* была невозможна после мягкого согласного.

zablúdil na honbe od spoločníkov svojich; Hneď počula, že je *pytlákom* (совр. лит. pytliak), hneď zase o ňom vraveli, že sa k zlodejom a lúpežníkom pritovaryšil; Máme jeho srdce a poctivé mravy *dovolovať* (совр. лит. dovoľovať) tráviť a kaziť?;

Je však istý *rozdiel* (совр. лит. rozdiel) medzi opatrnosťou, ktorá vo verejnom, a tou, ktorá v súkromnom živote potrebná je; Kto uznáva totiž učenie Cirkve za *neomylné* (совр. лит. neomylný) pravidlo viery svojej, ten prijíma všetko, čo Cirkev učí...; ...útle opatrovanie každej zvláštnosti spojoval s obetivým *myslom* (совр. лит. zmysel) pre všeobecnosť...; S malou *odchýlkou* (совр. лит. odchýlka) foriem tak samo v gréčtine, čo však rozberať nenie tuná na mieste; Anđel ohnivou *strelou* (совр. лит. strela) jej ho poranil; Poliaci podali v pruskom sneme školský návrh vyzývajúci vládu, aby zrušila nálezy, ktorými sa materinská reč dietok zo školského vyučovania *vyľučuje* (совр. лит. vylučovať).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в речи авторов этих текстов мягкое Ё отсутствовало, так как они имели проблемы с обозначением или необозначением этого звука в конкретных лексемах. Это подтверждает «Руководство по словацкому языку» С. Цамбела, выполнявшее функцию кодификации словацкого литературного языка в первые десятилетия XX в. Его автор аналогично словарным словам, в которых пишутся *i* (*i*) и *y* (*y*), обозначающие один звук, приводит также списки слов с твердым *l* и мягким *ľ* [Czambel 1902: 17–21]. Иными словами, для многих носителей словацкого литературного языка различие между твердым *l* и мягким *ľ* существовало лишь на уровне орфографии.

В первые десятилетия XX в. в словацком литературном языке все же происходит некоторая стабилизация позиции мягкого *ľ* (во всяком случае в области орфографии), хотя проблемы продолжают сохраняться. Одна из причин этого кроется в том, что в это время в средних и даже начальных школах в Словакии вследствие отсутствия собственных кадров преподавали педагоги из Чехии и Моравии, которые сами не владели правильным произношением этого звука, так как в чешском языке он отсутствует. В связи с этим на литературную речь сильное влияние оказывал родной диалект учеников, поскольку они не приобретали необходимые произносительные навыки в школе. В результате происходил перенос диалектных позиций смягчения парных согласных по твердости-мягкости, включая пару *l* ~ *ľ*, в литературный язык, на что указывал Л. Новак, который отмечал, что носители западнословацкого диалекта не должны забывать о том, что в словацком литературном языке мягкие *d*, *t*, *ň* представлены в значительно большем объеме, тогда как носителям восточнословацкого диалекта и многих среднесловацких говоров, особенно из Новограда и Гемера, напротив, следует использовать мягкое *ľ* только в сочетаниях *ľe*, *ľi*, *ľie*, *ľia*, *ľiu*, а также там, где оно графически обозначается, т. е. в типах *vôľa*, *ľud* [Novák 1934–35: 55].

«Правила словацкого правописания» 1940 г. [Pravidlá 1940] не вносят никаких изменений в произношение рассматриваемых сочетаний звуков. Однако языковеды проявляют серьезное беспокойство в связи с реальной ситуацией с произнесением мягкого *ľ* и видят в этом прямое следствие изучения словацкого языка в школах. Так, В. Углар отмечает, что в школах ученики прежде всего обучаются правильно писать, но их не учат правильно произносить. В результате у учеников возникает связь орфографии с произношением. Следствие этого проявляется, например, в том, что восточнословацкие гимназисты без проблем употребляют мягкое *ľ*, когда они говорят на диалекте, но когда они начинают говорить на литературном языке, частотность этого звука существенно снижается, так как они за-

меняют его твердым *l* в позициях, в которых мягкость не обозначается, т. е. перед гласными переднего ряда [Uhlár 1940: 208].

После Второй мировой войны проблема мягкого *Ľ* в словацком литературном языке не снимается. Авторы подчеркивают необходимость его сохранения в словацком литературном языке, причем не только как графемы, но и как самостоятельного звука, несмотря на то что оно «продолжает утрачивать свои позиции как в литературном языке, так и в говорах» [Dvonč 1949–50]. При этом, однако, отмечается, что мягкое *Ľ* продолжает преобладать в западнословацком тренчинском Поважье, многих среднесловацких говорах и в восточнословацком диалекте в целом [Habovštiak 1952–53]. При этом исследователи обращают внимание на то, что ситуация начинает развиваться по-разному в позициях, в которых мягкость графически обозначается и не обозначается. Не случайно А. Габовштык исследует распространение мягкого *Ľ* именно в группах *le, li* [ibid], а В. Углар прямо заявляет о том, что именно необозначение мягкости способствует тому, что ослабевает положение фонемы [*Ľ*] в системе консонантизма словацкого литературного языка, поскольку многие его носители вместо звука *Ľ* произносят твердое *l* [Uhlár 1958]. Таким образом, обозначается проблема, которая во всей остроте предстает уже через десятилетие.

Возникшая проблема восходит к «Краткой словацкой грамматике» [Krátka 1852]. До нее в словацком литературном языке была представлена иная система обозначения мягкости парных мягких согласных. В орфографической системе как А. Бернолака, так и Л. Штура мягкость согласного обозначалась в обязательном порядке, так как в ней отсутствовали графемы *u* и *ú*, использующиеся в чешском литературном языке для этимологического обозначения соответствующих звуков, совпавших в процессе развития фонетических систем обоих языков соответственно со звуками *i* и *í*. Введение же этих графем в словацкий литературный язык делало избыточным обозначение мягкости согласных, поскольку их мягкость за некоторыми исключениями сигнализируют графемы *i* и *í*. По аналогии со звуками *i* и *í* мягкость также перестали обозначать и перед гласным *e*, так как чешская графема *ě* в словацкий литературный язык введена не была, что создало определенные проблемы при чтении текстов, поскольку в диалектах словацкого языка палатализация согласных происходит в разных позициях, которые определяются происхождением названных гласных. Спустя почти столетие изменение принципа обозначения мягкости согласных породило проблему произнесения согласного *l* перед гласными *e* и *i* и дифтонгами *ie, ia, iu*.

Эта проблема обсуждалась в дискуссии 1952–1953 гг. о разрабатываемых новых «Правилах словацкого правописания». Я. Горецкий и Ш. Пециар предложили допустить произношение сочетаний *le, li, lie, lia, lia* без смягчения *l* в качестве равноценного *Ľ*, обосновывая это тем, что оно чрезвычайно распространено среди словаков. Авторы подчеркивают, что для значительной части словаков мягкое *Ľ* не является звуком, усваиваемым в детстве, поэтому они должны овладеть его произношением в школе. К сожалению, обучение в школе нацелено главным образом на орфографию, а не на произношение; в учебных пособиях, как правило, указывается, в каких позициях следует писать мягкое *Ľ*. В результате школьники начинают произносить этот звук именно там, где обозначена мягкость. На упрек в том, что кодификация твердого *l* в указанных позициях будет уступкой западнословацкому произношению, они отвечают, что западнословацкое произношение нельзя априорно считать недопустимым в литературном языке, тем более что це-

лый ряд явлений западнословацкого диалекта в литературном языке представлен, став элементами общенациональными. Также они отмечают все возрастающее влияние на литературный язык речи столицы страны города Братиславы, расположенного в Западной Словакии, и западнословацкие элементы проникают даже в речь дикторов радио и телевидения [Horecký, Peciar 1952–53: 44–46]. Однако несмотря на то, что Ш. Пециар являлся главным редактором «Правил словацкого правописания» 1953 г. [Pravidlá 1953] и в первоначальном их варианте был пункт о двояком произношении *l* перед гласными переднего ряда, в окончательном варианте это предложение принято не было.

Во время дискуссии об основе орфоэпии словацкого литературного языка отмечалось, что даже в речи носителей словацкого литературного языка, включая известных актеров, деятелей культуры и ведущих языковедов, наблюдается чрезвычайная пестрота в произнесении рассматриваемых сочетаний: одни из них произносят мягкое *ľ* в соответствии с действующей кодификацией, другие, напротив, согласный *l* последовательно не смягчают, а в речи третьих твердое *l* и мягкое *ľ* варьируются без каких-либо закономерностей [Liška 1964].

В начале 70-х гг. XX в. было проведено исследование функционирования словацкого литературного языка в Восточной Словакии, которое выявило, что даже для носителей восточнословацкого диалекта, в котором представлено мягкое *ľ*, его произношение приобретает маркированный характер и ассоциируется именно с диалектом, поэтому, говоря на литературном языке, восточные словаки перестают его произносить [Brabcová 1971]. Новейшие исследования в этой области показывают, что ситуация с произношением мягкого *ľ*, в частности в Восточной Словакии, не изменилась или даже усугубилась, причем наиболее проблемным остается произношение мягкого *ľ* в сочетаниях *le, li, lie, lia, liu* [Kraviarová 2012].

В официальной кодификации словацкой орфоэпии требуется обязательное произнесение перед гласными переднего ряда мягкого *ľ* [Kráľ 1984], однако разные точки зрения на эту проблему продолжают сохраняться. Так, Я. Финдра предлагает вновь вернуться к обсуждению допустимости двоякого произношения мягкого *ľ* перед гласными переднего ряда, подчеркнув, что следует учитывать реальную ситуацию, а приказами и инструкциями изменить положение дел невозможно [Findra 2011: 60]. Э. Тибенска полагает, что произнесение мягкого *ľ* в настоящее время является надстандартным, а произнесение твердого *l* в этих сочетаниях уже считается стандартным [Tibenská 2012: 35]. Заметим, однако, что официального подтверждения этого в кодификации отсутствует. Но понятно, что произнесение твердого *l* перед гласными переднего ряда в словацком литературном языке в настоящее время является нормой. Исходя из того, что кодификация литературного языка стремится отражать его норму, представляется, что это явление должно быть узаконено в литературном языке. Однако при этом возникают проблемы, связанные с положением мягкого *ľ* в фонологической системе словацкого литературного языка, в котором представлены четыре парные согласные по твердости – мягкости: *t ~ t', d ~ d', n ~ ň* и *l ~ ľ*. Нормой словацкого литературного языка является смягчение парных по твердости – мягкости согласных в определенных грамматических формах, например, в дат. и предл. падежах существительных женского рода твердой разновидности. В отношении первых трех указанных выше согласных это правило последовательно реализуется, однако в отношении согласного *l* не работает. Ср. примеры: *cesta* «дорога» ~ *ceste* [cest'e], *brada* «борода» ~ *brade* [brad'e], *stena* «стена» ~ *stene* [st'eňe], *no stodola* «амбар» ~ *stodole*

[stodole]. Более того, в некоторых грамматических формах происходит отверждение мягкого согласного перед гласным переднего ряда! Например, в формах косвенных падежей в парадигмах существительных женского рода с нулевой флексией в им. падеже ед. числа (oseľ «сталь» ~ род. ед. ocele [ocele], čereľ «лезвие» ~ род. ед. čerele [čerele]) или в им. падеже мн. числа неодушевленных¹ существительных мужского рода (motýľ «бабочка» ~ motýle [motýle], hýľ «снегирь» ~ hýle [hýle]). Кроме того, в словацком литературном языке уже существует кодифицированное отклонение в функционировании пары l ~ ľ. Как известно, наличие в конце основы твердого или мягкого согласного определяет включение существительного в парадигму склонения твердой или мягкой разновидности. В указанной же паре согласных, однако, фиксируется сбой, поскольку неодушевленные существительные мужского рода с основой на твердое l могут склоняться по твердой, смешанной и мягкой разновидности; см. примеры: им. пад. ед. ч. kokteil «коктейль», hotel «гостиница», bicykel «велосипед»; им. пад. мн. ч. kokteily, hotely, bicykle; предл. пад. ед. ч. kokteile, hoteli, bicykli².

В самое последнее время в словакистике получает распространение точка зрения, согласно которой в словацком литературном языке представлены не два, а три вида l: твердое, полумягкое и мягкое. Эта точка зрения восходит еще к работе Б. Галы «Основы словацкого произношения и его сравнение с чешским произношением» / «Základy výslovnosti slovenské a srovnání s výslovností českou» (Praha, 1929) [Ondrejovič 2011: 43] и находит подтверждение в экспериментальных исследованиях, проводимых при помощи специальной аппаратуры [Pavlík 2010: 156]. При этом данное явление определяется как коартикуляция (аккомодация) и наблюдается как факультативное явление в позиции перед гласными переднего ряда и указанными дифтонгами, а потому для решения рассматриваемой нами проблемы оно нерелевантно, так как не имеет отношения к фонологическому уровню.

Таким образом, перед кодификаторами словацкого литературного языка стоит сложная задача. С одной стороны, кодификация должна отражать норму, что подчеркивается в ее определениях, поэтому решение данной проблемы не представляется сложным. С другой стороны, в результате устранения из нее гласного ä словацкий язык лишится одной из наиболее ярких черт, выделяющих его среди других славянских языков, а в случае допущения отсутствия смягчения согласного l будет узаконено очевидное нарушение системы, еще более ослабляющее положение пары l ~ ľ. Представляется чрезвычайно интересным, какой выход из данной ситуации будет найден.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Лифанов К.В. Метаморфозы кодификации А. Бернолака // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2012/13. № 69. Heft 2. S. 247–280 / Lifanov K.V. Metamorphoses of A. Bernolák Codification. Zeitschrift für Slavische Philologie. 2012/13. No 69. Heft 2, S. 247–280.

Лифанов К.В. Проблема диалектной основы словацкого литературного языка, кодифицированного А. Бернолаком // Славяноведение. 2013. № 1. С. 83–90 / Lifanov K.V. The Problem of Dialect Basis of the Slovak Literary Language Codified by A. Bernolák. Slavyanovedenie. 2013. No 1, pp. 83–90.

¹ Названия животных мужского рода в словацком литературном языке при нейтральном употреблении в ед. числе склоняются как одушевленные, а во мн. числе как неодушевленные существительные.

² Курсивом выделены формы, образованные по мягкой разновидности склонения.

- Bartek H. (1944) Správna výslovnosť slovenská (aj s výslovnostným slovníkom). Bratislava – Turč. Sv. Martin: Ján Horáček. 1944. 316 s.
- Bernolák A. Slovenská gramatika. In: Pavelek J. (ed.). Gramatické dielo Antona Bernoláka. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 1964, ss. 113–424.
- Blanár V. Dejiny jazyka a periodizácia dejín slovenčiny. *Jazykovedný sborník*. 1951. No 5, ss. 10–29.
- Brabcová R. Mluvená spisovná slovenština. *Naše řeč*. 1971. No 54. Č. 1, ss. 48–51.
- Czambel S. (1902) Rukoväť spisovnej reči slovenskej. Turčiansky Sv. Martin: Kníhtlačiar-sky uč. spolok. 1902. 375 s.
- Dvonč L. O niektorých problémoch slovenskej výslovnosti. *Slovenská reč*. 1965. No 30. Č. 3, ss. 143–153.
- Findra J. Mäkkostná korelácia a spoluhláska ľ. *Slovenská reč*. 2011. No 76. Č. 1–2, ss. 56–62.
- Godra M. (ed.). Zora. Almanach. V Budíně: Král. univers. tiskárna. 1835. 284 s.
- Hodža M.M. (1848) Větín o slovenčině. Levoča: J. Werthmüller. 100 s.
- Horecký J., Peciar Š. K jednotlivým bodom novej pravopisnej úpravy. *Slovenská reč*. 1952–53. No 43, ss. 35–47.
- Hroboň S.B. Slovenské pesničky. Sielnica, 1841 (rukopis).
- Jóna E. Poznámky k návrhom na reformu slovenského pravopisu (Pokračovanie). *Slovenská reč*. 1946. No 12. Č. 3–4, ss. 103–113.
- Kamenárová R., Španová E., Tichá H., Kleschtová Z., Mašaťová M. (2007) Krížom krážom. Slovenčina A1. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta. 190 s.
- Katolícké noviny. 1889–1890.
- Kollár J. (1953) Národné spievanky, Diel I, II. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 687 s.
- Kráľ Á. O kultúre slovenskej výslovnosti. *Kultúrny život*. 1964. No 19. Č. 31, s. 8.
- Kráľ Á. (1979) Príručný slovník slovenskej výslovnosti. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. 648 s.
- Kráľ Á. (1984) Pravidlá slovenskej výslovnosti. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. 632 s.
- Krátka mluvnica slovenská. V Prešporku: Schmid. 1852. 65 s.
- Lifanov K. Almanach Zora a štúdium dejín spisovnej slovenčiny. *Opera Slavica. Slavistické rozhledy. Jazykovedný sešit*. 2010. No XX, ss. 34–42.
- Lifanov K. Kodifikácia Antona Bernoláka a jej realizácia v praxi (na príklade párovýchmäkkých spoluhlások). V: Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica, LXXII. Slovo a tvar v štruktúre a v komunikácii. Bratislava. 2013, ss. 179–192.
- Liška J. O niektorých problémoch slovenskej spisovnej výslovnosti. *Slovenská reč*. 1964. No 29. Č. 4, ss. 193–210.
- Novák Ľ. K základom slovenskej ortoepie. *Slovenská reč*. 1934–35. No 3. Č. 2–3, ss. 42–65.
- Novák Ľ. Návrat k štúrovskému pravopisu. *Slovensko*. 1936. No 3, ss. 81–84.
- Ondrejovič S. Problém palatálneho / nepalatálneho ľ / l v spisovnej slovenčine najmä v pozíciách pred e, i. V: Žigová Ľ. – Vojtech M. (editori). Slovenčina (nielen) ako cudzí jazyk v súvislostiach. Pri príležitosti životného jubilea doc. PhDr. Jany Pekarovičovej, PhD. Bratislava. 2011, ss. 43–54.

Patráš V. K dynamike noriem v hovorenej komunikácii obyvateľov centrálnej časti stredného Slovenska. V: Gálisová A. (ed.) Dynamika spoločenských zmien a stratifikácia národného jazyka. Zborník príspevkov z konferencie konanej 13.04.2010 v Banskej Bystrici. Banská Bystrica. 2012, ss. 69–81.

Pavlík R. Akustické a auditívne vlastnosti slovenských laterálnych konsonantov i, ľ. Spektrálne parametre pred e, i, í, ia, ie, iu v domácich slovách. *Slovenská reč*. 2010. No 75. Č. 3, ss. 143–158.

Pauliny E., Ružička J., Štolc J. (1955) Slovenská gramatika. Martin: Vydavateľstvo Osveta. 103 s.

Pauliny E. (1979) Slovenská fonológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. 216 s.

Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom. Turč. Sv. Martin: Matica slovenská. 1931. 37 s.

Sabol J. (1989) Syntetická fonologická teória. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra. 253 s.

Sabol J. Dynamika fonickej sústavy slovenčiny v ostatných desaťročiach. V: Zborník SAS. XXXIII. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta. 1997, ss. 137–147.

Sasinek F.V. (1867) Dejiny drevných národov na území terajšieho Uhorska. V Skalici: tlač F.X. Škarnicl a synov. 254 s.

Sasinek F.V. (1869) Dejiny kráľovstva uhorského, Diel I. V Banskej Bystrici: F. Machold. 354 s.

Slančová D., Sokolová M. Návrat k varietám hovorenej podoby slovenčiny na východnom Slovensku po pätnástich rokoch. V: Ološtiak M., Ivanová M., Slančová D. (ed.). Vidy jazyka a jazykovedy. Na počesť Miloslavy Sokolovej. Prešov. 2011, ss. 341–357.

Stanislav J. (1932) Liptovské nárečia. Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská. 562 s.

Stanislav J. (1953) Slovenská výslovnosť: príručka pre umelcov a iných verejných pracovníkov. Martin: Osveta. 295 s.

Škultéty J. Literatúra a umenie. *Slovenské pohľady*. 1910. No 30, ss. 380–384.

Štolc J. (1994) Slovenská dialektológia. Bratislava: Veda, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 179 s.

Štúr Ľ. Nauka reči slovenskej. V: Štúr Ľ. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Slovenčina naša. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 1957, ss. 153–253.

Tibenská E. (2012) Slovenčina v zrkadle vnútorných a vonkajších vzťahov. Slovački jezik u zrcalu unutrašnjih i vanjskih odnosa. Zagreb: FF press. 152 s.

Uhlár V. Slovenské ľ (príspevok k slov. ortoepii, k nápravným cvikom). *Slovenská reč*. 1940. No 8. Č. 7–9, ss. 204–211.

Uhlár V. Recitácia – umenie, hodnotenie – škola (alebo Fejtón celkom zo života). *Javisko*. 1980a. No 12, ss. 269–270.

Uhlár V. Detskí recitátori na Hviezdoslavovom Kubíne. *Javisko*. 1980b. No 12, ss. 5.

Сведения об авторе:

Константин Васильевич Лифанов,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Konstantin V. Lifanov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lifanov@hotmail.com

В. Митевски (Скопје, Македонија)

Вилаго (жена воин) во византиската и македонската епска поезија

Анстракт: 1. Во традиционалната индоевропска епска поезија мажот-херој зазема централно и самостојно место додека жената како лик по правило е врзана за мажот и тоа како мајка на херојот, сопруга на херојот и сл. Исклучок од тоа правило е жената-воин (virago) која единствено истапува како самостојна и независна фигура.

2. Во најпознатиот византиски еп за Дигенис Акрит, покрај секојдневните женски ликови (мајка, сопруга) кои се зависни од мажот, се јавува и типичната фигура на вилаго во ликот на Амазонката Максимо. Влегувајќи во двобој со главниот херој Дигенис, таа ќе биде поразена од него, но во исто време ќе го заведе херојот и ќе го победи и понижи на морален план заради што на крајот тој ќе ја убие.

3. Во македонските епски песни за херојот Марко Крале (запишани во XIX век) се јавуваат повеќе ликови на жени-воини кои се борат со главниот херој. За споредбена анализа најпогодна е песната под наслов *Марко ја погубува невестата на Секула детенце* во која типичната вилаго е поразена во борбата со маж, го заведува противникот и тој ја зема за сопруга, но на крајот, сепак е убиена од Марко бидејќи му нанела понижувачки пораз од жена.

4. Ликот на вилаго во византиската и во македонската епска поезија веројатно е обликуван врз основа на некој истоветен архаичен мотив (тематски образец), но на идеен план тој сведочи за трагичната судбина на жената која во херојскиот свет на мажите се обидува да ги напушти наметнатите норми на заедницата и да истапи како самостојна човечка личност.

Клучни зборови: епска поезија, жена-воин, вилаго, Дигенис Акрит, Марко Крале, двобој, еманципација, трагизам

V. Mitevski (Skopje, Macedonia)

Virago (Woman-Warrior) in Byzantine and Macedonian Epic Poetry

Abstract: 1. In traditional Indo-European poetry, the man (hero) is central and independent, while a woman's character, as a rule, is associated with the man – as hero's mother, hero's wife etc. The exception of this rule is the woman warrior (virago) – the only one who steps forward as autonomous and independent character.

2. In the most known Byzantine Epic of Digenes Akritas, apart from everyday female characters (mother, wife) who are dependent on the man, there is a typical virago character represented by the figure of the Amazon warrior Maximo. She was defeated in the duel with the main hero Digenes, but at the same time, she will seduce the hero, defeat and humiliate him morally, and he will eventually kill her because of that.

3. In Macedonian epic songs about the hero King Marko (collected in the 19th century) there is an occurrence of several female warrior characters who fight the main hero. The most suitable song for comparative analysis is the song *Марко ја погубува невестата на Секула детенце* (*Marko Kills the Wife of Sekula the Kid*) in which the typical virago is defeated in the duel with a man, she seduces her opponent and he marries her, but she is eventually killed by Marko because she inflicted him a humiliating defeat as a woman.

4. The character of virago in Byzantine and Macedonian epic poetry is probably shaped according to an identic archaic motif (thematic pattern), but regarding the ideas, it represents the tragic fate of the woman who in the heroic world of men tries to abandon the imposed norms of the community and to step forward as an independent human person.

Key words: epic poetry, woman-warrior, virago, Byzantine epics, Digenes Akritas, Macedonian epics, King Marko, duel, emancipation, the spirit of tragedy

1. ХЕРОЈСКИОТ ЕП И ЖЕНАТА ВО НЕГО

Доволен е бегол поглед врз традиционалната епска херојска поезија за да се согледа дека во неа нема многу место за жената од секојдневието. На пример, во Хомеровата *Илијада* како класичен пример на епско дело, централно место има мажот во улога на борец со идеал да биде херој. Неговиот вистински животен простор е бојното поле каде што се докажува како херој и се здобива со почести што му го одредуваат местото во хиерархијата на заедницата на која ѝ припаѓа.

Жената на овој план е отсутна и оттука се здобива со статус на инфериорно човечко суштество, па дури добива и негативен признак, особено како симбол на слабост и плашливост на некој од мажите-борци.

Местото на жената според епските стандарди е семејното огниште, односно затворениот простор на домот. Тука таа се реализира како мајка која раѓа мажи-борци, сорука на некој херој или пак негова сестра, ќерка итн. Тоа генерално важи како за жената од подолните социјални слоеви така и за оние со највисок статус на мајка, сопруга или ќерка на кралот.

На тој начин, жената од херојската епика по дефиниција се јавува како суштество нераскинливо врзано за мажот кој може да биде татко, син или сопруг итн. Таа едноставно се дефинира преку врската со мажот на којшто му припаѓа во нејиниот облик (Сп. Митевски 2008: 41–78).

Од друга страна, односот на мажот спрема жената во традиционалната индоевропска епика е мошне експресивен во поглед на начинот како тој доаѓа до сопруга. Вообичаени начини на здобивање со невеста се преговори со родителите (не непосредно со идната сопруга), учество на натпревар организиран од таткото на девојката за мажење или најчесто и најбрутално со грабнување (Vest 2007: 432–436). Познати се безброј примери во фолклорот на индоевропските народи кои ги илустрираат овие вообичаени облици на здобивање со жена, а во класичната античка епска поезија доволно е да се потсети на натпреварот на просителите со гаѓање со стрела на кој Одисеј успева да победи и да докаже дека само тој заслу-

жува Пенелопа да му биде жена (*Одисеја*, XXI пеење). Грабнувањето (крадење) на жена за сопруга е до таа мера раширена појава во античкиот свет што во многу средини се налага како легитимна постапка доколку се запазуваат некои воспоставени обичајни правила (Vest 2007: 438).

Сето ова покажува дека жената во епскиот свет има третман на несамостојно суштество, зависно од вољата на мажот и кое по правило е предмет на машката љубовна страст па дури и на трговија. Просто речено, тука жената живее во потполна сенка на мажот.

Сепак, на страна од ова, во индоевропската античка епика се јавуваат и исклучоци при што жената неочекувано излегува на површина како самостојна личност, рамна на мажите. Примерите се исто така бројни, а може да се издвојат во две групи.

На едната припаѓаат необични натприродни женски суштества кои обично живеат во планините движејќи се по ливадите крај шумските извори, потоци, реки или езера. Во класичниот хеленски свет овој вид женски суштества се познати под називот *нимфи* (*nymphai*), во Индија како *apsaras*, а во словенскиот свет пак како *вили*, *самовили* и *русалки*. Заеднички одлики им се: изгледот на млади девојки со необична убавина, потоа пеењето и танцувањето околу планинските води и посебно, издвоеноста од секојдневниот свет, одделно од мажите. Но, и покрај нивната самостојност во однос на мажите, тие повремено стапуваат со нив во контакт при што може да ги помагаат, но често и да им наштетат, да се борат со нив или да им ја одземат силата на некој волшебен начин (Сп. Vest 2007: 280–292).

На втората група им припаѓаат жени кои некогаш произлегуваат од митот, но може да имаат и одлики на реални женски лица. Заедничка одлика им е што тоа се жени со сила и храброст на маж, па оттука се во состојба да се впуштат во борба со истакнати мажи-херои. Поради овие одлики, тие во латинскиот јазик го добиле називот *virago*, именка која го содржи значењето на маж (*vir*), но се јавува во граматички женски род што формално упатува на женско суштество. Најпознат пример на таков жена-воин во класичниот свет се Амазонките, а во римската епска поезија се истакнува ликот на жената-воин Камила од *Ајнеида* на Вергилиј. Сепак, има и многу други примери бидејќи се работи за типичен лик од фолклорот на многу евроазиски народи. Посебна заедничка одлика и кај нив е самостојноста, односно независност од мажот.

Вираго (*virago*) како специфична женска фигура во византискиот еп за Дигенис Акрит и во македонскиот епскиот циклус за Марко Крале е посебен предмет на истражување во овој труд.

2. ВИРАГО ВО ЕПОТ ЗА ДИГЕНИС АКРИТ

Во најголемиот и најпознатиот византиски еп за Дигенис Акрит жената исто така се јавува на разни начини со оглед на нејзината природа, карактер, статус во заедницата итн. Но, и тука е применлив индоевропскиот стандард на разликување меѓу овоземната, секојдневна жена и женскиот лик кој се издвојува со оглед на митолошкиот карактер и необични, мажествени карактеристики.

а) На формален план гледано, жената во епот за Дигенис Акрит е двигател на дејствието. Централно место во првите три песни од Гротаферата верзијата има грабнувањето на девојка (идната мајка на Дигенис) од страна на неговиот татко, Емирот. Веднаш потоа следи епизодата во која веќе возрасниот Дигенис ја граби својата идна сопруга. За да дојдат до својата избраница, двата хероја, и таткото и

синот, се изложуваат на животна опасност и наедно покажуваат необична сила, умешност во борба и храброст. Тоа е еден од нивните најголеми подвизи во кои жената е двигател кој му дава смисла на целото дејствие. Покрај тоа, сопругата може да се јави и во улога на сведок за подвизите на својот сопруг. Одличен пример за ова е последното (осмо) пеење од Гротаферата верзијата во кое Дигенис пред смртта во вид на исповест на својата сакана сопруга ѝ го прераскажува сиот свој живот исполнет со борба велејќи ѝ дека сето тоа го сторил од љубов кон неа (*Дигенис Акрит*, Гротаферата, VIII: 116–117).

Самата жена во улога на сопруга се одликува со вонредна убавина. Тоа е нејзиниот основен и најважен белег за што сведочи еден кус опис на убавината на сопругата на Дигенис, искажана од него самиот:

На нарцис заликуваше ѝ лицето по боја,
образите пак румени ко цветови од роза,
а устето ѝ прилега на розата во процут
што допрва се отвора од росната ѝ пупка.
Кадриците се лулеат над веѓите ѝ токму
ширејќи зраци златести насекаде крај неа...

(*Дигенис Акрит*, Гротаферата, VI: 31–36; според: Митевски 2018)

Овој опис на женската убавина е преземен од доцноантичката романескна литература, но остава впечаток фактот дека поетот и тука и на други места кога ја опишува убавината на сопругите на хероите никогаш не се спушта подолу од лицето кон телото. Тоа е индиректен одраз на ставот дека најважна одлика на морален план на една добра сопруга е нејзината девственост пред мажење и верност како жена.

За нејзиниот статус во заедницата доволно говори тоа што таа влегува во брак преку грабнување што значи дека има третман на еден вид предмет на машка желба, но не и на слободна личност која сама може да го бира својот иден сопруг. Практично, таа со мажењето само преминува од старателство на еден маж (таткото) кон старателство на друг маж (сопругот). Без старателството на маж, таа е слаба, немоќна и изложена на безброј опасности. Само така може да се објасни тоа што Дигенис на смртна постела на својата сопруга ѝ советува по неговата смрт веднаш да се премажи за некој храбар маж што ќе ја заштити во секој поглед. До која мера сопругата се наоѓа во сенка и потполна зависност од мажот говори и фактот што во Гротаферата таа никогаш не е спомената со нејзиното лично име. Таа е безимената сопруга на Дигенис којашто тој самиот редовно ја нарекува – мома (*korē*) т. е. еден вид малодобно девојче без оглед на годините.

Жената од секојдневното добива извесна самостојност само во улога на мајка на херојот. Но и тука има ограничувања. Доколку покрај себе има жив сопруг како што е случајот со мајката на Дигенис за живота на својот сопруг Емирот, таа останува во сенка на мажот, без никаква улога во дејствието. Меѓутоа, кога станува збор за старата мајка на Емирот, третманот е сосема поинаков. Мајката на Емирот се однесува како машко, таа го кара својот син и го грди заради страшливост барајќи веднаш да се врати дома кај неа. Емирот послушно се враќа кај мајка си за да се оправда за своите постапки. Објаснение на овој супериорен статус на мајката може лесно да се најде. Таа е вдовица чиј маж е одамна умрен. Тоа значи дека таа постапува како самостојна личност, жена во отсуство на мажот-старател.

б) Свртувајќи се кон другиот епски вид на жена, кон несекојдневната жена-воин или вираго, нејзината самостојност станува уште повидлива и позначајна. Во

византискиот еп за Дигенис Акрит, на овој план блеснува ликот на Амазонката Максимо во грчкојазичните верзии односно Максимијана во словенските верзии.

Оваа епизода има најразвиен облик во Гротаферата верзијата, шестото пеење. Откако стариот апелат Филопап ќе сфати дека не може да го победи Дигенис на бојното поле, тој доаѓа кај Амазонката Максимо која според некои верзии е негова роднина, а тука е претставена како потомок на жени Амазонки што царот Александар ги зел од Браманите. Филопап измислува приказна дека Дигенис му ја грабнал девојката на еден од неговите соборци Јоанакис, и бара помош од Максимо за да се одмаздат и да си ја вратат момата. Максимо прифаќа да му помогне и сите заедно доаѓаат кај реката Еуфрат кајшто се наоѓа Дигенис. Прво напаѓа соборецот на Максимо, но доживува пораз. Потоа истапува на својот коњ Максимо сакајќи да ја премине реката и да се судри со Дигенис, но овој ѝ предлага таа да чека од другата страна, а тој самиот да ја премине реката бидејќи *на мажите им прилега да пристапат на жени*. Откако ќе преплива со коњот и ќе стаса на спротивниот брег, Дигенис е нападнал од Максимо која го забива фрленото копје во неговиот панцир, но овој пак во вратниот напад намерно го удира со меч нејзиниот коњ и му ја расекува главата на два дела. Максимо потоа паѓа на земја сосема беспомошна. Дигенис ѝ го поштедува животот, но таа паѓа пред неговите нозе барајќи Дигенис да ѝ дозволи таа да земе друг коњ и потоа да влезат во повторен двобој, но овојпат насамо, без некој да ги гледа. Дигенис прифаќа и по некое време обајцата повторно излегуваат еден наспроти друг, најсвечено облечени. Борбата и овојпат трае кусо и по размената на безопасно фрлените копја и удари со мечот, Дигенис само ја удира Максимо по раката во која го држи мечот. Мечот ѝ паѓа од рака, а Дигенис по вторпат го пресекува нејзиниот коњ на пола при што таа сега исправена на нозе пред него го моли да ја поштеди и да ја земе под свое. Дигенис одговара дека си има веќе своја жена, но одат заедно на реката да се измијат при што Максимо разголена, го заведува Дигенис. Тука е скинат листот во Гротаферата верзијата во кој е опишан љубовниот чин, но тоа може да се проследи врз основа на описот на таа сцена во некои други зачувани верзии (од Трабзон, Оксфорд и Андрос). Од напоредното читање на постојните верзии, Дигенис се враќа кај својата сопруга лажејќи ја дека ништо особено не се случило, но има грижа на совест поради прељубата, се враќа за кратко кај Максимо и ја убива. За разлика од ваквиот крај во Гротаферата, според словенскиот превод во редакција на Титов, Дигенис не ја убива Максимо туку ја праќа кај своите дома.

Потеклото на ликот на Максимо е предмет на расправи и различни интерпретации. Традиционално се смета дека треба да се верува на кажаното во епот според кое Максимо е една од Амазонките што Александар ги донел откај Браманите. Меѓутоа, А. Грегوار аргументирано докажува дека тој лик поименично произлегува од времето и просторот на Дигенис (Gregoire 1975)¹. Имено, тој упатува на откриените votivни плочи во Севастопол во Понт кој некогаш го носел името Хераклополис т. е. град основан од Херакле, херојот кој тука се борел со Амазонките. Жителите на тој град верувале дека првичните жители всушност биле Амазонките, па оттаму имињата на жени Амазонка Максимо и Максимијана биле мошне раширени.

Сепак, и покрај тоа што самото име на Максимо веројатно произлегува од просторите на Дигенис, се чини дека целата приказна е еден вид преработка на мошне познат и раширен мотив на далеку поширок простор во тоа време. За тоа сведочи една детална анализа која открива необично прецизна паралела на епизодата за

¹ L'Amazone Maximô, XIV: 723–730.

Максимо и Дигенис од една страна и расказот за двобојот меѓу Шеркан и убавата Абризе раскажана во збирката *1001 ноќ* (Dyck 1987: 366).

Наспроти култот на јунаштво кој се врзува за главните херои, во епската поезија напоредно се негува и култот на женската убавина (Съркин 1960: 152) која се однесува главно на жените кои се предмет на љубов на хероите. Тој култ јасно се манифестира не само во ликот на жената на Дигенис, туку се јавува и кога станува збор за неговата мајка, т. е. љубовта и сопруга на неговиот татко, Емирот. Тие се беспрекорно убави и тоа е доволно за да бидат центар на вниманието на мажите околу нив.

Интересно е што и Максимо, иако е типична мажествена жена (вираго), сепак ја има одликата на необично убаво женско суштество. За нејзината убавина не е слеп ни Дигенис бидејќи на двапати во текот на двобојот со неа тој тоа јавно го искажува. По првиот двобој кога Максимо кутната на земја го моли за милост, тој вели дека ќе ѝ се смилува заради нејзината убавина (Гротаферата, VI: 594), а исто така и при вториот двобој, пред да го убие нејзиниот коњ вели дека неа самата ќе ја поштеди заради убавината (Гротаферата, VI: 757). Со тоа, индиректно се признава дека Максимо во основа има третман на жена.

Меѓутоа, женската убавина тука е само назначена, а самиот опис се јавува на други места и како што истакнува еден истражувач (Dyck 1987), во вид на постапно разоткривање. Првпат, убавината се врзува за коњот на кој таа јава (Гротаферата, VI: 552–556), потоа се говори за убавината на нејзината облека и воена опрема (Гротаферата, VI: 736–739), а дури на крајот, кога веќе по завршениот втор двобој Дигенис и Максимо си ги мијат своите рани крај реката, на површина излегува нејзината лична, физичка убавина. Тој опис излегува од устата на самиот Дигенис како еден вид признание и исповест:

Отидовме до дрвјата што покрај река беа,
Максимо тука рацете со вода си ги изми
и раната ја намачка со мелем ко што треба
што сите ние обично го носиме во битки,
наметката ја зафрли бидејќи жегаш беше;
низ ризата на Максимо, ко пајажина нежна,
ѝ се виде снагата ко да е на огледало,
а градите испакнати ѝ беа малку напред.
Во душата ме погоди красотата ѝ нејна.
(Гротаферата, VI: 777–785; препев според: Митевски 2018)

На книжевен план, денес е познато дека овој опис во голема мера е преземен од доцноантичката книжевна традиција (прв на ова укажа – Mavrogordato 1956: LVI), но од друга страна е важно тоа што изразена на овој начин, убавината на Максимо не е девствена како убавината на сопругата на Дигенис, туку напротив, со нагласен еротски момент.

Во контраст со овој стандарден епски пристап кон жената преку нејзината убавина се наоѓа нејзиното однесување на маж и вулгарен начин на изразување. Имено, пред да стапи во двобој со Дигенис, Максимо ќе сфати дека Филопап ја викнал со сета нејзина армија само против еден човек. Тогаш нејзиниот гнев и презир спрема Филопап го добива следниов израз:

А тогаш курвата¹ Максимо го навреди старецот:
«Бегај оттука, изветреан старче, сину на пропаста

¹ Во грчкиот оригинал стои вулгарното *kourba*.

од староста длабока патлакот¹ ти се исушил.
(Ескоријал, стихови 1518–1520; превод: В.М.).

Ова е типичен војнички јазик, брутален и груб кој никако не доликува на убава жена², но тоа е другата страна на ликот Максимо која е неопходна за да се состави сложениот мозаик од кој е составен нејзиниот лик на «машко женско», вираго.

На карактерен план повторно наидуваме на двојност во нејзиниот лик. Од една страна таа е типичен епски лик на наивна и лековерна жена што посебно се гледа кога и самата, по поразот од Дигенис, признава дека била лековерна и измамена од Филопап кој ја намамил да влезе во нерамна борба со така силен борец (Гротаферата, VI: 766). Некои веруваат дека признанието на грешноста на Максимо е реминисценција на библискиот женски лик на Ева која го наведува Адам на грев (Dyck 1987: 359).

Од друга страна доаѓа нејзиниот неморален карактер, особено во сцената кога поразена на бојното поле, се обидува да го заведе Дигенис и да го победи на друг начин. Победена и во вториот двобој, таа со промолкнат глас му се обраќа на Дигенис со зборовите:

«Но ако не ме презираш, за сојузник ме земи,
јас сè уште сум девојка недопрена од машко».
(Гротаферата, VI: 767–768; препев според: Митевски 2018)

Потоа, во споменатата сцена крај реката, предизвикувачки разголена, конечно успева во својата намерата и Дигенис е поразен на морален план, изневерувајќи ја својата сопруга. Огорчен поради дефинитивниот пораз, тој според Гротаферата верзијата ја убива Максимо (Гротаферата, VI: 795–798.). Според Ескоријал верзијата, Дигенис го признава својот грев на жена си, но не ја убива Максимо. Според Титовската верзија пак Дигенис одбива да се ожени со Максимо (Максимијана) бидејќи има претстказание дека во тој случај ќе има кус живот, потоа ѝ става жиг како на робинка и ја праќа во домот на своите родители.

Земајќи ги предвид сите овие одлики на Максимо, може да се заклучи дека таа е комплексен, противречен и трагичен лик.

3. ВИРАГО ВО МАКЕДОНСКИОТ ЕПСКИ ЦИКЛУС ЗА МАРКО КРАЛЕ

Во македонските епски песни за Марко Крале³ жената има место и улога кои генерално одговараат на индоевропските стандарди. Од една страна се јавуваат ликови кои одговараат на претставата за жената од секојдневието, а од друга страна се наоѓаат необични женски суштества, некогаш со натприродна моќ, или пак жени-воини (вираго) во конфронтација со Марко Крале или некој негов близок.

а) Мајката на Марко ги носи типичните обележја на тој индоевропски епски лик на мајка. Таа е доблесна и мудра старица која му дава умни совети на својот син како да постапи во одредени критични ситуации или како да совлада некој моќен противник во борбата. Типично е и тоа што Марко ја почитува и безрезервно ги прифаќа нејзините совети што индиректно говори за нејзиниот голем авторитет. Во споредба со ликот на мајката на херојот во епот за Дигенис, паѓа в очи дека Марковата мајка како тип соодветствува на мајката на Емирот (таткото на Дигенис) која авторитативно истапува и бара од сина си да се врати дома и да ја

¹ Во грчкиот оригинал стои вулгарниот збор за машкиот полов орган (*kōlos*).

² Odorico толкува: «Maximou, une amazone, à la fois très féminine et très virile. Son langage est celui des soldats, violent et grossier» (Odorico 2012: 39).

³ Тука како репрезентативни се земени песните главно од XIX век, во избор на еминентниот фолклорист Кирил Пенушлиски (Пенушлиски 1983).

брани својата земја како неговиот покоен татко. Соодветството меѓу моќната и самостојна фигура на мајката на Емирот и мајката на Марко произлегува од нивниот статус на вдовица. И едната и другата жена се без сопруг и оттаму истапуваат како самостојни и независни личности. Отсуството на мажот-сопруг несомнено на жената-мајка ѝ остава простор за преземање на машка улога.

За разлика од мајката, сопругата на Марко е зависна од својот маж и во голема мера се наоѓа во негова сенка. Марко неа ја грабнува уште како девојка и таа му станува жена со што веќе од самиот почеток е дефиниран образецот на немоќно женско суштество кое е предмет на машкиот избор. Оттука не е чудно што во песните таа најчесто ја има улогата на помошник на Марко (му го подготвува коњот за в борба и сл.). Нејзиниот статус на зависно суштество се гледа и во називот што обично го носи – Марковица т. е. сопруга на Марко. Очигледно, таа го изгубила своето име и личен идентитет и е сведена на еден вид имот на Марко-стопанот. Во тој поглед таа потполно одговара на ликот на безимената сопруга на Дигенис од Гротаферата верзијата.

Вистина, во песните Марковица повремено се јавува и во улога на неверна жена која Марко ја казнува запалувајќи ја завиткана во рогозина, а понекогаш таа дури и го спасува од непријателот преоблекувајќи се во машка облека. Во последниов случај нејзиниот лик прилега на типот жена-воин, но тоа е само привремено и едно од многуте нејзини лица кои се одраз на разнородното искуство на македонскиот човек низ вековите.

б) Тип на вираго во епските песни за Марко откриваме повеќекратно во некои други случаи. Притоа ќе ги оставиме на страна самовилите кои имаат еднаш пријателски другпат непријателски однос кон Марко. Нивната изразито женска (моминска) природа не дозволува да бидат вброени во типот вираго.

Има неколку вистински жени-воини кои се впуштаат во борба со Марко или со неговите најблиски. Едни од нив отворено истапуваат како жени (девојки). Таква е, на пример, Шаина робина која непосредно пред да стапи во борба со Марко му открива дека всушност му е родена сестра (Пенушлиски 1983, песна 57)¹. Во една друга песна, Марко решава да ја предизвика на двобој Битолска девојка бидејќи не му се верува дека таа «може да биде појунак од маж» (Пенушлиски 1983, песна 17 – *Битолска девојка*). Во една шегобијна песна (пародија), Марко е предизвикан на двобој дури и од една стара баба која едноставно ќе ја фрли во калта (Пенушлиски 1983, песна 69 – *Марко и стара бабетина*).

Има жени-воини кои се јавуваат престорени (преоблечени) во машко што формално е одраз на една раширена постапка во светскиот фолклор. Таков е случајот со Багдатскиот делија кој се прославува бранејќи го градот Багдад од освојувачите (Пенушлиски 1983, песна 100 – *Марко, Јанкула и Багдадска девојка*). Од него ќе се уплашат дури и Марко и јунакот Јанкула, но нејзе ќе ѝ се спротистави внукот на Марко по име Секула детенце кој ќе открие дека тоа не бил Багдатски делија тука Багдатска девојка.

Со оваа куса песна само се навестува мотивот на судир на жена-воин од арпскиот свет со Марко и неговите блиски. Во пообемната песна под наслов *Марко ја погубува невестата на Секула детенце* (Пенушлиски 1983, песна 93) овој мотив добива необично развиен облик кој дава можност за воспоставување на прецизна паралела со двобојот на Дигенис со Максимо. Цела низа на детали од кои е

¹ Преземено од Миладиновци 1962: 146 – *Шаина робина и Марко*.

составена песната откриваат голема блискост меѓу византиската и македонската верзија на борба на главниот херој со вираго.

1. Песната на почетокот ги претставува Марко Крале, војводата Јанкула и Марковиот внук Секула како пијат вино. Во еден миг (стих 7), загледан во блиската Вилинска Планина, Марко забележува «**зелени чадори**» (се мисли на архаичниот збор «чадор» т. е. шатор). Зелената боја на шаторот не може да биде случајна со оглед на тоа што Марко тука всушност наидува на Црна Арапина. Зелената боја и во епот за Дигенис (Гротаферата) редовно упатува на муслиманскиот арапски свет. Патем, самата Максимо влегува во вториот двобој со Дигенис носејќи на глава зелен турбан.

2. Откако Марко ќе го предизвика на двобој и ќе мавне со боздоганот кон Црна Арапина, овој го дочекува в раце и на Марка за возврат му вели: *Чекај курво, моја боздогана* (стих 23). Тука наидуваме на истиот вулгарен израз «**курва**» (*kourba*) кој во лутина беше искажан и од устата на Максимо (в. погоре). Веднаш потоа Црна Арапина го удира Марка со боздоганот по што овој се повлекува. Потоа напаѓа Јанкула војвода, но Црна Арапина и него го победува упатувајќи му го истиот погрден збор (стих 32).

3. Тогаш истапува Секула детенце со зборовите (стихови 37–38):

Неборе те, Црна Арапино!

Дали најде со старци да играш?

Зборот «**старци**» и тука е употребен во пејоративно значење на немој исто како што тој збор го употребува и Максимо обраќајќи му се презриво на Филопап:

О, тројно да си проколнат, ти старче... (Гротаферата, VI: 565)

4. Следи развиен опис на борба при што Секула детенце успева да го кутне на земја со цел да го убие Црна Арапина, а овој тогаш почнува да го моли (стихови 58–60):

– Немој, јунак, не губи ме мене!

Не сум јунак да ме губиш мене,

ток сум луба мене да ме лубиш.

Ова е моментот на пресврт кога Црна Арапина од безмилосен борец наеднаш се претвора во понизна жена која моли за милост. Тоа е пресврт кој одговара на истоветната постапка на поразената Максимо која го **моли за милост** Дигенис. Разликата е само во тоа што престорениот Црна Арапина се открива дека всушност е жена. Во секој случај, и девојката-Црна Арапина и Максимо како женски суштества во мигот на поразот истапуваат од херојскиот свет и барат исклучителен однос што одговара на жена, но не и на маж-херој.

5. Важно е и тоа што и двете жени во критичниот момент го искористуваат провереното женско оружје и отворено **му се поддаваат** на противникот како љубовници. Со тоа и Максимо и девојката-Црна Арапина прават обид да ја префрлат борбата од бојно на друго, љубовно поле каде што веруваат дека се супериорни и можат да победат. Максимо на Дигенис му признава дека до сега не сретнала таков јунак како него и затоа му се нуди да биде негова, а девојката-Црна Арапина вели (61–63):

Три години по земја ја шетаф,

да одбера јунак спроти мене,

еве сега тебе ми те отбраф.

6. За да ја осигура својата победа над Дигенис и за да го освои, Максимо на крајот седната со него покрај реката намерно се разголува и **ги покажува заводливо своите гради по што** Дигенис е дефинитивно освоен и се предава на љубовната страст. Интересно е што и девојката-Црна Арапина при заведувањето на Секула детенце ги користи истите «аргументи» за да му покаже дека навистина е жена и му вели (64–65):

Ако мене ти ме не веруваш,
отпетлај ми моји бели гроди¹.

7. Следи **еротски екскурс** кој во епската поезија не е многу чест, но во случајов има вонреден ефект (стихови 61–62):

А Секула гроди је отпетла,
а от гроди с'лнце² ми огрева.

8. Како кај Дигенис така и кај Секула детенце тоа е решавачкиот миг кој донесува **пресврт во дејствието**: Дигенис отстапува од херојскиот морал и се претвора во љубовник на Максимо, а Секула детенце наеднаш решава да си ја земе за жена девојка-Црна Арапина.

9. Откако Секула детенце ќе ја одведе својата избраница дома и ќе приреди веселба (свадба), единствено Марко е огорчениот меѓу присутните гости. Тој е **посрамен** затоа што е поразен од жена и му се обраќа на Јанкула со зборовите (стихови 83–84):

Дал од жена рани да ранеме
и от жена моки³ да тргеме?

10. Потоа самиот станува и **ја убива** девојка-Црна Арапина исто како што и Дигенис (во Гротаферата верзијата), посрамен заради моралниот пад и фактички освоен и победен од Максимо, ќе го обземе гнев и каење и на крајот ќе ја убие.

4. ЗАКЛУЧОК

Споредбата меѓу византискиот еп за Дигенис Акрит и македонските епски песни за Марко Крале во дадена тематска рамка насловена како *вираго* наметнува двоен заклучок.

Прво, на идеен план, станува јасно дека жена-воин (вираго) е суштество кое во себе носи еден трагизам. Во судирот со мажот-херој таа најчесто завршува со гибел. Но, тоа не е необично ако имаме на ум дека таква мажествена жена не може да се вклопи во епскиот херојски свет каде владеат мажите, а жените се само нивна безимена сенка. Излегувајќи од таа сенка и преземајќи си машка улога, жената-воин истапува од наметнатите норми на заедницата и станува барем привремено слободно и самостојно, независно човечко суштество. Користејќи ја модерната терминологија, би рекле дека таа е единствената еманципирана жена во тој машки свет.

Второ, на книжевен план, споредбата меѓу епизодата за Максимо и песната *Марко ја погубува невестата на Секула детенце* открива премногу допирни точки (детали) за да може да речеме дека се случајно совпаѓање. Секако, тешко е да се утврди директна зависност на македонската песна од епизодата за Максимо, но во најмала рака останува простор за помислата дека и во двата случаи се користи

¹ *Гроди* = дијалектна форма за литературното *гради*.

² *С'лнце* = дијалектна форма за *сонце*.

³ *Моки* = дијалектна форма за *маки*.

ист тематски образец чии корени се губат во далечното минато на индоевропската или можеби подобро речено, евроазиската епска традиција.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Миладиновци (1962). Зборник 1861–1961. Скопје: Кочо Рацин. 511 стр.
- Митевски В. (2008) Епски теми, Античката и македонската епска поезија. Скопје: Матица. 128 стр.
- Митевски В. (2017) Сенката на Марко Крале. Античката, византиската и македонската епска поезија. Скопје: МАНУ. 358 стр.
- Митевски В. (2018) Византиска епска поезија / Препев, превод, предговор и белешки. Скопје: МАНУ. 314 стр.
- Пенушлиски К. (1983) Марко Крале. Легенда и стварност. Скопје: Мисла. 572 стр.
- Петрушевски М. (2008) Хомер, Одисеја / Препев. Скопје: Магор. 383 стр.
- Сыркин А.Я. (1960) Дигенис Акрит / Перевод, статьи и комментарии. Москва: Издательство Академии наук СССР. 218 стр.
- Творогов О.В. (1981) Девгениево деяние / Подготовка текста, перевод и комментарий // Памятники литературы Древней Руси: XII век. С. 28–65, 531–533.
- Цепенков М.К. (1972) Македонски народни умотворби. Кн. 1: Народни песни. Скопје. 353 стр.
- Dyck A.R. On Digenes Akrites, Grottaferrata Version, Book 6. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1987. No 28, pp. 349–369.
- Grégoire H. (1975) Autour de l'épopée byzantine. London: Variorum reprints, pp. XIV, 723–730.
- Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial versions / E. Jeffreys (ed.) Cambridge: Cambridge University Press. 1998. lxii, 398 p.
- Digenis Akrites / J. Mavrogordato (ed.); Edited with an Introduction, Translation and Commentary. Oxford: Clarendon Press. 1956. viii + 141 p.
- Odorico P. (2002) L'Akrite. L'épopée byzantine de Digenis Akritas. Toulouse: Anacharsis. 253 p.
- Schmaus A. Philopappos-Maximo-Szene und Kaiserepizode im altrussischen Digenis. *Byzantinische Zeitschrift*. München, 1951. Bd. 44. S. 495–508.
- Digenes Akrites: synoptische Ausgabe der ältesten Versionen / E. Trapp (ed.) Wiener Byzantinistische Studien. Bd. 8. Wien, 1971. 393 S.

Сведения об авторе:

Витомир Митевски,
член на Македонска академија на науките и
уметностите
Скопје, Македонија

Vitomir Mitevski,
Member of Macedonian Academy of Science and
Arts
Skopje, Macedonia

Л.И. Щеголева (Москва, Россия)

Греческо-славянские Псалтири РГБ, ф. 173/I, № 8 и 9: Рукописи и тексты

Аннотация: В статье рассматриваются интерлинейные греческо-славянские Псалтири из собрания Московской духовной академии Российской государственной библиотеки (ф. 173/I, № 8 и 9). Дается краткая характеристика рукописей, прослеживается история их бытования. Предлагается атрибуция художественных украшений рукописи ф. 173/I, № 9 известному книгописцу и художнику Гавриле Басову. Устанавливается датировка рукописи ф. 173/I, № 8 1640-ми гг. Доказывается, что она скопирована с рукописи № 9. Выявляются особенности написания греческого текста, высказывается предположение об их принадлежности несохранившемуся протографу. Устанавливается связь между рукописью ф. 173/I, № 9 и Псалтирью в переводе Максима Грека РГБ, ф. 304/I, № 62. Выявляются способы использования нового перевода Псалтири Максима Грека в тексте и глоссах рукописи ф. 173/I, № 9. Проводится сопоставление вариативных чтений в рукописи ф. 173/I, № 9 и других списках Псалтири в переводе Максима Грека первой половины XVII в., делается вывод об отсутствии окончательного текста перевода в каком-либо из списков.

Ключевые слова: Российская государственная библиотека, греческие рукописи, интерлинейная Псалтирь, церковнославянский перевод, Максим Грек, Нил Курлятев, Гаврила Басов

L.I. Shchegoleva (Moscow, Russia)

Greek-Slavonic Psalters of the Russian State Library, fond 173/I, No 8 and 9: Manuscripts and Texts

Abstract: The paper deals with the two Greek-Slavonic interlinear Psalters from the Moscow Theological Academy, now in the Russian State library, f. 173/I, No 8 and 9. The codicological characteristic of the manuscripts is offered as well as their history. The illumination of the Psalter f. 173/I, No 9 is attributed to the well known book scribe Gavril Basov. The manuscript f. 173/I, No 8 is dated to the 1640ies years. That is proved that it is the copy of the manuscript f. 173/I, No 9. The peculiarities of the Greek texts transcription are revealed, the assumption is expressed that they were inherited from the protograph that has not been saved. The connection between the manuscripts

f. 173/I, No 9 and RSL, f. 304/I, No 62 is established. The methods of the use of the new translation of the Psalter by Maxim the Greek in the text and in the glossae in the manuscripts f. 173/I, No 9 are revealed. The *variae lectiones* in the Psalter f. 173/I, No 9 and in the other copies of the Maxim's Psalter translation are compared, the conclusion is made that no one of them presents the complete text of that translation.

Key words: Russian State Library, Greek manuscripts, interlinear Psalter, Slavonic translation, Maxim the Greek, Nil Kurliatev, Gavril Basov

В собрании Московской духовной академии «фундаментальное» Российской государственной библиотеки (ф. 173/I) хранятся две интерлинеарные Псалтири XVII в., восходящие к утраченному манускрипту, написанному в 1552 г. в Троице-Сергиевом монастыре иноком Нилом Курлятевым под руководством Максима Грека. Обстоятельства написания утраченной рукописи изложены Нилом Курлятевым в Предисловии, сохранившемся, в частности, в списке Псалтири в переводе Максима Грека первой четверти XVII в. (РГБ, ф. 304/I, № 62, л. 2об.–5об.). Рукописи вызывают большой интерес исследователей как ценный источник для изучения переводческой деятельности Максима Грека и истории исправления богослужебных книг¹.

Цель настоящей работы – представить известные и вновь выявленные сведения о рукописях и пополнить имеющиеся в научной литературе наблюдения над их содержанием.

Греческо-славянские Псалтири МДА относятся к уникальным памятникам книжной культуры. Прежде всего, они продолжают древнюю традицию полиглотт, представленную в фондах РГБ отрывком греческо-сирийско-арабской Псалтири IX в. (ф. 201, № 18.1). Далее, греческий текст передан в них кириллическими буквами, что позволяет включить их в группу редких двуязычных манускриптов с транскрипцией греческого в иных графических системах, в которую входят также сборник песнопений XV в. на древнееврейском языке (РГБ, ф. 71, № 746) с несколькими греческими свадебными песнями, записанными древнееврейскими литерами, и мелькитский служебник XVIII в. на греческом и арабском языках (РГБ, ф. 179, № 84) с записью части греческих молитв арабской графикой. Наконец, обе рукописи являются интерлинеарными, объединяясь по этому признаку с Псалтирью на греческом, церковнославянском и польском языках первой половины XVII в. (РГБ, ф. 173/I, № 10) в отдельную группу.

¹ Вернер И.В. 1) Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. М., 2013. С. 104–128; 2) К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522–1552 годах: хронология, текстология, методология // Славяноведение. 2017. № 2. С. 40–54; 3) Лингвотекстология списков Псалтыри 1552 г. в переводе Максима Грека // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Т. 2. Казань, 2018. С. 33–37; Мурзина Н.В. О книжной справе Максима Грека на примере Псалтыри 1552 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 64–69.

Псалтирь № 9 была переписана священником Илларионом Астраханцем в 1618/1619 г., при архимандрите Дионисии и келаре Авраамии Палицыне¹. Об этом гласит запись-скрепа по нижнему полю л. 2 и боб., сделанная рукой Иоасафа Кирьякова (книгохранителя Троице-Сергиева монастыря в 1631/32–1644 гг.): **написана лѣта зркз го прї архимаритѣ [так] діонїїни при келарѣ старце авраме палицынѣ || а писа^а сїѣникъ иларїѡ^ѡ астроханецъ**. Филигрانی бумаги: 1) гербовый щит под короной, типа *Heawood* № 608 – 1619 (л. 1–170, 176–181); 2) Кувшин одноручный, увенчанный полумесяцем, с литерами ІВ на тулове (л. 174, 175, 182, 183), типа *Heawood* № 3581 – 1618 г. На л. 1 большая заставка, маргинальные украшения и инициал, все – в красках с золотом. Художественный стиль иллюминации позволяет связать ее с именем известного книгописца и художника Гаврилы Басова, в первой трети XVII в. занимавшегося перепиской и украшением книг для Троице-Сергиева монастыря. Заставка по стилю сходна с заставками в рукописях, выполненных Гаврилой Басовым в 1618–1631 гг.: Псалтири 1618–1619 гг. (РГБ, ф. 173/1, № 137), Псалтири с Уставом 1620-х гг. (РГБ, ф. 173/1, № 73), Прологе 1630–1631 гг. (РНБ, Сол. № 700/808)², а также в уже упоминавшейся выше Псалтири в переводе Максима Грека первой четверти XVII в. (РГБ, ф. 304/І, № 62), недавно атрибутированной Гавриле Басову³.

На обороте верхней крышки владельческая запись XVII в.: **живонача^аныя трѣцы сергіева монастыря иже въ маковцѣ радоне^ескомъ** и шифры книгохранительницы Троице-Сергиева монастыря по описям 1701 г.: **Глава лѣ** (буквенная цифирь была переправлена другими чернилами, позднее зачеркнута) и 1723 г.: **Глава на**.

В 1747 г. рукопись была передана в библиотеку Троицкой Лаврской духовной семинарии⁴. Видимо, в это время был проставлен шифр на л. 1: «№ 21» и сделаны записи на обороте верхней и нижней крышек переплета: 1) οἱ τοῦ Δαβὶδ ψαλμοὶ εἰς τὴν μεταφράφρασιν [sic] ῥωσικὴν («Псалмы Давида в русском переводе»); 2) ἐτοῦτο τὸ βιβλίον καλὸν εἶναι καὶ ὀφέλιμον εἰς ἐκεῖνον, ὁποῦ θέλει νὰ μάθῃ μὲ μεγάλην εὐκολίαν τὰ ἑλληνικά («эта книга хороша и полезна для того, кто хочет изучить с большой легкостью греческий язык»). После закрытия семинарии ее библиотека была унаследована Московской духовной академией, образованной в 1814 г.⁵ В 1853 г. по указу Синода рукописное собрание МДА было разделено на

¹ Клосс Б.М. О происхождении названия Россия. М., 2014. С. 103.

² Парфентьев Н.П. Творчество книгописцев и художников-знаменщиков братьев Басовых (1580–1630-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. Т. 14. № 3. С. 47, табл. 5; 41.

³ Парфентьев Н.П. Новые находки рукописей Гаврилы Басова (конец XVI – первая треть XVII вв.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. № 1. С. 88. Для одного из передних защитных листов рукописи использована бумага с той же филигранью, что и в Псалтири № 9 (гербовый щит под короной), а одна из филигранных основной части (две короны с надписью ORADOVR в картуше) – та же, что и в Псалтыри РГБ, ф. 173/1, № 137; это позволяет датировать ее временем около 1619 г.

⁴ Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году / Труд архимандрита Леонида. Вып. 2. М., 1887. С. 7, № 3/8.

⁵ Щербачева Н.А. Фундаментальное собрание библиотеки МДА. Ф. 173. I // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Указатель / Отв. ред. Ю.Д. Рыков. М., 1986. Т. 1. Вып. 2. С. 92.

фундаментальное, включавшее наиболее ценные рукописи, и дополнительное¹. Псалтирь была включена в фундаментальное собрание под № 9. На обороте верхней крышки наклеен зеленый экслибрис и белый бумажный ярлычок с № 9, этот же номер дважды написан синим карандашом. В период нахождения в библиотеке МДА рукопись использовалась для научных занятий. На обороте последнего листа (л. 186об.) сделана запись коричневыми чернилами: «Эта Псалтырь есть списокъ съ Псалтыри, переведенной Максимомъ Грекомъ. При своемъ переводе преподобный пользовался не однимъ греческимъ спискомъ. Это показываетъ, какъ сія самая псалтирь, гдѣ во многихъ мѣстахъ на поляхъ помѣщены различныя чтенія греческія одного и того же мѣста; такъ и свидѣтельство препод. Нила, помѣщенное въ предисловіи къ Максимовой псалтыри, принадлежащей Лаврской библиотекѣ. Отличительною чертою этого перевода составляетъ близость его къ Греческому подлиннику. Переводчикъ здѣсь старается выдерживать вполнѣ значеніе всѣхъ словъ и даже всѣхъ греческихъ предлоговъ и другихъ частицъ. Впрочемъ забота быть близкимъ къ подлиннику у него не преступаетъ границъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ Максимъ отступаетъ отъ подлиннаго значенія слова, чтобы яснѣе показать мысль подлинника. Напр. въ Пс 37 слово κατηδύκειον, переведенное въ соврем. Максиму псалтыри гоняхъ /благодѣтелию/ Максимъ перевелъ держакъ и пр. Изъ всей псалтыри одно только мѣсто Максимомъ переведено невѣрно. /Это въ Пс. 89, гдѣ вм. уничиж. ихъ лѣта будутъ, сказано еще будутъ/. Но и эта невѣрность произошла въ слѣдствіе невѣрности самаго Греческаго текста». Слова «Изъ всей псалтыри» подчеркнуты карандашом, ниже карандашомъ приписано: «Сужденіе не-вполнѣ вѣрное». В тексте рукописи имеются подчеркивания карандашом, на поляхъ — читательские пометы.

В 1919 г. рукописное собрание МДА было передано в Сергиевский филиал Государственного Румянцевского музея, в 1930–1934 гг. перевезено в Пашков Дом и передано Отделу рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина². В 1953 г. фундаментальному собранию МДА был присвоен номер фонда 173/1³; за Псалтирью был оставлен в собрании старый № 9.

Псалтирь № 8 была переписана в 1640-е гг. на бумаге голландского производства с филигранями: 1) пасхальный агнец, *Heawood* № 2842 – 1649 г. (л. 1–167); 2) двуглавый орел с рогом изобилия на груди, с контрамаркой PDB, *Heawood* № 1303 – 1644 г. (л. 168–281, 284); 3) рог изобилия в гербовом щите под короной («герб Базеля»), *Heawood* № 1664 – 1646 г. (л. 282–283). На л. 1 оставлено место для заставки и инициала, но заставка и инициал не были вписаны. Рукопись принадлежала казначею и келарю Троице-Сергиева монастыря Симону Азарьину. Об этом гласит запись-скрепа по нижним полям л. 1–69: **лѣта зрогѣ да^{лѣ} въ до^{мѣ} живнначач^{ны}е трѣцы въ Сергіевѣ мнѣтрѣ сню кнѣгѣ Пса^лтырь келарь старе^м Симо^нъ азаринъ въ вѣки неоп^тѣмлемъ никомѣ**. По предположению Е.Н. Клитиной, после смерти Симона Азарьина в 1665 г. его келейная библиотека поступила в казну, а оттуда в 1674–1676 гг. вместе с другими книгами была передана в книгохранилище монастыря⁴. На обороте верхней крышки переплета проставлен шифр по описям 1701 и 1723 г.: **Глава ѱѣм** (дважды, один шифр зачеркнут).

¹ Там же. С. 96.

² Щербачева Н.А. Фундаментальное собрание библиотеки МДА. Ф. 173. I. С. 101–102.

³ Щербачева Н.А. Фундаментальное собрание библиотеки МДА. Ф. 173. I. С. 103.

⁴ Клитина Е.Н. Симон Азарьин (Новые данные по малоизученным источникам) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 34. Л., 1979. С. 303, 306.

В 1747 г. рукопись была передана в библиотеку ТЛДС. На л. 1 написан шифр: «№ 20, Псалтырь Славенногреческая». С 1814 г. Псалтирь находилась в библиотеке МДА, в 1853 г. она была включена в фундаментальное собрание под № 8. В 1919 г. в составе библиотеки МДА поступили в Сергиевский филиал Государственного Румянцевского музея, в первой половине 1930-х гг. перевезена в Пашков Дом и передана в Отдел рукописей ГБЛ.

ГРЕЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Псалтирь № 9 переписывалась Иларионом Астраханцем почти через семь десятилетий после того, как Нилом Курлятевым был написан интерлинейрный текст под руководством Максима Грека. Ошибки прочтения, диттография, неправильная постановка ударений свидетельствуют о том, что переписчик, скорее всего, копировал текст механически. Что касается Псалтири № 8, создававшейся еще на четверть столетия позже, то она, без сомнения, была скопирована с Псалтири Иллариона Астраханца, поскольку повторяет все ее ошибки и привносит новые, связанные с неправильным прочтением оригинала.

Таблица 1

Греческая Псалтирь	Псалтирь № 9	Псалтирь № 8
ἐν βουλῇ (Ps 1.1)	ѢН ВОУЃИ (пропущена первая буква в диграфе ου)	ѢН ВОЃИ (буква υ ошибочно прочитана как о)
ἀμαρτωλῶν (Ps 1.1)	МАРТОЃОН (пропущена первая буква)	МАРТОЃОН (то же)
κυρίου (Ps 1.2)	КІРІОН (итацизм, неправильно поставлено ударение)	КІРІОН (то же)
τὸ ξύλον (Ps 1.3)	ТО ЖЃЛОН (буква υ ошибочно прочитана как о)	ТО ЖЃЛОН (то же)
τῶν ὑδάτων (Ps 1.3)	ТОН ЃДАТОН	ТОН ЃДАТОН (л.) (повторена ошибка в окончании, добавилась ошибка в артикле)
λαλήσει (Ps 2.5)	ЛАЃЛЕСЕИ (л. 2) (диттография)	ЛАЃЛЕСЕИ (л. 2) (то же)
ἐγὼ σήμερον (Ps 2.7)	ѢГОС ЃМѢРОН (л. 2) (неправильное словоделение)	ѢГОС ЃМѢРОН (то же)
δώσω σοι (Ps 2.8)	ДЃСѢС ѢИ (неправильное словоделение)	ДЃСѢС ѢИ (то же)

Если исходить из того, что переписчик Псалтири № 9 не вносил в греческий текст сознательных изменений, можно сделать вывод, что рукопись, вероятно, унаследовала следующие особенности несохранившейся Псалтири Нила Курлятева.

1) Ошибки итацизма (смешение букв ι, η и υ, диграфов ει и οι), возможно, связанные с письмом под диктовку: **παρέστισαν** (л. 1об.), ср. **παρέστησαν** (Ps 2.2); **σινήχ-и-сан** (л. 1об.), ср. **συνήχθησαν** (Ps 2.2); **κίριος, кнріон** (passim), ср. **κύριος**,

κυρίου; κληρονομίαν (л. 2), ср. κληρονομίαν (Ps 2.8); **сидѣра** (л. 2), ср. сидהרָ (Ps 2.9); **синтρίψεις** (л. 2), ср. συντρίψεις (Ps 2.9); **νῦν** (л. 2), ср. νῦν (Ps 2.10); **сѣнете** (л. 2), ср. σύνετε (Ps 2.10); **ἐπληθύνθησαν** (л. 2об.), ср. ἐπληθύνθησαν (Ps 3.2); **ἐπίκονσε** (л. 2об.), ср. ἐπήκουσε (Ps 3.5); **синέτριψας** (л. 2об.), ср. συνέτριψας (Ps 3.8); **тῆς δικαιοσύνης** (л. 3), ср. τῆς δικαιοσύνης (Ps 4.2); **ματαιότητα** (л. 3), ср. ματαιότητα (Ps 4.3); **δικαιοσύνης** (л. 3), ср. δικαιοσύνης (Ps 4.6); **тῆς δείξει ἡμῖν** (л. 3), ср. τίς δείξει ἡμῖν (Ps 4.7); **ἐνφροσύνην** (л. 3об.), ср. εὐφροσύνην (Ps 4.8); **сѣнес тῆς κραυγῆς** (л. 3об.), ср. σύνες τῆς κραυγῆς (Ps 5.2); **προσκυνήσω** (л. 4), ср. προσκυνήσω (Ps 5.8); **κατεύθυνον** (л. 4), ср. κατεύθυνον (Ps 5.9); **ἀσθενής εἰμι** (л. 4об.), ср. ἀσθενής εἰμι (Ps 6.3); **κέ κрини λαους** (л. 5об.), ср. κύριος κρινεῖ λαούς (Ps 7.9); **τοὺς ἐν-θῆς** (л. 10), ср. τοὺς εὐθεῖς (Ps 7.11); **ἡ ἀμαρτωλοὶ** (л. 10), ср. οἱ ἀμαρτωλοὶ (Ps 10.2); **καθῆλον** (л. 10), ср. καθεῖλον (Ps 10.3); **νῦν ἀναστήσομαι** (л. 10об.), ср. νῦν ἀναστήσομαι (Ps 11.6).

2) Взаимная мена букв о и ω: **ἀντιλήπτωρ** (л. 2об.), ср. ἀντιλήπτωρ (Ps 3.4); **ὑψῶν** (л. 2об.), ср. ὑψῶν (Ps 3.4); **πρὸς κύριω** (л. 2об.), ср. πρὸς κύριον (Ps 3.5); **κύκλω** (л. 2об.), ср. κύκλω (Ps 3.7); **ὁ θεως** (л. 2об.), ср. ὁ θεός (Ps 3.8); **ἐπὶ τῶν λαόν σου** (л. 3), ср. ἐπὶ τὸν λαόν σου (Ps 3.9); **тῆς φῶνις** (л. 3об.), ср. τῆς φωνῆς (Ps 5.4); **μὴ ὤντος λυτρουμένου** (л. 5), ср. μὴ ὄντος λυτρομένου (Ps 7.3); **τῷ ὀνόματι** (л. 6), ср. τῷ ὀνόματι (Ps 7.18); **ἀπο τῶν ἐχθρῶν** (л. 6), ср. ἀπὸ τῶν ἐχθρῶν (Ps 7.5); **τῶν ἐχθρῶν** (л. 6), ср. τῶν ἐχθρῶν (Ps 7.7); **ἀθῶν** (л. 9), ср. ἀθῶν (Ps 9.29); **ψαλμῶς** (л. 9об.), ср. ψαλμός (Ps 10.1).

3) Отражение «аканья»: **ἀμωρτολῶι** (л. 1об.), **ἀμωρτολῶν** (л. 5об.) вм. ἀμαρτωλοὶ (Ps 1.5), ἀμαρτωλῶν (Ps 7.10).

В случаях, когда порядок слов в греческом тексте отличается от церковнославянского, греческие слова переставляются местами, так что образуются синтаксически невозможные конструкции. Видимо, эту перестановку также следует атрибутировать Нилу:

– **ὄνχι θεὸς ὄνχι θελῶν ἀνομίαν** (первое ὄνχι зачеркнуто) = **бѣтъ не хотѣ вѣзакѣ** (л. 3об.), ср. οὐχὶ θεὸς θέλων (Ps 5.5);

– **ἐχθρῶν μου ἕνεκα τῶν** = **врагѣ мои^x ради** (л. 4), ср. ἕνεκα τῶν ἐχθρῶν μου (Ps 5.9);

– **ἐν τῷ ἄδι δέ** = **во ἄдѣ же** (л. 4об.), ср. ἐν δὲ τῷ ἄδι (Ps 6.6);

– **ἐχθρῶν σου τῶν ἕνεκα τῶν καταλῦσαι ἐχθρόν** = **врагѣ твои^x ради да разѣши^ш врага** (л. 6об.), ср. ἕνεκα τῶν ἐχθρῶν σου τοῦ καταλῦσαι ἐχθρόν (Ps 8.3);

– **ταλαιπωρίας τῶν ἕνεκεⁿ τῆς πτωχῶν** = **озлобленн^a ради ѿбѣг^x** (л. 10об.), ср. ἕνεκεν τῆς ταλαιπωρίας τῶν πτωχῶν (Ps 11.6).

Начиная с л. 7об. над некоторыми буквами, произношение которых меняется в зависимости от их позиции в связной речи, проставлена транскрипция славянскими литерами: **τὸ ἐχθροῦ; οἱ γινώσκοντες; ἐν τοῖς; ἐμνήσθην; τῶν πενίτων** (л. 7об.), **синелѣфѣн** (л. 8), **ἐν παντί, εἰς γενεὰν** (л. 8об.), **οἱ φθαλμοὶ, ὡς λεων, ἐν καρδίᾳ** (л. 9), **ἡσθα, προσθῆ, ἐχθρός μου** (л. 11), **Ἰσραὴλ** (л. 12), **κληρονομίας μου, τῶν κῆ** (л. 13), **τῶν талапори́санτων ме, ἐκβάλλοντές ме** (л. 14), **εἰς платνῆσμόν** (л. 16), **ὡς πилὸν платείων** (л. 17об.). Транскрипция сохраняется и при перестановке слов: **τῆνος ἕνεκεν**, хотя в данном случае она неверна (ср. ἕνεκεν |d|ívos vs. |t|ívos ἕνεκεν).

Судя по тому, что в тексте литера **ѣ** соответствует греческой **θ**, а в транскрипции она обозначает звук [f], для Нила Курлятева буквы **φ** и **θ** в произношении не

различались: **κατακυριένσει, ἀνεῶν κακῶν** (л. 8об.), **μεγαλινῶειν** (л. 9об.), **ἐν τῷ, ἐν φρανῶνσιται** (л. 12). Об этом же свидетельствует эпизодическая передача буквы θ литерой φ в тексте: **ἐπὶ καφέδρα, ἐκάφισεν** (л. 1), ср. ἐπὶ καθέδρα, ἐκάθισεν (Ps 1.1), **ἐξεγέρфин** (л. 2об.), ср. ἐξηγέρθην (Ps 3.6).

ПРОБЛЕМА ОРИГИНАЛА

Как предположил С.А. Белокуров, Максим Грек мог пользоваться в своей работе венецианскими изданиями Псалтири конца XV – первой половины XVI в.¹ Недавнее исследование, проведенное И.В. Вернер, убедительно показало, что основным, хотя и не единственным источником греческого текста для Максима Грека являлась Псалтирь на греческом языке, изданная в Венеции Альдом Мануцием не позднее 1 октября 1498 г.; не исключено также использование очень редкого венецианского издания греческой Псалтири 1486 г.² Учитывая, что Максим Грек привлекал при переводе Псалтири также латинскую версию, нельзя сбрасывать со счетов первое издание Псалтири, вышедшее в Милане в 1481 г. на греческом, латинском и древнееврейском языках. Добавим к вышеперечисленным инкунабулам альдинскую Библию 1518 г., в которой была исправлена часть ошибок Псалтири 1498 г., хотя ее издание появилось уже после прибытия Максима Грека в Россию. Пословное сопоставление Псалтири № 9 с четырьмя названными изданиями подтверждает выводы о преимущественном использовании Максимом Греком Псалтири [1498] г.

Таблица 2

Septuaginta 1935 г. ^{<?>}	Psalterium graeco-latinum 1481 г. ^{<?>}	Psalterium graecum 1486 г. ^{<?>}	Psalterium graecum [1498] г. ^{<?>} Biblia 1518 г. ^{<?>}	Псалтирь греческо-слав. ф. 173/I, № 9
ἐπὶ καθέδραν (Ps 1.1)	ἐπὶ καθέδρας	ἐπὶ καθέδραν	ἐπὶ καθέδρα	ἐπὶ καφέδρα (л. 1)
ἐγὼ ἐκοιμήθην (Ps 3.6)	ἐγὼ ἐκοιμήθην	ἐγὼ ἐκοιμήθην	ἐγὼ δὲ ἐκοιμήθην	ἐγὼ ἐκοιμήτην
εἰσήκουσεν (Ps 4.2)	εἰσήκουσε	εἰσήκουσε	εἰσήκουσας	εἰσίκουσας
ἐν ταῖς καρδίαις ὑμῶν (Ps 4.5)	ἐν ταῖς καρδίαις ὑμῶν	ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶ [sic]	ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν (1498 г.) / ὑμῶν (1518 г.)	ἐν τῇς καρδίαις ἡμῶν (л. 3)
ἐπὶ ταῖς κοίταις ὑμῶν (Ps 4.5)	ἐπὶ ταῖς κοίταις ὑμῶν	ἐπὶ ταῖς κοίταις ἡμῶν	ἐπὶ ταῖς κοίταις ἡμῶν (1498 г.) / ὑμῶν (1518 г.)	ἐπὶ τῇς κόιταις ἡμῶν (л. 3)
Εἰς τὸ τέλος, ὑπὲρ τῆς κληρονομώσεως ψαλμὸς τῷ Δαυιδ (Ps 5.2)	Ψαλμὸς τῷ Δαυιδ εἰς τὸ τέλος ὑπὲρ τῆς κληρονομώσεως	Τέλος. ὑπὲρ τῆς κληρονομώσεως ψαλμὸς τῷ Δαυιδ	ὑπὲρ τῆς κληρονομώσεως ψαλμὸς τῷ δαδ'	ὑπὲρ τῆς κληρόνομωσις. Ψαλμὸς τῷ δαδ'
τῶν διαβουλίων (Ps 5.11)	τῶν διαβουλίων	τῶν διαβουλίων	τῶν διαβουλιῶν	τῶν διαβονλίων (л. 4)

¹ Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 304.

² Вернер И.В. К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522–1552 годах. С. 51–53.

τοῦ ἐλέους (Ps 6.5)	τοῦ ἐλέους	τοῦ ἐλαίου	τοῦ ἐλαίου (1498 г.) / τοῦ ἐλέους 1518 г.)	τοῦ ἐλέους (л. 40б.)
ἤσεν (Ps 7.1)	εἶπε	ἤσε	ἤσε	ἤσε (л. 5)
ὁ κύριος ἡμῶν (Ps 8.1)	ὁ κύριος ἡμῶν	ὁ κς ἡμῶν	ὁ κς ὑμῶν	ὁ κς ἡμῶν (л. 60б.)
καὶ τὰ κτήνη τοῦ πεδίου (Ps 8.8)	τὸ τὰ κτήνη τοῦ παιδίου	τὸ τὰ κτήνη τοῦ παιδίου	καὶ τὰ κτήνη τοῦ παιδίου	καὶ τὰ κτήνη πεδίου (л. 60б.)
ἰχθύας (Ps 8.9)	ἰχθύας	ἰχθύας	ἡχθύας	ἡχ-θύας (л. 7)
τὸ ὄνομα (Ps 8.10)	τὸ ὄνομα	τὸ ὄνομα	ὄνομα	τῷ ὄνομα (л. 7)
τῶν κρυφίων (Ps 9.1)	τῶν κρυφίων	τῶν κρυφίων	τῶν κρυβίων	τῶν κρυφίων (л. 7)
δικαιοσύνην (Ps 9.5)	τὴν δικαιοσύνην	δικαιοσύνην	τὴν δικαιοσύνην	δικαιοσύνην (л. 7)
ἔθνεσιν (Ps 9.6)	ἔθνεσι	ἔθεσι	ἔθυσιν	ἔ-θ-неси (л. 7)
ἐξέλιπον (Ps 9.7)	ἐξέλιπον	ἐξέλειπον	ἐξέλειπον	ἐξέλειπον (л. 70б.)
τῶν πενήτων (Ps 9.13)	τῶν πενήτων	τῶν πενήτων	τῶν πενίτων	τῶν πενήτων (л. 70б.)
ἐποίησαν (Ps 9.16)	ἐποίησαν	ἐποίησαν	ἐποίησαν	ἐποίησαν (л. 8)
γινώσκεται (Ps 9.17)	γινώσκεται	γινώσκεται	γηνώσκεται	γινώσκεται (л. 8)

Как показывает таблица, в Псалтири № 9 воспроизводится ряд ошибочных чтений альдинской Псалтири [1498] г.: ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν, ἐπὶ ταῖς κοίταις ἡμῶν – в м. ὑμῶν (Ps 4.5), ἡχθύας в м. ἰχθύας (Ps 8.9), τῶν πενίτων в м. πενήτων (Ps 9.13), ἐποίησαν в м. ἐποίησαν (Ps 9.16), γηνώσκεται в м. γινώσκεται (Ps 9.17). В то же время отдельные ошибки исправлены по другим изданиям: τοῦ ἐλέους (л. 40б.), ὁ κς ἡμῶν (л. 60б.), πεδίου (л. 60б.), τῶν κρυφίων (л. 7).

В некоторых случаях Максимом Греком проведено редактирование текста с заменой чтений Псалтири [1498] г. альтернативными. Во-первых, заменяются чтения, не соответствующие уже имеющемуся церковнославянскому переводу Псалтири. Это хорошо видно из сравнения Псалтири № 9 и Псалтири с воследованием в редакции митрополита Киприана 1480-х гг. с правкой Максима Грека (РГБ, ф. 304/І, № 315).
Таблица 3

Псалтирь [1498] г.	Псалтири 1481 и 1486 гг.	Псалтирь № 9	Псалтирь ф. 304/І, № 315
ἐγὼ δεῖ ἐκοιμήθην (Ps 3.6)	ἐγὼ ἐκοιμήθην	ἐγὼ ἐκοιμήτην	Дѣтъ оусноу ^х (л. 440б.)
καὶ τὰ κτήνη τοῦ πεδίου (Ps 8.8)	τὸ τὰ κτήνη τοῦ παιδίου	καὶ τὰ κτήνη τῶν πεδίου	и скоты польскы ^а (л. 470б.)
ἔθυσιν (Ps 9.6)	ἔθνεσι (1481 г.) ἔθεσι (1486 г.)	ἔ-θ-неси	а̑зыко ^м (л. 48)

Во-вторых, неупотребительные чтения (не встречающиеся в цитатах у авторов) заменяются на более распространенные.

Таблица 4

Псалтири 1481 и 1486 гг.	Использование чтения у авторов	Псалтирь [1498] г.	Использование чтения у авторов
τὸ ὄνομα (Ps 8.10)	Евсевий Кесарийский Афанасий Александрийский Астерий Антиохийский Иоанн Златоуст Кирилл Александрийский Феодорит Киррский Иоанн Дамаскин Диодор Антиохийский Неофит Затворник Патриарх Фотий Евстафий Солунский	ὄνομα	В цитатах у авторов не встречается
δικαιοσύνην (Ps 9.5)	Афанасий Александрийский Астерий Антиохийский Иоанн Златоуст Кирилл Александрийский Феодорит Киррский Феодор Мопсуэстийский Иоанн Дамаскин Неофит Затворник	τὴν δικαιοσύνην	В цитатах у авторов не встречается

В-третьих, часть чтений заменяется на равнозначные варианты, очевидно, в связи с выбором иной редакции греческой Псалтири (это предположение требует подтверждения на более широкой выборке).

Таблица 5

Псалтири 1481 и 1486 гг.	Использование чтения у авторов	Псалтирь [1498] г.	Использование чтения у авторов
τῶν διαβουλιῶν (Ps 5.11)	Афанасий Александрийский Феофилакт Болгарский Неофит Затворник Кирилл Александрийский Диодор Антиохийский Феодор Мопсуэстийский	τῶν διαβουλιῶν	Ориген Афанасий Александрийский Иоанн Златоуст Иоанн Дамаскин Феодорит Киррский Иоанн Евгеник

В венецианских Псалтирях 1486 и 1498 гг. и Библии 1518 г. текст опубликован только по-гречески. Псалтирь 1481 г. – триглотта с расположением греческого и латинского перевода в двух параллельных столбцах и древнееврейского оригинала – внизу страницы. В 1517 г. завершилось печатание шеститомной Комплютенской Полиглотты кардинала Франсиско Хименеса де Сиснероса, поступившей в продажу в 1522 г.¹ Псалтырь представлена в ней на трех языках – древнееврейском, латинском и греческом, в трех столбцах на странице. В столбце с греческой версией над каждой строкой греческого текста помещена строка с его латинским переводом (дополнительно к латинскому тексту в отдельном среднем столбце); таким образом, расположение интерлинейрного греческо-латинского текста (если отвлечься от двух других столбцов) полностью соответствует таковому в Псалтирях № 9 и 8, с той разницей, что в последних на месте латинского перевода над строкой расположен церковнославянский.

¹ Алексеев А.А. Текстология славянской библии. СПб., 1999. С. 108.

ПЕРЕВОД МАКСИМА ГРЕКА В ОСНОВНОМ ТЕКСТЕ И В ГЛОССАХ

Как следует из Предисловия Нила Курлятева, сначала им был написан греческий текст Псалтири, затем над ним был вписан церковнославянский перевод Максима Грека: **Переве^а сѣа псалмы двѣвы максѣмъ старѣ^а гре^к и ѿилосо^ф. а вилъ челоу^м ѣмъ азъ нѣщѣи чернорѣзчишко нѣлъ кѣрлатевыхъ. чтоуы мнѣ пожа^алова^а сказа^а ѣзвѣстѣно ѣ без оу^крашенѣа разѣмъ ѿалмѣвъ двѣвыхъ. ѣ онъ по^жа^алова^а, пре^ж мнѣ сказа^а ѣ нао^учи^а скла^атъ ѿалмѣмъ погречески. ѣ азъ по^{||}знѣвъ скла^а ѣ написѣлъ нѣ погречески. ѣ к немъ прише^лтъ в ке^ю, ѣ онъ ста^лтъ ска^зывати, з гре^кескаго пере^вѣда на на^шъ ѣзы^к, ѣ азъ писа^а в однѣхъ тетрѣтѣхъ прѣтивъ речей, рѣчи. ѣ старѣ^а пожа^алова^а велѣкимъ рѣзѣмомъ ска^зывалъ ѣзвѣстѣно** (Псалтирь в переводе Максима Грека, РГБ, ф. 304/I, № 62, л. 2об.–3). В Псалтири № 9 греческий текст написан коричневыми чернилами, над ним написан церковнославянский перевод красными чернилами. К церковнославянскому переводу даны разночтения либо в виде глосс на полях красными чернилами, часть которых сопровождается переводом на греческий язык, подписанным снизу коричневыми чернилами, либо в виде надстрочных глосс красными чернилами. Новые варианты перевода достаточно равномерно распределяются между основным текстом и глоссами. Сравнение Псалтири № 9 со Следованной Псалтирью в редакции митрополита Киприана 1480-х гг. с правкой Максима Грека (РГБ, ф. 304/I, № 315) показывает, что используется три основных способа внесения новых чтений.

1) Новый перевод вносится в текст безоговорочно.

Старый перевод: **нѣ въ закѣнѣ** (ф. 304/I, № 315, л. 43); правка старого перевода: **точѣю** (там же, на поле). Перевод Максима Грека: **но то^ю въ зак^нѣ** (Псалтирь № 9, л. 1); греч. ἅλλ' ἢ ἐν τῷ νόμῳ (Ps 1.2).

Старый перевод: **шаташа^ѣ** (ф. 304/I, № 315, л. 43об.), правки нет. Перевод Максима Грека: **ра^зар^ша^ѣ** (Псалтирь № 9, л. 1об.); греч. ἐφρῶξαν (Ps 2.1).

2) Новый перевод вносится в текст, при этом старый вариант приводится в виде глоссы на поле или над строкой (в ряде случаев на поле дается обратный перевод, не совпадающий с греческим текстом Псалтири).

Старый перевод: **прахъ** (ф. 304/I, № 315, л. 43об.), правки нет. Перевод Максима Грека: **пѣрстѣ** (Псалтирь № 9, л. 1об.); греч. χυοῖς (Ps 1.4). «Старый» вариант вынесен в виде глоссы на поле: **пра^х**, под ним дан его обратный перевод на греческий (отличный от варианта греческого текста псалма): **хѣма**.

3) Новый перевод дается на поле в виде глоссы, в тексте оставляется старое чтение.

Старый перевод: **Вѣскоу^ю** (ф. 304/I, № 315, л. 43об.), правки нет. Перевод Максима Грека: **чѣго ради** (на поле); в тексте оставлен старый вариант: **Вѣскоу^ю** (Псалтирь № 9, л. 1об.); греч. Ἰνα τί (Ps 2.1).

Старый перевод: **кнѣчи** (ф. 304/I, № 315, л. 43об.). В переводе Максима Грека оставлен старый вариант: **кнѣзи** (Псалтирь № 9, л. 1об.), на поле написаны два перевода-толкования: **на^ѣлници** (красными чернилами), **властѣлѣ** (ниже, черными чернилами).

Наконец, кратко остановимся на сопоставлении церковнославянского текста Псалтири № 9 с тремя другими списками Псалтири в переводе Максима Грека первой половины XVII в.: 1) РГБ, ф. 304/I, № 62, около 1619 г.; 2) РНБ, Соловецкое собрание, № 752/862, около 1620-х гг. или 1630–1634 гг.¹; 3) РНБ, Соловецкое собрание № 753/863, начала XVII в.²

¹ Датировка: Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. С. 222–223. Рукопись происходит из Троице-Сергиева монастыря, привезена в Соловецкий монастырь в 1634 году Иосафом Сороцким, поступила в монастырь после смерти владельца в 1637 г. (там же. С. 223).

² Датировка: Бубнов Н.Ю. Памятники старообрядческой письменности. СПб., 2000. С. 95. На л. 299–303 Послесловие Нила Курлятева об обстоятельствах перевода написания им Псалтири

Таблица 6

Septuaginta	Псалтирь следованная РГБ, ф. 304/I, № 315	Псалтирь № 9	Псалтирь РНБ, Сол. № 753/863 ^{<?>}	Псалтирь РГБ, ф. 304/I, № 62	Псалтирь РНБ, Сол. № 752/862 ^{<?>}
κατὰ μόνας (Ps 4.9)	ЄДИНАГО гlossa на поле: НАЄДИНѢ (л. 45)	ЄДИНАѢ гlossa на поле: НАЄДИНѢ (л. 3об.)	ЄДИННОГО	НА ЄДИНѢ (л. 3об.)	НА ЄДИНѢ
τῆς κραυγῆς μου (Ps 5.2)	ЗВАНІЄ МОЄ (л. 45)	ЗВАНІЄ МОЄ гlossa над строкой греческого текста: ВОПЛЬ МОН (л. 3об.)	ЗВАНІЄ МОЄ	ВОПЛЬ МОЙ (л. 3об.)	ВОПЛЬ МОН
τὸ τόξον αὐτοῦ ἐνέτεινεν (Ps 7.13)	ЛОУКЪ СВОЙ НАПРАЖЕ (л. 47)	ЛѢКЪ СВѢИ НАЛАЧЕ гlossa на поле: НАПРАЖЕ (л. 6)	НАЛАЧЕ	ЛѢКЪ СВѢИ НАЛОЖИ ^А (л. 5об.)	НАЛОЖИЛЪ
τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῶν (Ps 16.11)	ѠЧИ СВОИ (л. 53об.)	ГЛОЗА ѢХЪ (л. 14) гlossa на поле: ѠЧИ	ГЛАЗА НХЪ	ѠЧИ СВОИ (л. 13об.)	ОЧИ СВОИ
ἐκ τῶν ἀναγκῶν (Ps 30.8)	Ѡ БѢ ^А (л. 66об.)	Ѡ НѢЖЬ гlossы нет (л. 31)	Ѡ БѢДЪ	Ѡ НѢЖЬ (л. 28об.)	Ѡ НѢЖЬ
ἐν πωχείᾳ (Ps 30.11)	НИЦЕТОЮ (л. 67)	ВЪ НИЦЕТѢ ^Б гlossы нет (л. 31)	ВЪ НИЦЕТѢ	ОУБѢЖЕСТВО ^М (л. 29)	ОУБѢЖЕСТВОМЪ

Как можно видеть из таблицы, тексту Псалтири № 9 больше соответствуют чтения Соловецкого списка № 753/863, в то время как Псалтирь РГБ, ф. 304/I, № 62 объединяется скорее с Соловецким списком № 862/752. Ни одна из рукописей не представляет всего набора разночтений полностью: о нем можно судить только по совокупности списков.

Итак, греческо-славянские Псалтири РГБ были созданы в Троице-Сергиевом монастыре с интервалом в 20–25 лет. Псалтирь ф. 173/I, № 9 переписывалась Илларионом Астраханцем одновременно с написанием Псалтири в переводе Максима Грека ф. 304/I, № 62 Гаврилой Басовым, который выполнил художественные украшения в Псалтири № 9. Псалтирь № 8, созданная, очевидно, на волне интереса к личности и творчеству Максима Грека в 1640-х гг.¹, скопирована с Псалтири № 9 и повторяет ее ошибки, в связи с чем имеет второстепенное значение.

Интерлинейная Псалтирь Нила Курлятева, дошедшая в копии 1619 г., содержит транскрипцию греческого текста в редакции Максима Грека, созданной на основе печатных изданий Псалтири конца XV, а возможно, и первой половины XVI в., которая требует дальнейшего изучения.

под руководством Максима Грека в 1552 г. (тот же текст помещен в Псалтири РГБ, ф. 304/I, № 62 на л. 2об.–5об. в качестве Предисловия).

¹ Об этом: Кусмауль С.М. Книжная справа 40-х годов XVII века // Slověne. 2014. Т. 3. № 1. С. 75.

Церковнославянский текст Псалтири в переводе Максима Грека не является чем-то устоявшимся: он существует в совокупности лексических вариантов, представленных в сохранившихся списках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.А.* Текстология славянской библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 256 с.
2. *Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. 886 с.
3. *Бубнов Н.Ю.* Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 384 с.
4. *Вернер И.В.* Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. М., 2013. С. 104–128.
5. *Вернер И.В.* К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522–1552 годах: хронология, текстология, методология // Славяноведение. 2017. № 2. С. 40–54.
6. *Вернер И.В.* Лингвотекстология списков Псалтыри 1552 г. в переводе Максима Грека // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Т. 2. Казань, 2018. С. 33–37.
7. *Клитина Е.Н.* Симон Азарьин (Новые данные по малоизученным источникам) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 34. Л., 1979. С. 298–312.
8. *Клосс Б.М.* О происхождении названия Россия. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 152 с. (Studia historica. Series minor)
9. *Кусмауль С.М.* Книжная справка 40-х годов XVII века // Slověne=Словѣне. International Journal of Slavic Studies / Институт славяноведения РАН. М., 2014. Т. 3. № 1. С. 72–101.
10. *Мурзина Н.В.* О книжной справе Максима Грека на примере Псалтири 1552 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 64–69.
11. *Парфентьев Н.П.* Творчество книгописцев и художников-знаменщиков братьев Басовых (1580–1630-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. Т. 14. № 3. С. 23–48.
12. *Парфентьев Н.П.* Новые находки рукописей Гаврилы Басова (конец XVI – первая треть XVII вв.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. № 1. С. 84–94.
13. *Порфирьев И.Я., Вадковский А.В., Красносельцев Н.Ф.* Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии. Ч. 1. Казань, 1881. 827 с. разд. паг.
14. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году / Труд архимандрита Леонида. Вып. 2. М.: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1887. 375, 27, VIII с.
15. *Щербачева Н.А.* Фундаментальное собрание библиотеки МДА. Ф. 173.I // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Указатель / Отв. ред. Ю.Д. Рыков. М., 1986. С. 85–109.
16. Bibliographie hellénique: ou description raisonnée des ouvrages publiés en Grec par des Grecs aux XVe et XVIe siècle / Par Emile Legrand. T. 1. Paris, 1885. 773 p.
17. Septuaginta / Ed. A. Rahlfs. Vol. 2. 9th edn. Stuttgart, 1935 (repr.: 1971): stephanus.tlg.uci.edu/Iris/Cite?0527:027:3594 (дата обращения: 25.03.2019).

REFERENCES

1. Alekseev A.A. (1999) Textology of Slavonic Bible. St.-Petersburg. Dmitry Bulanin Publ. 256 p.
2. Belokurov S.A. (1899) On the Library of Moscow Sovereigns in the 16th century. Moscow. Printing House of G. Lissner and И. A. Geshel. 886 p.
3. Bubnov N.Yu. (2000) Literary Monuments of Old Believers' Writing: Works of Geronty of Solovki. The History of Patriarch Nikon. St.-Petersburg. Russian Christian Institute of Humanities Press. 384 p.
4. Verner I.V. Grammar Correction of Maxim the Greek in the Psalter of 1552. In: Writing, Literature, Folklore of Slavonic Peoples. The History of Slavonic Studies. XV International Congress of Slavists. Moscow. 2013, pp. 104–128.
5. Verner I.V. To the History of the Translation of the Psalms by Maxim the Greek in 1522–1552: Chronology, Textology, Methodology. *Slavyanovedenie*. 2017. No 2, pp. 40–54.
6. Verner I.V. Lingvo-textology of the Psalter 1552 in the Translation of Maxim the Greek. In: Linguo-cultural Studies of the Development of the Russian Language in a Multi-Ethnic Environment: Experience and Prospects. Vol. 2. Kazan. 2018, pp. 33–37.
7. Klitina E.N. Simon Azaryin (New Data on Poorly Studied Sources). In: Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Vol. 34. Leningrad. 1979, pp. 298–312.
8. Kloss B.M. (2012) About the Origin of the Name of Russia. Moscow. Rukopisnye Pamyatniki Drevney Rusi Publ. 152 p. (Studia Historica. Series Minor)
9. Kusmaul S.M. The Correction of Books of the 40s of the 17th century. *Slověne. International Journal of Slavic Studies* / Institute of Slavic Studies, RAS. Moscow. 2014. Vol. 3. No 1, pp. 72–101.
10. Murzina N.V. About the Correction of Books by Maxim the Greek on the Example of the Psalter of 1552. *Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2016. No 4, pp. 64–69.
11. Parfentiev N.P. Creativity of Bass brothers – the Book-Scribes and the Artist of a Flag (1580–1630s). *South Ural State University Bulletin. Series: "Social and Humanitarian Sciences"*. 2014. Vol. 14. No 3, pp. 23–48.
12. Parfentiev N.P. New Discoveries of Manuscripts by Gavril Basov (late 16th – first third of the 17th centuries). *South Ural State University Bulletin. Series: "Social and Humanitarian Sciences"*. 2018. Vol. 18. No 1, pp. 84–94.
13. Porfiriev I.Ya., Vadkovsky A.V., Krasnoseltsev N.F. (1881) Description of the Manuscripts of the Solovetsky Monastery Being in the Library of the Kazan Theological Academy. Part 1. Kazan. 827 p. Separate pagination.
14. Information about Slavic Manuscripts Received from the Holy Trinity St. Sergius Lavra's Book-Depository by the Library of the Trinity Theological Seminary in 1747 / The Work of Archimandrite Leonid. Issue 2. Moscow. Publication of the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. 1887. 375, 27, VIII p.
15. Shcherbacheva N.A. The Fundamental Collection of the Library of the Moscow Theological Academy. F. 173.I. In: Manuscripts Collections of the V.I. Lenin State Library of the USSR: Index / Chief ed.: Yu.D. Rykov. Moscow. 1986, pp. 85–109.
16. Bibliographie hellenique: ou description raisonnee des ouvrages publies en Grec par des Grecs aux XVe et XVIe siecle / Par Emile Legrand. T. 1. Paris. 1885. 773 p.
17. Septuaginta / Ed.: A. Rahlfs. Vol. 2. 9th edn. Stuttgart, 1935 (repr.: 1971): stephanus.tlg.uci.edu/Iris/Cite?0527:027:3594 (date accessed: 25.03.2019).

Людмила Игоревна Щеголева,
научный сотрудник
Институт всеобщей истории, РАН

Lyudmila I. Shchegoleva,
Research Associate
Institute of World History, RAS

Сведения об авторе:

lish@mail.ru

А.А. Коростелёва (Москва, Россия)

К вопросу о функционировании средств коммуникативного уровня русского языка в речи врача (в аспекте преподавания РКИ)

Аннотация: В статье предлагается анализ коммуникативной составляющей в речи врача, выполненный методом семантического коммуникативного анализа на киноматериале. Исчислены важнейшие коммуникативные средства, приведены реализации их инвариантных параметров. Выявлена принадлежность наиболее частотных и актуальных для общения врача на приёме единиц к трём коммуникативным полям – полю знания, полю бенефактивности и полю личной сферы.

Ключевые слова: коммуникативная семантика, звучащий кинодиалог, стратегии коммуникативного поведения, коммуникативная стратегия врача, русский язык как иностранный

A.A. Korosteleva (Moscow, Russia)

On the Functioning of Russian Communicative Level's Means in Physician's Speech (in the aspect of Russian as Foreign Language teaching)

Abstract: The article offers an analysis of the communicative component in a physician's speech, performed with the method of semantic communicative analysis on a film material. Thus the most important communicative means are listed in it and the implementations of their invariant parameters are given. An affiliation of the most frequent and relevant for the physician's professional communication's units to three communicative fields – the field of knowledge, the field of benefactivity and the field of personal sphere is revealed.

Key words: communicative semantics, spoken film dialogue, strategies of communicative behaviour, physician's communicative strategy, Russian as a foreign language

Согласно теоретическим положениям школы **семантического коммуникативного анализа**, разработанным в 1990–2010-х гг. М.Г. Безяевой [Безяева 2002; 2005; 2014; 2017 и др.], одной из фундаментальных оппозиций языка является противопоставленность его двух систем: *номинативного* и *коммуникативного уровней*. Семантика коммуникативного уровня связана с соотношением позиции говорящего, позиции слушающего и квалифицируемой ими ситуации, в то время

как номинативные единицы языка передают *информацию о действительности, преломленную в языковом сознании говорящего*.

Под позицией говорящего, так же как и слушающего, мы, вслед за М.Г. Безяевой, понимаем физические, ментальные, коммуникативные действия участников общения как некую обобщенную данность. *Ситуация* есть некие обстоятельства, которые воспринимаются говорящим, оцениваются и квалифицируются им в том или ином аспекте, на который реагирует язык при формировании значения конструкций. Термин *контекст* используется нами для обозначения некоторого окружения конструкции, дающего возможность реализоваться тем или иным ее семантическим коммуникативным параметрам [Безяева 2005; 2013].

Коммуникативный уровень русского языка включает в себя чрезвычайно разнородные единицы – от *собственно коммуникативных* (наклонения, частицы, междометия, интонация, другие средства звучания, синтаксические приемы) до *средств, способных выполнять наряду с коммуникативной и номинативную функцию* (словоформы полнозначных лексических единиц, части речи, грамматические категории). Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия *целеустановки, вариативного ряда конструкций, ее обслуживающих, и инвариантных параметров средств*, входящих в эти конструкции. Под целеустановкой понимается языковой тип воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего, говорящего на ситуацию либо фиксация типа воздействия слушающего или ситуации на говорящего. Коммуникативная конструкция объединяет в себе конкретные реализации инвариантных параметров единиц, подчиняющиеся особому алгоритму развертывания семантических параметров. Почти все инварианты русских коммуникативных единиц способны к антонимическому развертыванию. Помимо этого, сами параметры и их реализации могут относиться к позиции говорящего, к позиции слушающего или к ситуации, быть распределены между ними и т. д. Возможно также варьирование по отнесенности к различным временным планам и по аспекту реальности-ирреальности¹.

В основе анализа интонационных средств языка в работе лежит описание системы русской интонации, предложенное Е.А. Брызгуновой, и разработанная ею усложненная интонационная транскрипция [Брызгунова 1980; 1982]².

Любая коммуникативная единица, встречаясь в высказывании, задает *определенный тип соотношения позиции говорящего, позиции слушающего и ситуации*. Средства коммуникативного уровня используются носителем языка неосознаваемо, интуитивно (рядовой носитель языка не в состоянии назвать подлинную семантику этих единиц), но при этом интуитивном использовании коммуникативные средства сами собой стягиваются к тому месту диалога, где есть потребность в смыслах, для выражения которых они предназначены.

При разборе в аудитории иностранных учащихся образцов типичного русского диалога врача и пациента семантика реплик, как правило, анализируется без уче-

¹ Семантические инвариантные параметры русских вербальных коммуникативных средств содержатся в публикациях [Безяева 2002; 2005; 2014; 2017 и др.], а также в спецкурсах, читавшихся М.Г. Безяевой на филологическом факультете МГУ в 2006–2016 учебных годах («Инвариантные параметры средств коммуникативного уровня русского языка», «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста» и др.). Формулировки инвариантных параметров кинесических средств (поза, мимика, жест) принадлежат автору данной работы.

² Кроме того, Е.А. Брызгуновой принадлежат первые образцы коммуникативного анализа звучащих художественных текстов (см. [Брызгунова 1984]).

та звучания и кинесической (жестовой, мимической) составляющей. По причине же того, что к данному материалу не применялся ранее метод семантического коммуникативного анализа с целью выявления особенностей коммуникативных стратегий врачей, то и работа сегментных вербальных коммуникативных средств так же мало освещалась в контексте РКИ, как и функции средств суперсегментных и кинесических¹. Между тем львиная доля языковой информации в этом случае передается именно коммуникативными средствами, которые традиционное преподавание оставляло до сих пор за кадром.

В ходе знакомства с особенностями организации данного фрагмента русской коммуникативной системы можно предложить иностранным учащимся-медикам ряд киноуроков по фильмам, где показано взаимодействие врачей с пациентами и родственниками пациентов на приеме². На первый взгляд, врач в кино нередко нетривиальным, творческим способом решает некую индивидуальную и даже неожиданную задачу. В действительности в речи актера – исполнителя роли активизируются наиболее типичные для рассматриваемых ситуаций русские коммуникативные средства. Анализ отбора единиц на трех ступенях варьирования (целеустановка, конструкция, средство) способен подвести учащихся к пониманию фундаментальных стратегий коммуникативного поведения русского врача-клинициста в его повседневном профессиональном общении (собираение анамнеза, постановка диагноза, назначения, инструктирование помощников, решение попутно возникающих нестандартных коммуникативных задач)³.

Отдельного комментария требует отбор коммуникативных средств, представленный в речи собеседников врача – пациентов и их родственников. Маркеры определенных эмоциональных состояний (в том числе скрываемых говорящими), степень доверия к врачу, понимание серьезности своего состояния или же отсутствие такого понимания – вся эта информация извлекается из коммуникативной дорожки. Причем если носитель русского языка извлекает ее интуитивно, то иностранный учащийся нуждается в раскрытии семантических параметров используемых персонажами коммуникативных единиц, в показе и разъяснении конкретных реализаций этих параметров. (Напомним, что речь идет о семантике русских интонационных конструкций, частиц, междометий, местоимений и наречий, синтаксических приемов, малых средств звучания, жестов рук, мимических жестов и др. В основном это «неуловимые» собственно коммуникативные средства и не указанные в существующих традиционных академических словарях смыслы.)

Приведем разбор нескольких фрагментов из разных фильмов медицинской тематики, обращая внимание на семантику русских средств, существенных для

¹ Сам термин *коммуникативный* (*коммуникативные тактики, коммуникативные средства, коммуникативная компетентность*) применительно к речевому поведению медика в его клинической практике активно используется психологами (см., например, [Малова 2013], но в этом случае коммуникативный означает лишь ‘связанный с коммуникацией, относящийся к общению’ и не нагружается узким лингвистическим смыслом ‘отображающий соотношение позиции говорящего, позиции слушающего и квалифицируемой ими ситуации’.

² Нами использовались российские и советские фильмы «Сельский врач» (1951), «Здравствуйте, доктор» (1974), «Врача вызывали?» (1974), «Опасный возраст» (1976), «Рогоносец» (1991), «Морфий» (2008), «Белая гвардия» (2012), «Счастье – это» (2015), «Врач», «Карп отмороженный» (2016), «Аритмия» (2017) и др.

³ Для решительных сторонников анализа живого, подлинного диалогического материала заметим, что существуют новейшие фильмы (такие как «Аритмия»), сценарии для которых создавались методом *verbatim*; они без изменений воспроизводят фрагменты реальной живой речи.

формирования коммуникативной стратегии врача и коммуникативных характеристик личности его собеседников.

**Коммуникативная составляющая общения врача
с пациентом / с доверенным лицом пациента**

В приводимых ниже фрагментах из фильма «Врач» (2016) дан образец общения нейрохирурга (Г. Куценко) с мужем пациентки с опасной опухолью мозга и, по-видимому, плохим прогнозом (Ю. Кузнецов) (при первом обращении и в ситуации их предварительного знакомства).

Врач (по телефону): А когда это произошло? // А-а... делали КТ⁶, / МРТ⁶? // Так⁴, и какая область поражена? // Понятно¹. // Ну, спокойно¹, / спокойно¹. // Давайте², приезжайте со снимками. // М.¹ // Нет.² // После двенадцати / или после четырёх – / у меня две операции. // Помощницы, Натальи, есть у вас телефон? // Я понимаю¹, / плачет.¹ // Я понимаю¹. // Я не могу ничего сказать, пока не посмотрю¹. // Жду².

Обращаясь к самой простой (наиболее легкой для осмысления) ступени варьирования – целеустановочному уровню, можно сразу обратить внимание учащих на *значимое отсутствие* в речи врача такой целеустановки, как обещание – в том числе фатическое, вроде

Всё будет хорошо¹, Ничего¹, Ничего страшного¹, Всё нормально будет¹.

Это принципиально важно и объясняется тем, что говорящий (врач) в момент разговора близок к информационному нулю. Вместо этого перед нами *утрачивающие вопросы, успокаивание (подбадривание), выражение понимания, фатическая констатация понимания, сообщение о факте*.

Наиболее интересна здесь роль ИК-6 в вопросах:

А когда это произошло? // А-а... делали КТ⁶, / МРТ⁶?

и далее в том же эпизоде

– Куда её отвезли?⁶

Инвариантный семантический параметр ИК-6 – *знание / незнание* порождает здесь три различные реализации. В первом употреблении (*А когда это произошло?*) формируется значение ‘знал, но забыл’. В данном случае это косвенное указание на включенность пациента в личную сферу врача. Очевидно, что доктор и *не мог знать*, когда именно проявила себя опухоль у жены собеседника, тем не менее ИК-6 как бы говорит ‘вроде бы знаю, почему-то не могу вспомнить (чувствую, что обязан был бы знать)’; это и формирует фоновый смысл, что обсуждаемая пациентка для врача – человек не чужой, не посторонний. Разумеется, собеседник интуитивно считывает данный коммуникативный смысл, пусть даже этикетный, и для него это важно. То же интонационное оформление в вопросе, заданном врачом чуть позже: «Куда её отвезли?», – вновь связано с *закадровым знанием говорящего*, и зритель может также увидеть за этим значение ‘я обязан был знать (так как вы достаточно близкие для меня люди)’. Но в действительности на этом лексико-синтаксическом составе ИК-6, если можно так выразиться, «уби-

вает сразу двух зайцев». В данном высказывании сосуществуют две реализации ИК-6: наряду со смыслом 'должен был бы знать (поскольку вы мне не чужие)', говорящий вводит идею закадрового знания еще и потому, что действительно затронута область его компетенции (скажем, он хорошо представляет себе, что в городе всего две больницы, куда могли отвезти пациентку с таким диагнозом, и лично знает специалистов из обеих). Такая ИК-6 тоже должна немного успокаивать, обнадеживать собеседника (в отличие от типично функционирующей в таком вопросе ИК-2, которая сказала бы лишь 'назовите мне требуемый вариант из ряда возможных вариантов'), так как, интуитивно воспринимая этот параметр компетентности, он понимает, что дело в руках опытного специалиста.

В третьем же имеющемся здесь вопросе на ИК-6, с виду чрезвычайно похожем на два разобранных выше: «А-а... ⁶делали КТ, / ⁶МРТ?», – содержится только одна реализация инвариантного параметра ИК-6, но на сей раз это указание на закадровое знание говорящего, связанное с тем, что затронута область его профессиональной компетенции (он знает, какие анализы в первую очередь делаются в таких случаях). Здесь, в силу размещения ИК-6 именно на этом лексико-синтаксическом составе, не срабатывает идея 'знал, но забыл / вот-вот вспомню', которая давала бы этикетное включение собеседника и третьего лица в личную сферу говорящего.

Таким образом, три чрезвычайно похожих вопроса, заданных в одной и той же ситуации, фактически следующие друг за другом, единообразно интонационно оформленные, демонстрируют нам три способа реализации инвариантного параметра ИК-6, и все эти три способа значимы для формирования коммуникативной личности врача.

Так в принятии информации (⁴Так, и какая область поражена?) означает 'говорящий расценивает введенную информацию как соответствующую его представлению о норме и бенефактивную (нужные анализы были сделаны), следствием чего станет его очередной вопрос'. ИК-4 реализует свой инвариантный параметр как 'говорящий соотносит полученные сведения со своим представлением о норме развития ситуации'. И передает значение соответствия предполагаемому, аналогии ('в полном соответствии с предполагаемым говорящий хочет знать, какая область мозга поражена').

В успокаивании можно отметить характерный русский повтор средства или (части) высказывания (¹Ну, ¹спокойно, / ¹спокойно; ¹Я ¹понимаю, / ¹плачет. // Я ¹понимаю) в значении 'говорящий воздействует на собеседника, чье состояние маркируется им как отклоняющееся от нормы и небенефактивное как для самого собеседника, так и для говорящего, с целью приведения его к бенефактивной норме'. Такое использование повтора как коммуникативной единицы (кратный *повтор средства / высказывания* в одной реплике, совпадающий с периодом воздействия на слушающего, является типологической особенностью русского языка [Безяева 2016: 85] (совершенно иной семантикой и иными возможностями обладает, допустим, повтор в китайском языке). Ну в успокаивании призвано привести поведение адресата в соответствие с ожидаемой нормой.

Наталья: Там ⁶Потёмкин к вам ⁶пришёл, / он в ¹форме.

Разговор с мужем пациентки – пожилым МЧСником.

Врач: Здрасьте.² // (Пожимают друг другу руки. Потёмкин кивает – редуц. поклон). Здрасьте.²

Потёмкин: Сам приехал.² // Сорок лет мы с ней.¹ // Сорок.¹²

Врач (кивает): Я понимаю.¹² // (Размыкают рукопожатие) Давайте снимок.² // Проходите.² // Судороги были?³

П.: Она лежала.²³ // Потом... вдруг зашевелилась.¹ // Я думаю: «Слава бо[γ]у», / «Катенька, – говорю, / – Катя!» // ↑ А потом как... как-то скрутило.² // ↑ Она язык начала прикусывать.¹ // Пена пошла.¹² // Я ей стал рот разжимать.¹² // У неё мост полетел.

Наталья: Юрий Михалыч, готово всё.²

Врач: Мг.¹ // Скажи, пусть начинают.⁴

Наталья: Ага.⁴

Врач: Не надо было.²

П.: ↓ Чего?²

Врач: Разжимать не надо было.³² // У нас случай в девяностых был.¹² // Авария на перекрёстке... / у водителя приступ эпилепсии.¹ // Ну, мы его вытащили, / и вдруг... / хе... / из пострадавшей машины / к нам кавказец выходит,²³ / с ножом – / огромным, / как он сам.¹² // (Потёмкин слушает открыв рот). Думаю, сейчас всех покромсает.¹ // Он подходит и говорит.¹ / < ↓ «На, ра[ж':]имай». // Не надо.^{2\} // Ну, прикусила и прикусила.¹ // Так ему и нужно.² // Язык мой – враг... / мой, / точно.¹

П. (качнув головой – наклон головы к плечу): Ну я же не знал.³ // Это у неё... первый раз.³ // Эпилепсия.¹

Врач: Ну, в вашем случае / эпилепсия – это симптом.¹ // Так зачастую дебютирует опухоль.⁶ // Куда её отвезли?

П. (с уменьшением голосовой составляющей): В первую.¹ // В реанимацию.¹ // А там в шоке все.³ // Говорят: «Это инсульт, / и он обширный». (Пожимает плечами).

Врач: Хм.²

П. (с уменьшением голосовой составляющей): А она вдруг встала и... / как ни в чём не бывало... / и говорит: // (разводя руками) «А где это я? // А зубы мои где?» // Ну, её на снимок.¹ // А там за[р:]аза эта.² // Юрий Михалыч, / а что это? //

³А? // А может, и хорошо, что не инсульт? // Потому что а-а... инсульт-то –
(разводит руками) всё. // (Разводит руками) Если тяжёлый инсульт, / это ж
лежащий... вообще. // А она же встала, / а? (Пожимает плечом).

Врач (по телефону): Наталья, / слушай: / занимайтесь госпитализацией с
переводом. // Там нехорошая опухоль. // Готовьте к операции.

(«Врач»)

Чрезвычайно важно обратить внимание иностранной аудитории на коммуникативную составляющую выделенных реплик мужа пациентки в данном эпизоде. Будущим медикам это дает едва ли не больше значимой языковой информации, чем коммуникативная дорожка реплик врача.

Обратим внимание на множество *а* в различных реализациях в речи Потёмкина:

– Юрий Михалыч, / а что это? // ³А?

‘говорящий хотел бы войти сам и ввести слушающего в новую ситуацию (первое *а*), подозревая, что ситуация эта может оказаться новой по сравнению с нормой (второе *а*)’;

– А может, и хорошо, что не инсульт?

‘говорящий сам входит в якобы новую, на самом же деле не новую для него ситуацию (мы догадываемся, что он многократно прокручивал уже раньше в уме эту версию, думал о ней)’;

– А она же встала, / а?

‘ввожу вас в не новую для нас ситуацию как в новую (первое *а*) и вновь прошу вас войти и ввести меня в новую ситуацию (зд.: ситуацию более благоприятного прогноза), хотя это и будет отклонением от нормы (второе *а*)’.

Кроме того, здесь активно работает ИК-3 в значениях ‘сориентируй меня в ситуации’ (³А?; А может, и хорошо, что не инсульт?), ‘хочу сориентироваться на реальное положение дел, на норму’ (Потому что а-а... инсульт-то – (разводит руками) всё; Если тяжёлый инсульт, / это ж лежащий... вообще), ‘ориентирую тебя на имеющиеся обстоятельства’ и в то же время ‘сориентируй меня в данной ситуации (как это следует трактовать)’ (А она же встала...). Нужно отметить единицы это в значении недолжной сущностной качественной характеристики; -то (...инсульт-то – всё), сообщающее, что реализованная ситуация еще как-то соответствует представлению говорящего о норме, в то время как нереализованная (инсульт) совсем бы не соответствовала, сильнее затрагивая личную сферу говорящего; вообще, маркирующее настоящий слом нормы, вариант, который произошел бы все допустимые отклонения от нормы (...это ж лежащий... вообще), русское и в значении ‘по контрасту с предполагаемым’ (А может, и хорошо, что не инсульт?) и же (ж), параметры которого в реплике «Если тяжёлый инсульт, / это ж лежащий... вообще. // А она же встала, / а?» реализуются как ‘должное не имеет места (ты должен был бы сказать мне, что инсульт – это намного хуже и

то, что жена сама встала, – хороший знак, но почему-то не говоришь)’. Дважды использованная кинема *развести руками* в значении *демонстрации отсутствия ресурса* (что здесь должно указывать на известное бессилие врачей и родственников перед инсультом), хотя формально и относится к не случившемуся инсульту, однако, как это нередко бывает в коммуникативном тексте, в действительности привносит свои семантические параметры в смысл монолога в целом и, конечно же, передаёт ощущение говорящим своей беспомощности перед лицом ситуации. Жест *пожать плечом* указывает на расхождение позиции говорящего и позиции врачей относительно бенефактивности – небенефактивности выяснившихся обстоятельств (точнее, на то, что говорящему *хотелось бы разойтись с врачами во взглядах*).

Перед нами речь человека сильного, мужественного и старающегося держать себя в руках, но в то же время здесь чрезвычайно много коммуникативных показателей того, что он пребывает в полной растерянности и цепляется за надежду на более благоприятный вариант, одновременно осознавая, что эта надежда призрачна.

В речи Потёмкина очень интересно то, как он тщательно избегает определенных номинативных средств, в последний момент неловко подменяя их коммуникативными (видимо, как менее «ранящими» или же из суеверия): *Потому что инсульт-то – всё*, говорит он (вместо *Инсульт – это конец*), *это ж лежащий...* **вообще** (вместо: *это ж лежащий больной / инвалид*). То, что мы в состоянии увидеть эти «швы», этот зазор между сказанным и не прозвучавшим, тоже многое сообщает о душевном состоянии говорящего, вскрывает всю беспомощность, стоящую за его монологом. На номинативном уровне он вполне здраво интересуется конкретным аспектом ситуации, запрашивает консультацию у врача, на коммуникативном же уровне он растерян и беспомощно топчется в замкнутом круге, стремится прорваться в какую-то новую ситуацию из давно уже не новой и вновь возвращается в исходную точку, поминутно просит сориентировать его в происходящем, кратко вводя смысл ‘не могу сориентироваться’, и «отодвигает» от себя слом нормы, связывая его с некой не реализовавшейся ситуацией, не желая связать его с уже реализовавшейся.

Рассмотрим далее коммуникативное поведение врача в сцене из фильма «Здравствуйте, доктор» (в роли Александра Николаевича, хирурга из Москвы, – В. Лановой).

Мать мальчика с аппендицитом не соглашается на операцию и не дает врачам осмотреть сына.

Мать (качает головой): Не пуш²у! // Не дам²! // Мой ребёнок²! (*Качает головой*).

Местный врач (потрясая руками): Пойми², Татьяна: / погубишь ты его²!

Мать: Я погублю³? // Я погублю^{1 2}... (*Закрывает лицо руками*).

Доктор Зубцов: Александр Николаич⁶! // (*Слегка потрясая рукой*) У ребёнка² тяжёлое состояние¹. // А Татьяна⁶ не пускает¹. // Хочет его в город^{2 3} везти. // (*Разводит руками – жест редуц.*). Не знаю¹, что делать.

Хирург из города: Разрешите⁴.

Мать: Не пуш⁴у! // ↑ Не дам... // Ил²ья, / что ты см²отришь, / скажи! А вам бы⁶ только резать его!..

Хирург из города: Прекратите истерику, / сяд²ьте. // Сяд⁶ьте / и успокойт²есь. // (Гладит Татьяну по голове) Как вам не стыдно: не пускать врачей к больному! // Варварство какое-то. // (Мужу) Успокойте её. // (Доктору Зубцову) Пойдёмте.

В комнате.

Александр Николаевич (с улыбкой): Ну? // [ч'о] реве⁴шь? // М³? // Как тебя зовут?

Мальчик: Коля. (Улыбается).

Александр Николаевич: Коля. // Скольк⁴о тебе лет?

Мальчик: Пять с половиной.

Александр Николаевич: Так. // Пять с половиной. // Давай посм⁶отрим, / Коля... // Давай-ка ножки вот так вот сделай. // Во-от / так, / вот так вот.

Коля, Коля, / Николай, //

Сиди дома, / не гуляй. //

[ш'ас] мы посм²отрим тебя немног²о... // Та-ак... // Так... // (Налаживает визуальный контакт) У тебя собака е³сть?

Мальчик: Две.

Александр Николаевич: Две?

Мальчик: Да.

Александр Николаевич: Как их зовут?

Мальчик: Рекс / и Тишка. // ↑ ОэЙ!

Доктор Зубцов: Аппендицит.

Александр Николаевич: И, вероятн¹²о, перфоративный. // Чем он болел?

Доктор Зубцов: Скарлатиной.

Мать (кивает): Да.

Доктор Зубцов: Свинка.

Мать (кивает): ↑ Мг.

Александр Николаевич (установив визуальный контакт с матерью): Оперировать надо, / и немедленно.

Мать: Нет. // Нет, / я не могу.

Александр Николаевич: Вы... / (кладёт руку на локоть матери) вы кем работаете?

Мать: Заведующей фермой.

Александр Николаевич (не размыкая визуального контакта, с кивком): Вы за свою работу отвечаете?

Мать (кивает): Отвечаю.

Александр Николаевич: А мы отвечаем за свою. // (Сжимает локоть матери и убирает руку с её локтя) Всё будет хорошо. // (С улыбкой) Ну, / Коля, / поехали. // Минутку. // Вот так вот... // Помогите мне. // Вот та-ак... (Матери) От слёз ранние морщины, / это я (с кивком) как врач говорю.

Мать (Зубцову): ↑ Трофим Петрович!

Доктор Зубцов (на секунду кладёт руку ей на плечо): Всё будет хорошо.

(«Здравствуйте, доктор»)

Чтобы нормализовать ситуацию (истерика у матери), врач использует самые простые и эффективные способы воздействия, вводя формы императива в значении 'я хочу быть причиной изменения твоего поведения' с ИК-2 в значении 'должен быть реализован только этот вариант' (Прекратите истерику, / сядьте. // Сядьте / и успокойтесь. // (Гладит Татьяну по голове) Как вам не стыдно: не пускать врачей к больному! // Варварство какое-то. // Успокойте её). С помощью совершенного вида говорящий указывает на наличие у собеседников способности выполнить каузируемые действия. Интересен здесь жест *гладить по голове*, синхронизированный с упреком: он связан и с идеей подключения личной сферы, и с идеей более высокого уровня контроля над ситуацией у говорящего. Идея компетентности подкрепляется единицами *какой и -то* (Варварство какое-то): *какое* – 'знаю норму, вижу признак, маркирую несоответствие его норме', *-то* – 'реализованный вариант отклоняется от представления о норме (при расчете на единство нормы)'.

Затем врач дружески заговаривает с маленьким пациентом:

– Ну? // [ч'о] ревешь? // М? // Как тебя зовут?

Ну – 'соответствуй моим ожиданиям'; ИК-4 – 'говорящий соотносит визуально воспринимаемую ситуацию с ее возможными причинами (у огорчения должна быть причина)'; м – 'говорящий пропускает полученную визуальным путем информацию через свою базу знаний и мнений'; ИК-3 – 'сориентируйся на мою позицию при том, что и я сориентирован на твою'. Аллеговое произношение (*чѐ* вместо *чего*) служит здесь интимизации регистра.

Вопрос об имени (Как тебя зовут?) на ИК-6 ('знал, но забыл' – см. выше) окончательно устанавливает доверительную атмосферу, маркирует врача как «своего». Убыстрение темпа речи в данном случае призвано указать на небольшое от-

клонение от нормы; общий смысл, интуитивно воспринимаемый ребенком при таком звучащем оформлении, – ‘конечно же, я знал, как тебя зовут, ведь мы же свои люди; я просто немножко забыл’.

Многократное *так* передает значение ‘воспринятая говорящим информация (результат пальпации и др.) более или менее соответствует его представлению о норме, следствием чего явятся его дальнейшие действия, бенефактивные для слушающего’; многократное *вот* – ‘реализован вариант (либо: ты реализуешь / я нахожусь / мы находимся в процессе реализации варианта, полностью соответствующего нашим целям и интересам (как говорящего, так и слушающего) и бенефактивного для нас’; *давай* – ‘говорящий каузирует действие в соответствии с известной ему бенефактивной логикой развития ситуации и при учёте позиции слушающего’.

ИК-3 при выражении мнения, в разъяснении, в обосновании, используемая в значении ‘сориентируйся на мою позицию / на норму ситуации / на норму социума (на очевидное)’, встречается в фильмах медицинской тематики постоянно:

1. Александр Николаевич (установив визуальный контакт с матерью):
³Оперировать ⁴надо, / и немедленно.

2. Александр Николаевич (не размыкая визуального контакта, с кивком): Вы за
свою работу ³отвечаете?

Мать (кивает): ¹Отвечаю.

Александр Николаевич: ³А мы отвечаем за свою. // (Сжимает локоть матери
и убирает руку с её локтя) ²Всё будет хорошо.
(«Здравствуйте, доктор»)

3. Врач: ⁴Что со зрением?

Пациентка (качнув головой): Не понимаю, почему... почему вы спрашиваете? ²

Врач: ³Ну, это один из симптомов вашего заболевания.

(«Врач»)

В первом примере интересно также использование ИК-4: сориентировав мать пациента на свою собственную норму и норму социума (³*оперировать надо*), врач затем при помощи ИК-4 (⁴*...и немедленно*), с одной стороны, соотносит вводимый им вариант с собственными знаниями о норме поведения в этих случаях и, с другой стороны, каузирует соотнесение собеседницей ее позиции и введенного варианта (она не дает оперировать сына, между тем как времени мало). Остальные коммуникативные средства здесь реализуют свои инвариантные параметры следующим образом: *надо* указывает на то, что необходимость действовать порождена нуждами минисоциума, а *и* передает значение ‘в соответствии с предполагаемым’.

Разумеется, ИК-3 в речи врача регулярно встречается и в вопросе, где выступает в значении ‘сориентируй меня на имеющееся положение дел / на свою позицию’:

Мы же ещё те гипертоники, / да? («Врач»); Аллергия на лекарства есть?; Госпитализироваться в целях сохранения вашей жизни будем? («Аритмия»).

В приведенной выше сцене из фильма «Врач» и в эпизоде из фильма «Здравствуйте, доктор» главные герои применяют одну и ту же по сути коммуникативную тактику: задача, объединяющая двух разных врачей, – отвлечь, развлечь собеседника, вывести из болезненной сосредоточенности на своей беде. Но ввиду различия их собеседников и ситуаций эта тактика формируется крайне непохожими коммуникативными средствами. У персонажа В. Ланового это – серия коротких вопросов из области, в которой мальчик более компетентен, чем врач, и которая относится к личной сфере мальчика:

Александр Николаевич (налаживает визуальный контакт): У тебя собака есть?

Мальчик: Две.

Александр Николаевич: Две?

Мальчик: Да.

Александр Николаевич: Как их зовут?

Мальчик: Рекс / и Тишка. // ↑ Ой!

Доктор Зубцов: Аппендицит.

Александр Николаевич: И, вероятно, перфоративный.

При этом конструкции включают в себя ряд интонационных показателей заинтересованности (ИК-3 – ‘сориентируй меня в имеющемся положении дел’, модальная реализация ИК-3/ в удивлении – ‘не могу даже быстро сориентироваться в ситуации, являющей собой такое позитивное отклонение от нормы (целых две собаки)’), ИК-4 – ‘мой вопрос сам собой напрашивается, естественно вытекает из всего хода разговора (ведь всякому интересно узнать, как зовут собак собеседника)’.

Совершенно иначе реализует сходную коммуникативную задачу доктор Мальцев (Г. Куценко):

Врач: У нас случай в девяностых был. // Авария на перекрёстке... / у водителя приступ эпилепсии. // Ну, мы его вытащили, / и вдруг... / хе... / из пострадавшей машины / к нам кавказец выходит, / с ножом – / огромным, / как он сам. // (Потёмкин слушает открыв рот). Думаю, сейчас всех покромсает. // Он подходит и говорит: / < ↓ «На, ра[ж’:]имай».

Он вводит монологический рассказ с интригой, с элементом актерской модификации (в изображении кавказца). Интрига создается при помощи *и* в значении ‘вразрез с предполагаемым’, *вдруг* и *хе* как показателей отклонения от нормы, ИК-3 и ИК-6. Причём ИК-3, появляясь в рассказе (*Ну, мы его вытащили, / и вдруг...*), говорит ‘сориентируйся на дальнейшую информацию (далее, впереди, будет кое-что интересное)’, а ИК-6, с одной стороны, привлекает внимание к

известной говорящему, но не известной пока слушающему информации (*Авария на перекрёстке...*; *из пострадавшей машины...*), а с другой – апеллирует к воображению собеседника (*с ножом – / огромным*) – ‘ты можешь представить себе, какие бывают огромные ножи – ну вот и представь’. Немаловажно здесь и номинативное содержание – это рассказ про беду, случившуюся с кем-то другим (в стремлении немного повлиять на собеседника, сосредоточенного на своей горе), и про ситуацию, в которой все участники стремились помочь пострадавшему (плохих людей не оказалось, все оказались хорошими и сочувствующими; несомненно, это, вместе с собственно комической составляющей истории, можно рассматривать как попытку внести в беседу немного позитивного начала).

Итак, одним из способов работы с киноматериалом в иностранной аудитории может быть разбор образа конкретного врача как коммуникативной личности, формирующего определенную собственную коммуникативную стратегию в общении с пациентами и их родственниками. В этом случае можно и даже необходимо обращать внимание на *эстетическую нагрузку средств коммуникативной палитры актера*, как это было сделано выше.

В то же время необходим и второй, параллельный подход. За ярко сыгранными, непохожими ролями, за очень сильно индивидуализированными образами талантливых врачей разных эпох проглядывает нечто общее – собирательный образ врача на приеме, такого, каким его видят носители русского языка.

Из интонационных средств в речи врачей, помимо уже сказанного, стоит остановиться на функционировании ИК-4 в расспросе о жалобах:

Первичный приём у нейрохирурга, собирание анамнеза, женщина с опухолью мозга.

Врач: Головные боли сильные? // Часто?

Пациентка: Последнее время. // Да. (Мелко кивает).

Врач: Что со зрением?

(«Врач»)

ИК-4, передающая значение соотношения, сопоставления (в данном случае – врач сопоставляет уже известное ему о типичном протекании болезни и типичной симптоматике с данным конкретным случаем), подчеркивает компетентность доктора. Замена на ИК-3 в данном случае (*Головные боли сильные? // Часто?*) могла бы передать оттенок сочувствия (‘я ориентирован на твою позицию’), но исключила бы идею компетентности врача.

ИК-1, используемая для подачи информации как находящейся в пределах нормы, играет важную роль в успокаивании, в объяснении и др.:

– Понятно. // Ну, спокойно, / спокойно. // Давайте, приезжайте со снимками. // М. // Нет. // После двенадцати / или после четырёх – / у меня две операции. // (...) Я понимаю, / плачет. // Я понимаю. // Я не могу ничего сказать, пока не посмотрю. (»Врач«)

Помимо интонационных средств, целый ряд сегментных единиц кочует из фильма в фильм, встречаясь в речи врача на приеме, на вызове, при обходе палат. Попробуем выделить и перечислить самые значимые из них:

Как нетрудно было заметить, в число таких базовых сегментных средств входят единицы *так*, *вот* и *давай*.

Так

– при вводе вопроса:

²**Так**, / ну, а ночью как спалось?

(«Аритмия»)

– вводное **так** в инструкции, бытовой просьбе, распоряжении:

²**Так**, / Дим, / ^{2³}давай, нитроспрей под язык брызни, / ³ацетилсалициловой триста...;
²**Так**, / ²окно... / ³пошире откройте; ²**Так**, / ⁶мужчина, / ³кошку уберите отсюда; ²**Так**, /
ну цирк заканчиваем здесь; ³**Так**, / ¹ну... ⁶собирайте паспорт, / ⁶полис. // ⁴Справки, ^{1²}
если есть какие, из больницы. // ⁶Вещи / ¹необходимые. // ¹Поедем в стационар;
²**Так**, / ¹заканчиваем... / ⁶перепалку

(«Аритмия»)

²**Так**, / ²Анатолий Лукич! // ^{2\}Анатолий Лукич, / ⁶отведите их в коридор, / пусть
²сидят; ²**Так**, / ^{2³}ну-ка пошли все, / ^{3⁷}ну-ка, в коридор! ^{2⁷}

(«Морфий»)

Значение – ‘воспринятая говорящим информация более или менее соответствует его представлению о норме, следствием чего сейчас явятся действия (его и/или собеседников), которые будут благоприятны для всех участников процесса’.

– при инструктировании:

²Нина Петровна, / ²вот так вот надо сесть. // ²Упритесь на коленку.

Значение: ‘воспринятая вами сейчас визуальная информация (продемонстрированная поза) соответствует моему представлению о норме, и следование этой инструкции будет благоприятно для вас’.

Вот

– в инструктировании, распоряжении:

^{1²}**Вот**. // ^{1²}Сосать две недели. // ⁶Через две недели / ^{1²}будете бегать; ²Нина Петровна, /
²вот так **вот** надо сесть.

(«Аритмия»)

Значение ‘я реализую вариант, соответствующий твоим целям и интересам и бенефактивный для тебя’.

– в одобрении:

Давай-ка ножки ²вот так ²вот сделай. // ⁶Во-от / ¹так, / ²вот так вот (*«Здравствуйте, доктор»*); ²Во-от. // И ^{2 3}прилягте (*«Аритмия»*).

Значение 'ты реализуешь сейчас вариант, соответствующий твоим и нашим целям и интересам и бенефактивный для тебя / для нас'.

Давай(те)

– в распоряжении, инструкции, требовании-совете:

Давай, ³нитроспрей под язык брызни; **Давай** ²звони – / ⁶подруге, / ⁶соседке;

– распоряжение с оттенком возражения:

Давайте ²рекомендации по позам ²будет давать врач; **Давайте** ²вы её ²прям... / ³под язык ²кладите. // **Давайте, давайте** (*о таблетке*).

(*«Аритмия»*)

Давай-ка ²ножки ²вот так ²вот сделай.

(*«Здравствуйте, доктор»*)

Значение 'говорящий маркирует свое знание бенефактивной логики развития ситуации без учета / при минимальном учете позиции слушающего'.

– в предложении:

²Дим, // **давай** ³на одеяле – и... (*фельдшеру – о транспортировке больной*).

(*«Аритмия»*)

Значение 'говорящий маркирует свое знание бенефактивной логики развития ситуации при учете позиции слушающего'.

Важно обратить внимание учащихся на использование такого русского коммуникативного средства, как **по-**:

1. *Александр Николаевич*: ⁴Так. // ⁶Пять с половиной. // ⁶Давай ²посмотрим, / ⁶Коля... // ²Давай-ка ножки ²вот так ²вот сделай. // ⁶Во-от / ¹так, / ²вот так ²вот. (...) [ш_ 'ас] ²мы ²посмотрим тебя ²немного...

2. *Александр Николаевич (с улыбкой)*: ³Ну, / ^{2 3}Коля, / ^{2 3}**поехали**.

(*«Здравствуйте, доктор»*)

3. *Врач*: ²Так, / ²окно... / ³**пошире** ³откройте.

4. *Врач*: Ребёнок пятнадцать минут ³**побудет** ²один, / ²мультки ²посмотрит.

(*«Аритмия»*)

В первых трех примерах врач при помощи **по-** маркирует переключение ситуации на более бенефактивную, в четвертом случае **по-** означает отсутствие переключения ситуации на небенефактивную. Обоими этими смыслами медикам приходится пользоваться в беседах с пациентами довольно часто.

Здесь же следует упомянуть и **диминутивы**:

Давай-ка **ножки** ² вот так вот сделай.

(«Здравствуйте, доктор»)

Там небольшие **проблемки** ³ были. // В области речевого центра зацепили, / но ⁶ минимально, на мой взгляд; Мы же ещё те гипертоники, / да? ³ // Вот поэтому и ¹ **проблемки** были.

(«Врач»)

Семантика диминутива в русском языке связана одновременно с идеей *бенефактивности* и с *затронутостью* – *незатронутостью* личной сферы собеседников. Врач, как правило, маркирует свое бенефактивное воздействие на личную сферу пациента.

Параметр бенефактивности содержится в семантике всех перечисленных выше средств (*так, вот, давай, по-, диминутив*). Значение *погашения предшествующей небенефактивности*, которое способна передавать русская единица **но**, также бывает нужно врачу в беседе:

1. Муж пациентки: Вы понимаете, / Алла вообще ¹ не хочет оперироваться. // Это я её уговариваю, / она говорит: «Не ⁶ буду, / потому что шансов нет». ¹² // А я ⁶ думаю, / что надо бороться обязательно.

Пациентка: ↑ Да я... / не против... борьбы. // ↑ Но просто я реалист, / и я не ³ хочу этих... / иллюзий.

Доктор Мальцев: **Но** (с «объяснительным» жестом) тем не менее вы у нас ¹.

2. Доктор Мальцев: Любой метод лечения – / химия, / темодал, / авастина, / облучение, – / это, / к великому сожалению, / всего ⁶ лишь... / лишь методы ⁶ отсрочки. // Два... / три месяца. // (Дочь пациентки поднимает брови). До ¹ полугода. // (Мальцев мелко кивает). К ¹ сожалению, это так. // **Но:** / во-первых, ²³ (качает головой) ⁶ каждый пациент, / он индивидуален. // (Качает головой) И никто ¹ не отменял полного излечения. // И тому есть масса подтверждений. ³

Дочь пациентки (с кивком): Правда?

Доктор Мальцев: Ко-/нечно. // Н-недавно приходил ¹ мужчина – / четыре ³ года. // Отлично откликнулся на химиотерапию, / просто великолепно! // Сегодня ¹² приходила женщина – / вот! // Приготовила пирожки... своими руками. // Хотите ³ пирожки с чаем?

(«Врач»)

В последнем фрагменте чрезвычайно ярко выступает **но** в устах нейрохирурга, консультирующего дочь пациентки с глиобластомой: **но** в полной мере реализует здесь свое значение погашения предшествующей небенефактивности, хотя сама приводимая далее аргументация шатка и эфемерна (так, зрителю к этому

моменту известно, что у женщины, принесшей пирожки, рецидив опухоли, а следовательно, в качестве примера счастливицы, победившей болезнь, она не подходит). Параллельно с этим сверхзначимым жизнеутверждающим **но** здесь работает жест **качать головой** в значении отрыва от ранее описанного типичного развития ситуации, разрыва с такой версией событий, с таким прогнозом, а также ИК-3 (*Н-недавно приходил мужчина – / четыре года; Сегодня приходила женщина – / вот!*) в значении *ориентирования собеседника* на имеющееся положение дел, на приводимые врачом контрпримеры. Работает здесь и **вот** в значении ‘реализован вариант, соответствующий моим целям (увидев пирожки, я вспомнил о принесшей их пациентке и теперь могу привести её в пример’ и твоим целям и личным интересам (пример пациентки с пирожками подтверждает, что твоя мать тоже может достичь полного излечения)’.

Что очень символично, в том же разговоре чуть раньше встречалась и другая, антонимическая реализация **но** – *погашение предшествующей бенефактивности*:

Дочь пациентки (сводит брови): ³Есть хотя бы маленький шанс, что это... (качает головой) не злокачественная опухоль?

Доктор Мальцев: Не, ну шанс, конечно, есть. // Мы, безусловно, дождёмся... результатов анализов... / биопсии... / ⁶**но-о**... / по большому счёту... всё зависит от того, / насколько она откликнется... на химиотерапию и облучение.

Дочь пациентки: ¹Всё-таки ¹хими¹я.

Принципиальное значение имеет использование – неиспользование врачом слова **тут**. Когда Олег, врач скорой помощи из фильма «Аритмия», вводит **тут** в беседах с диспетчером по рации и с медсестрой в больнице (*Марин, / тут у нас инфаркт; Кать, / у нас тут инфаркт. // Давай / кардиологов, быстро*), он тем самым показывает, что включает пациентку в свою личную сферу (семантический параметр **тут**). То же – в примере из фильма «Врач»: «*Я тут полистал вашу историю болезни – / мы же ещё те гипертоники, / да?*»

Параметром затронутости личной сферы обладает также единица **прямо**. Так, в примере: «*Давайте вы её ²прям... / под язык кладите*» (о таблетке), – инвариантный параметр **прямо** разворачивается как ‘говорящий каузирует действие слушающего, которое будет соответствовать прецедентной норме и позитивно затронет личную сферу собеседника’.

При необходимости можно на одном только фильме «Аритмия» показать все наиболее типичные конструкции волеизъявления в речи врача на приеме / на вызове:

– структуры с императивом совершенного (*Кошку ³уберите ²отсюда; Упритесь на коленку*) и несовершенного вида (*Собирайте ⁶паспорт, / ⁴полис*): императив – ‘идея воздействия, говорящий хочет явиться причиной изменения поведения слушающего’; совершенный вид – актуализация идеи *способности*, каузация действия, которое собеседник способен совершить; несовершенный вид – актуализа-

ция идеи *должного, нужного, необходимого*, каузация действия, которое маркируется говорящим как *должное*.

– форма совместного действия в волеизъявлении (*Рот открываем³; Так², / ну цирк заканчиваем здесь³*), связанная с руководящей ролью говорящего в ситуации, с его превосходящей компетентностью¹;

– безглагольные структуры (*Язык вверх³; Дим², // давай на одеяле – и...³*), передающие значение ‘отсылки к импульсу ситуации, указания на необходимость, вызванную ситуацией’;

– конструкции с инфинитивом (*Сосать две недели^{1,2}*), реализующим свой параметр *ориентации на норму*, в данном случае – ‘говорящий ориентирует слушающего на норму ситуации’.

Иные реализации параметров средств как отрицательная характеристика врача

Выше говорилось о способах использования ИК-6 в речи врача в таких реализациях, которые успокаивают пациента и вызывают его доверие, так как маркируют знание, компетентность врача и включенность пациента в сферу его личных интересов.

Однако ИК-6, используемая в констатации и волеизъявлении (распоряжении и т. п.), может при определенных условиях реализовать свой инвариантный параметр как ‘говорящий отсылает к уже (давно) известному’; это воспринимается собеседником как «оттенок скуки», показатель безразличия доктора к пациенту, эмоционального выгорания. Так, в фильме «Аритмия» ИК-6 встречается в речи врача-кардиолога, которая отказывается принять пациентку с инфарктом и ошибочно диагностирует у неё панкреатит: «*Всё², / везите по прописке⁶, – / панкреатит тут¹*», «*Оформляйтесь... / везите... / по прописке⁶*». Контекст помогает учащимся увидеть, что таким образом ИК-6 используется именно в речи плохого врача, не профессионала: распоряжение это предшествует раздраженной жалобе (*У нас хирургия вся забита⁶. // К нам всех везут – / нам что², / клонироваться, что ли?³*). Значение единицы *тут* в речи такого врача разворачивается антонимически, т. е. появление ее свидетельствует о желании говорящего защитить свою собственную личную сферу, оградить себя от докучливых пациентов и чересчур добросовестных коллег. Контраст между *тут* в речи Олега, врача «скорой помощи», и *тут* в речи кардиолога очевиден. Это материал для разговора в иноязычной аудитории о работе алгоритма реализации коммуникативных параметров, в том числе – об антонимическом разворачивании параметров русских средств.

¹ Использование форм 1 л. мн. ч. глаголов и местоимений или – шире – *идеи совместного действия / состояния* за пределами коммуникативного типа волеизъявления в речи врача (в вопросе: «Как мы себя чувствуем? // Что у нас болит? // Как наше настроение?», в объяснении, обосновании: «Ну, / мы ведь те ещё гипертоники», в упреке и т. п.) не является уникальной типологической особенностью русского языка и находит себе прямые аналоги в ряде других языковых систем (в фарси, английском, иврите, арабском), но в то же время отсутствует, например, в шведском, японском, корейском, китайском и др.

Интересное развертывание инвариантных параметров частиц можно показать и на примере работы **ну** и **и** всё в той же полемике:

Медсестра: Тропонин отрицательный!^{1 2}

Врач «скорой»: **Ну**,⁶ / первые шесть часов так **и** ⁴будет.

Полемичность этой реплики создается за счет семантических параметров русского **ну** и **и**: **ну** передает значение ‘в полном соответствии с ожидаемой нормой’, **и** – ‘в соответствии с предполагаемым, по аналогии’. Попытка исключить эти средства из высказывания ведет к разрушению смысла; не формируется нужная целеустановка.

У пациентки начинается рвота.

Кардиолог: **Ну**, **и** вы ещё будете рассказывать?^{3 2}

В этом возражении с оттенком презрения **ну** вводит смысл ‘в полном соответствии с *моими* ожиданиями’, а **и** – ‘в полном соответствии с предполагаемым *мною*’. Тот факт, что в речи кардиолога появляется зеркальное отображение этих средств, используемых носителями языка интуитивно, подтверждает, что они необходимы для формирования русской полемики, в том числе и в профессиональной дискуссии.

Итак, нами был выделен список основных русских коммуникативных средств (с указанием конкретных реализаций их семантических параметров), на условия возникновения которых в речи врача следует обратить внимание учащихся.

Исследование показывает, что ключевыми для формирования стратегии профессионального общения врача на приеме оказываются русские коммуникативные единицы, принадлежащие *трем семантическим коммуникативным полям – компетентности, бенефактивности и личной сферы*. Нередко это средства, объединяющие в своей семантике два из трех названных параметров, работающие на пересечении двух полей (например, **давай** с параметром знания логики бенефактивного развития ситуации или русский **дими́нутив** с параметрами (не)бенефактивности и личной сферы).

В то же время очевидно, что недостаточно просто указать учащимся на факт существования в русском языке, допустим, ИК-6 с параметром знания – незнания либо наречия **тут** со значением (не)затронутости личной сферы и рекомендовать их к использованию. Благодаря работе сложного алгоритма развертывания инвариантных параметров средств различные реализации одной и той же единицы могут создать принципиально разный, нередко противоположный эффект в разговоре с пациентом / о пациенте (примеры такого рода были приведены выше). Одно и то же русское средство – ИК-4 – может указать на компетентность врача (если перед нами значение *соотнесения введенной информации с собственной базой знаний и представлений*), а может создать ненужный и нежелательный эффект официальности и дистанцирования во время расспроса больного о жалобах. Таким образом, обязательным является обсуждение с учащимися проблем взаимодействия того или иного средства с его «соседями» по конструкции, а также рассмотрение самой коммуникативной конструкции в окружении соседних структур, с учетом контекста.

ЛИТЕРАТУРА

Безяева М.Г. Коммуникативная семантика как объект филологического исследования // Филология вечная и молодая. М., 2012. С. 63–78.

Безяева М.Г. Коммуникативное поле как единица языка и текста // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XV. М., 2014. С. 101–118.

Безяева М.Г. Коммуникативное поле нормы в звучащем тексте // Русский язык за рубежом. № 3. 2017. С. 24–30.

Безяева М.Г. О знаковой природе звучащих средств коммуникативного уровня. ИК-7. Материалы к словарю коммуникативных средств // Теория и практика изучения звучащей речи. Вильнюс, 2006. С. 11–48.

Безяева М.Г. О коммуникативных параметрах сакральных единиц русского языка (*Господи, Боже*). Материалы к словарю коммуникативных средств // Слово, Грамматика Речь. Вып. 10. М., 2008а. С. 10–27.

Безяева М.Г. О номинативном и коммуникативном в значении слова. На примере русского «тут» // Язык, культура, человек. М., 2008б. С. 11–38.

Безяева М.Г. О семантических основаниях коммуникативной моды // Вопросы русского языкознания. Вып. 13. Фонетика и грамматика. Настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010. С. 159–170.

Безяева М.Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // Вестник МГУ. Серия 9, Филология. 2013. № 2. С. 19–36.

Безяева М.Г. Русский повтор как средство коммуникативного уровня языка (материалы к словарю коммуникативных средств) // Stephanos. 2016. № 6(20). С. 83–115.

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002. 752 с.

Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005. С. 105–129.

Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1–2. М., 1980–1982. 1492 с.

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. 116 с.

Коростелева А.А. Коммуникативная композиция в звучащем художественном кинодиалоге с документальной основой // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сб. научных и научно-методических статей. Вып. 14. М., 2018а. С. 121–138.

Коростелева А.А. О понятии кинесической композиции в кинодиалоге // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XIX. М., 2018б. С. 105–125.

Коростелева А.А. О применении метода семантического коммуникативного анализа к описанию невербальных средств языка в преподавании РКИ // Русский язык@Литература@Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом: III Международная научно-практическая интернет-конференция... : Труды и материалы. М., 2011. С. 130–141.

Коростелева А.А. О специфике семантического описания жестов (на примере русских кинесических средств) // Русский язык: история, диалекты, современность: Сб. научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. Вып. XVI. М., 2017. С. 167–176.

Коростелева А.А. Семантика жеста махнуть рукой в русском языке // Stephanos. 2016. № 4(18). С. 23–58.

Малова Ю.В. Формирование навыков эффективной коммуникации: Методические рекомендации. М., 2013. 24 с.

REFERENCES

Bezyaeva M.G. Communicative Semantics as an Object of Philological Research. In: *Philology: Everlasting and Young: Collected Articles for Prof. Marina L. Remnyova's Anniversary*. Moscow University Press, 2012, pp. 63–78.

Bezyaeva M.G. Communicative Field as a Unit of Language and Text. In: *Word. Grammar. Speech*. Vol. XV. Moscow. 2014, pp. 101–118.

Bezyaeva M.G. On the Nature of Sounding Means of Communicative Level IR-7. In: *Materials for the Dictionary of Communicative Means. Theory and Practice of Studying Sounding Speech*. Vilnius. 2006, pp. 11–48.

Bezyaeva M.G. On Communicative Parametres of Sacred Units of the Russian Language (*Lord, God*). Materials for the Communicative Means Dictionary. In: *Word. Grammar. Speech*. Vol. X. Moscow. 2008a, pp. 10–27.

Bezyaeva M.G. On Nominative and Communicative in the Meaning of Word (Russian '*tut*'). In: *Language, Culture, Person*. Moscow. 2008b, pp. 11–38.

Bezyaeva M.G. On the Semantic Basis of Communicative Fashion. In: *Questions of Russian Linguistics. Phonetics and Grammar. Present, Past, Future*. Vol. 13. Moscow. 2010, pp. 159–170.

Bezyaeva M.G. On the Specifics of the Communicative Interpretation of the Text (On the Material of Correlation of the Written and Sounding Versions). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2013. No 2, pp. 19–36.

Bezyaeva M.G. Repetitions of Words in Russian as a Communicative Means (Materials for the Communicative Means Dictionary). *Stephanos*. 2016. No 6, pp. 83–115.

Bezyaeva M.G. (2002) Semantics of a Communicative Level of the Sounding Language. Moscow. 752 p.

Bezyaeva M.G. The Semantic Device of the Communicative Level of a Language (theoretical and methodological foundations of the investigation). In: *Word. Grammar. Speech*. Vol. VII. Moscow. 2005, pp. 105–129.

Bryzgunova E.A. (1980, 1982) Intonation. Russian Grammar. Vol. 1, 2. Moscow.

Bryzgunova E.A. (1984) Emotional and Stylistic Differences of Russian Sounding Speech. Moscow. 116 p.

Korosteleva A.A. Communicative Composition in Dialogues from a Documentary Based Fiction Movie. In: *Language, Literature, Culture. Actual Problems of Learning and Teaching: Collection of Scientific and Methodological Articles*. Vol. 14. Moscow. 2018a, pp. 121–138.

Korosteleva A.A. On the Concept of the Kinesic Composition in a Movie Dialogue. In: *Word. Grammar. Speech*. Vol. XIX. Moscow. 2018b, pp. 105–125.

Korosteleva A.A. On the Application of Semantic Communicative Analysis Method to the Description of a Non-Verbal Language Means in Russian as Foreign Language Teaching. *The Russian Language@Literature@Culture: Actual Problems of Studying and Teaching in Russia and Abroad: III International Scientific and Practical Internet-Conference... : Works and Papers*. Moscow. 2011, pp. 130–141.

Korosteleva A.A. Taking into Consideration the Kinesic Component of the Dialogue when Teaching Russian as a Foreign Language. In: *The Russian Language: History, Dialects, The Present*. Vol. XVI. Moscow. 2017, pp. 167–176.

Korosteleva A.A. The Semantics of a 'hand stroke' Gesture in the Russian Language. *Stephanos*. 2016. No 4, pp. 23–58.

Malova Yu.V. (2013) Formation of Effective Communication Skills. Guidelines. Moscow. 24 p.

Сведения об авторе

Анна Александровна Коростелева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anna A. Korosteleva,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
korosteleva.a@gmail.com

А.В. Сергеев (Москва, Россия)

Жанр литературной сказки в творчестве Х.К. Андерсена

Аннотация: В статье рассматривается новаторство Андерсена в разработке жанра литературной сказки. Пройдя сложный путь от переработки фольклорных источников до создания новых жанровых форм, Андерсен превратил литературную сказку в универсальный тип литературного произведения, открывающего перспективу развития малого повествовательного жанра в XX в.

Ключевые слова: новаторство, литературная сказка, перспектива развития

A.V. Sergeev (Moscow, Russia)

Genre of a Literary Fairy Tale in H.Ch. Andersen's Creative Work

Abstract: The article deals with Andersen's innovativeness in literary fairy tale genre. Having passed a difficult road from revision of folklore sources to creation of new genre forms, Andersen turned the author's fairy-tale into the universal type of literary work and opened the new possibilities of development a small narrative genre of the 20th century.

Key words: innovativeness, literary fairy tale, prospect of development

Король всех сказочников. Так называли Андерсена еще его современники. Свой первый выпуск сказок («Сказки, рассказанные детям»), в который вошли «Огни-во», «Маленький Клаус и Большой Клаус», «Принцесса на горошине», «Цветы маленькой Иды», Андерсен опубликовал в 1835 г., сразу же после того, как увидел свет прославивший его имя роман «Импровизатор» (1835). Постепенно слава Андерсена-сказочника затмила его творческие достижения в иных литературных жанрах. А ведь в начале творческого пути популярность ему принесли именно романы, сказки же он считал всего лишь безделками, не имеющими отношения к серьезной литературе. И только со временем взгляды Андерсена изменились, и он вознес сказку на вершину литературного Олимпа. «Для меня сказка, вобравшая в себя и древние предания о дымящихся кровью могилах, и благочестивые истории из детских книжек, как народную, так и литературную традицию, есть самое поэтическое во всем необъятнейшем царстве поэзии» [Andersen 1964: 162–163].

Андерсен быстро понял, какими огромными возможностями обладает жанровая форма сказки, ведь любое явление окружающего мира, любое радостное или грустное событие могли послужить поводом к ее созданию. «Материала у меня

для сказок масса, больше чем для какого-либо другого литературного жанра. Иногда мне кажется, будто каждый забор, каждый маленький цветок говорят мне: «Взгляни на меня, и тебе откроется история всей моей жизни!» И стоит мне так сделать, как у меня готов рассказ о каждом из них» [Andersen 1878, 1: 143], – писал он Б.С. Ингеманну.

Однако Ингеманн не сумел оценить значение его сказок, посчитав, что время, потраченное на сочинение сказок, Андерсен мог бы использовать для себя с большей пользой. Совершенно иначе отнесся к ним физик и философ Х.К. Эрстед, заметивший, что если роман «Импровизатор» (1835) сделал Андерсена знаменитым, то сказки подарят ему бессмертие.

Из созданных Андерсеном более ста пятидесяти сказок и историй около двадцати являются переработкой народных сказок, среди них и такие знаменитые, как «Огниво», «Принцесса на горошине», «Дикие лебеди», «Свинопас», «Попутчик», «Маленький Клаус и Большой Клаус». Другие сказки основаны на народных преданиях, которые Андерсен нашел в книге датского собирателя фольклора Ю.М. Тиле: «Бузинная матушка», «Затонувший колокол», «Хольгер Датчанин», «Анна Лисбет», «Девочка, наступившая на хлеб», «Волшебный холм». И в тех, и в других Андерсен, обращаясь к известным сюжетам, приближает их к реальности. Герой сказки «Огниво», сохраняя черты фольклорного персонажа, индивидуализирован, наделен легко узнаваемыми чертами. Солдат смел и отважен, вместе с тем он легкомыслен, тщеславен и, как «славный малый и настоящий кавалер», совсем не равнодушен к женской красоте. Веселым и лукавым юмором окрашено отношение Андерсена к героине «Принцессы на горошине», в невероятной изнеженности которой, делающей ее достойной невестой принца, Андерсен, по его словам, в комической форме запечатлел свою собственную необычайную чувствительность, часто служившую ему поводом для шуток.

Акцентируя внимание на моральной стороне поступков сказочных героев, Андерсен создает более углубленную картину их внутреннего мира. Самоотверженная любовь к околдованной троллем принцессе позволяет герою сказки «Попутчик» выдержать все испытания и проявить лучшие черты своего характера. Маленький Клаус в сказке «Маленький Клаус и Большой Клаус», написанной на сюжет народной сказки «Большой брат и маленький брат», выходит победителем из борьбы со своим обидчиком, потому что обладает моральным превосходством. Бескорыстие, доброта и трудолюбие помогают героине сказки «Дикие лебеди» спасти своих братьев, превращенных злой мачехой в диких лебедей.

В подавляющем числе сказок Андерсен отходит от фольклорных источников, используя жанровую форму сказки для постановки главным образом религиозно-нравственных проблем. Идеиное содержание сказки выражается в подтексте, создающем второй план повествования, который и несет смысловую нагрузку. «Теперь я рассказываю все из собственной головы, схватываюсь за какую-нибудь идею для взрослых и рассказываю ее для детей, помня, что к чтению для детей часто прислушиваются и родители, так надо и им дать кое-какую пищу для мысли» [Andersen 1931, 1: 48].

К третьему выпуску сказок (1837 г.) Андерсен предпослал обращение «Ко взрослым». Именно в этот сборник он включил сказку «Русалочка», о которой писал, что «ее скрытый смысл способен понять только взрослый человек, хотя, смею думать, и ребенку она доставит удовольствие». В «Русалочке», созданной по мотивам народного поверья, согласно которому русалка обретает бессмертную

душу, если ее полюбит человек, Андерсен воплощает идеал самоотверженной, жертвенной любви, бросающей вызов эгоистической морали. «Я не поставил бессмертие души своей русалочки... в зависимость от любви к ней человека... Я заставил ее пойти более естественным и совершенным путем» [Andersen 1882, 2: 86], – писал Андерсен. Русалочке не удалось завоевать сердце прекрасного принца, и она умерла, превратившись в пену морскую, но не последовала совету своих сестер убить любимого, чтобы ценой его гибели спасти свою жизнь. В награду за свои страдания русалочка обрела надежду получить бессмертную человеческую душу, о чем она так страстно мечтала.

Начиная с 1844 г. Андерсен называет свои сборники просто сказками, убирая вторую часть названия, и дает им определение «новые»: «Новые сказки» (1843–1845 и 1847–1848). К ним относятся такие признанные шедевры, как «Соловей», «Парочка», «Гадкий утенок», «Ель», «Снежная королева», «Волшебный холм», «Красные башмаки», «Прыгуны», «Пастушка и трубочист», «Старый уличный фонарь», «Тень», «Девочка со спичками», «Счастливое семейство», «История матери», «Воротничок» и др. Новизна этих сказок в том, что, доступные восприятию ребенка, они адресованы в первую очередь взрослому читателю. Так, например, в сказке «Соловей» выражена мысль о превосходстве естественного над искусственным, природы над цивилизацией, а в «Снежной королеве» – сердечности, непосредственности и искреннего чувства над холодным и злым разумом. Ледяной дворец Снежной королевы, ее трон, кусочки льда для складывания слов – все это символы «холодного рассудка», которому недоступно душевное благородство, представление о вечности и бессмертии души. И, напротив, птицы, солнце, цветы – словом, все, что помогает Герде в ее поисках, служит воплощением идеи христианской любви и доброты, противостоящих холоду смерти. Авторское кредо – искренность души и непосредственность чувства, а также, несмотря на трагические стороны жизни, вера в конечную победу добра. Эта победа, считает Андерсен, «торжество непосредственного, божественного в нас самих». «Через все события и проявления человеческой жизни проходит невидимая нить, указывающая, что все мы принадлежим Богу» [Andersen 1962: 197].

Однако Провидение помогает лишь тем, кто, осознавая тяжесть жизни, способен пережить все испытания и измениться к лучшему. В «Гадком утенке» воплощены представления о судьбе гения (таков был собственный путь Андерсена к славе), а в сказке «Колокол» – триумф науки и искусства, которые идут различными путями, но «встречаются в конце концов в одном чувстве восторга и благоговения перед всеобъемлющем Божеством природы». Однако судьба гения может складываться и трагично, как это происходит в сказке «Тень», где бал правит посредственность, выдающая себя за гения и присваивающая себе ум и знания ученого.

В сказочном творчестве Андерсена в 1850–1870-х гг. происходит дальнейшее расширение рамок жанра, что отражается в названиях сборников произведений. Наряду со сказками, в них появляются так называемые истории: «Истории» (вып. 1–2, 1852–1853); «Новые сказки и истории» (вып. 1–10, 1858–1872). В примечаниях к двум первым томам Полного собрания сказок и историй Андерсен по этому поводу писал: «Для новой серии мне понадобилось новое, подходящее название, и я остановился на названии “Истории”. Я нашел, что оно всего больше подходит к моим сказкам: на датском народном языке “история” одинаково означает и простой рассказ, и самую смелую фантастическую сказку...» [Andersen

1931, 5: 391] . Андерсен, по сути, констатировал, что он с самого начала стремился к созданию некоей универсальной жанровой формы, включающей в себя признаки самых разных жанров «малой прозы» – от аллегии и притчи до рассказа и даже «романа в миниатюре». Последнее в полной мере относится к его историям о прошлом: «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях» или «Предки птичницы Греты». Некоторые его истории: «Под ивой», «Иб и Кристиночка», «Хорошее настроение» – это просто жизненные зарисовки, в которых нет ничего фантастического, как и в истории «Пропащая», написанной Андерсеном в память о своей матери.

Истории Андерсена с точки зрения жанра часто схожи с литературными сказками немецких романтиков, однако в них нет сверхъестественных событий и героев, а сказочный мир если и создается, то, как и прежде, на основе объективной реальности. В свою очередь, представления Андерсена о жанре «истории» заметно повлияли на его поздние сказки, изменив их жанровую природу настолько, что иногда трудно провести грань между теми и другими.

В позднем творчестве Андерсена изредка еще встречаются сказки, написанные в стиле народных, например «Что муженек ни сделает, то и хорошо». Но по существу речь может идти лишь о формальном сходстве. В этой сказке отчасти сохранена фабула народного источника, однако введено множество деталей, рассчитанных на комический эффект. Среди персонажей сказки о крестьянине, променявшем лошадь на корову, корову на овцу, овцу на гуся, гуся на курицу, а курицу на мешок гнилых яблок, появляются путешественники-англичане. Они спорят с крестьянином и проигрывают ему, потому что, вопреки их ожиданиям, он получает от жены не трепку, а поцелуй. «Если жена говорит, что ее муженек умнее всех и все, что он ни сделает, то и хорошо, – она всегда будет вознаграждена».

Андерсен был глубоко религиозным человеком, хотя и далеким от церковной ортодоксии. Не принимая церковные догматы о небесном проклятии и муках ада («Мне показалось чем-то несерьезным, унижающим Господа Бога представлять Его, вопреки слову Христа, строгим властелином, карающим вечным огнем без надежды на спасение человека, который не смог побороть в себе то, что дано ему от природы» [Андерсен 2005, 4: 147]), он возлагал все свои надежды на доброго и заботливого Бога, пекущегося о своих чадах. Он размышлял о вечной жизни как доказательстве «божественной природы» человека и не сомневался в том, что в борьбе за Красоту, Истину и Добро «человек может проиграть, но его бессмертная душа в конце концов восторжествует». Вера в небесную жизнь и бессмертие души, выраженная им в сказках «Девочка со спичками», «Камень мудрецов», «Последний сон старого дуба», помогала Андерсену переносить трагизм и несправедливость земной жизни, о которых он знал не понаслышке.

Творчество Андерсена развивалось в русле романтической эстетики, однако если для большинства других романтиков мир сказки был порождением игры фантазии, то Андерсен сознательно творил его исходя из самой действительности. «Самые причудливые сказки вырастают из действительности», – писал он в сказке «Бузинная матушка» (1845), в которой старик-рассказчик как бы приобщает читателя к процессу создания художественного произведения. Фантастическое возникает здесь благодаря художественному символу, кусту бузины, который будит в герое воспоминания о прошлом. Перед глазами читателя постепенно проходит вся его жизнь, от детства и до глубокой старости.

Обращение к действительности как к неиссякаемому источнику сказочных тем и сюжетов имело для Андерсена принципиальное значение. Прежде всего оно было связано с особенностями его таланта. «Пылкая фантазия Андерсена... все одушевляет и все воплощает; поэтому, например, она оживляет какую-нибудь часть мебелировки... так же всецело, как куклу, как портрет, как облака, солнечные лучи, ветры и времена года...» [Brandes 1919: 83], – писал Г. Брандес. Далее критик отмечал как наиболее важные черты его искусства умение Андерсена, во-первых, «придать животным или предметам человеческие качества», а во-вторых, в условной форме сказки «обсудить самые разнообразные темы».

Но еще более важным стало для Андерсена глубоко усвоенное им эрстедовское представление о «божественном разуме, проявляющемся в природных законах». Очевидно, здесь следует искать источник известной андерсеновской формулы жизни, которая «превосходит самую прекрасную мечту и сама по себе является чудом». Не случайно двум своим автобиографическим сочинениям Андерсен дал название «Сказка моей жизни» (1847; 1855), выразив в них свое представление о жизни как об удивительном даре свыше, к которому надо относиться с величайшим благоговением.

Решающей чертой жанрового новаторства Андерсена стало то, что уже в первых сказках он отказался от уже сложившейся в литературе традиции литературной сказки и возвратился к сказке народной, заменив при этом форму народного повествования свободным устным рассказом. Как отметил Г. Брандес, «Андерсен начинает рассказывать сказки так, как он их слышал в детстве» [Brandes 1919: 83]. Сам Андерсен писал Ингеманну в 1835 г. по поводу своего первого сборника: «Я рассказал несколько сказок, которые полюбил в детстве, по-моему, они мало кому знакомы; я написал их так, как рассказал бы их детям» [Andersen 1878, 1: 134]. И несмотря на то, что по своему идейному содержанию сказки и истории Андерсена превосходят возможности детского восприятия, особенности детской речи, в них, как правило, сохраняются короткие предложения, восклицания, поясняющие вставки, сравнения и т. д. Все это означало резкий разрыв с традициями письменной речи. К тому же стиль повествования Андерсена содержит пассажи, полные лирического пафоса или язвительной иронии.

В сказках и историях Андерсен выступил подлинным новатором в разработке малого повествовательного жанра. Используя поэтику, сюжеты и образы сказок, Андерсен прошел сложный путь от переработки фольклорных источников до создания новых жанровых форм, зачастую лишенных фантастического элемента. Наполнив свои сказки и истории глубоко интеллектуальным и религиозно-гуманным содержанием, он превратил их в универсальный тип литературного произведения, открывающий перспективу развития малой художественной прозы в XX в.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Андерсен Х.К. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Вагриус, 2005. 335 с. / Andersen H.Ch. *Collected Works: In 4 vols. Vol. 4.* Moscow. Vagrius Publ. 2005. 335 p.

Andersen H.Ch. *At være eller ikke være. I: Dansk litterær kritik fra Anders Sørensen Vedel til Sohhus Claussen: En antologi ved Jørgen Elbek.* København. 1964. 298 s.

Breve fra H.Ch. Andersen / Udg. af C.S.A. Bille og N. Bøgh. Bd. 1. København. 1878. 437 s.

Andersen H.C. *Til De ældre Læsere. I: Andersen H.C. Eventyr og Historier / Kritisk Udg. Med ommentar ved Hans Briks og Anker Jensen.* Bd. 1. København. 1931. 637 s.

H.C. Andersen og det Collinske Hus / Udg. af E. Kollin. Bd. 2. København. 1882. 305 s.
Andersen H.C. De to Baronesser. København. 1962. 240 s.
Andersen H.C. Til De ældre Læsere. I: Andersen H.C. Eventyr og Historier / Kritisk Udg. Med Kommentar ved Hans Briks og Anker Jensen. Bd. 5. København. 1931. 672 s.
Brandes G. Andersen som Eventyrdigter. I: Samlede Skrifter. Danmark. Andet Bind. Nordisk Forlag. Kjøbenhavn-Kristiania. 1919. 546 s.

Сведения об авторе:

Александр Васильевич Сергеев,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexander V. Sergeev,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
av-sergeev@mail.ru

Фундаментальные
исследования

Fundamental
Research

Е.В. Потёмкина, И.В. Ружицкий (Москва, Россия)

Номо Increpans: бранная лексика в речи персонажей Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова. Статья первая

Аннотация: В статье рассматривается номенклатура бранной лексики в романах Н.С. Лескова «На ножах» и Ф.М. Достоевского «Бесы», являющейся одной из характерных особенностей авторского идиолекта. Выявляется соотносительность инвектив с типами персонажей данных произведений, делается предположение о строгом детерминизме их употребления. Отдельно говорится о функциях бранных слов в художественном тексте, таких как желание унижить и оскорбить собеседника. Выявлено, что в текстах анализируемых романов Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского существенно преобладает частота инвектив *дурак*, *подлец*, *мерзавец*, *негодяй*, *сволочь* и нек. др. Обращается также внимание на высокую частоту употребления слова *чёрт*. При этом отмечается, что в романе «На ножах» бранная лексика отличается большим разнообразием, как и используемые с инвективами определения. Изученный пласт материала позволяет сделать определенные выводы и выдвинуть гипотезу о связи, существующей между частотностью инвектив с типом языковой личности. Невозможность идентифицировать себя с каким-то классом или социальной группой, своеобразная социальная шизофрения влечет за собой брань, агрессивность и нервное, часто раздвоенное состояние, создает особый тип языковой личности – Номо Increpans («человек ругающийся»). Желание унижить кого-то и тем самым «возвыситься» самому, стремление к разрушению всего – именно такой тип личности и составлял основу нигилистов. Выдвигается гипотеза о том, что к Номо Increpans относятся и сами авторы, Ф.М. Достоевский и Н.С. Лесков: активное использование инвектив в разножанровых текстах, не только художественных, существенным образом характеризует их идиостиль.

Ключевые слова: идиолект, бранная лексика, инвектива, Достоевский, Лесков

E.V. Potemkina, I.V. Ruzhitskiy (Moscow, Russia)

Homo Increpans: Abusive Vocabulary of Personages in Fyodor Dostoevsky's and Nikolay Leskov's Works. The First Article

Abstract: The article examines the range of abusive vocabulary in Nikolay S. Leskov's novel "At Sword's Points" and Fyodor M. Dostoevsky's novel "Demons" as one of the characteristic features of the authors' idiolect. It reveals a correlation between exple-

tives and the types of characters in these works and suggests that their use is governed by a strict determinism. Separately the article discusses the function of abusive words in literary texts, such as the desire to humiliate and insult the interlocutor. It reveals that the two novels by Leskov and Dostoevsky are marked by the predominance of the expletives *fool, wretch, scoundrel, bastard, scum (durak, podlets, merzavets, negodyay, svolotch)* among others. Attention is also paid to the high frequency of the word *devil*. At the same time the article notes that expletives in the novel “At Sword’s Points” are remarkably diverse, as are the attributives used with them. The analyzed material enables certain conclusions to be drawn and allows to put forward a hypothesis about the relationship between the frequency of expletives and types of linguistic identity. The inability to identify oneself with any class or social group, a kind of social schizophrenia that leads to swearing, aggression and a nervous, often split personality, creates a special type of linguistic identity – Homo Increpans (“Swearing Man”). The desire to humiliate someone and thereby elevate oneself, together with the ambition to destroy everything, constitutes the very type of personality that served as the basis of the nihilists. The article hypothesizes that Nikolay S. Leskov and Fyodor M. Dostoevsky themselves belong to the Homo Increpans archetype as well: the active use of abusive words in texts of various genres, not just fiction, typifies their idiosyncrasy to a great extent.

Key words: idiolect, abusive vocabulary, invective, Dostoevsky, Leskov

Что такое философ? Слово философ у нас на Руси
есть слово бранное и означает: дурака.
Сила не нуждается в ругательствах.

Неизданный Достоевский

Исследование бранной лексики находится на периферии изучения языка художественной литературы, а сколько-нибудь значимых работ, посвященных функции инвектив, например в текстах Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова, вообще не существует. Между тем такие вопросы, как предпочтения автора в выборе тех или иных бранных слов, соотносённость с определенными группами персонажей, обусловленность ситуацией, в которой используется бранная лексика, первичная и вторичная функции инвектив, связь с этимологией и возможная реализация исходного, этимологического значения в художественном тексте, дифференциация инвектив и возможности их идеографической классификации и некоторые другие, представляются достаточно важными. Решение этих вопросов не только позволяет сделать предположения об особенностях языковой личности писателя, но и, в конечном счете, лучше понять авторские интенции в создании литературного произведения, а следовательно, и сам его текст.

Определенные идеи относительно связи между использованием лексики, выполняющей бранную функцию, с категорией «элитарной языковой личности», о строгой избирательности инвектив и мотивированной задаче создания конкретного художественного образа, а также о возможных функциях бранной лексики в текстах Ф.М. Достоевского были нами отражены в [Ружицкий, Потёмкина 2018]. Данная статья является развитием некоторых высказанных ранее положений, одновременно с этим такой популярный вопрос, как допустимость / недопустимость в литературном произведении разного рода инвектив, нами не рассматривается.

Прежде всего, обозначим объем используемых в статье основных понятий. В литературе, посвященной бранной лексике, мы находим следующую терминологическую парадигму: бранная (инвективная, ненормативная, нецензурная, obscene, сниженная лексика) и, соответственно, – обценнизм, минкия и инвектива). При этом функцию терминов могут выполнять и такие слова, как «брань», «сквернословие (срамословие)», «ругательства (ругань)», «оскорбительные слова», «мат (матерщина)», «хула (хуление)», «поношение», «охаивание», «непарламентское (неприличное) выражение», «обзывательства», «загиб», «крепкое выражение (словцо)» и некоторые другие. Мы будем оперировать синонимичными терминами «бранная лексика (бранные слова и выражения)» и «инвективная лексика (инвективы)», т. е. слова и выражения, которые употребляются говорящим с целью оскорбить, унизить, опозорить и т. п. собеседника или какое-либо третье лицо. Таким образом, из поля нашего внимания выпадают случаи употребления говорящим инвектив по отношению к самому себе, что целесообразно рассматривать как отдельную функцию бранного слова; инвективы в междометной функции, для обозначения каких-л. негативных эмоций; obscene лексика (нецензурная брань, матерные слова и выражения), которая в силу существующих в XIX в. законов была строго запрещена. В изданных произведениях Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова obscene лексики просто нет, своеобразными ее эвфемизмами служит, например, весьма частотное использование слова *черт*, а также многочисленных устойчивых оборотов с этим словом – *к черту*; *черт знает что затевают эти черти*; *черт дерит их всех (черт бы их драл)*; *черт знает что может случиться в этом «новом поколении»* и *чёрт знает как это у них там совершается*; Э (Эх, Фу, Ну, А), *черт* и т. п. у Ф.М. Достоевского и не менее частотные, в основном *черт возьми* и *черт знает* – у Н.С. Лескова. Следует, однако, отметить, что в рассуждениях ученых относительно русской obscene лексики, например ее функций, есть некоторые довольно интересные мысли (В.И. Жельвис, И.А. Стернин, Б.А. Успенский, В.В. Химик и др.), на которые мы ориентировались при выявлении функций нетабуированных бранных слов.

Слова могут как приобретать бранное значение, так и утрачивать его. При таком подходе состав инвектив существенно расширяется: лексемы, образованные при помощи суффиксов субъективной оценки (*немчурка, полячок, поляченочек, мозглявенький, юнкеришка, мещанишка, крупёришка, кассирёнок, реалистик, гадостница, гнусники, пагубница, горшечная, свиньица, ублюдочка, франтишка* и т. п. – подробнее у Достоевского см. [Ружицкий, 2015: 246–247]); другие новообразования – контаминации и т. д. (*аблакат, облизьяна, недоподлец, покиватель, шлёпохвостница, негодивец, страмовицица* и др.); слова, например названия животных (любого домашнего, кроме кошки, может употребляться как оскорбление), бытовая и другая лексика и т. д. в непрямом значении (*философ, каблук, кадушка, тряпка, деревяшка, колпак* и т. п.). Вопрос о том, какие группы лексических единиц обладают потенциалом становиться бранными, требует отдельного изучения. Очевидной, тем не менее, является функция, в которой эти слова используются, их основная интенция, т. е. желание оскорбить – конкретного человека или группу лиц, например, по национальному или социальному признаку или вследствие какого-либо совершенного этими лицами поступка.

Хотя у нас имеются определенные наблюдения над функционированием и типологией инвектив в текстах всех значимых сочинений Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова, в том числе в публицистике и личных письмах, в данной статье анализ упо-

требления бранных слов будет ограничен текстами двух романов – «Бесы» и «На ножах». Такой выбор далеко не случаен: оба произведения написаны примерно в одно время («На ножах» Н.С. Лескова немного раньше) и относятся к достаточно широко распространенному в 1860–1879-х гг. жанру антинигилистического романа: «Сравнить “Бесы” и “На ножах” тем более интересно, что писались и печатались они одновременно или почти одновременно. А еще тем более потому, что публиковались в одном и том же журнале, часто – в одних и тех же номерах» [Карякин: URL]; несомненны параллели – образов и др. (Горданов и Петр Верховенский, «свои» – «наши»), некоторых сюжетных линий, отношений между персонажами; наконец, оба романа примерно одинакового объема, что дает возможность провести более точный статистический анализ инвектив. Анализ бранной лексики в речи схожих персонажей поможет определить ее мотивированность определенным психотипом, выдвинуть предположение об осознанности отбора автором инвектив и их соотносительности с языковой личностью самого писателя.

В статье на материале двух романов будут даны ответы на следующие вопросы: (1) Как бранятся персонажи Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова? То есть выявлен состав, арсенал бранных слов с указанием частоты их употребления; (2) Кто из персонажей бранится чаще и какие инвективы при этом использует, а также на кого преимущественно направлена бранная лексика? (3) Какие функции выполняют инвективы?

(1) В тексте романа «Бесы», без учета главы «У Тихона», были обнаружены следующие слова, выполняющие бранную функцию (в скобках указана общая частота, отсутствие такой пометы означает единичное употребление):

дурак, дураки (45); подлец, подлецы, недоподлец (41); мерзавец, мерзавцы (22); негодяй, негодяи (22); сволочь (13); флибустьеры, флибустьеры (10); изверг (5); осёл, ослы (5); дрянь, (равнодушная, развратная) дрянь (4); баранья голова, бараньи головы (3); негодяйка (3); (дрянной, блудливый, изломанный; праздный, шатающийся) барчонок (2); тупица, (угрюмые) тупицы (2); болван; (поганая человечья) вошь; гадина; гнусные атеисты; дурында; жидёнок; жидок; (бестолковый) идол; колпак; кровопийца; (глупенький, прескверный) мальчишка, мальчишка и безбожник; (дрянные, дряннейшие) людишки; мерзавка; (гадкая, трусливая, жестокая, себялюбивая) мразь; сыч и купчишка; (надутая) тварь; тиранка; тряпка последней руки; (пьяная) харя; (самый дрянной, самый пустой) человечешко; черти.

В данный список не вошло слово *черт*, выполняющее, как уже было сказано выше, преимущественно эвфемистическую функцию, а также слово *жид*, пейоративный статус которого не однозначен. Так, в Словаре Вл. Даля под ред. Бодуэна де Куртенэ (в более поздних редакциях словарная статья «жид» вообще была исключена) выделяются следующие значения: «стар. народное название еврея || Презрит. название еврея || Скупой, скряга, корыстный скупец» [Даль 1912]. Сам Ф.М. Достоевский в ответ на критику в антисемитизме писал следующее:

«Но некоторое суждение мое я все же могу иметь, и вот выходит, что суждением моим некоторые из евреев стали вдруг интересоваться. С некоторого времени я стал получать от них письма, и они серьезно и с горечью упрекают меня за то, что я на них “нападаю”, что я “ненавижу жида”, ненавижу не за пороки его, “не как эксплуататора”, а именно как племя, то есть вроде того, что: “Иуда, дескать, Христа продал”. <...> Так как в сердце моем этой ненависти не было никогда, и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают, то я, с самого начала и прежде всякого слова, с себя это обвинение снимаю, раз навсегда, с тем, чтоб уж потом об этом и не упоминать особенно. Уж не потому ли обвиняют меня в “ненависти”, что я называю иногда еврея “**жидом**?” Но, во-первых, я не думал, чтоб это было так обидно, а во-вто-

рых, слово “жид”, сколько помню, я упоминал всегда для обозначения известной идеи: “жид, жидовщина, жидовское царство” и проч.» [Достоевский 1983: 74–75].

В последней фразе, однако, есть некоторая доля лукавства: слово *жид* у Ф.М. Достоевского действительно чаще используется в значении ‘еврей; ростовщик, перекупщик’, тем не менее и случаи употребления в бранной функции, преимущественно в личных письмах, далеко не редки (см. [СЯД 2010: 821–825]). Точно такую же ситуацию, т. е. функционирование слова *жид* в качестве инвективы и не бранного, мы обнаруживаем в текстах Н.С. Лескова, где его общая частота еще выше, чем у Ф.М. Достоевского. Что касается дериватов *жидок*, *жидишка*, и т. п., то они у обоих авторов однозначно пейоративны.

Как показывает приведенный выше список инвектив в романе «Бесы», наиболее частотными являются слова *дурак* (из 383 употреблений во всех текстах полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского 45 приходится на этот роман – см. [СЯД 2010: 628]) и *подлец* (40 из 396 – см. [СЯД, 2017: 710]). Довольно частотны также *мерзавец*, *негодяй* и *сволочь*. Таким образом, слова *дурак* – *подлец* – *мерзавец* – *негодяй* – *сволочь* образуют в романе «Бесы» своеобразный инвективный ряд, на который и приходится основная пейоративная нагрузка, именно этот ряд представляет собой ядро соответствующего текстового семантического поля. При этом, как уже было сказано выше, не рассматриваются многочисленные случаи использования слова *черт* в эвфемистической или междоветной функции, а также сочетания типа *плаксивое идиотство*, которое тоже можно условно отнести к инвективам.

По приблизительным подсчетам, исходя из того, что общее количество слов в романе «Бесы (без учета главы «У Тихона») – 206 015 единиц, бранная лексика, не считая другие полноточные слова с негативной коннотацией, составляет 0,2 % по отношению к числу знаменательных слов (включая онимы, топонимы и местоимения). Действительно, «поле брани», если использовать очень удачную метафору В.И. Жельвиса; это одновременно и показатель того «эмоционального поля», в котором находился Ф.М. Достоевский в период написания романа.

Определенный интерес с точки зрения характеристики авторского идиостиля представляет собой не только арсенал инвектив и общая частота употребления, но и насыщенность ими узких контекстов. Например:

«– Что за подлость и что за глупость! – позеленел от злости Пётр Степанович. – Я, впрочем, это предчувствовал. Знайте, что вы меня не берёте врасплох. Как хотите, однако. Если б я мог вас заставить силой, то я бы заставил. Вы, впрочем, **подлец**, – всё больше и больше не мог вытерпеть Пётр Степанович. – Вы тогда у нас денег просили и наобещали три короба... Только я всё-таки не выйду без результата, увижу по крайней мере, как вы сами-то себе лоб раскроите <...> Чёрт вас возьми, таких людишек, как вы, на всё хватит! Только не беспокойтесь, я всё предвидел: я не уйду, не раскроив вам черепа из этого револьвера, как **подлецу** Шатову, если вы сами струсите и намерение отложите, чёрт вас дер! | – Мне жаль Шатова, – сказал он, снова останавливаясь пред Петром Степановичем. | – Да ведь и мне жаль, пожалуй, и неужто... | – Молчи, **подлец**! – заревел Кириллов, сделав страшное и недвусмысленное движение, – убью! <...> Я не отложу; я именно теперь хочу умертвить себя: все **подлецы**! | – Ну вот это идея; конечно, все **подлецы**, и так как на свете порядочному человеку мерзко, то... | – Дурак, я тоже такой **подлец**, как ты, как все, а не порядочный. Порядочного нигде не было. | – Наконец-то догадался. Неужели вы до сих пор не понимали, Кириллов, с вашим умом, что все одни и те же, что нет ни лучше, ни хуже, а только умнее и глупее, и что если все **подлецы** (что, впрочем, вздор), то, стало быть, и не должно быть **неподлеца**? | – Вы политический обманщик и интриган, вы хотите свести меня на философию и на восторг и произвести примирение, чтобы разогнать гнев, и, когда помирюсь, упрямить записку, что я убил Шатова. <...> | –

Ну, пусть я такой **подлец**, только в последние минуты не всё ли вам это равно, Кириллов? Ну за что мы ссоримся, скажите, пожалуйста: вы такой человек, а я такой человек, что ж из этого? И оба вдобавок... – **Подлецы**. | – Да, пожалуй и **подлецы**. Ведь вы знаете, что это только слова. <...> | – Поверьте, Кириллов, что я ничего не имею против вас, как человека лично, и всегда... | – Ты **подлец** и ты ложный ум. Но я такой же, как и ты, и застрелю себя, а ты останешься жив. | – То есть вы хотите сказать, что я так низок, что захочу остаться в живых» [Достоевский 1974: 467].

Многочисленные повторы инвективы *подлец* – 12 раз в сравнительно небольшом отрезке текста – одновременно усиливаются употреблением другой бранной и оценочной лексики: *подлость*, *глупость*, *черт вас возьми*, *черт вас дери*, *людишки*, *мерзко*, *дурак*, *обманик*, *ложный ум*, *низок*. Действительно, как писал сам Ф.М. Достоевский, правда, по несколько иному поводу:

«<...> у нас, в литературе например, за неимением мыслей, бранятся всеми словами разом: приём невозможный, наивный, у первобытных народов лишь замечающийся, но ведь, ей-богу, даже и в этом есть опять нечто почти трогательное: именно эта неопытность, эта детская неумелость даже и выбраться как следует» [Достоевский 1981: 41].

Надо сказать, что *подлец* – одна из самых любимых инвектив писателя, которую мы находим не только в художественных текстах; ср., например, в записной тетради:

«Ибо все западники – есть лишь доживающее поколение помещиков. <...> Оба стыдящиеся **подлеца**. Стыдящийся собственной подлости, но при намерении подлость всё-таки докончить. Что лучше: быть наивным **подлецом** или стыдящимся **подлецом** – что предпочтительнее. Ответ прямой: быть просто **подлецом**. Это из так называемых стыдящихся **подлецов**, через крепостное право разъединившихся с народом» [Дневник писателя 1974: 293].

У Н.С. Лескова в романе «На ножах» «поле брани» еще более насыщенное, инвективы разнообразнее, «изоощреннее», как и употребляемые с ними прилагательные:

дурак, (принципный, препротивный, узколобый) дурак (43); подлец, (ужасный) подлец, подлецы (32); каналья, протоканалья (16); дура, (колоссальная, неестественная) дура (15); негодяй, (закоренелый) негодяй, негодяи (15); разбойник, разбойники (13); дрянь, (кислая) дрянь (12); дурачок, (блажной) дурачок (12); мошенник, мошенники (12); тварь, (бешеная загрубелая, презренная) тварь, (жадные, скаредные, грошковые) твари (11); мерзавец (8); болван (7); злодей, (холодный) злодей, злодеи (7); сволочь, (несытая, принципная, разная) сволочь (7); бездельник, бездельники (5); шут, (отпетый, патентованный гороховый) шут (5); вор, вору (3); жидок, жидки (3); изверг (3); обольститель (3); гадина, гадина (беззубая) (2); капризница (2); нигилисточка (2); сатана (2); скотина, (превредная) скотина (2); аспид; (гадая) бездельница; бесчувственная; вертопрашные женщины; гадость человек; дурачьё; дурочка, (добрая, совершенная) дурочка, (великодушные) дурочки; душегубы; жида да поляки; злой пёс; змея; (старый) мешок с деньгами; (ужасная) мошенница; наглец; ненавистный чухонец; неряхи словесные; (гадостный) нигилист; пагубник; поганый реалистик; полячки; (наглый, самонадеянный, злой, коварный) предатель; превредная скотинка; презренное, гадкое насекомое; прощелыга; (самый этакий гадостный, мелкий) реалистик; рыхлятина; свиньи; скареды; сорванцы; старый чёрт; старый шакал; стрижка-ерыжка; тупица; убийца; (большая) шельма; шишимора; шутиха.

В письмах самого Н.С. Лескова бранная лексика тоже встречается довольно часто, например, в письме А.С. Суворину от 20 марта 1871 г. по поводу идейного содержания романа «На ножах»:

«Вы жмурите глаза, мой уважаемый противумышленник! Вы не свободны и партийны, гораздо более чем я, которого в этом укоряете. Я не мшу нигилизму за клевету **мерзавцев** и даже не соединяю их воедино в моей голове. Я имею в виду одно: преследо-

вание **поганой** страсти приставать к направлениям, не имея их в душе своей, и **паскудить** всё, к чему начнётся это приставание. <...> “Ран”, нанесённых мне **мерзавцами**, клеветавшими на меня, я не чувствую. Поверьте мне в этом! Да и что чувствовать? Неужто у меня нет друзей, или мне заперты двери честных домов, или мне негде помещать моих работ? Боже мой! Какой же вред они мне сделали? Кто же, зная меня, не знает, что я имею право быть назван человеком не глупым и честным? Затем, когда смерть сделает своё дело, всё это получит новое освещение, и стыдно будет не моим детям, а детям тех, кого я по совести называю клеветниками и **подлецами**...» [Лесков, 1958: 297–298].

Ядерный инвективный ряд в тексте романа «На ножах» в чем-то совпадает с тем, что было выделено в «Бесах». Наиболее частотны слова *дурак* и *подлец*, которые сопровождаются инвективами *каналья* – *дура* – *негодяй* – *разбойник* – *дрянь* – *дурачок* – *мошенник* – *тварь* – *мерзавец* – *болван* – *злодей* – *сволочь*. Таким образом, текстовое семантическое (инвективное) поле романа Н.С. Лескова является более рассеянным, а выбор инвективы, на первый взгляд, кажется более «свободным».

Нельзя не отметить того факта, что в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», тоже, как и «На ножах» и «Бесы», антинигилистическом, появившемся на 10 лет раньше, из всех этих инвектив встречается только слово *дурак* – 9 раз, причем в основном в речи Базарова.

(2) Существует устойчивое представление о том, что культурные русские люди в XVIII и XIX в. не бранились, что брань, прежде всего матерная, была показателем принадлежности к низшим социальным слоям. По всей видимости, то же можно сказать и о других культурах, не только русской: «У англичан вежливость к нижестоящим считается главным проявлением аристократизма: не ругаться – значит, быть аристократом» [Стернин 2011: 10–14]. Однако данное представление верно лишь отчасти: во-первых, широко известным фактом является использование инвектив, в том числе и обценной лексики, Петром I, Екатериной II, А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым и многими другими представителями аристократического общества; во-вторых, остается не совсем понятным, кого следует отнести к «низшим социальным слоям». Эталоны ругателя отражаются в устойчивых сравнительных оборотах: *ругаться как извозчик* (*кучер, сапожник*) и в более современных: *ругаться как боцман* (*матрос, киномеханик, грузчик, прапорщик, милиционер*) – при полной невозможности таких сочетаний, как, например, **ругаться как барин* и маловероятности **ругаться как крестьянин*.

Можно, тем не менее, выдвинуть предположение о том, что частотность употребления инвектив в речи персонажа литературного произведения зависит от его социальной принадлежности и психотипа, а главное – от особенностей языковой личности автора.

Приведем примеры инвектив в речи двух уже упомянутых персонажей-нигилистов в романах «Бесы» и «На ножах» – Петра Верховенского и Павла Горданова, укажем адресаты, на которые направлены инвективы.

Анализ текстов, включающих в себя речь Петра Верховенского показывает, что адресатами ругательств служат Ставрогин (*праздный, шатающийся, дрянной, блудливый, изломанный барчонок; подлец*), Липутин (*мерзавец, подлец*), Лебядкин (*негодяй*), Кириллов (*мерзавец, подлец, сволочь*), Лембке (*колпак*), Федька (*мерзавец, пьяная харя*), народ (*экая дрянь*), человек (*гадкая, трусливая, жестокая, себялюбивая мразь*). Интересно, что среди наиболее частотных *подлецов* оказываются сами нигилисты – Ставрогин, Липутин и Кириллов. *Подлецом* же называют «сторонники» и самого Петра Верховенского:

«— Зато тебе выгодно, как шпиону и **подлецу**! — прокричал ему [П. Верховенскому] в дверях Шатов и вышел совсем» [Достоевский 1974: 318]; [Шатов Эркелю] «Э-эх! Тот **подлец** вас всех надул и бежал» [там же: 438]; [Кириллов] «Признайся, **подлец**, что ты взял револьвер потому, что я застрелю тебя...» [там же: 467]

Помимо Петра Верховенского концентрированно и в какой-то степени навязчиво инвективы (*негодяй* — 3 раза и *мерзавец* — 4 раза) встречаются в репликах губернатора фон Лембке, который по своему статусу и полученному воспитанию, казалось бы, не должен их использовать (отсюда частотное *флибустьеры* в бранном значении):

«— **Негодяй!** — крикнул он [Лембке], указывая на Лямшина. — Схватить **мерзавца**, обернуть... обернуть его ногами... головой... чтоб голова вверх... вверх! <...> Выгнать всех **мерзавцев**, которые смеются! — предписал вдруг Лембке. Толпа загудела и загрохотала. — Этак нельзя, ваше превосходительство. — Публику нельзя ругать-с — Сам **дурак!** — раздался голос откуда-то из угла» [там же: 391].

Кого ругает, принижает словом Павел Горданов? Всё тех же соратников-нигилистов: то ли шута, то ли помешанного Висленёва (*шут, болван, круглый дурак, каналья, бешеная тварь, ненавистный чухонец*), ростовщика Кишенского (*гадина, жидок, каналья, шушера, тварь*) и его сообщницу Алину (*подлецы, свиньи*), Вансок (*дура*), — и всех их называет *сволочью*:

[Горданов Висленёву] «...кто же в наш век из порядочных людей живёт с жёнами? А зато, — добавил он, схватывая Висленёва за руку, — зато любовь, любовь... В провинциях из лоскутков шьют очень тёплые одеяла... а ты, **каналья**, ведь охотник кутаться!» [Лесков 1994: 37]; [Горданов Вансок] «Живучи с волками, войте по-волчьи и не пропусайте то, что плывёт в руки. Что вам далось это глупое слово “донос”, все средства хороши, когда они ведут к цели. Волки не церемонятся, режьте их, душийте их, коверкайте их, **подлецов, воров, разбойников и душегубов!**» [там же: 89]; «Всё, что Горданов говорил Висленёву насчёт своей готовности возить на себе своих собственных лошадей, если б они платили, всё это была сущая правда. Два года женатой жизни Висленёва Горданов провёл в неусыпнейших трудах, таская на себе **скотов**, гораздо менее благородных, чем его кони» [там же: 127]; [Горданов Висленёву] «...я вижу вдали и вблизи: от своего великого дела я перехожу к твоему бесконечно маленькому, — потому что оно таково и есть, и ты его сам скоро будешь считать таковым же. Но как тебя эти **жадные, скарёдные, грошковые твари** совсем пересилили...» [там же: 122]

Инвектива **мерзавец** в речи Горданова ни разу не встречается, но многократно употребляется как оскорбление в его адрес в речи героев антагонистов — майора Форова, его жены майорши Форовой и Подозёрова:

[Форова] «Ну, да! вот так мы всегда: все скандалов боимся, а **мерзавцы**, подобные Гордашке, этим пользуются» [там же: 199]; [Форов] «**Мерзавцы!** Разве вы не видите, кто на всё способен? ведь за всё, бездельники, берутся, даже уж в спириты лезут: ни от чего отказа, и из всего выходят целы» [там же: 217]; [Форов] «Теперь понимаешь, какой гусь сей **мерзавец** Горданов?» [там же: 271]; [Форова Синтяниной] «Ну, не ожидала, чтобы ты, ты, строгая, чистая женщина, девушкам ночные поцелуи с **мерзавцами** советовала» [там же: 243]; [Подозёров] «Боже! какой страшный **мерзавец** этот Горданов! [там же: 248]; [Подозёров] С ней [Ларисой] нельзя обходиться как со взрослым человеком: её нужно жалеть и беречь... особенно... теперь, когда этот **мерзавец** [Горданов] её так уронил...» [там же: 251]; «— Послушайте! — прошипел Горданов, глядя в горящие глаза Андрея Ивановича. — Вы знаете, с кем шутите? | — Во всяком случае с **мерзавцем**, — спокойно молвил Подозёров» [там же: 183].

Бранное слово *подлец* встречается в романе в разговоре о безличностях, всеобщих подлецах, которые, как и в «Бесах», «все одни и те же... нет ни лучше, ни

хуже, а только умнее и глупее» и объединяются, в конце концов, в неуправляемую «массу несытой сволочи»:

«—А что если бы твои эти слова слышал бы кто-нибудь посторонний? — спросил, щуря глаза и раскачивая ногою, Висленёв. | [Горданов] Что ж: сказал бы, что я **подлец**? | — Наверно. | — И наверно соврал бы; потому что сам точно так же, **подлец**, думает» [там же: 36].

А также при их «классификации»:

[Форов жене] «Ну да, рассказывай! Будто нет богомольных **подлецов**, точно так же, как и **подлецов** не молящихся?» [там же: 260]

При этом интересно, что у нигилистов есть своеобразная шкала, по которой *подлец* оказывается выше *шута* или *дурака*.

[Горданов] «Держись, пожалуйста, умней, мой благородный вождь, иначе ты будешь свешен и смерян здесь в одну неделю, и тебя даже **подлецом** не назовут, а просто нарядят в **шуты** и будут вышучивать!» [там же: 36] [Горданов] «Висленёв — отпетый, патентованный гороховый **шут** и притча во языцех, а я... во всяком случае человек, над которым никто никогда не смеялся...» [там же: 229]

Классификация людей и их ярлыков вообще излюбленная тема и Ф.М. Достоевского, и Н.С. Лескова: достаточно вспомнить *штатных дураков*, *умных дураков* и *глупых умников* Форова или *принципного дурака* и *великодушную дуручку* Бодростиной.

Как мы видим, несмотря на разницу в составе инвектив и частоту их использования, тексты Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова во многом пересекаются, а именно — в психотипе ругающегося персонажа, а также в выборе адресата его ругани. В нигилистическом мире Н.С. Лескова мошенники и убийцы, отрицающие отрицание, все время ищущие наживы, оказываются изолированными от мира «не-подлецов», а потому их ругань оказывается обращена чаще всего на себе подобных. Однако ругаются и те, кто противопоставляет себя нигилистам, в том числе персонажи-женщины. По всей видимости, в этих двух случаях инвективы выполняют разные функции, хотя нечто общее между персонажами есть: и те и другие находятся в пограничном состоянии:

[П. Верховенский Ставрогину] «Нет, эта демократическая **сволочь** с своими пятерками — плохая опора; тут нужна одна великолепная, кумирная, деспотическая воля, опирающаяся на нечто не случайное и вне стоящее...» [Достоевский 1974: 404]; [Форов] «Вы нас победили больше, чем хотели: и устанавливайте свои порядки, да посчитайтесь-ка теперь с **мерзавцами**, которые в наш след пришли. Вы нас вытравили, да-с; голодом шаршавых нигилистов выморили, но не переделали на свой лад <...> А вон новизна... **сволочь**, как есть **сволочь**!» [Лесков 1994: 455]

(3) Наиболее полно, на наш взгляд, возможные функции инвектив в речи, в основном применительно к обценной лексике, выделены В.И. Жельвисом (см. [Жельвис, 2001]) и впоследствии прокомментированы И.А. Стерниным (см. [Стернин, 2011]). Некоторые из этих функций (всего их 27), как показывает проведенный выше анализ, соотносятся с теми, в которых используется бранная лексика в романах «Бесы» и «На ножах». Прежде всего, в речи нигилистов, «бесов» (а насыщенность инвективами — одна из наиболее характерных ее черт) обращает на себя внимание употребление инвектив в их прямой функции — оскорбить и унижить собеседника, — пересекающейся с такими функциями, как «средство понижения социального статуса адресата», «“дуэльное” средство», «реализация “элитарности культурной позиции

через ее отрицание”» и «средство вербальной агрессии». Относительно причины высокой насыщенности речи нигилистов в романах Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова инвективами мы готовы выдвинуть довольно смелую гипотезу, состоящую в следующем.

Оскорблять другого склонен в первую очередь тот, кто из себя представляет нечто среднее, кто в чем-то «недо-»: недо-дворянин, например, обедневший дворянин, недо-священник (тот самый семинарист, который, по словам Ф.М. Достоевского, «враг России» [Неизданный Достоевский 1974: 316]), недо-крестьянин (крестьянин, который решил стать кем-то большим) и т. д. В первую очередь невозможность идентифицировать себя с каким-то классом или социальной группой, своеобразная социальная шизофрения, и влечет за собой брань, агрессивность и нервное, часто раздвоенное состояние, создает особый тип языковой личности – Номо Инсгеранс («человек ругающийся»). Желание унижить кого-то и тем самым «возвыситься» самому, стремление к разрушению всего – именно такой тип личности и составлял основу нигилистов. К Номо Инсгеранс относятся и сами авторы – Ф.М. Достоевский и Н.С. Лесков, которые тоже в определенном смысле «недо-» (достаточно вспомнить хорошо известные факты биографии писателей), что, например, находит отражение в письмах и публицистике. Широкое, сознательное и мотивированное использование инвектив – одна из особенностей их диалекта, проявляющаяся, в частности, при создании типологии художественных образов. Выдвигая данное предположение, мы ни в коем случае не даем никакой оценки, но только констатируем обнаруженный лингвистический факт.

Конечно, данными функциями употребление бранной лексики в текстах Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова не ограничивается. Довольно часто бранная лексика, например слова *дурак* (см. [СЯД 2010: 628–636]), используется персонажами этих авторов при самоуничижении, и в этом случае имеет смысл говорить о своеобразной деинвективации, в междоментной, эвфемистической и др. функциях. Рассмотрение таких функций инвектив, выделенных В.И. Жельвисом, как «терапевтическая», т. е. для снятия стресса; «катартическая»; «средство выражения профанного начала, противопоставленного началу сакральному»; «отношение двух к третьему как “козлу отпущения”»; «символ сочувствия угнетенным классам»; «передача оппонента во власть злых сил»; «магическая»; «ощущение власти над “демоном сексуальности”»; «демонстрация половой принадлежности говорящего»; «эсхрологическая»; «патологическое сквернословие»; «деление на разрешенные и неразрешенные группы»; «дружеское подтрунивание или подбадривание»; «криптолалическая», или парольная, служащая для снятия оппозиции свой / чужой, и связанная с ней контактообразующая и некоторые другие мы оставляем в данном случае без внимания по причине абсолютной невозможности их каким-либо образом аргументировать или в силу того, что данные функции относятся исключительно к обсценной лексике.

Изучение инвектив, их функций в художественном тексте может проводиться и по другим направлениям: связь между использованием бранной лексики и богатством словарного запаса, например, в речи персонажа; контекстные ассоциативные связи, в которые вступает бранная лексика, в том числе и «нанизывание» одного бранного слова на другое для создания амплификации, например: «[О плац-майоре Кривцове] Каналья, каких мало, великий варвар, сутяга, пьяница, всё, что только можно представить отвратительного» [Достоевский 1985: 169]; соотносительность с другими стилистическими пластами языка, например

с просторечием или с высоким стилем, как один из способов создания иронии или комического эффекта; игровое употребление бранной лексики; возможность реализации в художественном тексте скрытой внутренней формы бранного слова; эвфемизация бранной лексики и т. д. Это, однако, уже предмет других исследований, выходящих за рамки данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 518 с.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя за январь-апрель 1876 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1981. 408 с.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя за январь-август 1877 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. 465 с.

Достоевский Ф.М. Письма // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28, кн. 1. Л.: Наука, 1985. 544 с.

Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001. 348 с.

Карякин Ю.Ф. Достоевский – Лесков («Бесы» и «На ножках»); public.wikireading.ru/97574 (дата обращения: 26.02.2019).

Лесков Н.С. На ножках. М.: Русская книга, 1994. 464 с.

Лесков Н.С. Письма // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 10. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. 594 с.

Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. 727 с.

Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. М.: ЛЕКСПУС, 2015. 543 с.

Ружицкий И.В., Потёмкина Е.В. «Элитарная языковая личность» и бранная лексика (на примере идиолекта Ф.М. Достоевского) // Русская речь. 2018. № 6. С. 29–39.

Стернин И.А. Проблема сквернословия. Воронеж: Истоки, 2011. 21 с.

СД – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 4-е испр. и значительно дополн. изд. под ред. проф. Бодуэна де Куртенэ. Т. I (А–З). СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1912. 1345 стлб.

СЯД 2010 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З) / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2010. 1067 с.

СЯД 2017 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Н–По) / Под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. И.В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2017. 835 с.

Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. М.: Гнозис, 1994. С. 53–128.

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000. 296 с.

REFERENCES

Dostoevsky F.M. Demons. In: Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 10. Leningrad. Nauka Publ. 1974. 518 p.

Dostoevsky F.M. Writer's Diary for January-April 1876. In: Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 22. Leningrad. Nauka Publ. 1981. 408 p.

Dostoevsky F.M. Writer's Diary for January-April 1877. In: Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 25. Leningrad. Nauka Publ. 1983. 465 p.

Dostoevsky F.M. Letters. In: Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 28. Book 1. Leningrad. Nauka Publ. 1985. 544 p.

Zhelvis V.I. (2001) The Field of the Swearing: Profanity as a Social Problem in World languages and Cultures. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow. Lodomir. 348 p.

Karyakin Yu.F. Dostoevsky – Leskov (“Demons” and “At Sword’s Points”). public.wikireading.ru/97574 (data accessed: 26.02.2019).

Khimik V.V. (2000) Poetics of the Profanation, or a Common Language as a Cultural Phenomenon. St.-Petersburg. 296 p.

Leskov N.S. (1994) At Sword’s Points. Moscow. Russkaya Kniga. 464 p.

Leskov N.S. Letters. In: Leskov N.S. Collected Works: In 11 vols. Vol. 10. Moscow. State Publishing House of Fiction 1958. 594 p.

Ruzhitskiy I.V. (2015) Dostoevsky’s Language: Idioglossary, Thesaurus, Eidos: Monograph. Moscow. LEKSRUS. 543 p.

Ruzhitskiy I.V., Potemkina E.V. “Elite Linguistic Personality” and Abusive Vocabulary (on the example of F.M. Dostoevsky’s idiolect). *Russkaya Rech.* 2018. No 6, pp. 29–39.

Sternin I.A. (2011) The Problem of Foul Language. Voronezh. 21 p.

Unpublished Dostoevsky: Notepads and Notebooks 1860–1881. Moscow. Nauka Publ. 1971. 727 p.

Uspenskiy B.A. Mythological Aspect of Russian Expressive Phraseology. In: Uspenskiy B.A. Selected Works. Vol. 2. Moscow. Gnozis Publ. 1994, pp. 53–128.

СД – Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 4th ed., corrected and greatly suppl. ed. / Ed. by Prof. Baudouin de Courtenay. Vol. I (A–3). St.-Petersburg; Moscow. M.O. Volf Company. 1912. 1345 columns.

СЯД 2010 – Dostoevsky’s Dictionary: Idioglossary (Г–З) / Ed. by Yu.N. Karaulova. Moscow. Azbukovnik Publ. 2010. 1067 p.

СЯД 2017 – Dostoevsky’s Dictionary: Idioglossary (И–По) / Ed. by Yu.N. Karaulova; science ed. by I.V. Ruzhitskiy. Moscow. Azbukovnik Publ. 2017. 835 p.

Сведения об авторах:

Екатерина Владимировна Потёмкина,
канд. пед. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina V. Potemkina,
PhD
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kpisareva@yandex.ru

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Igor V. Ruzhitskiy,
Doctor of Philology
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
konnitie@mail.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

Т.В. Ключева (Москва, Россия)

**Способы перевода русской кулинарной лексики
в книге Маркуса Вольфа «Geheimnisse der russischen Küche»**

Аннотация: В статье рассматриваются способы передачи на немецком языке понятий из области русской кулинарной лексики в книге М. Вольфа «Тайны русской кухни».

Ключевые слова: реалии, полисемантические наименования, гиперонимы, безэквивалентные лексемы, эквиваленты, аналоги, синонимы, региональные и национальные дублеты

T.V. Klyueva (Moscow, Russia)

**Ways to Translate Russian Culinary Vocabulary
in Marcus Wolf's Book "Geheimnisse der russischen Küche"**

Abstract: In this article are considered the methods of translation of Russian culinary terms into German.

Key words: realities, polysemantic names, non-equivalent lexical units, equivalents, analogical words, synonyms, regional and national doublets

Маркус Вольф (1923–2006) – сын известного немецкого писателя-антифашиста Фридриха Вольфа и брат режиссера Конрада Вольфа – человек, достаточно хорошо известный в нашей стране. Детство и юность М. Вольфа прошли в эмиграции, в СССР. Здесь он прожил 12 лет, окончил школу и институт. Здесь у него было много друзей и знакомых, и русский язык он считал своим вторым языком. После войны семья Ф. Вольфа жила в ГДР. М. Вольф находился на дипломатической службе, а потом стал руководителем внешней разведки ГДР, одной из лучших в мире. После воссоединения Германии в 1990 г., когда он был уже в отставке, власти ФРГ хотели посадить его в тюрьму – якобы как изменника родины. Но своему государству, ГДР, Вольф не изменял. Он провел в тюрьме г. Карлсруэ несколько месяцев, но в итоге его вынуждены были освободить. Причина, по которой против него собирались провести сугубо политический судебный процесс, очевидна: это успехи разведки ГДР, сумевшей завербовать ряд западногерманских высокопоставленных деятелей.

Находясь в отставке, М. Вольф написал несколько книг: «Trojka», «Freunde sterben nicht», «Geheimnisse der russischen Küche» [Wolf 2007]. Книги характеризуются четкой авторской позицией, знанием фактов, чувством юмора. В книге о русской кухне, адресованной немецкому читателю, М. Вольф с любовью и симпатией говорит о нашей стране и наших людях, хотя на годы перестройки пришлось трагические события в его жизни, связанные с распадом социалистического лагеря. Книга о русской кухне не сборник рецептов. Приготовление тех или иных блюд, как правило, соединено с какими-нибудь событиями в жизни автора. В этом отношении она немного напоминает роман Жоржи Амаду «Донья Флор и два ее мужа», где каждая глава начинается рецептом бразильской кухни, так как главная героиня руководит кулинарной школой для будущих хозяек. Рассказы о приготовлении блюд у Вольфа перемежаются с воспоминаниями о встречах с друзьями, о веселых застольях, но также и о днях гонений и преследований. Автор показывает, как русское застолье, сопровождающееся веселыми историями, байками, анекдотами и тостами, помогало не только спланировать старых друзей, но и находить новых друзей и политических сторонников. Для преподавателей немецкого языка книга интересна как со страноведческой точки зрения, так и с позиций практики перевода.

М. Вольф, обращаясь к немецким читателям, нередко подчеркивает то, с чем он впервые познакомился в нашей стране, что не типично для немецкой кухни, какие аналогии можно провести, сравнивая некоторые русские и немецкие блюда, какие особенности имеет русская региональная кухня (напр., сибирская) и какие обычаи нередко связаны с ней. Интересно и то, что во многих случаях М. Вольф прибегает к анализу этимологии слов, рассказывая о происхождении тех или иных блюд и продуктов в России. Как правило, всякий раз приводится транслитерация названия русской реалии (соответствующего кушанья, продукта или каких-то сопутствующих вещей), а потом дается их толкование и перевод, что весьма ценно для преподавателей и переводчиков.

Помимо собственно русских, автор включил в книгу также те блюда, которые были восприняты русскими от народов бывшего СССР, напр.: Nähnchen Tabaka («цыпленок табака» – грузинская кухня), Schaschlyk («шашлык» – кавказская кухня), ukrainische Warenniki, usbekische Manty, usbekischer Plow. Некоторые рецепты можно назвать именными: Koljas Apfel-Oladi (Колины яблочные оладьи), Lenas vegetarischer Bortschtsch (Ленин вегетарианский борщ), Lidas Kohlroutladen (Лидины голубцы), Malyschew-Pirogge (малышевский пирог). Интересно и то, что здесь дается несколько рецептов приготовления кваса, описаны технологии сушки, соления и маринования грибов. В книге упомянуты отдельные рецепты из книги Е. Молоховец, но преобладает современная кухня.

Отметим те блюда русской кухни, для которых нет немецких соответствий: кисель (Kissel), пасха (österliche Quarkpyramide), гречневая каша «Buchweizenbrei», солянка «Soljanka», окрошка «Kwassuppe», уха, двойная и тройная уха «die doppelte und die dreifache Ucha». Конечно, слово уха можно перевести немецким Fischsuppe, но в немецком блюде только один сорт рыбы. Кроме того, уха обычно готовится в котелке на костре, а не на кухонной плите. Автор замечает, что главная пряность русской кухни – укроп «Dill», чего нельзя сказать о немецкой кухне. Любимые русскими зеленые щи «grüne Stschi» неведомы немецкой кухне, поскольку щавель «Sauerkampfer» практически не используется в Германии, не говоря уж о крапиве (Brennessel). Баклажаны продаются в магазинах, но из них не готовят икру «Ikra aus Eierfrüchten, Auberginenkaviar».

В книге М. Вольфа обращено внимание на многозначность русского слова каша. Примечательно, что автор почти не прибегает к переводу «Brei», предпочитая варваризм «каша». Как известно, у слова каша есть два основных значения, которые выделяются в русско-немецких словарях, напр., в «Русско-немецком словаре» под редакцией К. Лейна [Лейн 1989: 235]: 1. каша как кушанье; (Grütze, f; Brei, m); 2. путаница (Durcheinander, m; Wirtwarr, m; Kraut u. Rüben). В словарях современного языка обычно не указывается старинное значение слова каша «свадебный пир». Подчеркивая важность этого блюда и его укорененность в национальной культуре, М. Вольф приводит с ним пословицу «Щи да каша – пища наша» и фразеологизмы «заварить кашу» (т. е. «создать сложную ситуацию» – «eine Kascha zum Kochen bringen»), «Кто заварил кашу, пусть ее и расхлебывает» – «Wer den Brei gekocht hat, der esse ihn»; «С ним каши не сварить» – «Mit dem lässt sich keine Kascha kochen».

М. Вольф вообще охотно и часто пользуется русскими пословицами, связанными либо с едой, либо с процессом ее приготовления, напр.: «Erst die Piroggen sind die Zierde eines Hauses» – буквальный перевод русской пословицы «Не красна изба углами, красна пирогами»; немецкий эквивалент – «Ein Haus ist nicht schön durch seine Wände, wohl aber durch gastliche Hände», «Vom Ofen her beginnt der Tanz» – «танцевать от печки»; «Den kannst du auch mit einem Kalatsch nicht betören» – буквальный перевод выражения «Его туда и калачом не заманишь» = нем. «Ihn bringen keine zehn Pferde dahin»; «Kocht Stschi, damit Gäste kommen» – «Кипятите щи, чтобы гости шли».

Поскольку в книге немало воспоминаний, относящихся к временам острого дефицита товаров в СССР, русским читателям небезынтересно будет узнать немецкие соответствия наших реалий той поры: das Schlangestehen – стояние в очередях, die Schlange nach etw.: nach Motorrädern, Autos, Möbeln, nach Wodka (1991) – очередь за чем-либо: за мотоциклами, автомобилями, мебелью, за водкой; sich anstellen – становиться в очередь; das Anstehen nach Butter oder nach Theaterkarten – очередь за сливочным маслом или билетами в театр; die Bücherschlange – очередь за книгами. Теперь эти лексемы, как и глагол «доставать что-либо» (нем. ergattern) принадлежат истории. М. Вольф упоминает еще об одной реалии былых времен – подстаканнике, на котором сравнительно недавно подавали чай в поездах. Помнится, как зарубежные туристы покупали подстаканники в ГУМе: для других стран этот вид посуды не был типичен. М. Вольф использует для слова «подстаканник» два варианта перевода: Metalluntersatz, m и словосочетание «der Einsatz für Teegläser». В «Русско-немецком словаре» [Лейн 1989: 442] слово «подстаканник» переведено как Teeglasuntersatz или просто Untersatz.

В книге М. Вольфа есть некоторые отсылки к этимологии известных, привычных русских слов. Так, слово суп пришло в русский язык из французского языка в XVIII в., но во французском, как предполагает И.С. Лутовинова [Лутовинова 2005: 35], оно восходит к германским языкам. В отличие от старинного русского блюда похлебки, суп варился с пряностями. Говоря о происхождении слова булка, М. Вольф отмечает его связь с французским словом boulanger «булочник». [Wolf 2007: 68]. Следует отметить, что эта связь опосредованная. Слово булка, как отмечает И.С. Лутовинова, пришло в русский язык из польского в XVIII в., а в польском является заимствованием из романских языков. В словаре М. Фассмера [Фассмер 1961: 235–236] отмечается, что слова этого корня есть в польском языке

и в немецких диалектах. Таким образом, слово булка – заимствование с не до конца проясненной этимологией.

При изучении темы «Еда» на занятиях по немецкому языку студентов нередко интересуют немецкие соответствия названий русских блюд. При этом больше всего вопросов, как правило, вызывает перевод названий мучных блюд. Приведу примеры немецких соответствий русским лексемам на основе книги М. Вольфа. Вот некоторые из них: пирог – Pirogge, f (с несладкой начинкой), Kuchen, m (со сладкой начинкой); пирожок – Pastetchen, n; kleine Pastete (со сладкой начинкой); блин (у Вольфа чаще во множественном числе bliny) – Plinse, f, хотя в словарях обычно дается перевод Pfannkuchen, m. М. Вольф обычно употребляет слово Pfannkuchen как родовое понятие для всего, что выпекается на сковороде. Для слова калач употреблен варваризм Kalatsch, m без перевода на немецкий язык, как и в словарях. Для понятия оладья, оладьи М. Вольф употребляет только форму множественного числа Oladi, переводя ее словом Löffelkuchen (ср. с переводом Pfannkuchen, m; Fladen, m) в словаре под ред. К. Лейна [Лейн 1989: 370]. В то же время слово Fladen переводится и как «лепешка». Слово пышка М. Вольф переводит как Pfannkuchen, m, тогда как в словаре [Лейн 1989: 519] – другой перевод: runder Hefekuchen, букв.: «круглый пирог из дрожжевого теста». Ватрушке у М. Вольфа соответствует перевод kleiner Käsekuchen, m, как и в словаре. Совпадает с русско-немецким словарем и перевод слова крендель – Kringel, m; Brezel, f. Как видим, больше всего расхождений в переводе слов блин, оладьи, пышка. Русскому слову коврижка могут соответствовать два немецких наименования, Lebkuchen и Pfefferkuchen. Немецкое слово Plätzchen, n «лепешка, круглое печенье» в книге М. Вольфа используется не как название самостоятельного блюда, а как родовое понятие при описании формы изделий из теста.

М. Вольф много рассказывает немецкому читателю о пельменях и дает несколько рецептов их приготовления, упоминая и об особом рецепте режиссера С.А. Герасимова, учеником которого был брат автора Конрад Вольф. М. Вольф отмечает, что, хотя это блюдо, скорее всего, заимствовано русскими у соседних народов (аналогичное есть у угро-финнов и татар), пельмени играют особую роль в русском застолье – ими угощают дорогих гостей, причем напитком чаще всего служит водка. Пельмени, по мнению Вольфа, нельзя сравнивать с итальянскими Ravioli или швабскими Maultaschen: это все равно что сравнивать фазана с вороной. Maultaschen могут иметь разную начинку, но чаще мясную, однако в «Большом немецко-русском словаре» (БНРС) слово не совсем точно переведено как «вареники» [БНРС 1969, 2: 71]. Как родовое понятие для пельменей, вареников, мантов М. Вольф использует слово Teigtaschen, которое в БНРС переводится и как «вареники», и как «пельмени» [БНРС 1969, 2: 425]. Пельмени М. Вольф описывает как «gefüllte Plätzchen aus Nudelteig», которые могут быть «rund oder halbmondförmig, mit oder ohne Öhrchen» [Wolf 2007: 116]. Главное в них – состав фарша, чем они и отличаются от других изделий из мяса и теста. В жизни семьи Вольфа (а именно – сыновей Конрада и Маркуса) это блюдо играло особую роль: их готовили в большом количестве, на пельмени звали гостей, а в фильме К. Вольфа «Ich war neunzehn» есть сцена, где победители, советские солдаты и офицеры, лепят пельмени. И слово «Pelmeni», и это блюдо известны в современной Германии. В некоторых магазинах продаются готовые замороженные пельмени. Автору данной статьи приходилось видеть в меню павильона рождественской ярмарки на площади Александерплац в Берлине пельмени с русской водкой.

Наблюдения над употреблением кулинарной лексики в книге М. Вольфа, а также опыт собственной преподавательской практики позволяют сделать некоторые обобщения, охарактеризовав этот слой лексики как с позиций перевода, так и в плане семантики.

І. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛИНАРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

А. Безэквивалентная лексика

Так как оба народа, и русский, и немецкий, живут в зоне умеренного климата и используют в основном одинаковые продукты, в обоих языках не столь уж много безэквивалентных лексических единиц, требующих описаний и пояснений.

Немецкий язык: Eintopf, m; Ochsenschwanzsuppe, f; Eisbein, n; Hackepeter, m; Karpfen Blau.

Eintopf, m – густой суп из разных овощей (капусты, чечевицы, картофеля и др.) с мясом или колбасой, сочетающий в себе первое и второе блюда (обед в одном горшке). Ochsenschwanzsuppe, f – суп из бычьих хвостов с пряностями, напоминающий густой соус. Eisbein, n – отваренная свиная нога, предварительно выдержанная в рассоле (нем.: «geröckeltes und gekochtes Schweinebein»). Hackepeter, m – блюдо из сырого рубленого мяса с уксусом и растительным маслом. Karpfen Blau – отварной карп, предварительно замоченный в уксусе. При объяснении подобных лексем приходится прибегать к гиперонимам вроде «суп», «пирог», «мясное блюдо», «напиток» и т. п.

Русский язык: окрошка, зеленые щи, борщ, солянка, пельмени, винегрет, свекольник, кисель. Окрошка – kalte Kwassuppe mit Fleisch, Ei und Frühlingsgemüse (Gurken, Radieschen). Зеленые щи – Frühlingsuppe mit Brennessel und/oder Sauerampfer, hartgekochtem Ei, Kartoffeln, Möhre und Sauersahne. Кисель – süße Speise (Nachtisch) mit Saft, Beeren oder Obst und Kartoffelmehl. Винегрет – Salat aus gekochtem Gemüse (Kartoffel, Möhre, rote Bete), Salzgurken, Sauerkraut, mit Öl und Essig). В меню немецких ресторанов винегрет называется «Russischer Salat» или «Salat Vinaigrette», чтобы не перепутать с одноименным французским соусом.

Следует отметить, что безэквивалентные названия немецких блюд мало известны в нашей стране. Те, кто изучает немецкий язык, могут знать «айнтопф» и «айсбайн», тогда как многие немцы из бывшей ГДР знакомы с борщом, винегретом, солянкой и пельменями. Те, кто умеет готовить борщ и винегрет, даже приглашают на них гостей.

В теории перевода различают несколько способов передачи безэквивалентной лексики на ПЯ. На материале кулинарных наименований можно выделить следующие: 1) транслитерацию иноязычных слов, ведущую к появлению в тексте варваризмов. Русский язык: айнтопф, айсбайн, шнапс, рейнвейн, хакепетер; немецкий язык: Borschtsch, Kissel, Stschi, Pelmeni, Soljanka. 2) покомпонентный перевод (калькирование): Ochsenschwanzsuppe, f – суп из бычьих хвостов. 3) описание: свекольник – kalte Rote-Bete-Suppe mit gekochtem und rohem Gemüse, Suppengrün und Eiern (auch mit Fleisch); солянка – scharf gewürzte, dicke Suppe, die auf der Grundlage einer kräftigen Fleisch-, Fisch- oder Pilzbrühe zubereitet wird; зеленые щи – Kohlsuppe mit Sauerampfer; пельмени – Teigtaschen mit Fleischfüllung.

Следует отметить, что М. Вольф чаще всего использует транслитерацию, которая дополняется описанием, где нередко можно встретить слова-гиперонимы вроде Suppe, Teigtaschen и т. п.

Б. Эквивалентные лексемы

Целый ряд названий имеют в русском и немецком языке эквиваленты. Я.И. Рецкер [Рецкер 1950: 157] предложил называть эквивалентом «постоянное равнозначное соответствие, которое для определенного времени и места уже не зависит от контекста». Немалая часть русской кулинарной лексики имеет эквиваленты в немецком языке. Например: жаркое – Braten, m; яичница-глазунья – Spiegelei, n; гороховый суп – Erbsensuppe, f; грибной суп – Pilzsuppe, f; суп с лапшой – Nudelsuppe, f; щи – Kohlsuppe, f; студень – Sülze, f; котлета – Bulette, f; голубец – Kohlroulade, f; каша – Brei, m. Несмотря на отдельные различия в приготовлении, эти блюда очень похожи. Например, уха обычно переводится как Fischsuppe, хотя уха варится преимущественно из свежей речной рыбы на костре, тогда как рыбный суп можно сварить на плите из морской мороженой рыбы или даже из рыбных консервов.

В. Аналогии

Аналогом Я.И. Рецкер называл перевод посредством выбора одного из нескольких возможных синонимов [Рецкер 1950: 158]. Так, выбор из немецких аналогов возможен у следующих немецких наименований: ватрушка – Quarkkuchen либо Käsekuchen, блин – Plinse либо Pfannkuchen, оладьи – Löffelkuchen либо Fladen, пельмень – Teigtasche либо Maultasche. Такие варианты, между которыми выбирает переводчик, А.В. Федоров называл лексическими вариантами [Федоров 2002: 198]. При этом речь идет о нескольких лексемах в ПЯ, близких по значению.

II. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛИНАРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

А. Синонимы

Среди русских наименований блюд синонимы нередко образуют пары, где одно слово бывает заимствованным, а второе исконно русским: соус – подливка, компот – взвар, суп – похлебка, зельц – студень, холодец; драники – картофельные оладьи, ветчина – окорок.

В немецком языке, где есть три национальных варианта (собственно немецкий, австрийский и швейцарский), где широко используются диалекты и очень развито региональное и национальное варьирование в лексике, синонимы среди немецких названий блюд представлены шире, чем в русском языке. Например: картофельное пюре: Kartoffelbrei, m; Kartoffelpüree, m; Kartoffelmus, n; Stampfkartoffeln, Quetschkartoffeln. Начинка: Füllung, f; Fülle, f; Farce, f. Коврижка: Lebkuchen, m; Honigkuchen, m; Pfefferkuchen, m. Бульон: Brühe, f (Kraft-, Fleischbrühe); Brühesuppe, f; klare Suppe; Bouillon, n. Драник: Kartoffelpfannkuchen, m; Puffer, m; Kartoffelpuffer; Kartoffelplätzchen, n; Reibekuchen, m.

Б. Региональные и национальные варианты слов (дублеты)

Гораздо больше, чем синонимия, в области кулинарной лексики развито региональное варьирование, что может затруднять перевод с других языков на немецкий, ведь практически каждый немец является носителем какого-нибудь регионального варианта своего родного языка и потому при переводе будет предпочитать ту лексику, которая ему более привычна. Очевидно, именно поэтому М. Вольф выбирал не широко известные слова Kartoffelpuffer, Pfannkuchen, а более близкие ему восточносреднемецкие лексемы Reibekuchen и Plinse.

В собственно немецком национальном варианте литературного языка есть множество региональных дублетов¹: омлет: Eierkuchen, m (вост.-нем., ю.-нем.); Omlett, n (кроме восточносредненем.), Pfannekuchen, m (западносредненем.); Плинсе, f (северовосточнонем.); соус: Sauce, f (общенем.); Stippe, f (сев., средненем.); Tunke, f (сев., западносредненем.); булочка: Brötchen, n (сев., средненем.); Semmel, f (ю.-нем.); Rundstück, n (сев.-зап.); Schrippe, f (сев.-вост., берлинск.); Wecken, m (ю.-зап.).

Региональные варианты слов, кодифицированные в Германии, Австрии и Швейцарии, принято называть национальными вариантами или национальными дублетами. Национальные дублеты не всегда могут быть известны носителям немецкого языка за пределами той или иной страны. Например: булочка: Laibchen, n (австр.); Mutschli, n; Brötli, n; Bürli, n; Weggen, m (швейц.); творог: Quark, m (нем., швейц.), Schotten, m (австр.); сливки: Sahne, f (нем.); Obers, n (австр.); Nidel, m (швейц.); хрен: Meerrettich, m(нем.); Kren, m (австр.); баклажан: Eierfrucht, f (общенем.); Aubergine, f (нем., швейц.); Melanzani, f (австр.); абрикос: Aprikose, f (нем., швейц.); Marille, f (австр.); Kartoffel, f (общенем.); Erdapfel, m (австр.); соус: Soße, f (нем.); Soß, f; Saft, m (австр.); сливовое повидло: Pflaumenmus, n (нем.); Powidl, m (австр.).

В. Многозначные слова и гиперонимы

Среди кулинарных терминов встречается немало многозначных слов. В немецком языке к ним следует отнести слова Brei, Mus, Kuchen, Plinse, Pfannkuchen, Plätzchen, Teigtasche. Brei – каша и пюре, Mus – ягодный мусс, картофельное пюре и повидло; Kuchen – пирог, пирожное, торт, баба; Plätzchen – лепешка, круглое печенье, сочень, оладья; Pfannkuchen – пышка, оладья, блин, лепешка, сырник; Teigtasche – вареник, пельмень, а также другие изделия из теста с мясной начинкой (манты, ravioli, тортеллини, бурятские позы); Plinse – блин, омлет, драник. При описании иноязычных кулинарных реалий на немецком языке эти слова могут выступать как гиперонимы. Именно в таком качестве они нередко используются в книге М. Вольфа. В аналогичной функции выступают такие русские слова, как «выпечка», «закуска», «выпивка».

ЛИТЕРАТУРА

БНРС 1969 – Большой немецко-русский словарь: В 2 т. / Под рук. проф. О.И. Москальской. М.: Советская энциклопедия, 1969 (Т. 1. 760 с.: Т. 2. 680 с.).

Верещагин, Костомаров 1973 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 233 с.

Лейн 1989 – Русско-немецкий словарь / Под ред. К. Лейна. 10-е изд. М.: Русский язык, 1989. 736 с.

Лутовинова 2005 – *Лутовинова И.С.* Слово о пище русской. СПб.: Авалон. Азбука-классика, 2005. 286 с.

Рецкер 1950 – *Рецкер Я.И.* О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода: Сб. статей / Под ред. К.А. Ганшиной и И.В. Карпова. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1950. С. 156–183.

Фасмер 1961 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1961. 362 с.

¹ Примеры региональных и национальных дублетов даны по словарю «Variantenwörterbuch des Deutschen» (2004).

Федоров 2002 – *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М.: Издательский дом «Филология три»; СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2002. 415 стр

Variantenwörterbuch des Deutschen 2004 – *Ammon U. u.a.* Variantenwörterbuch des Deutschen. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. 954 S.

Wolf 2007 – *Wolf M.* Geheimnisse der russischen Küche. Berlin: Eulenspiegel Verlag, 2007. 224 S.

REFERENCES

БНРС 1969 – Large German-Russian Dictionary: In 2 vols. / Ed. by prof. O.I. Moskalskaya. Moscow. Sovetskaya Encyklopedia Publ. 1969 (Vol. 1. 760 p.: Vol. 2. 680 p.).

Fedorov 2002 – Fedorov A.V. Fundamentals of the General Theory of Translation. Moscow. Publishing House “Filologiya Tri”; St.-Petersburg. Philological. СПбГУ. 2002, 415 c.

Lein 1989 – Russian-German Dictionary / Ed.by K. Lein. 10th ed. Moscow. Russky Yazyk. 1989. 736 p.

Lutovinova 2005 – Lutovinova I.S. (2005) A Word about Russian Food. St.-Petersburg. Avalon. Azbuka-klassika Publ. 286 p.

Retsker 1950 – Retsker Ya.I. On Systematic Correspondences when Translating into Native Language. In: Questions of the Theory and Methods of Educational Translation: Collect. articles / Eds.: K.A. Ganshina, I.V. Karpov. Moscow. Academy of Pedagogical Sciences Publ. 1950, pp. 156–183.

Variantenwörterbuch des Deutschen 2004 – Ammon U. u.a. (2004) Variantenwörterbuch des Deutschen. Berlin. Walter de Gruyter. 954 S.

Vasmer 1961 – Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch: In 4 Bd. Bd. 1. Moskau. Progress Verlag. 1961. 362 p.

Vereshchagin, Kostomarov 1973 – Vereshchagin Ye.M., Kostomarov V.G. (1973) Language and Culture. Moscow. Moscow University Press. 233 p.

Wolf 2007 – Wolf M. (2007) Geheimnisse der russischen Küche. Berlin. Eulenspiegel Verlag. 224 S.

Сведения об авторе:

Татьяна Васильевна Ключева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana V. Klyueva,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
gerdep.msu@gmail.com

1–2 апреля 2019 года в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова прошла Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Творческое наследие Н.В. Гоголя: история и современность. К 210-летию со дня рождения». Ниже публикуются статьи, в основу которых положены доклады, прочитанные авторами на конференции.

С.В. Бурмистрова (Сергиев Посад, Россия)

Функции апостольского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя

Аннотация: В статье рассматриваются особенности рецепции апостольского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя: выявляются формы его воплощения (цитаты, аллюзии, реминисценции и др.) и механизмы функционирования, определяется его значение в построении модели самоописания автора и концепции русской действительности. В статье также уточняется понятие «апостольский текст», обозначается его специфическое содержание в богословском и литературоведческом аспектах. Характерные для апостольского дискурса образы и мотивы (учителя и ученика, проповедника, братства и др.), вероучительные положения, стиль актуализированы в содержании и структуре итоговой книги Гоголя. Апостольский текст, выступая ядром библейской семиосферы «Выбранных мест», как правило, осмысливается Гоголем в контексте ветхозаветных и новозаветных книг, что подчеркивает близость мышления писателя святоотеческой традиции, а также создает в повествовании сложные аллюзивные связи и многоуровневую систему коммуникации.

Ключевые слова: Николай Гоголь, апостольский текст, рецепция, аллюзия, библейская семиосфера, христианская аксиология, универсальная проза, святоотеческая традиция

S.V. Burmistrova (Sergiev Posad, Russia)

Functions of the Apostolic Text in Nikolay Gogol's "Selected Places from Correspondence with Friends"

Abstract: The article deals with the peculiarities of the reception of the Apostolic text in the book of Gogol: the forms of its embodiment (quotations, allusions, reminiscences, etc.) and the mechanisms of its functioning are revealed, its significance in the construction of the author's self-description model and the concept of Russian reality are

determined. The article also clarifies the concept of “the Apostolic text”, denotes its specific content in theological and literary aspects. Typical for the Apostolic discourse images and motives (teacher and disciple, preacher, brotherhood, etc.), doctrinal provisions, style are actualized in the content and structure of the final book of Gogol. The Apostolic text, acting as the core of the biblical semiosphere in the book of Gogol, as a rule, is interpreted by Gogol in the context of the old and new Testament books, which emphasizes the closeness of the writer’s thinking of the patristic tradition, and also creates complex allusive connections and a multi-level system of communication in the narrative.

Key words: Nikolay Gogol, the Apostolic text, reception, allusion, biblical semiosphere, Christian axiology, universal prose, patristic tradition

Анализ функций библейского текста в книге Гоголя актуализирует необходимость конкретизации самого понятия «библейский текст». Ветхозаветная и новозаветная части Священного Писания занимают неодинаковое место в структуре и содержании «Переписки». Более ощутимым является присутствие новозаветных, в частности апостольских книг. Особое внимание Гоголя к апостольскому тексту подтверждается также анализом помет и записей, сделанных писателем на страницах принадлежавшей ему Библии. Можно с уверенностью сказать, что большая их часть относится к посланиям апостола Павла – 189 примечаний из 217, относящихся к Новому Завету (ср.: в Ветхом Завете содержится только 106 записей и помет). Значимость апостольского текста для мирозерцания и творчества Гоголя отмечают современные исследователи: В.А. Воропаев¹, Р.-Д. Кайль² и др. В этой связи представляется целесообразным дифференцировать термин «библейский текст», различая близкие, но не тождественные понятия «апостольский текст» и «евангельский текст».

В библеистике под апостольским текстом понимают собрание составленных апостолами сочинений, в которых повествуется о распространении евангельской проповеди и утверждении Христианской Церкви. В канонический корпус неевангельской части Нового Завета включают 23 текста: Деяния святых апостолов, Послания и Апокалипсис. Апостольские сочинения содержат исторические, учительные, пророческие книги. Доминирующим жанром выступает послание, автором значительной части которых является апостол Павел. Апостольский текст продуктивно рассматривать как целостную систему, характеризующуюся устойчивым комплексом образов и мотивов, семантика которых определяется не только контекстуальным, но и жанровым принципом. Приоритетными выступают мотивы служения, пути, божественного просвещения, созидания внутреннего человека, братства, единения, а также образы учителя и ученика, проповедника, странника и др.³

Механизмы функционирования апостольского (и в целом библейского) текста в «Выбранных местах» отличаются от привычных форм интертекстуального включения Библии в литературное произведение. Погружаясь в литературный дискурс, библейский текст так или иначе претерпевает трансформацию, связан-

¹ Воропаев В.А. Гоголь за чтением Библии: www.portal-slovo.ru/philology/44540.php

² Кайль Р.-Д. Гоголь і апостол Павло // Гоголезнавчі студії: Вип. 2(19). Ніжин: НДУ імені Миколи Гоголя, 2012. С. 213–226.

³ Более подробно см. об этом: Бурмистрова С.В. Рецепция «апостольского текста» в «Воспоминаниях» П. Анненковой // Сибирский филологический журнал. 2016. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во СО РАН. С. 23–35

ную с ее перекодировкой в соответствии с эстетическими законами, т. е. Библия в художественном произведении выполняет эстетическую функцию. В книге Гоголя апостольский текст способен существовать не только по законам эстетики, воплощаясь в качестве образа, мотива, аллюзии, оказывая эмоциональное воздействие на читателя, придавая экспрессивность авторским высказываниям, выполняя жанрообразующую функцию. Универсальный характер книги Гоголя, которая балансирует на границе «текста и контекста» (Е. Анненкова), «литературы и документа», (М. Вильнова), эстетики и этики, значительно расширяет диапазон функционирования апостольского текста в ее структуре. Помимо эстетических функций он выполняет в «Переписке» то же назначение, что и в религиозной литературе: духовно-созидательное, сотериологическое, учительное.

Очевидно, что писатель воспринимал «Выбранные места» как эксперимент, связанный с созданием нового типа искусства, которое должно стать «незримой ступенью к христианству» как для читателя, так и для самого автора. Поэтому авторское слово здесь универсально: оно исходит не только от писателя, но опирается на авторитетное библейское слово, а также включает слово читателя.

Категории автора и читателя занимают важное место в структуре «Переписки», проясняя ее жанровые и повествовательные особенности. Более того, они являются предметом авторской рефлексии, которая обнаруживает аллюзии на апостольский текст. Не случайно после публикации книги критика стала настойчиво приписывать Гоголю апостольство. Заметим, что понятие «апостольство» прочно вошло в культурное пространство первой половины XIX в. и функционировало в разных модусах. Например, в декабристской среде оно осмыслялось, прежде всего, в социальном и политическом контексте: декабристы именовали себя «апостолами свободы». Гоголевская книга актуализировала в критике суждение об апостольстве как духовном наставничестве, учительстве. Пафос учительства, несомненно, присутствует в «Выбранных местах», проявляясь в том числе в стилевом своеобразии, на что указывал сам писатель. Свойственные книге «решительный слог и некоторую лирическую торжественность речи» Гоголь соотносил с понятием «апостольства»¹.

Однако семиосфера апостольства в «Выбранных местах» содержит не только семантику наставничества, но и семантику ученичества, а также страдания: «Страданиями и горем определено нам добывать крупницы мудрости... Но кто уже приобрел одну из этих крупниц, тот уже не имеет права скрывать ее от других. Она не твое, но Божье достояние ...Он повелел, чтобы ежеминутно учили мы друг друга» (6, 71). Кроме того, Гоголь пришел к убеждению, что «уча других, также учишься» (6, 70), т. е. наставничество сопряжено с ученичеством. Гоголь так поясняет эту мысль в главе «Советы»: «...всякий совет и наставление, какое бы не случилось кому дать... обрати в то же время к самому себе... Действуй оружием обоюдоострым» (6, 71). Диалектика учительства и ученичества не случайно связана с образом обоюдоострого меча, который восходит к библейскому тексту. Этот образ встречается в Ветхом Завете (Псалтирь, Книга премудрости Иисуса Сираха) и в Новом Завете (Апокалипсис Иоанна Богослова, Послание апостола Павла к Евреям) и включает в себе идею амбивалентности.

¹ Гоголь Н.В. Авторская исповедь // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 6. М.; Киев, 2009. С. 248. В дальнейшем сочинения и переписка Гоголя цитируются по этому изданию. Ссылки на него даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

Образ автора в «Переписке» ускользает от однозначности, он не исчерпывается лишь семантикой учительства: с одной стороны, ему присуща апостольская ревность к проповеди христианских идеалов, придающая его повествованию библейские интонации. В то же время он репрезентирует себя как ученик, готовый смиренно внимать советам и продолжать работу по созиданию своего внутреннего человека. Процесс назидания оборачивается для автора самовоспитанием, самопросвещением. Книга, написанная для духовной пользы и духовного спасения читателей, приносит пользу самому автору: «...замышленная от искреннего желания принести пользу другим, книга моя принесла прежде всего пользу мне самому» (Авторская исповедь 6, 246).

Сотериологическая направленность «Выбранных мест» связывает их с традицией духовной литературы, а мерцающая позиция автора (располагающегося между полюсами проповедника и исповедника, учителя и ученика) – с традицией духовных посланий, генетически восходящих к библейскому, прежде всего к апостольскому, тексту. Полисемантичность образа автора в религиозном эпистолярном дискурсе нередко определяется горизонтом ожидания адресата. Так, облик апостола Павла совмещает семантику Христова проповедника и кающегося грешника, бывшего иудейского ученика и церковного учителя. В одних посланиях он утешает, в других – обличает и поучает, в иных – приносит публичное покаяние, а его саморефлексия выражается в формуле: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор., 9: 22). Данная формула подчеркивает мотив жертвенности апостольского служения, которое сопряжено с необходимостью отстраняться от своего я и переходить на позицию другого, что, в свою очередь, указывает на диалогическую, зеркальную модель отношений между наставником и учеником. Семантика зеркальности предполагает не просто отражение одного в другом, но принятие другого в свое сердце. Не случайно в посланиях Павла члены христианской общины сравниваются с письмом, написанным апостолом в его же сердце, и одновременно выступающим свидетельством его служения перед людьми. «Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками; вы показываете собою, что вы – письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотных скрижалях сердца» (2 Кор., 3: 2,3).

Содержащаяся в послании Павла метафора апостола как писателя, подчеркнутая также святителем Феофаном Затворником, который, трактуя данный фрагмент, называет апостола писцом¹, не ускользнула и от внимания Гоголя. Напротив первого стиха 3 главы второго послания Павла к Коринфянам в его Библии сделана запись: «Послание Павла есть уверовавшие во Христа». Можно предположить, что в 1840-е гг. гоголевские размышления о писательском поприще не столько уже находились в орбите романтической концепции искусства, сколько определялись библейским контекстом. Апостольское и писательское служение, в представлении Гоголя, имеют общую сотериологическую цель. Как свидетельством апостольства Павла являются уверовавшие во Христа, так свидетельством исполнения писательского служения являются читатели, которые «после книги моей», утверждает Гоголь в «Авторской исповеди», обратятся «к Церкви» (6, 246).

Субъектная организация «Выбранных мест» аллюзивно соотносится с семантикой взаимоотношений автора и адресата, характерной для апостольского

¹ Святитель Феофан Затворник. Толкование на Второе послание апостола Павла к Коринфянам, глава 3, стихи 2 и 3: azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-korinfjanam/3_2_1

текста. Авторское слово здесь также определяется «запросом», потребностями читателей, создается в процессе диалога с ними. В тексте писем и статей активно присутствует не только автор, но и адресат, его характер и род деятельности влияют на содержание и стиль «Переписки». На взаимодействие двух начал, идущих от автора и от адресата, Гоголь укажет в «Авторской исповеди», отметив, что письма были написаны «людям разных характеров и свойств... в разные времена моего душевного состоянья» (6, 216–217). Семантика единства автора и читателя подчеркивается также в главе «Советы», где Гоголь рассуждает о родстве человеческих душ: «Все каким-то инстинктом обращалось ко мне, требуя помощи и совета. Тут только узнал я близкое родство человеческих душ между собою. Стоит только хорошенько выстрадаться самому, как уже все страдающие становятся тебе понятны и почти знаешь, что нужно сказать им» (6, 70).

Мотив родства душ автора и читателя пересекается с мотивом зеркальности. Книга, в которой запечатлены конкретные лица – адресаты Гоголя, одновременно названа в «Авторской исповеди» зеркалом, которое помогло автору увидеть самого себя: «Мне нужно было иметь зеркало, в которое бы я мог глядеться и видеть лучше себя, а без этой книги вряд ли бы я имел это зеркало» (6, 246); «следовало бы назвать эту книгу верным зеркалом человека» (6, 216). Семантика зеркального отражения автора в читателе и читателя в авторе содержится также в следующих гоголевских высказываниях: мои «сочиненья связаны тесно с делом моей души» (Авторская исповедь, 6, 245), в книге есть «моя собственная исповедь», «все мои последние сочинения – история моей собственной души» (Выбранные места, 6, 81).

Апостольский текст, выступая ядром библейской семиосферы «Выбранных мест», как правило, осмысливается в контексте ветхозаветных и новозаветных книг, что подчеркивает близость мышления Гоголя святоотеческой традиции, согласно которой Новый Завет рассматривается как реализация ветхозаветных пророчеств. Нередко в пределах одной главы можно наблюдать взаимодействие апостольской и ветхозаветной части Священного Писания, что создает в повествовании сложные ассоциативные ряды, систему семиотических взаимосвязей между авторским текстом и претекстом. Например, в статье «О том, что такое слово» Гоголь вводит как цитату слова Иисуса Сираха¹: «Наложи дверь и замки на уста твои... растопи золото и серебро, какое имеешь, дабы сделать из них весы, которые взвешивали бы твое слово, и выковать надежную узду, которая бы держала твои уста» (6, 22). В этой же главе писатель использует косвенную цитату из послания апостола Павла к Ефессянам: «Слово гнило да не исходит из уст ваших!» (6, 22). Сравним у ап. Павла: «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших» (Еф. 4: 29). Соположение в «Переписке» рассуждений о слове, языке Иисуса Сираха и апостола Павла представляется неслучайным. Вероятно, оно было подсказано Гоголю святоотеческой литературой. Так, в составленных им «Выписках из творений Святых Отцов и Учителей Церкви» в разделе «Разные изречения из Иоанна Златоуста» содержатся рассуждения святителя Иоанна о слове, в которых упоминается апостол Павел и Иисус Сирах: «Павел: *слово гнило да не исходит из уст ваших* (Еф. 4: 29). А как можно содержать эту дверь в безопасности и иметь над нею точное наблюдение, об

¹ Вопрос об источнике цитаты остается открытым. Д.В. Долгушин предположил, что в данном случае Гоголь пользовался не славянским переводом, а, вероятно, обращался к тексту Библии (во французском или немецком переводе), восходящему к Вульгате. Более подробно см. об этом: Долгушин Д.В. В каком переводе цитирует Библию Гоголь? // *Universum Humanitarium: Научный журнал / Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск, 2016. № 1(2). С. 142–149.*

этом вот что говорит <другой> (Сирах): *вся повесть <рассказ, разговор> твоя <да будет> в закон Вышняго* (Сир. 9: 20)» (9, 71).

Следует заметить, что ветхозаветное изречение Гоголь вводит в «Выбранные места» как прямую цитату, а апостольские слова включает без кавычек и без указания на источник. С точки зрения структуры нарратива закавыченная в тексте цитата призвана, прежде всего, сигнализировать о присутствии в нем чужого слова. В «Выбранных местах» оформленное кавычками чужое слово Иисуса Сираха выступает для автора одновременно как близкое и дистанцированное: близкое по смысловому наполнению, но отдаленное во временном и социокультурном плане. Апостольские изречения чаще всего вводятся Гоголем без кавычек, как в данном случае, что подчеркивает их органичность авторскому мироощущению. Вплетаюсь в ткань книги, апостольский текст составляет единое целое с авторским словом. Кроме того, косвенное цитирование может указывать на то, что апостольский текст был более узнаваем для современников Гоголя, чем ветхозаветное изречение, а потому не нуждался в кавычках.

Обозначенный способ включения апостольского текста в повествовательную структуру «Переписки» позволяет выявить генетически присущую ему адаптивную функцию. По утверждению библеистов, создание книг Нового Завета было обусловлено прежде всего необходимостью объяснения слов Христа, адаптации его учения для формирующейся христианской общины. Схожая мотивация прочитывается в книге Гоголя: органично погружаясь в авторский дискурс, апостольское слово перестает восприниматься в нем как чужое и непонятое, т. е. оно перекодируется на язык, доступный современникам, проясняя не только суть христианского учения, но и действие духовных законов в их жизни. Иными словами, посредством «Переписки» апостольский текст входит в жизненную реальность адресатов Гоголя и одновременно встраивает эту реальность в христианскую систему координат.

Например, в третьей главе «Значение болезней» авторское повествование разворачивается в контексте евангельских и апостольских реминисценций. Письмо открывается признанием автора «...силы мои слабеют ежеминутно, но не дух» (6, 18), которое аллюзивно можно соотнести со словами Спасителя, приведенными в Евангелии от Матфея: «Дух бодр, плоть же немощна» (Мф., 26: 41), а также со словами апостола Павла: «если внешний наш человек... тлеет, то внутренний... обновляется» (2 Кор., 4: 16). Заметим, что актуальность данной апостольской цитаты для Гоголя подтверждается его пометами в Библии. Напротив указанного стиха из 2-го послания Павла к Коринфянам Гоголь сделал запись: «Наш внешний человек тлеет, но внутренний обновляется» (9, 154). Закономерно, что основное содержание гоголевского письма о духовной пользе телесной немощи уточняется посредством аллюзий на апостольский текст. Во Втором послании к Коринфянам апостол Павел пишет также о том, что телесная немощь помогает смириться, преодолеть гордое превозношение, высокое мнение о себе и своем поприще: «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи” <...>. Посему я благодушествую в немощах — заключает апостол, — <...> ибо когда я немощен, тогда силен» (11, 7–10). Данный отрывок из послания также отмечен в гоголевском экземпляре Библии: напротив 9 стиха он сделал запись: «сила в немощи» (9, 154). Именно

такое значение телесной немощи актуализировано в гоголевском дискурсе. «...Не будь этих недугов, – утверждает автогерой в Переписке, – я бы задумал, что стал уже таким, каким следует мне быть» (6, 18–19); «Не будь тяжких болезней, куда б я теперь не занесся! Каким бы значительным человеком вообразил себя!» (6, 19). Завершается письмо Гоголя апостольским мотивом принятия телесной немощи как божественного дара, несущего человеку благо: «...смирюсь я всякую минуту и не нахожу слов, как благодарить небесного Промыслителя за мою болезнь. Принимайте же и вы покорно всякий недуг, веря наперед, что он нужен, – советует он адресату. – Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами его чудное значение и вся глубина его высокого смысла» (6, 19).

Концептуальное содержание «Выбранных мест», связанное с попыткой создания модели русской действительности в свете христианского вероучения, также во многом проясняется апостольским контекстом. Апостольские послания, являясь преимущественно вероучительными, не только содержат описание христианского идеала личности и общества, но и указывают на конкретные способы его реализации в жизни. Поэтому небезосновательно предположить, что апостольский текст выполняет в «Выбранных местах» миромоделирующую, жизнестроительную функцию. В посланиях апостола Павла Гоголь находит ответы на актуальные для его эпохи вопросы: о христианском отношении к ниже и вышестоящим людям, об исполнении общественного служения, о воспитании внутреннего человека и др. Без преувеличения можно сказать, что апостольская часть Нового Завета сыграла ключевую роль в формировании выраженной в «Переписке» концепции духовного совершенствования русского человека и русского общества. Косвенным свидетельством правомерности данного утверждения можно считать письмо Гоголя к сестре Ольге, написанное в январе 1847 г., т. е. сразу после выхода в свет «Выбранных мест», и во многом созвучное их содержанию. «Читай всякий день Новый Завет, – советует он сестре, – и пусть это будет единственное твое чтение. Там все найдешь, как быть с людьми и как уметь помогать им. Особенно для этого хороши послания апостола Павла. Он всех наставляет и выводит на прямую дорогу, начиная от самых священников и пастырей Церкви до простых людей, всякого научает, как ему быть на своем месте и выполнить все свои обязанности в мире как в отношении к высшим, так и низшим» (13, 183).

Письмо к младшей сестре раскрывает особенности гоголевского восприятия апостольских посланий. В Апостоле писатель нашел религиозное обоснование значимым для него идеям служения, спасения души в условиях современного социального мироустройства и в том положении, которое человеку назначено свыше и др.

О необходимости утвердить христианский критерий в оценке современной действительности Гоголь пишет почти в каждом разделе «Выбранных мест». Например, в главе «Нужно проездиться по России»: «Жизнь нужно показать человеку... жизнь, оглянутую не поверхностным взглядом светского человека, но взвешенную и оцененную таким оценщиком, который взглянул на нее высшим взглядом христианина» (6, 96).

Поднимаемая апостолом Павлом тема служения Богу разными дарованиями, тема духовного спасения людей разных социальных статусов оказалась необычайно созвучной гоголевской эпохе и стала лейтмотивом «Переписки». Большое количество помет в гоголевской Библии так или иначе связано с этой темой; например, в 12 главе первого послания к Коринфянам напротив 6, 12, 22, 28 стихов Гоголь сделал следующие записи на полях Библии: «Разделение дарований»,

«Различение удов тела», «Различные отправления удов», «все уды одного тела Христова» (9, 153); в 12 главе послания Павла к Римлянам напротив 6 и 12 стихов сделаны записи: «Все члены одного тела Христа», «Имея различное дарованье, различно и делание» (9, 151). В «Выбранных местах» вопрос о духовном спасении человека посредством служения на предназначенном ему поприще освещается в нескольких главах: «Женщина в свете», «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», «Что такое губернаторша», «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России» и др. В главе «Женщина в свете» Гоголь называет «причиной вех зол» неспособность современного человека к самореализации в рамках его собственного положения и статуса. «Всякому теперь кажется, что он мог бы наделать много добра на месте и в должности другого, и только не может сделать его в своей должности» (6, 15). В главе «Русской помещик» писатель четко и лаконично выразил свою концепцию социальной реализации человека: «...всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом» (6, 110).

Анализ рецепции апостольского текста в «Выбранных местах» позволяет заключить, что, во-первых, истинами апостольского текста Гоголь поверяет как свое собственное духовное состояние, так и нравственную атмосферу современного ему общества. Во-вторых, на основе христианского вероучения, истолкованного в апостольских книгах, он моделирует концепцию преобразования социальной действительности. Наконец, апостольский текст существенным образом определяет поэтику его итоговой книги: диалог с Библией расширяет сферу эстетического, позволяя воплотить феномен универсальной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Бурмистрова С.В. Рецепция «апостольского текста» в «Воспоминаниях» П. Анненковой // Сибирский филологический журнал. 2016. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во СО РАН. С. 23–35.

Воропаев В.А. Гоголь за чтением Библии: www.portal-slovo.ru/philology/44540.php

Воропаев В.А., Виноградов И.А. Карандашные пометы и записи Гоголя в славянской Библии 1820 года издания // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 9. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 144–163.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Кайль Р.-Д. Гоголь і апостол Павло // Гоголезнавчі студії: Вип. 2(19). Ніжин: НДУ імені Миколи Гоголя, 2012. С. 213–226.

Святитель Феофан Затворник. Толкование на Второе послание апостола Павла к Коринфянам, глава 3, стихи 2 и 3: azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-korinfjanam/3_2_1

REFERENCES

Burmistrova S.V. Reception of the “Apostolic Text” in “Memoirs” of P. Annenkova. *Siberian Journal of Philology*. Novosibirsk. 2016. Issue 1, pp. 23–35.

Voropaev V.A. Gogol Reading the Bible: www.portal-slovo.ru/philology/44540.php

Voropaev V.A., Vinogradov I.A. Pencil Marks and Gogol’s Records in the Slavic Bible of 1820 edition. In: Gogol N.V. The Complete Works and Letters: In 17 vols. Vol. 9. Moscow; Kiev. Publishing House of the Moscow Patriarchate. 2009, pp. 144–163.

Gogol N.V. The Complete Works and Letters: In 17 vols. / Comp., prep. of texts and comment. by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow; Kiev: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2009–2010.

Kayl R.-D. Gogol and Apostol Pavel. In: Gogol's Readings: Issue 2(19). Nizhyn. Nizhyn Mykola Gogol State University Press. 2012, pp. 213–226.

Svyatitel Pheophan Zatvornik. Interpretation of the Second Epistle of the Apostle Paul to the Corinthians. Chapter 3, verses 2 and 3: azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-korinfjanam/3_2_1

Сведения об авторе:

Светлана Владимировна Бурмистрова,
канд. филол. наук
доцент
кафедра филологии
Московская духовная академия

Svetlana V. Burmistrova,
PhD
Associate Professor
Department of Philology
Moscow Theological Academy

t-svet2007@yandex.ru

И.А. Виноградов (Москва, Россия)

«Лишние люди» русской литературы: новое в школьной теме¹

Аннотация: Предлагается новый подход в изучении хрестоматийной, «школьной» темы «лишних людей» в русской литературе. Главным материалом в переосмыслении этой темы служит творчество Н.В. Гоголя. Традиционно в исследовательской литературе среди многочисленных писательских заслуг Гоголя подчеркивается важный вклад, который он внес, вслед за А.С. Пушкиным, в развитие темы «маленького», обездоленного человека. Однако идеологические препоны отвели внимание критиков и последующих исследователей от того обстоятельства, что тема «маленького человека» является в творчестве Гоголя лишь одной из составных частей куда более широкой темы «лишнего», оппозиционного человека – одного из представителей обширной гоголевской галереи «мертвых душ». Тем самым в истории русской литературы было пропущено чрезвычайно важное звено. Хотя сам термин «лишний человек» появился позднее (Гоголь называл этот тип «огорченным человеком»), однако, как свидетельствует содержание гоголевского творчества, эта тема для писателя, без преувеличения, одна из самых «узловых» и центральных. Согласно гоголевскому взгляду, решение проблемы «лишнего человека» заключается не в изменении политической системы общества, но в духовном и профессиональном возрастании каждого его члена.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, В.Г. Белинский, биография, творчество, интерпретация, герменевтика, автобиографизм, типология героя, «лишние люди», полемика, общественная идеология, духовное наследие

I.A. Vinogradov (Moscow, Russia)

“Superfluous Men” of Russian Literature: New in the School Topic

Abstract: A new approach to the study of the reader’s, “school” topic of “superfluous men” in Russian literature is proposed. The principle material in rethinking this topic is the work of Nikolay Gogol. Traditionally, in the research studies, Gogol’s numerous writer’s merits underline the important contribution that he made, following Alexander Pushkin, to the development of the theme of the “little”, destitute person. However, ideo-

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Творческое наследие Н.В. Гоголя: история и современность. К 210-летию со дня рождения» (МГУ имени М.В. Ломоносова, апрель 2019 г.).

logical obstacles diverted the attention of critics and subsequent researchers from the fact that the theme of the “little man” in Gogol’s work is the only one of the constituent parts of the much wider theme of the “superfluous” oppositional man – one of representatives of the extensive Gogol’s gallery of “dead souls”. Thus, an extremely important link was missed in the history of Russian literature. Although the term “superfluous man” itself appeared later (Gogol himself called this type “an aggrieved person”), however, as the very content of Gogol’s creativity testifies, this theme for the writer is, without exaggeration, one of the most “central” and key ones. According to Gogol’s point of view, the solution to the problem of a “superfluous man” is not to change the political system of society, but the spiritual and professional growth of each of its members.

Key words: Nikolay Gogol, Alexander Pushkin, Vissarion Belinsky, biography, creativity, interpretation, hermeneutics, autobiographic approach, hero typology, “superfluous men”, controversy, social ideology, spiritual heritage

Хрестоматийная, традиционная для школьных сочинений тема «лишних людей» в нашей литературе уже не одно десятилетие пребывает в застое. Важность и самый масштаб ее переоценить трудно. С ней связана целая плеяда знаковых литературных образов нашей словесности: пушкинские Алеко и Онегин, лермонтовский Печорин, «новые люди» Н.Г. Чернышевского, «подпольный человек» Ф.М. Достоевского, герои А.И. Герцена, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова. Между тем по давней традиции эта тема рассматривается крайне односторонне. Никаких новых шагов в изучении этого немаловажного вопроса не предпринимается.

В основе ставшего вполне рутинным подхода в освещении темы «лишнего человека» лежит давнее высказывание В.Г. Белинского о Евгении Онегине как «эгоисте поневоле» – человеке, якобы ограниченном в своем развитии отсутствием достойного поприща¹. Именно апологетическое истолкование Белинским онегинского «эгоизма» (как вынужденного) стало на целые полтора столетия главным оправданием так называемых «лишних людей» – якобы незаурядных талантов, лишенных возможности реализовать себя в «удушающей» обстановке «николаевского времени».

Наибольшую остроту обсуждение проблемы «лишнего человека» приобрело к концу XIX в. Ожесточенные споры в предреволюционные годы о «лишних людях» стали, по сути, спором об исторической России и самой возможности ее существования. В этих словесных баталиях (Ф.М. Достоевского с А.Д. Градовским, Ю.Н. Говорухи-Отрока с В.В. Розановым) впервые обнаружилось и решающее значение наследия Гоголя в осмыслении проблемы «лишнего человека».

Несмотря на резонные возражения, на голоса в защиту традиционного русского государственного уклада, «старая» Россия после 1917 г. была окончательно обвинена и приговорена, а якобы «страдавший» при «царском режиме» «лишний человек» – безусловно оправдан. Гоголевские произведения при этом были однозначно записаны «в пользу» «лишних людей» – как «сатира», обличающая и осуждающая историческую, самодержавную Россию. Естественно, что о гоголевском критическом отношении к радикализму говорить в то время не приходилось. Радикальная критика предпочитала попросту не замечать, что существует и

¹ См.: Белинский В.Г. Статья восьмая. «Евгений Онегин» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М., 1955. С. 455, 458–459.

собственно гоголевское решение проблемы «лишнего человека» – и что это решение прямо противоположно радикальным интерпретациям. Гоголь как участник в этом споре был решительно вычеркнут, так что и до сих пор участие писателя в полемике современников о «лишнем человеке» и для науки, и для школьного преподавания остается абсолютной *terra incognita*.

Между тем в гоголевском творчестве эта тема, без преувеличения, одна из самых «узловых» и центральных. Традиционно среди многочисленных писательских заслуг Гоголя подчеркивается важный вклад, который он внес, вслед за Пушкиным, в развитие темы «маленького», обездоленного человека. Однако идеологические препоны отвели внимание критиков от того обстоятельства, что тема «маленького человека» является в творчестве Гоголя лишь одной из составных частей куда более широкой темы «оппозиционного», «огорченного» человека – одного из представителей обширной гоголевской галереи «мертвых душ». Тем самым в истории русской литературы было пропущено чрезвычайно важное звено.

В гоголевский ряд «лишних людей» входят, конечно, и предатель Андрий Бульба в «Тарасе Бульбе», и бегущий в Америку капитан Копейкин в «Мертвых душах». Но наиболее яркий образ в этом ряду – герой еще одного всем известного гоголевского произведения, «Записок сумасшедшего». Это тоже вполне «огорченный»¹, «лишний человек», неспособный достойно реализовать себя в отечестве. Бунтующий герой «Записок сумасшедшего» носит многозначительную фамилию Поприщин, однако мечтает он не о «законном поприще», на котором может «сослужить службу» «земле своей» (VI: 37, 224, 241), а о дочери начальника (подобно грезящему о панночке Андрию), заполняет свой досуг посещением театров, гуляний, любовными стишками, а еще более – лежанием на кровати. По замыслу автора, он являет собой результат *собственного* нежелания возражать в назначенном служении. В статье «Страхи и ужасы России» Гоголь писал: «Служить <...> теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос...» (VI: 131). Вопреки этому убеждению, Поприщин предпочитает оставаться «вечным титулярным советником» (III–IV: 117) – чиновником, «очинивающим перья для его превосходительства» (III–IV: 158). Несмотря на все свое тщеславие, доводящее его до «вольнодумных» мыслей о собственном «королевском» величии, герой не предпринимает ровно ничего для того, чтобы перейти хотя бы на следующую ступень служебной лестницы. Избегает он этого потому, что по существовавшим с 1809 г. правилам для получения следующего чина (коллежского асессора) требовалось посещение лекций и сдача университетского экзамена². (Предшествующие званию титулярного советника чины шли «сами по себе», давались за выслугу лет.) Эту тему Гоголь не раз поднимал в своих повестях. В своих произведениях он изобразил еще несколько «бедных», «вечных титулярных советников», заслуживающих одновременно и сострадания, и порицания. Это и демонический мститель Башмачкин в «Шинели», и равный ему по чину упомянутый мститель-«атаман» капитан Копейкин (армейский чин капитана точно соответствовал гражданскому чину титулярного советника). Прямая «копия» «крадущего шинели» «переписчи-

¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 5. М.; Киев, 2009. С. 262. В дальнейшем сочинения и переписка Гоголя цитируются по этому изданию. Ссылки на него даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

² 1809. Августа 6. Именной, данный Сенату. О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассесоры и Статские Советники // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. <1 собр.>. СПб., 1830. Т. 30. С. 1054–1057.

ка» Башмачкина – замешанный в «неразумном деле» столь же незначительный «переписчик» Тентетников из второго тома «Мертвых душ».

В 1834 г. – в год создания «Записок сумасшедшего» – с целью привлечь многочисленных титулярных советников, «поприщинных» и «башмачкиных», к повышению образовательного уровня (и социального статуса) новый министр народного просвещения Сергей Семенович Уваров издал специальный указ «О допущении к слушанию университетских лекций служащих и не служащих чиновников»¹. «Беспристрастное испытание <...> чиновников, требующих назначенным Указом 6 августа 1809 года аттестатов, – писал Уваров, – есть один из важнейших способов к поощрению учения и к отвращению многих неудобств». Об этом Гоголь узнавал из первых номеров «Журнала Министерства народного просвещения» 1834 г. (X: 238–239). В первом номере этого журнала Гоголь, в частности, прочел о том, что в 1832/33 учебном году из подвергавшихся испытанию чиновников в Петербургском университете были удостоены получения аттестатов лишь три человека² – на весь Петербург! Не хотели учиться «поприщины» и «башмачкины». Предпочитали быть «лишними людьми», мечтать о «королевском» – «наполеоновском» – достоинстве, вынашивая бунты и революции против существующих порядков.

П.А. Столыпин писал: «...Я знаю русского революционера, благодушного неуча, думающего достигнуть высшего совершенства – взамен длинного и торного пути воспитания ума и воли – одним скачком... с бомбою в руках по направлению к власти!»³

М.О. Гершензон отмечал: «...Между нами почти нет здоровых людей, <...> все недовольны, <...> озлоблены... <...>. То совпадение профессии с врожденными свойствами личности, которое делает работу плодотворной и дает удовлетворение человеку, для нас невозможно <...>; и стоят люди на самых святых местах, проклиная каждый свое постылое место, и работают нехотя, кое-как»⁴.

Мариэтта Шагинян, в свою очередь, свидетельствовала: «...Мы выросли плотью от плоти русской интеллигенции, когда “приносить пользу обществу”, работая в учреждении, считалось позорным концом “Обыкновенной истории” Гончарова»⁵.

Трудно во все времена было всем. И легче всего было списать все трудности на плохое правительство. Но «правительство состоит из нас же; мы выслуживаемся и составляем правительство», – писал Гоголь Белинскому (XIV: 386).

Трудно было начинать свой жизненный путь, осуществлять самого себя, свое единственное призвание и самому Гоголю. Именно поэтому судьба «огорченных людей» и сама проблема «оппозиционности» «лишнего человека» занимала его еще со школьной скамьи. Слабовольного «маленького человека», ропщущего на свой незавидный удел и на обманувший его надежды «ненавистный» свет (VII: 44), он вывел еще в 1827 г. в юношеской поэме «Ганц Кюхельгартен». В этой

¹ 1834. Генваря 23. О допущении к слушанию Университетских лекций служащих и не служащих Чиновников // Журнал Министерства народного Просвещения. 1834. № 4. С. XVII.

² <Бутырский Н.И.> Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского Университете с его округом, по учебной части, за прошедший 1832–1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании Университета Ординарным Профессором оного Бутырским // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. 48.

³ Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1994. С. 82.

⁴ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 93.

⁵ Шагинян М.С. Человек и время. История человеческого становления. М.: Советский писатель, 1982. С. 52.

поэме Гоголь противопоставил исполненного «могучих сил» идеального, «Небом избранного» деятеля рядовому обывателю, не имеющему достаточных сил и талантов, но тем не менее предающемуся честолюбивым мечтам. Таким представителем «слабых» мечтателей является главный герой поэмы Ганц Кюхельгартен, который тщеславно, «не по праву» соблазняется лучшей участью. Во избежание огорчений и ропота, Гоголь назначает герою более доступное поприще: «Семьей довольствоваться скромной / И шуму света не внимать» (VII: 45–46, 49).

Несомненен автобиографический характер этих литературных образов юного Гоголя. В год создания «Ганца Кюхельгартена» он писал своему двоюродному дяде: «Еще с самых времен прошлых <...> я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства... <...>. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принести ему малейшую пользу бросали меня в глубокое уныние» (X: 74).

Как известно, в Петербург Гоголь приехал с чрезвычайно широкими (и смутными) планами о благородном труде на благо Отечества. Однако ему предстояло начать свою деятельность с низших ступеней чиновничьей лестницы. Это очень болезненно отразилось на его юношеском честолюбии. Еще более страх «не означить своего существования» в мире (X: 74), самому оказаться пресловутым «лишним человеком» был подхлестнут в Петербурге неудачей с его первым литературным произведением – тем самым «Ганцом Кюхельгартенем». Опубликованная летом 1829 г. под псевдонимом поэма получила в журналах уничижительные рецензии, и Гоголь, купив имевшиеся у книгопродавцев экземпляры, сжег их. Можно представить, как к честолюбивым желанием юноши после случившейся с ним литературной неудачи с необходимостью присоединяется ужас от возможного превращения в обыкновенного и даже ничтожного чиновника – в Акакия Акакиевича Башмачкина из будущей «Шинели» (эта повесть полна перекличек с ранними письмам Гоголя из Петербурга). Отсюда в полную силу вступает начатое Гоголем еще в школьные годы преодоление себя, восхождение по духовной «лестнице». Когда нахлынувшие страхи немного улеглись, Гоголь пишет матери, что Бог указал ему особый путь, чтобы он мог «воспитать свои страсти в тишине, в уединении, в шуме вечного труда и деятельности»: «...Чтобы я сам по скользким ступеням поднялся на высшую, откуда бы был в состоянии рассеивать (sic!) благо и работать на пользу мира» (X: 110).

Еще со школьных лет Гоголь критически относился и к прельщавшим современников «байроническим» чертам одного из первых «лишних людей» в русской литературе Евгения Онегина – героя, сочетающего в себе, подобно английскому прототипу, «гениальную» избранность и разочарованную оппозиционность. Как уже говорилось, Белинский истолковывал «эгоистический» характер пушкинского героя исключительно апологетически: во всем, мол, виновата среда. Но Гоголь еще в 1828 г., будучи в школе, с одобрением прочел в «Московском вестнике» первую печатную работу будущего славянофила Ивана Киреевского, статью «Нечто о характере поэзии Пушкина». В этой статье Онегину был вынесен приговор как «существу совершенно обыкновенному и ничтожному»¹.

В оценке выведенного Пушкиным типа Гоголь был вполне единодушен с Киреевским. «Увлекательные» черты Онегина, чрезвычайно искусно изображенные гением Пушкина, но отнюдь не достойные подражания (в мастерстве Гоголь не

¹ <Киреевский И.В.> 9.11. Нечто о характере поэзии Пушкина // Московский вестник. 1828. Ч. 8. № 6. С. 191–192.

допускал и тени критики пушкинской поэмы), Гоголь впоследствии кардинально переосмыслил и переиначил в образе «пустейшего, ничтожнейшего мальчишки» Хлестакова в «Ревизоре» (целый ряд реплик этого героя прямо отсылают нас к тексту «Евгения Онегина»¹).

Словом, проблема «лишних», «огорченных людей» предстает в творчестве Гоголя как одно из многочисленных преломлений темы «мертвых душ» – «мертвых обитателей, страшных недвижимым холодом души своей» (III–IV: 469). С самых первых своих произведений Гоголь, поднимая тему «маленького человека», выступает с обличением «пошлых», мелких «бунтарей», находящихся в непрекращающейся «ссоре» между собой и с миром, – «духовных недорослей», небрегающих об умножении своих талантов и не помышляющих, – как следовало бы, согласно чтимому Гоголем Иоанну Лествичнику, – о восхождении по «лестнице» добродетелей, до Господня «возраста».

В свое время святитель Игнатий (Брянчанинов) вопрошал: «В Онегине Пушкина и Печорине Лермонтова изображен эгоист, современный каждому из двух поэтов. Взглянувшие в это зеркало, узнавшие в нем себя, ощутили ли угрыzenie совести? Заронилась ли в их душу, как благословенное семя, мысль исправить-ся»². Гоголевское критическое отношение к «лишним людям» тоже определяется мыслью о духовном возрождении человека, связано с размышлениями о самом его призвании, о смысле жизни. На это же указывал, говоря о пушкинском Евгении Онегине, М.М. Дунаев: «Живущий в своем безвоздушном – бездуховном – пространстве Онегин начинает собою унылую вереницу героев, бредущих через всю русскую литературу, вплоть до настоящего времени. <...> ...Проблема связана с пониманием (утратой понимания) смысла жизни...»³

Еще более духовное осмысление Гоголем проблемы «лишних людей» уясняется из той задачи, которая была поставлена в 1830-х гг. перед русским обществом министром Уваровым. Как известно, в те годы в качестве основ народного образования были провозглашены начала Православия, Самодержавия, Народности. Проводимый министром по инициативе Императора правительственный курс оказался глубоко созвучен современникам, в том числе Пушкину и Гоголю. Возобладал начатый еще А.С. Шишковым курс национально ориентированной политики в области образования, в отличие от противоположной космополитической деятельности на ниве просвещения министров А.Н. Голицына и К.А. Ливена и тем более от «русского европейничанья» и русского вольтерьянства XVIII в. Для Гоголя этот поворот государственной политики органично «совпал» с его собственными, внутренними устремлениями как художника, придав им новую силу – «официальное» одобрение и поддержку. Поставленная Уваровым задача духовного единения и развития страны сразу напомнила Гоголю главные «болевые точки» отечественного прошлого и настоящего, обнажила те проблемы, которые предстояло решать, осуществляя эту общенациональную программу. Самыми важными задачами монарха Гоголь считал преодоление бесконечных ссор и нестроений,

¹ См.: Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 300–312.

² <Игнатий (Брянчанинов), святитель>. Неизданные сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова) // Богословские труды. М., 1971. Т. 6. С. 233. См. также: Игнатий Брянчанинов. Посещение Валаамского монастыря. Иосиф, священная повесть, заимствованная из Книги Бытия. Из «Аскетических опытов» / Публикация и примеч. В. Афанасьева и В. Воропаева // Литературная учеба. 1991. Кн. 4. С. 131.

³ Дунаев М.М. Православие и русская литература: В 6 ч. 2-е изд., испр., доп. Ч. 1–2. М.: Христианская литература, 2001. С. 279.

а также всемерную поддержку духовного и профессионального возрастания его подопечных – и даже воспитание их святости. В позднейшей статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь писал: «Все события в нашем отечестве <...> видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, дабы один был в силах <...> вооружить каждого <...> высшим взглядом на самого себя, без которого невозможно человеку <...> воздвигнуть в себе <...> брань всему невежественному и темному, <...> чтобы <...> мог <...> один <...> устремить, как одну душу, весь народ свой к тому верховному свету, к которому просится Россия» (VI: 46–47).

Широко известны слова Пушкина о герое «Кавказского пленника», что в нем он хотел изобразить «преждевременную старость души»¹, которая сделалась отличительной чертой молодежи XIX в. Сходное выражение употребил позднее в одной из своих статей известный поэт и критик, друг Пушкина и Гоголя, славянофил Степан Петрович Шевырев. Статья, написанная им в 1841 г., была посвящена только что появившемуся тогда роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». «Преждевременная старость души», изображенная впервые Пушкиным в «Кавказском пленнике», получила в интерпретации Шевырева определение «собачьей старости» – по народному названию детского заболевания, при котором больной становится похож на старую собаку (медицинское название болезни *прогерия*). Имея в виду Печорина, Шевырев писал: «...Что ж это за мертвец 25-летний, увядший прежде срока? Что за мальчик, покрытый морщинами старости? <...> Есть болезнь физическая, которая носит в простонародии неопрятное название собачьей старости... <...>. Этой болезни физической соответствует болезнь душевная – *скука* – вечный голод развратной души, которая ищет сильных ощущений и ими насытиться не может. <...> Главный же корень всему злу – западное воспитание, чуждое всякого чувства веры»².

Парадоксально, но именно негативные черты созданных Пушкиным и Лермонтовым «байронических» типов стали в светском обществе предметом «культового» подражания. В 1880 г. Достоевский писал: «...Пушкин первый <...> отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества... <...>. Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецкие... <...>. Его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознаванием болезни нашей...»³

(Весьма проницательно Достоевский в число «лишних людей» включил, наряду с другими, главного героя «Мертвых душ» – Чичикова. Это вполне отвечает пониманию сути этого героя самим Гоголем. Не случайно упомянутый совет, который получает от автора «огорченный», «лишний» человек самой ранней гоголевской поэмы, Ганц Кюхельгартен: «Семьей довольствоваться скромной / И шуму света не внимать» (VII: 45–46, 49), – Гоголь дает также во втором томе «Мертвых душ» устами Муразова потерпевшему крушение своих надежд на роскошную жизнь Чичикову: «Поселитесь себе в тихом уголке, поближе к церкви и простым, добрым людям; <...> женитесь на небогатой доброй девушке, привыкшей к умеренности... <...>. Забудьте этот шумный мир и все его обольстительные прихоти... <...> ...Все в нем враг, искушитель или предатель»; V: 356.)

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 13. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1937. С. 52.

² Шевырев С. Герой нашего времени // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 2. С. 527–529, 532.

³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 129–130.

Вслед за Пушкиным и одновременно с Шевыревым свой диагноз болезни «лишних людей» составил и Гоголь. Причем эту болезнь писатель наблюдал не только в убежденных западниках, но порой и в своих близких друзьях-славянофилах. Так, по поводу увлечения Константина Аксакова немецкой схоластикой Гоголь, в частности, замечал: «Черты ребячества и черты *собачьей старости* будут в нем попадаться беспрестанно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых» (XII: 545).

Возможно, Гоголю было известно определение Шевыревым лермонтовского Печорина как больного, страдающего «собачьей старостью». Однако Гоголь, вынося тот же приговор «немецкому» философствованию Аксакова, обнаружил прямую связь этого народного выражения с образом еще одного из собственных произведений (которое уже было написано до времени выхода в свет статьи Шевырева), – с героем первого тома «Мертвых душ». Понятие «собачьей старости» вполне применимо к одному из главных образов гоголевской поэмы помещику Плюшкину, и именно как характерная черта западного влияния. «Ключевой» составляющей в образе Плюшкина является его комната, заваленная хламом. Позднее по поводу разносчика, «забросавшего комнату товарами», Гоголь сказал: «Так и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаем, куда девать»¹. Сходным образом в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он писал, что в «нынешнее» время в Россию «нанесены итоги всех веков и, как неразобранный товар, сброшены в одну беспорядочную кучу» (VI: 195). Известно, что изображение плюшкинской «собачьей старости» прямо обращено как предупреждение к вступающему в свет юноше: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет, <...> все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» (V: 124). Как бы подытоживая эти размышления, Гоголь писал позднее в статье «Христианин идет вперед»: «...Пересмотри жизнь всех святых: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти. <...> ...У них пребывала всегда та стремящая сила, которая обыкновенно бывает у всякого человека только в лета его юности...» (VI: 54).

Тема духовного закоснения, преждевременной, противоестественной старости является ключевой не только для образов Плюшкина и Башмачкина. В герое «Записок сумасшедшего» проблема чиновника, пребывающего в чине «вечного титулярного советника», также изображается в свете христианского учения о спасении. Размышляя о Поприщине, автор прослеживает, как стремление «возвеличить» себя перед окружающими и оправдаться перед собственным сознанием своей ничтожности приводит опутанного страстями человека к безумному самоотожествлению с великими историческими личностями, царями и полководцами: Наполеонами, Александрами Македонскими, испанскими королями и пр. Это «величие» в страстях подменяет собой в душе героя его подлинное достоинство – то полноценное значение личности, которое только и придает человеку истинное величие: оно уподобляет его не просто великим людям, но Самому Богу. Это сближение христианина с Самим Спасителем, «подражание Христу», совершается только на поприще самоотвержения, смирения и мученичества ради завещанных Христом заповедей – так, как это происходит в самоотверженном служении гоголевских героических запорожцев. Но мнимое подвижничество, совершаемое

¹ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: В 7 т. Т. 6. М., 2018. С. 556.

ради удовлетворения своих страстей, *крест миролюбцев*, взятый на себя, вместо креста Христова, «сумасшедшим мучеником» Поприщиным (первоначально гоголевская повесть так и называлась – «Записки сумасшедшего мученика»)¹, есть измена человека его высокому призванию. Мучительная тоска героя по своему настоящему, оставленному им поприщу – христианскому жертвенному подвигу служения России – и звучит в финале гоголевской повести. Подобно тому как в «мертвой душе» Плюшкина возникает на миг «какое-то бледное отражение чувства, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего» (V: 123), так в заключительной дневниковой записи сумасшедшего Поприщина вдруг прорываются подлинная любовь к родине и молитвенное обращение к матери: «...Струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли то мой синеет вдаль? <...> Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку!..» (III–IV: 176). Однако последнее воззвание утопающего о спасении раздается слишком поздно и заканчивается ничем: «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» (III–IV: 176). Не только в образах Плюшкина и Башмачкина, но и в образе Поприщина Гоголь словно восклицает: «Забирайте <...> с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет, <...> все человеческие движения, <...> не подымете потом!» (V: 124).

Круг «лишних людей», изображенных Гоголем, весьма широк, он не замыкается только Поприщиным, Башмачкиным, Копейкиным... И критика Гоголя в адрес «лишнего человека» может быть не только сострадательна, но и весьма строга. В частности, в круг «ненужных» и «лишних», несомненно, входят, вслед за Чичиковым, и герои гоголевских «Игроков». Так, прямо к лермонтовскому «Герою нашего времени», к рассказу о краже «повесой» Азаматом своей сестры Бэлы для Печорина, отсылают реплики шулеров в этой комедии: «...А хороша сестра твоя? <...> ...А помог бы ты мне, если бы я захотел ее увезти? – Почему ж? помог бы. – Браво, гусар!..» (III–IV: 390). Гоголь прочел «Героя нашего времени» весной 1840 г., т. е. задолго до окончания работы над комедией. Указанная реминисценция вряд ли случайна. «Занятия» и образ жизни игроков тоже характеризуют их как вполне «лишних людей», грезящих, вместо труда и общепольной деятельности, о праздной жизни и легкой поживе. С презрением относясь к любой из возможных профессий и должностей: чиновника, помещика, промышленника, – уподобляясь в этом героине «Невского проспекта», заявляющей, что она «не прачка и не швея» (III–IV: 27), герой «Игроков», шулер Ихарев, рассуждает: «Какое имение, какая фабрика даст двести тысяч? <...> ...Хорош бы я был, если бы сидел в деревне да возился с старостами да мужиками...» (III–IV: 401). Так же, как Поприщин, каждый из героев комедии, пренебрегая духовным возрастанием и профессиональным ростом, – всем тем, что «для иного век службы, трудов, цена вечных сидений, лишений, здоровья» (как об этом презрительно отзывается Ихарев; III–IV: 400), – каждый из игроков, подменяя исполнение своего долга обманом и мошенничеством, тоже мечтает оказаться в итоге не иначе как «испанским королем» или «владельческим принцем». С одной стороны, образование, заботы, труды, – «а тут в несколько часов, в несколько минут – владетельный принц!» – восклицает по этому поводу Ихарев (III–IV: 400). Смысл жизни «лишнего человека» получает в устах этого героя формулировку вполне преступную: «...Обмануть

¹ Виноградов И.А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. Научно-популярное издание. М.: Вече, 2018. С. 33–41.

всех и не быть обмануто самому – вот настоящая задача и цель!» (III–IV: 401). Очевидно, что и гоголевские «Игроки» – это тоже ответ Гоголя на показные «страдания» лишних людей от их никчемности, прямая полемика с мнимой «правдой» «лишнего человека» Печорина.

Подводя итог, можно сделать вывод, что мы имеем дело с особым, не замеченным, проигнорированным современниками взглядом Гоголя на проблему «маленького человека». По Гоголю, вина за то, что этот человек «маленький», «лишний», лежит не только на окружающих, но и на нем самом. Гоголь «дерзнул» спросить и с «незначительного», рядового человека: как он исполняет свой долг? как блюдет свою должность? – иначе говоря, как «обыкновенный» человек «отрабатывает» данный ему Богом талант, пусть даже этот талант у него единственный.

Этот христиански сострадательный и одновременно требовательный взгляд на человека, так и не поднявшегося до уровня дарованных ему талантов, Гоголь высказывал подчас неожиданно. Так, однажды кто-то при нем наступил на лапку болонке, и она завизжала. На это писатель не столько в шутку, сколько всерьез, с исполненным глубокого смысла юмором, заметил: «А не хорошо быть малым!»¹ В одной фразе Гоголь заключил урок для всех: Бог дал тебе таланты – расти, становись большим, не будь маленьким!

Что, в самом деле, представляет собой «маленький», «ничтожный» – и далеко не молодой – герой «Шинели»? Сам Гоголь в повести отвечает: Акакий Акакиевич Башмачкин – это художник и, может быть, даже Художник с большой буквы. «Вечным титулярным советником» он сделал себя сам. При переписывании бумаг, замечает о Башмачкине рассказчик, «наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и посмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его» (III–IV: 119). Это описание прямо напоминает «ухватки» другого героя «петербургских» повестей Гоголя – погруженного в работу вдохновенного художника, изображенного в «Портрете»: «Чартков <...> позабыл даже, что находится в присутствии аристократических дам, начал даже выказывать иногда кое-какие художнические ухватки, произнося вслух разные звуки, временами подпевая, как случается с художником, погруженным всею душою в свое дело» (III–IV: 84–85).

На это же высокое, «художническое» начало в занятиях Акакия Акакиевича указывает и сходство его обыкновенного поведения с сосредоточенной отрешенностью от мира другого гоголевского художника, выведенного в «Невском проспекте»: «Он никогда не глядит вам прямо в глаза; если же глядит, то как-то мутно, неопределенно <...> он в одно и то же время видит и ваши черты, и черты какого-нибудь гипсового Геркулеса <...>, или ему представляется его же собственная картина, которую он еще думает произвести» (III–IV: 14). Сходное замечание встречается в описании ничтожного Башмачкина: «...Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки...» (III–IV: 120).

Сходство погруженного в свое дело Башмачкина с петербургскими художниками этим не ограничивается. Далее в «Портрете» Гоголь описывает постепенное падение художника, погубившего свой талант. Это в свою очередь перекликается с «художническими» чертами образа Башмачкина. Напомним, как «один директор, будучи добрый человек», приказал дать однажды Акакию Акакиевичу «что-ни-

¹ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 556.

будь поважнее, чем обыкновенное переписыванье»: «дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье» (III–IV: 120). Однако это «задало» Башмачкину такую работу, «что он вспотел совершенно, тер лоб и наконец сказал: “Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь”». Речь здесь, очевидно, идет о тех же самых «границах и оковах», в которых оказался оказался загублен и талант художника Чарткова в «Портрете», заключенный в рутинных, лишенных внутреннего содержания формах: «Кисть его хладела и тупела, и он нечувствительно заключился в однообразные, определенные, давно изношенные формы» (III–IV: 91). Предпринятая впоследствии попытка Чарткова написать настоящую картину определенно перекликается с поручением Акакию Акакиевичу «доброго» директора выполнить работу «поважнее». И в этой попытке Чарткова, как и Акакия Акакиевича, постигает неудача: «...Фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. <...> ...Бессильный порыв преступить границы и оковы, им самим на себя наброшенные, <...> отзывался неправильностью и ошибкою» (III–IV: 95).

Подобно Константину Аксакову, губящему свой талант в немецкой схоластике, так же, согласно Гоголю, губит, погребает свой талант в бесцельной «немецкой» бюрократической переписке, в «им самим на себя наброшенных» оковах Акакий Акакиевич Башмачкин. Как писал в 1882 г. по поводу образа Акакия Акакиевича историк Н.Я. Аристов, «мелкое чиновничество тянулось за крупным и подражало ему во всем»: «...Созданное искусственно на бюрократический немецкий лад, оно размножало класс нищих в Петербурге, как прекрасно изображено в повести “Шинель”»¹.

Позднейшее суждение Гоголя о подверженности западному развращающему влиянию как «собачьей старости» дошло до нас в дневниковой записи одной из его одесских знакомых: «Француз играет, немец читает, англичанин живет, а русский обезьянствует. Много собачьей старости»². По-видимому, это окончательный приговор Гоголя тому слепому подражанию западному, «старящему» образу жизни, каким было заражено юное «онегинское» русское общество XIX в.

Отсюда же следует вывод, применимый ко всему гоголевскому творчеству. Все стремления Гоголя как писателя, пафос всех его произведений направлены не к изменению политической системы общества в угоду требованиям «лишнего», «огорченного» человека, духовного «недоросля», с бомбою в руках, не желающего приносить пользу обществу, гибнущего от собственного нерадения, но обращены к жизни каждого христианина по христианским заповедям. Сама же проблема «лишнего человека» решается просто – духовным и профессиональным возрастанием личности.

ЛИТЕРАТУРА

Аристов Н.Я. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях // Аристов Н.Я. Сочинения Н.В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб., 1887. С. 67–148.

Белинский В. Г. Статья восьмая. «Евгений Онегин» // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7: Статьи и рецензии 1843. Статьи о Пушкине 1843–1846. М.: АН СССР, 1955. С. 431–472.

¹ Аристов Н.Я. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях // Аристов Н.Я. Сочинения Н.В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб., 1887. С. 96.

² Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 580.

Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 448 с.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: В 7 т. Т. 6. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 656 с.

Виноградов И.А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. Научно-популярное издание. М.: Вече, 2018. 320 с.

Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 74–100.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. 520 с.

Дунаев М.М. Православие и русская литература: В 6 ч. 2-е изд., испр., доп. Ч. 1–2. М.: Христианская литература, 2001. 736 с.

<*Игнатий (Брянчанинов), свяtitель*>. Неизданные сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова) // Богословские труды. М., 1971. Т. 6. С. 232–234.

Игнатий Брянчанинов. Посещение Валаамского монастыря. Иосиф, священная повесть, заимствованная из Книги Бытия. Из «Аскетических опытов» / Публикация и примеч. В. Афанасьева и В. Воропаева // Литературная учеба. 1991. Кн. 4. С. 119–156.

<*Киреевский И.В.*> 9.11. Нечто о характере поэзии Пушкина // Московский вестник. 1828. Ч. 8. № 6. С. 171–196.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 13. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1937. 651 с.

Шагинян М.С. Человек и время. История человеческого становления. М.: Советский писатель, 1982. 560 с.

Шевырев С. Герой нашего времени // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 2. С. 515–538.

Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1994. 361 с.

REFERENCES

Aristov N.Ya. Foreign Influence in Russia, Depicted by Gogol in His Writings. In: Aristov N.Ya. Works by N.V. Gogol in the Field of Russian Studies. St.-Petersburg. 1887, pp. 67–148.

Belinsky V.G. Article Eight. “Eugene Onegin”. In: Belinsky V.G. The Complete Works: In 13 vols. Vol. 7: Articles and Reviews 1843. Articles about Pushkin 1843–1846. Moscow. USSR Academy of Sciences Press. 1955, pp. 431–472.

Vinogradov I.A. (2000) Gogol – the Artist and Thinker: The Christian Foundations of the Worldview. Moscow. Gorky Institute of World Literature, RAS, Nasledie. 448 p.

Vinogradov I.A. The Chronicle of the Life and Work of N.V. Gogol (1809–1852). Research Edition: In 7 vols. Vol. 6. Moscow Gorky Institute of World Literature, RAS. 2018. 656 p.

Vinogradov I.A. (2018) Passion for Gogol. On the Spiritual Heritage of the Writer. Popular Research Edition. Moscow. Veche Publ. 320 p.

Gershenzon M. O. Creative Self-Consciousness. In: Vekhi: Collection of Articles about the Russian Intelligentsia. Moscow. 1909, pp. 74–100.

Gogol N.V. The Complete Works and Letters: In 17 vols. / Comp., prepar. of the texts, comment. by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow; Kiev. Moscow Patriarchate Publishing House. 2009–2010.

Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 26. Leningrad. Nauka Publ. 1984. 520 p.

Dunaev M.M. (2001) Orthodoxy and Russian Literature: In 6 parts. 2nd ed., rev., ext. Part 1–2. Moscow. Khristianskaya Literatura Publ. 736 p.

Ignatius (Bryanchaninov), svyatitel. Unpublished Writings of the Bishop Ignatius (Bryanchaninov). In: Theological Works. Vol. 6. Moscow. 1971, pp. 232–234.

Ignatius Bryanchaninov. A Visit to the Valaam Monastery. Joseph, A Sacred Tale Borrowed From the Book of Genesis. From “Ascetic Experience” / Publication and Footnotes by V. Afanasyev and V. Voropaev. *Literatutnaya Ucheba*. 1991. Book 4, pp. 119–156.

Kireevsky I. V. Something about the Nature of Pushkin’s Poetry. *Moskovsky Vestnik*. 1828. Part 8. No 6, pp. 171–196.

Pushkin A.S. The Complete Works: In 16 vols. <Without place of ed.> Vol. 13. USSR Academy of Sciences Press. 1937. 651 p.

Shaginyan M.S. (1982) Man and Time. The History of Human Formation. Moscow. Sovetsky Pisatel. 560 p.

Shevyrev S.A. The Hero of Our Time. *Moskvityanin*. 1841. Part 1. No 2, pp. 515–538.

Schwartz A.N. (1994) My Correspondence with Stolypin. My Memories of the Sovereign. Moscow. The Greek-Latin Cabinet of Yu.A. Shichalin Publ. 361 p.

Сведения об авторе:

Игорь Алексеевич Виноградов,
доктор филол. наук
главный научный сотрудник
Институт мировой литературы имени
А.М. Горького, РАН

Igor A. Vinogradov,
Doctor of Philology
Chief Researcher
Moscow Gorky Institute of World Literature, RAS

info@imli.ru

В.А. Воропаев (Москва, Россия)

Где и когда родился Гоголь: возвращение к теме

Аннотация: В статье уточнены дата и место рождения Гоголя. Принято считать, что он родился во флигеле М.Я. Трахимовского, известного украинского врача-филантропа, принимавшего роды М.И. Гоголь-Яновской. На самом деле Гоголь родился в доме генеральши Е.И. Дмитриевой, которая и стала восприемницей (крестной матерью) новорожденного. Об этом свидетельствуют друг и земляк Гоголя М.А. Максимович и С.Н. Данилевская (рожденная Быкова), внучатая племянница писателя. Кроме того, есть все основания считать научно обоснованной дату рождения Гоголя 19 марта, а не 20-го, как ошибочно указано в церковной метрической книге. На этот счет сохранились неопровержимые свидетельства родных Гоголя (матери, сестер), близких друзей, его биографов. Если документ вступает в противоречие с другими фактами и не подтверждается иными свидетельствами, он не может считаться достоверным.

Ключевые слова: Гоголь, день и место рождения, церковные метрические книги, свидетельства современников

V.A. Voropaev (Moscow, Russia)

Where and When Gogol was Born: Returning to the Question

Abstract: The article clarifies the date and place of birth of Nikolay Gogol. It is believed that he was born in the fligel of M.Ya. Trakhimovsky, the famous Ukrainian philanthropist, who helped M.I. Gogol-Yanovskaya during childbirth. In fact, Gogol was born in the house of a General's wife E.I. Dmitrieva, who became the godmother of the newborn. This is evidenced by a friend and countryman of Nikolay Gogol M.A. Maksimovich and S.N. Danilevskaya (nee Bykova), the great-niece of the writer. Besides, there is every reason to consider the date of Gogol's birth on March 19, rather than the 20th, as erroneously stated in the church metric book. The irrefutable evidences of Gogol's relatives (mothers, sisters), close friends, and his biographers remained on this account. If the document conflicts with other facts and is not supported by other evidences, it cannot be considered reliable.

Key words: Nikolay Gogol, day and place of birth, church metric books, evidences of contemporaries

Вопрос, вынесенный в заглавие, может кому-то показаться странным. И тем не менее он существует. Если мы обратимся к энциклопедическим изданиям (как советским, так и современным российским) и работам маститых гоголеведов, например Игоря Золотусского¹ или Юрия Манна² (называю самые известные имена), то прочтем, что Гоголь родился в 1809 г. 20 марта или 1 апреля по новому стилю. Однако если Гоголь родился 20 марта, то отмечать день его рождения мы должны 2 апреля по новому европейскому календарю (В нашем столетии при пересчете со старого стиля на новый прибавляется 13 дней.) Кроме того, и это главное, – Гоголь родился 19 марта, а не 20-го. На этот счет есть неопровержимые доказательства.

По свидетельству Марии Ивановны Гоголь-Яновской, матери писателя, он родился «в 9 году 19 марта»³. Двоюродная сестра Гоголя, Мария Николаевна Синельникова (рожденная Ходаревская), писала Степану Петровичу Шевыреву (другу и душеприказчику Гоголя) 15 апреля 1852 г.: «День его рождения мне очень памятен – 19 марта, в один день с его меньшей сестрой Ольгой...»⁴. Ольга Васильевна Гоголь (в замужестве Головня) родилась, как известно, 19 марта 1825 г. и не раз говорила, что появилась на свет в один день с братом. «Он был на шестнадцать лет старше меня, – вспоминала она, – он родился в девятом, а я – в двадцать пятом году, и заметьте, в один и тот же день, 19 марта, родились мы: он – первый сын и я – последняя дочь в нашей семье»⁵.

В 1852 г., вскоре после кончины Гоголя, Отделение русского языка и словесности Российской Академии наук приняло решение издать его биографию. Написать ее было поручено Шевыреву. Летом 1852 г. он отправился на родину писателя для сбора материала. В своем путевом дневнике Шевырев со слов родственников Гоголя сделал запись: «Родился 1809 года, 19-го марта, в 9 часов вечера. Слово Трофимовского⁶, когда он смотрел на новорожденного: будет славный сын»⁷.

Принято считать, что Гоголь родился во флигеле доктора М.Я. Трофимовского, принимавшего роды Марии Ивановны. Между тем, по авторитетному свидетельству земляка и одного из ближайших друзей Гоголя, Михаила Александровича Максимовича, квартира Марии Ивановны Гоголь-Яновской в Сорочинцах «была в домике генеральши Дмитриевой⁸, в котором и родился 19-го марта Николай

¹ См.: Золотусский И.П. Гоголь. 7-е изд. М., 2009. (Жизнь замечательных людей).

² См.: Манн Ю.В. Гоголь. Книга первая. Начало: 1809–1835 годы. М., 2012.

³ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. Т. 1. М., 2011. С. 265.

⁴ Там же. С. 263–264.

⁵ Там же. С. 249.

⁶ Трофимовский (Трахимовский, Трохимовский) Михаил Яковлевич (1730–1815), известный украинский врач-филантроп.

⁷ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 11.

⁸ Дмитриева Екатерина Ивановна, бездетная вдова генерал-майора А. Дмитриева, героя русско-турецкой войны 1768–1774 гг., кавалера ордена св. Георгия 4-й степени. В 1800–1830 гг. проживала в Сорочинцах, где имела дом и крепостных; у нее воспитывалась сестра Гоголя Ольга Васильевна Гоголь-Головня, она учила девочку грамоте и рукоделию (см.: Розсоха Л. Миргородщина козацька і гоголівська. Київ, 2009. С. 169).

Васильевич Гоголь. Восприемниками его были: молодой Трофимовский Михайло Михайлович¹, и Дмитриева»².

Софья Николаевна Данилевская (рожденная Быкова), внучатая племянница Гоголя, со слов его сестер рассказывает: «Я хорошо помню младшую сестру писателя – Ольгу Васильевну. Мне было 20 лет, когда она умерла. Ее часто навещали художники, писатели, журналисты. Они всегда останавливались в нашей Васильевке, в доме моего отца, Николая Владимировича Быкова. Он был любимым внуком матери писателя Марии Ивановны Гоголь-Яновской и воспитанником Анны Васильевны, его сестры. Они свидетельствовали приезжим журналистам со слов матери, что Николай Васильевич родился в доме генеральши Протасовой (ошибка памяти, имеется в виду Е.И. Дмитриева. – *В.В.*) Но газетчики зачем-то выдумали небылицу, будто Гоголь родился во флигеле доктора Трахимовского. И что этот домик был крыт соломой, а в комнате имелся только глиняный пол! В действительности доктор арендовал землю у генеральши и поставил флигель для крепостных крестьянок. Надо отметить, что моя бабушка Елизавета Васильевна Гоголь, как и ее сестры, родилась в доме генерал-майора Андрея Андреевича Трошинского, двоюродного брата матери писателя. При крещении ее держал на руках сам бывший министр юстиции и сенатор Дмитрий Прокофьевич Трошинский, а крестной матерью была Ольга Дмитриевна, внучка последнего короля Польши Станислава Понятовского. Журналисты не понимают, что мать Гоголя принадлежала к высшему сословию, поэтому не могла рожать во флигеле вместе с крепостными крестьянками»³.

Именно 19 марта отмечали день рождения Гоголя его друзья. Тот же Михаил Максимович писал Сергею Тимофеевичу Аксакову 19 марта 1857 г.: «Сегодня день рождения нашего незабвенного Гоголя, и мне живо вспомнулось, как за семь лет мы с ним обедали у Вас в этот день взятия Парижа!»⁴ Боже мой, как хорошо мне прожилось в тот март месяц и как часто я тогда проводил у Вас время с Гоголем...»⁵. 19 марта 1849 г. Гоголь праздновал свое сорокалетие у С.Т. Аксакова. В следующем 1850 г. он обедал в этот день у Аксаковых вместе с М.А. Максимовичем и О.М. Бодянским. Присутствовали также А.С. Хомяков и С.М. Соловьев. Пили за здоровье Гоголя и пели украинские народные песни.

19 марта поздравляли Гоголя с днем рождения родные и близкие ему по духу люди. «Письмо ваше (от 19 марта) с поздравлением пришло ко мне в тот день, когда я удостоился приобщиться Св<ятым> Тайнам», – сообщал Гоголь матери и

¹ Трахимовский (Трохимовский, Трофимовский) Михаил Михайлович, сын М.Я. Трахимовского. После двадцати лет военной службы вышел в отставку и поселился в Сорочинцах; военный советник (по Табели о рангах соответствовал чину полковника); женат на внебрачной дочери графа П.Г. Разумовского. Известен портрет М.М. Трахимовского работы В.Л. Боровиковского (1802), где он изображен в армейском офицерском мундире с орденом Св. Анны 2-й степени (См.: «...Красоту ее Боровиковский спас»: Каталог выставки в Государственной Третьяковской галерее. М, 2008).

² Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 639–640.

³ Там же. С. 967.

⁴ День рождения Гоголя совпал с днем взятия русскими войсками Парижа в 1814 г., и впоследствии он праздновал оба эти события вместе.

⁵ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 642.

сестрам 3 апреля 1849 г.¹ Надежда Николаевна Шереметева, тетка поэта Федора Тютчева, писала Гоголю 12 февраля 1843 г. из подмосковного Покровского: «Я к вам хотела писать и не получа письма вашего, чтобы к 19 марта достигло до вас мое поздравление. Поздравляю вас, мой милый друг, с рождением; важен для христианина этот день, получаем право наследовать вечное блаженство, как и получим, если пройдем здешнее странствие, как должно христианину...»²

Биографы Гоголя, в первую очередь П.А. Кулиш и В.И. Шенрок, считали датой рождения писателя 19 марта. Сомнения в этом возникли после публикации выписки из метрической книги Спасо-Преображенской церкви в Сорочинцах, где крестили Гоголя. Здесь под № 25 сделана следующая запись: «Марта 20 числа у помещика Василия Яновского родился сын Николай и окрещен 22. Молитствовал и крестил священнонаместник Иоанн Беловольский». В графе о восприемнике указан «господин полковник Михаил Трахимовский».

Выписку из метрической книги впервые опубликовал А.И. Ксензенко³. Позднее (в 1908 г.) появилась ее фотокопия. На ошибочность указанной здесь даты рождения Гоголя настаивали многие исследователи⁴. Не секрет, что метрические записи в церковных книгах, давая верную дату крещения, часто ошибаются в дате рождения. Пример подобной ошибки находим и в отношении А.С. Пушкина. Известно, что поэт родился 26 мая. Между тем в церковной метрической книге рождение Пушкина датировано 27 мая. Если документ вступает в противоречие с другими фактами и не подтверждается иными свидетельствами, он не может считаться достоверным.

Таким образом, есть все основания считать научно обоснованной дату рождения Гоголя именно 19 марта, а не 20-го (как ошибочно указано в метрической книге) и соответственно отмечать день рождения писателя 1-го апреля по новому стилю.

ЛИТЕРАТУРА

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.

Золотусский И.П. Гоголь. 7-е изд. М., 2009. 496 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).

Лернер Н. О дне рожденья Гоголя // Русская старина. 1909. № 5. С. 319–320.

Манн Ю.В. Гоголь. Книга первая. Начало: 1809–1835 годы. [2-е изд., перераб. и доп.] М.: РГГУ [Российский гос. гуманитарный ун-т], 2012. 504 с.

Розсоха Л. Миргородщина козацька і гоголівська / Миргородська міська рада, Миргородський краєзнавчий музей. Київ: ТОВ ВБ «Аванпост-прим». 2009. 396 с. (Серія «Миргородські джерела») (До 200-річчя від дня народження М.В. Гоголя). На обложке: Миргород, 2008.

¹ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 15. С. 174.

² Там же. Т. 12. С. 195.

³ Русская Старина. 1888. № 10. С. 392.

⁴ См. например: *Лернер Н.* О дне рожденья Гоголя // Русская Старина. 1909. № 5.

REFERENCES

The Complete Works and Letters: In 17 vols. / Comp., prepar. of the texts, comment. by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow; Kiev. Moscow Patriarchate Publishing House. 2009–2010.

Gogol in Memoirs, Diaries, Correspondence of Contemporaries. The Complete Systematic Collection of Documentary Evidences. Scientific-Critical Edition: In 3 vols. / Edition is prepared by I.A. Vinogradov. Moscow. Gorky Institute of World Literature, RAS. 2011–2013.

Zolotussky I.P. (2009) Gogol. 7th ed. Moscow. 496 p. (Series: “The Life of Remarkable People”).

Lerner N. About the Birthday of Gogol. *Russkaya Starina*. 1909. No 5, pp. 319–320.

Mann Yu.V. (2012) Gogol. Book One. The Beginning: 1809–1835 years. [2nd ed., revised and enlarged] Moscow. Russian State University for the Humanities Press. 504 p.

Rozsokha L. Mirgorod of Cossacks and Gogol / Mirgorodsky City Council, Mirgorod Local History Museum. Kiev. Avanpost-Prim Publ. 2009. 396 p. (Series “Mirgorod sources”) (To the 200th Anniversary of N.V. Gogol’s Birth). On the cover: Mirgorod, 2008.

Сведения об авторе:

Владимир Алексеевич Воропаев,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
voropaevvl@bk.ru

М.В. Михайлова (Москва, Россия)

Лоскутная рецензия на роман Любови Копыловой «Одеяло из лоскутьев» (М., 2018)

Аннотация: В настоящей статье представлено разнообразное интерпретационное поле, возникшее при прочтении романа Любови Копыловой «Одеяло из лоскутьев» (М., 2018). В результате возник внутренний полилог авторов рецензий, разошедшихся во мнении и по поводу содержания образа главной героини романа, и по поводу его феминистских интенций и даже в связи с пониманием самого наполнения слова «феминизм». Важно, что в рецензиях отчетливо прозвучали женские и мужские (к сожалению, в количестве всего одного!) голоса. Также интересен способ подачи материала, говорящий о возможностях и разнообразии жанрового канона рецензий.

Ключевые слова: Любовь Копылова, феминизм, рецензия, книжная серия, автобиографический роман, творчество, педагогика, идеология

M.V. Mikhaylova (Moscow, Russia)

The Multy-Voices Review on Lyubov Kopylova's Novel "A Patch-Blanket" (Moscow, 2018)

Abstract: The article discusses the different opinions of critics who have reviewed Lyubov Kopylova's novel "A Patch-Blanket". The space of various notions of critics was formed who look at own way on the image of the main character of the novel, her feminist intentions and even on the very concept "feminism". The female and male (unfortunately, in the amount of only one!) voices were sounded clearly in the reviews. Also the the way of presenting the material was interesting, unclosing the potentials and diversity of a review genre.

Key words: Lyubov Kopylova, feminism, review, book series, autobiographical novel, creativity, pedagogy, ideology

В 20-е гг. XX в. имела место практика написания коллективных романов («Большие пожары», «Зеленые яблоки»). Эту забавную традицию мы попытались возродить на занятиях по курсу для магистров «Серебряный век в литературном и художественном сознании XX и начала XXI столетия», читаемому мною, профессором кафедры истории новейшей русской литературы и современного ли-

тературного процесса Марией Викторовной Михайловой. Рецензии, помещенные ниже, написаны магистрами 1 года. Мне показалось интересным составить «групповой портрет» книги, увидеть, как филолог-рецензент улавливает смысловые импульсы произведения, в какой степени увязывает это с биографической личностью автора, временем создания текста, а также обнаружить, какое влияние оказала культура Серебряного века на самоопределение художника, как он в 1930-е гг. «справлялся» с возникшей в его сознании дихотомией принять / отринуть прошлое. На мой взгляд, представленный материал дает возможность как увидеть творческие индивидуальности молодых ученых, так и прочитать «их глазами» то, что тобою уже усвоено, определено, положено на полочку знания.

У Юрия Слезкина есть довольно интересная повесть «Разными глазами», созданная по принципу новеллы Акутагавы «В чаще», когда одни и те же события рассказываются разными людьми по-разному. Здесь возникает тот же эффект, потому что система героев, детали, композиция увиденны различно. Вернее, к ним подходят как бы с разных концов. А поскольку это все же рецензия, а не развернутый научный труд, то, естественно, что-то остается в тени, а что-то выходит на первый план. Во всяком случае, сразу задумываешься о границах интерпретации и способе подачи своего мнения, логике рассуждения и пр.

Так, обращает на себя внимание совершенно различная трактовка взаимоотношений таких героев, как Шатерников и Ксения, главная героиня романа. Да и образ Шатерникова в рецензиях оказывается очень неоднозначным. Также любопытна возникшая внутренняя дискуссия на тему, насколько Копылова оказывалась в плену усиливающегося идеологического давления 1930-х гг., существует ли расхождение между тем, что хотела сказать и что ею сказалось, когда уже чувствовался диктат... Более того, различно понят и самый финал романа. Кто Ксения? Победительница? Или усталая молодая женщина? Особенно любопытным показался мне анализ романа в мифопоэтическом ключе – как бесконечная цепь инициаций героини, переходящей из одного мира в другой. При таком прочтении особенно ощутимым оказывается «груз» Серебряного века, от которого Копылова, возможно, хотела / не хотела освободиться. Можно предположить, что все же этот роман связан с предшествующим этапом культуры более тесно, чем это кажется на первый взгляд.

Я минимально правила тексты, потому что мне казалось важным донести именно живую, пусть и спорную мысль. Приведу только пример из одной рецензии, показывающий, насколько «размыто» оказывается в сегодняшнем мире понятие феминизма (все писавшие сходятся на том, что феминистские интенции в романе присутствуют). Студентка пишет, что для Ксении, героини романа, самым сладким словом было «Спасибо», поэтому та решает в будущем делать только то, за что люди будут говорить ей спасибо, и полагает, что в этом и проявляются феминистские взгляды автора... В то время как все совсем наоборот: именно веками патриархатной культуры в женщине воспитывалась привычка действовать в соответствии с общественным поощрением, желание заслужить похвалу.

Однако в целом, мне кажется, каждая из представленных точек зрения заслуживает внимания и позволяет представить новое видение неожиданно возникшего благодаря усилиям Марии Нестеренко и издательства *Common place* из «тьмы веков, из топи блат» романа полузабытой писательницы.

Александра Алабина

Любовь Федоровна Копылова (1885–1936 гг.) практически неизвестна современному писателю. Будучи родом из рабочей семьи, она получила среднее образование и работала учительницей в селах Ильинское и Екатериновка. Ее путь в литературе начался в 1906 г. – с публикации лирических этюдов в газете «Приазовский край», в 1909 г. выходит ее дебютный поэтический сборник, проникнутый символистскими мотивами. В 1914 г. Копылова переезжает в Москву, публикует свои стихи и прозу в столичной периодике и 22 января 1916 г. выступает на вечере поэтов в Политехническом музее вместе с С. Парнок, М. Цветаевой и другими.

После революции 1917 года Копылова продолжает публиковаться как прозаик. Как считал М. Горький, лучшие ее произведения – «Химера», «Первое стихотворение» и др. – посвящены изображению детей. Горький и Копылова состояли в переписке, более того, в архивах сохранились правки Горького к повести писательницы «Следы на снегу» и др.

Одним из ключевых произведений Копыловой является повесть «Одеяло из лоскутьев», имеющая автобиографические черты. Композиция повести – «рассказ в рассказе»: история главной героини, Ксении Петровны Щербаковой, прообразом которой является сама Копылова, раскрывается через переписку с ее учителем Шатерниковым. Три письма соответствуют трем жизненным периодам героини: школьные годы, первый педагогический опыт, жизнь в монастыре и переезд в Москву. Повесть содержит бесчисленное количество свидетельств дореволюционной эпохи: описание быта семей рабочих, уклада жизни начала XX в., а главное – бесчисленные свидетельства о возможностях женщин в данный исторический период.

Женщины в повести Копыловой получают образование, ведут (или не ведут) хозяйство, работают учительницами, няньками и даже плотниками («Мария-плотник пришла с пилой и рубанком. Работая, она надевала бархатную скуфейку и, с разрешения игуменьи, шаровары») и способны обеспечивать семью; однако в повести есть и женщины, выбирающие более привычный путь – замужество, как, например, Вика Мухина. В повести Копыловой отразились феминистские взгляды, подсказанные писательнице самой жизнью: «“Спасибо” – это было такое сладкое слово для моего уха. Я мечтала поскорей стать самостоятельной, чтобы делать только то, за что люди будут говорить мне спасибо. Я стану доктором и буду лечить бедных без всякой платы. Я буду учительницей такой доброй, как мадемуазель Мари, которая показывает мне буквы в те дни, когда Лиля с Митей уезжают с родителями в гости. Я буду раздавать заработанные деньги нищим, которые сидят у ворот кладбища, и возьму на пропитание какую-нибудь сиротку».

Для романа также важна фигура духовного учителя героини, Шатерникова: «Вдруг свет потухал, и это означало, что действие начинается. Александр Шатерников сходил сверху по невидимым ступенькам, искусно скрытым, со светильником в руке. Светильник был серебряный и имел форму человеческого сердца, обращенного острием вниз. Наполненный маслом, он пылал высоким и сильным пламенем». Однако вскоре героиня разочаровывается в его учении: «Нужно знать Шатерникова. Этот очень яркий представитель той обманчивой культуры, к которой я тянулась, привлек меня к себе кажущимся величием».

Повесть оканчивается описанием жизни героини уже в послереволюционные годы. Копылова показывает, что «женский вопрос» в это время начинает активно решаться: «<...> целый год [я] простаивала в очередях перед разными кабинета-

ми директоров, когда другие просители, зажав в руках целые пачки писем, прилагаемых к своему заявлению, презрительно поглядывали на меня, приготовившую тонкий листочек, в котором я изъявляла желание получить работу. Но я все-таки пошла туда, куда мне сказали, и когда, на моих глазах, за мое заявление чуть-чуть не передрались инструктора разных районов, я почувствовала, что все изменилось». Но, конечно, повесть, написанная в советские годы, и не могла оканчиваться иначе.

Анастасия Неверова

Ксения приподнимает крышку дорожного чемодана, и вот перед нами ворох ярких лоскутьев: «детство, омраченное человеческим невежеством, отрочество, отравленное нищетой, бестолковая, суетливая юность и зрелость, отягченная разумением». Три короткие тетрадки, рассказывающие грустную историю жизни героини.

Однако всю историю можно вместить в один образ – таинственного и запретного дерева с серебряными листьями. Серебряные листья – Серебряный век. Ксения прикоснулась к этому чуду, и оно мгновенно начало вянуть, вся красота исчезла, остался лишь ужас от непоправимого. Когда же она прикоснулась к Серебряному веку, то история повторилась: прекрасная Вика стала женой пошляка и уже сама одета в шелковое платье цвета «танго»; Соловьев из прекрасного принца становится смутившимся и покрасневшим обыкновенным человеком, сомневающимся в искренности той, кого еще недавно восторженно восхвалял; Шатерников из обожаемого учителя (она даже во сне видела его лицо как икону!) превратился в брюзжащего старика, которому не досталось масла. Бескрайнее разочарование охватывает героиню. То, к чему она так стремилась всю жизнь, оказалось пустышкой: «Нужно знать Шатерникова. Это очень яркий представитель той обманчивой культуры, к которой я так жадно тянулась, привлек меня к себе кажущимся величием».

Но оказалось, что осколок прекрасной вазы ценнее самой вазы, увиденной в квартире Соловьева. Ценность была в том ужасном, грязном и бедном прошлом. Это отчетливо показал художник, напоминая читателю в конце романа обо всех ужасах той жизни: «Женщина, оторвавшись от корыта, полного батиста и кружев, кормила пустой грудью золотушного ребенка, завернутого в линючий ситец. Ее руки были разъедены содой, и, кроме тупой покорности, на лице ее не было ничего», «...играли дети. Их полуголые тела, тоненькие и хлипкие, были зеленовато-желтых тонов, как побеги кореньев, прорастающих в погребе». Но на эту картину никто не хочет смотреть, а тем более покупать, а вот красивый кулич с вензелями на белой скатерти – «Вот это купят!» Вензеля сразу же отсылают нас к торжественной и величественной обстановке собраний Шатерникова, которые поначалу так поразили Ксению. Но потом всё это развеялось как морок и туман, и перед героиней обрисовался самый обыкновенный человек, который слабее ее, который не понимает того, что происходит, который с ненавистью (взамен прошлого покровительства!) смотрит на нее, когда Ксения напоминает, что предсказывала подобное развитие событий (арест Константина).

Возвышенные советы Шатерников оказались лишь пустыми словами. «Такова жизнь, где не дается ничего без боли, и в дальнейшем вам не следует ее бояться. Душу вашу будут терзать на части, но пусть каждый ее лоскут повиснет, как праздничный флаг, как знамя на высокой башне. Сердце ваше пронзят мечами, но

пусть каждая рана расцветет розой, чтобы, истощившись в божественном цветении, стало оно полным и налилось светом солнца, воссияв, как высокий светильник, каждому ищущему дороги», – писать такое, а потом брюзжать, что в доме нет ни одной ложки масла.

«Где же жизнь?», – спрашивает себя Ксения. Будет ли она в советской России? Хотя и приводится случай, говорящий, что да, все изменилось в лучшую сторону (Ксения без рекомендаций смогла устроиться на работу, более того, за нее чуть ли не дрались работодатели), мы не чувствуем, что революция сделает ее счастливой.

Перед нами молодая девушка, но во всем уже разочаровавшаяся. «Фея с Собачьего хутора» так и не смогла обрести себя, не смогла сшить из ярких лоскутьев одеяло, которым бы она смогла укрыть свою душу.

Любовь Дурьнина

Впервые опубликованная более 80 лет назад книга покоряет своей скромной силой и сдержанностью: без лишних эмоций и рефлексии автор открывает целостный и живой мир, который уже ушел в прошлое. Мир, в котором учительница собирает с детьми цветы и заготавливает дрова, и для этого ей не требуется сотня разрешений от родителей, дирекции и министерства образования; мир, где уже существуют телефоны, скоростные поезда и университеты, но всё еще умирают дети от голода и чахотки. В этом мире как нигде больше огромен разрыв между поколениями. Мать пишет дочери о покупке коровы и о здоровье, тогда как дочь перечитывает всю доступную библиотеку и может спорить с ведущими мыслителями своего времени. От некоторых фраз Ксении Щербаковой веет глубинным одиночеством; все дорогие ей люди не могут принять ее жизнь полностью. Для семьи и подруг она остается «не от мира сего», белоручкой, отринувшей корни и ушедшей в чуждую касту. В среде же столичных интеллектуалов ей зачастую неловко, их жизнь кажется оторванной от неприглядной реальности, она смеется над барскими замашками своего учителя-символиста Шатерникова, почти презирает мечтателя Соловьева.

Вероятнее всего, именно так выглядел бы автобиографический нарратив Горького, будь он женщиной. В числе всех тех унижений и барьеров, стоящих между выходцем с социального дна и легким миром осознанной и обеспеченной жизни, ни один мужчина не указал бы на недобрые взгляды парней на вечерней улице, насмешки деревенских работников и «западню» якобы счастливого брака с кабатчиком. Отрадно осознавать, что проблемы, стоящие перед современными девушками, возникли не сегодня, и многие экономические и общественные ограничения уже преодолены, но вместе с тем и больно, что за прошедшие сто лет эмансипации и кажущегося равноправия не изменились даже стратегии защиты своей личности от морального или физического насилия (я думаю, новогодний эпизод с несуществующим звонком главной героини в чужую дверь показался знакомым не одной и не двум читательницам). Но роман пропитан оптимистическим пафосом, утверждая, что и сто лет назад были женщины, способные противодействовать мещанству, консерватизму и мизогинии. На протяжении всего действия героиня отстаивает свое право на свободу, на собственный путь, независимый от власти, мужского мнения, устаревших стереотипов (чего стоит сцена с экзаменом в школе, где девочка должна прокомментировать вслух народные поговорки о своей гендерной неполноценности). При этом обвинить Ксению в радикальном, по современным меркам, феминизме невозможно; она и рада бы создать семью и

дом, но при этом ей совсем не близка зависимость от мужчины, она не принимает паразитарную позицию своих подруг или навязываемую Шатерниковым «слабость»; идеал Ксении – равноправные отношения, основанные на единении душ, а не кошельков. Без громких фраз героиня помогает семье, увлеченно занимается любимым делом, – и это покажется нам обыденностью, если забыть о том, каких усилий стоило ей благополучие.

С точки зрения художественной ценности текст произведения неоднороден. Три части, которые оформлены в эпистолярный роман, плохо связаны между собой; многое в развитии сюжета опущено, важные детали не прописаны, автор словно оставляет на откуп читателя «дорисовку» отдельных фабульных линий. Стилистика сбивается с прямолинейной советской сатиры на «Записки гимназистки»; можно найти влияние романов Диккенса и «Монахини» Дидро, следы мемуарной литературы начала XX в. и критикуемой авторами модернистской прозы с ее цветистыми метафорами, а также переводных романов воспитания и женской прозы в духе Жорж Санд, – в целом, название романа говорит за себя. Однако это не свидетельствует о его безусловной вторичности; сам факт публикации уже является литературным событием, знаком формирования иного дискурса, в котором возможен женский, принципиально иной взгляд на исторические и культурные события.

Елизавета Коробихина

«Одеяло из лоскутьев» – автобиографический роман Любови Копыловой о девушке из рабочей семьи, прошедшей непростой жизненный путь. Перед читателем эпистолярный роман с элементами дневника. Правда, три главные части предваряются завязкой, написанной в очерковой манере; стиль письма на первых страницах напоминает сценарий, автор использует форму описания событий с помощью «настоящего в прошедшем». Это напоминает анонсы очередной части многосерийного фильма.

Первая часть, «Фея с собачьего хутора», повествование о детстве героини в родительском доме, об учебе в гимназии, о раннем проявлении ее сильного и независимого характера. Предваряется первая часть переписки Ксении Щербаковой с ее идейным вдохновителем учителем Шатерниковым, который заинтересован дальновидной и своеобразной девушкой. Он просит ее рассказать больше о себе. Первая часть романа заканчивается рассказом о новогоднем бале у Веры Мухиной – подруги Ксении, которая научила ее любить декадентское искусство (с ее подачи Щербакова читала Метерлинка, Ибсена, Гюисманса). После новогоднего бала пропал занимавшийся революцией Дмитрий Бондарев; состояние здоровья отца Ксении, на котором держалась вся семья, ухудшилось, спасти его Ксения не успевает (она просит деньги у нового знакомого Соловьева, но уже поздно) – он умирает. Девушка вынуждена поехать в село и стать там учительницей.

Вторая часть, «Розовое варенье», повествует о жизни Ксении в селе Роскошное. Она с любовью вспоминает о детях, для которых готовила интересные уроки, устраивала походы за цветами на природу, праздники. Но были в жизни молодой учительницы люди и случаи, которые заставляли взглянуть на жизнь как на череду разочарований. Ее коллега, учитель Аникий, любит Соломку, Соломка – его, но замуж хочет выйти за богатого. С подачи зловредной попадьи Аникий женится на богатой вдове, больной туберкулезом, Крулевецкой, в надежде, что она умрет и все имущество получит он, Аникий, и свяжет наконец в будущем жизнь с люби-

мой. Но, по иронии судьбы, в третьей части мы узнаем, что Аникий заболел скоротечным туберкулезом и находится между жизнью и смертью. Сама же Ксения едва не вышла замуж за хозяина деревенского кабака Коломлынова. Остановило ее лишь то, что она узнала, в какой кабале Коломлыновы держат своих должников. Второе письмо тоже заканчивается рассказом об отъезде из села Роскошное. Именно розовое варенье, которое собиралась Ксения сварить из лепестков Коломлыновского цветника, сыграло ключевую роль в ее судьбе.

Третья часть, «Серебряный светильник», повествует о полном освобождении Ксении от чужих советов и покровительства. Сначала Ксения вместе с воспитанницей школы при монастыре Анной навсегда уезжает из этих мест, чтобы не видеть жестокости людей, которые должны быть чисты и благородны, а именно – настоятельницы монастыря. Она живет у Шатерникова, в его библиотеке, готовит ему еду, скрашивает одиночество до возвращения жены Татьяны. Серебряный светильник, который продает Шатерников (чтобы было на что жить, но тут же хочет потратить деньги, чтобы что-то купить для жены и для Ксении), переполняет чашу терпения Ксении, и она покидает дом Шатерникова, потому что больше они друг в друге не нуждаются, у нее своя дорога.

Роман называет «Одеяло из лоскутьев», потому что читатель будто путешествует по лоскуткам памяти героини. Во всем можно найти у Копыловой романтику начала XX в., яркое ощущение всех проявлений жизни, их восприятие молодой одинокой девушкой, на которую судьба взвалила ответственность за обеспечение семьи, старой матери, сестер и братьев. Она видит черные души людей, беспомощность своих учителей, их изъяды. Но сама жизнь увлекает ее. Жизнь – строгий учитель для молоденькой учительницы Ксении. Она сталкивается с самоубийствами Насти Бондаревой и художника, с жестокостью мудрых и сильных, с расчетливыми бесчестными людьми. Но жизнь всегда все расставляет по своим местам.

Сквозным мотивом в романе становится образ одеяла из лоскутьев: бабушкино одеяло, сшитое из лоскуточков; Шатерников в своих письмах говорит о «лоскутьях души»; лоскутки ткани остаются в школьном зале после праздника по случаю окончания учебного года. Позднее с одеялом из лоскутьев Ксения Щербакова сталкивается в доме у Коломлынова: на таком же в точности одеяле сидит кухарка в саду. Эти лоскуточки словно собирают, сшивают воедино фрагменты памяти автобиографической героини.

Не всем воспоминаниям Ксении Щербаковой хочется верить, не всегда ее поступки кажутся вполне обдуманными. Например, на мой взгляд, не очень-то прописан образ Коломлынова, и не очень понятно, почему героиня романа посчитала его грубым и недостойным человеком. Ведь если у него занимали деньги, то возвращать их абсолютно нормально, не мог же он их просто подарить всем, кто их просил. Долги нужно возвращать, и совершенно нормально требовать долг назад. Не можешь вернуть – не бери. Так почему же вдруг в сознании Ксении Коломлынов стал негодяем? Это уже идеализм и мечтательность. Взрослая девушка должна понимать, что все имеет цену, тем более труд, вложенный в собственное дело. Хотя не исключаю, что замысел автора в данной ситуации оказался мне не совсем ясен.

Ксения Щербакова – настоящая феминистка, интеллектуалка, честная и совестливая молодая женщина. Но складывается впечатление, что она не борется с несправедливостью, а просто-напросто бежит от нее. И в этом ее слабость. Как

ни старается быть сильной, но, прежде всего, остается женщиной. Какой и надо быть...

Героиня неоднозначна, и не все ее поступки вызывают приятие у читателя, но в целом она изучает жизнь, и оказывается прилежной ученицей. В итоге Ксения достигает главного, того, что всегда искала, – свободы от всех учений. Она хороший человек, стремится к добру, делает добро, и, наверно, это оправдывает ее нелогичность.

Образный мир романа очень уютный. Возникает параллель в сознании (может, и необоснованная) с Пастернаковским «Доктором Живаго». Щербакова – этаким Живаго в юбке. Она не обращает внимания на исторический фон, она просто пытается подстроиться к обстоятельствам, жить по чести, нести пользу людям. Но Щербакова, в отличие от Живаго, более волевая. Она не дает жизни сломить себя.

Роман незаслуженно забыт, обойден вниманием широкого круга читателей и заслуживает прочтения. Это интересная история о сильной женщине, хоть и с весьма наивным послевкусием. Но это все от идеалистических взглядов автора.

Александр Марков

**Проза феминистки, или Роман-самовоспитание:
рассуждение о романе Л. Копыловой «Одеяло из лоскутьев»**

Издательство *Common place* задумало выпустить серию книг, означаемую ныне забытой буквой «Ө» (фита), «в которой будет выходить художественная и мемуарная проза забытых русских писательниц XIX–XX веков». Кому будет интересна такая серия? Несмотря на кажущуюся альтруистичность замысла, уже первая книга серии, переизданный роман Л. Копыловой «Одеяло из лоскутьев», собирает в Интернете значимое количество отзывов и рецензий. Очевидный интерес такая проза может вызывать как в кругу ученых, специализирующихся на изучении эпохи рубежа веков и советского времени (историков, филологов и проч.), так и в среде непрофессиональных читателей, проявляющих интерес к этому неоднозначному периоду крушения одних надежд и идеалов и построения новых. Отдельную группу поклонников серии составят современные участницы движения феминизма. Недаром в заголовках рецензий на упомянутую книгу Копыловой зачастую фигурируют такие словосочетания, как «соцреалистический феминизм» (Игорь Гулин), «феминизм по-советски» (Александра Мартыненко), а один из первых отзывов появился в «Живом Журнале» коллектива авторов, который именуется «Книги, рекомендуемые феминистками». При всей важности темы женской эмансипации, особенно для описываемого в книге периода, хочется выразить сомнение в том, что данная тема является главной для автора. Это заявление может быть раскритиковано – как мнение мужчины-филолога, но я постараюсь в общих чертах обосновать его в ходе своих рассуждений о данной книге далее.

Обратимся ко времени первого издания романа Л. Копыловой. На дворе 1934 г. Год 1-го Всесоюзного съезда советских писателей. Ведется активная работа по формированию монистической концепции советского искусства, теоретизации и оформлению принципов нового направления, которому суждено стать господствующим в литературе метрополии на протяжении почти полувека, – «соцреализма». До массовых репрессий, закрепляющих такое положение вещей, остается менее трех лет, но предпосылки к ним уже, что называется, «витают в воздухе». Именно в это время, сложное и опасное для любых свободно мыслящих и – осо-

бенно – творческих людей, выходит роман Л. Копыловой, во многом автобиографический, описывающий период жизни героини, относящийся к дореволюционной эпохе. И – о ужас! – на страницах романа читатель узнаёт, что Ксения Щербакова (так назвала свою героиню писательница) имеет неосторожность якшаться со всяческими мистиками-символистами и даже монахинями! Что же позволило такой книге увидеть свет? Кроме, разумеется, покровительства Горького, который относился к автору с благосклонностью, как видно из их переписки, на руку сыграло последовательное и грамотное отображение новых реалий (в сравнении, разумеется, со старыми) и посещение лекций по диамату. Нет, здесь нет ничего общего с покаянными речами диссидентов на громких процессах, но, описывая жизнь своей героини, автор занимает отстраненную и, порой, критическую позицию. Очень сложно нащупать ту грань, где Копылова перестает искренне оценивать события своей жизни (точнее, жизни Ксении Щербаковой, будем последовательны) и отдает дань новой идеологии, которая становится уже не модой, а единственно возможным разрешенным мировоззрением. Иногда даже кажется, что книга написана двумя разными людьми, но это, на мой взгляд, опасное заблуждение. Копылова, так же как и ее героиня, – представитель той самой переходной эпохи, и все противоречивые тенденции парадоксальным образом уживаются не только в политике, проводимой властью, но и в умах и сердцах людей.

И вот, принимая во внимание, не упуская из головы все вышесказанное, погружаемся в чтение «Одеяла из лоскутьев». Забегая вперед, хочется отметить, насколько удачен образ, заключающийся в этом названии. Галерея мужских и женских характеров, обрывки разговоров и воспоминаний, переписка героини с друзьями из прошлого составляют основу книги. Как бы ни старалась писательница откеститься от прошлого, очевиден модернистский, «лоскутный» принцип – уже на уровне композиции.

В самом начале книги натываемся на любопытный диалог героини и Шатерникова. Про последнего, уже в конце романа, Ксения напишет своей сестре Наташе: «Этот очень яркий представитель той обманчивой культуры, к которой я так жадно тянулась, привлек меня к себе кажущимся величием». О самом Шатерникове известно немного, образ его схематичен, прототипом мог стать почти любой символист-мистик, соловьевец. В его библиотеке есть книги Вячеслава Иванова – это говорит лишь о том, что это разные личности. Вообще смешение реальных и выдуманных персонажей книги кажется вынужденным ходом, имеющим целью не допустить возможности полицейского расследования излагаемых событий. Если «Одеяло из лоскутьев» – это так называемый «роман с ключом», то оный «ключ» сознательно и безвозвратно утерян, не запрятан – выброшен в пучину водоворота истории.

Ксения и Шатерников беседуют, обмениваясь мнениями по поводу прошлого и будущего. Их отношение к этим временным категориям противоположно. В уста своей героини Копылова вкладывает передовые идеи: «...не пора ли его закрыть совсем – музей старого быта?» – задается она вопросом и заключает: «Нет, я не в состоянии вложить жажду жизни в прошлое». И да, они политически грамотны, эти слова, отвечающие веяниям нового времени. Но насколько искусственными они кажутся даже по сравнению с пафосной речью Шатерникова, напоминающей прозу поэта, обладающей внутренней ритмической организацией, насыщенной инверсиями и различными тропами: «Храню в своей душе всё, что когда-либо было... из воспоминаний пряду тонкую нить вечности, в гаданиях продолжу ее».

Не то же ли самое делает Копылова, вопреки высказанному мнению своей героини, обращаясь в своем романе к «делам давно минувших дней»? Да и сама Ксения через несколько страниц предается воспоминаниям, когда «ворох ярких лоскутьев бросается ей в глаза», и «теперь по этим цветным клинышкам можно восстановить в памяти всю ее жизнь, год за годом». Именно среди этих лоскутьев Ксения находит собственную переписку с Шатерниковым.

Из многочисленных рецензий на просторах Интернета и особенно из пространной и обстоятельной вступительной статьи Марии Нестеренко «От декадентства к эмансипации», приведенной в издании 2018 г., можно в подробностях узнать о соответствиях в биографии автора и ее героини, позволяющих называть этот роман автобиографическим; о том, как исторические события находят отражение в повествовании в реакциях простых людей; наконец о сложной композиционной структуре «Одеяла из лоскутьев». Все рецензенты фокусируют внимание на феминистской направленности романа Копыловой, которая, несомненно, имеет место быть. Но, хотя Ксения не раз на страницах романа касается темы женской эмансипации (одним из ярких моментов становится ее ответ на экзамене, когда она заявляет, вопреки закосневшим в рутине педагогам, что будет «сама зарабатывать деньги», чтобы помогать родителям, вырастившим ее), хотя ни один из мужских образов не обладает достаточной силой, чтобы считаться целостным и сильным, ни один не может стать полноценным ориентиром для героини (показательно в этом плане замечание относительно Шатерникова, который во время прогулки «чуть пожимает локоть своей спутницы», и неясно, «желает ли он поддержать ее или сам ищет опоры»), за всем этим скрывается еще одна внутренняя коллизия романа, которую мало кто сумел разглядеть.

Горький писал о «новом типе педагога» в связи с рассказом Л. Копыловой «Химеры». Этот тип педагога предстает перед нами и на страницах «Одеяла из лоскутьев». Но Ксения больше чем педагог. Я сейчас говорю не о собственно педагогической деятельности Ксении Щербаковой, которая, безусловно, является талантливым учителем, умеющим привить своим ученикам любовь к красоте, природе, жизни. Я говорю о тех методах воспитания, которые героиня Копыловой применяет по отношению к самой себе. Ксения последовательно прививает себе ненависть к любому виду компромиссов с собственной совестью. Неблаговидные поступки окружающих ее людей, будь то подруга, выбирающая замужество с богатым, но нелюбимым мужчиной, или знакомый, женящийся на чахоточной больной в надежде на скорое наследство, или кандидат в женихи самой Ксении, занимающийся нечистым бизнесом (он держит трактир, где спиваются мужики), – вся эта грязь неспособна пристать к чистой душе Ксении Щербаковой, а лишь вызывает у нее отвращение. Именно такое поведение и делает героиню «Одеяла...» той самой «self-madewoman», и это не имеет отношения к гендерным различиям – речь идет об универсальных человеческих категориях: совести и чести. В противостоянии грязи и бесстыдству окружающего мира сильной и чистой души героини и состоит, на мой взгляд, главная коллизия романа Копыловой. В литературоведении есть термин «роман воспитания». В отношении «Одеяла из лоскутьев», думается, позволительно применить его в несколько трансформированном виде: это «роман самовоспитания». Очевидный дидактизм этой книги подсказывает, что она могла бы быть рекомендована к прочтению для юного возраста.

В конце еще немного о художественной ценности этой книги. Она не бесспорна. Многие рассуждения героев, особенно те, что касаются тем, которые могли

бы предоставить почву для политизированных инсинуаций в отношении автора, являются искусственными и натянутыми. Удачными местами романа становятся описания творческого процесса, как, например, оформление гостевой комнаты в монастыре, когда героиню посещает подлинное вдохновение; рассказ о прогулке с учениками по полю, усыпанному цветами (которое впоследствии в той самой гостевой комнате запечатлевается на ковре), история знакомства героини с книгами, например Меттерлинка или Гюисманса.

В целом, несмотря на неприятный осадок, обусловленный конъюнктурными предпосылками, остается благоприятное впечатление от романа о героине, которая, несмотря на все ужасающие трудности жизни в страшное для страны время, смогла выйти из них, сохранив главное – чистоту совести и честь человека, рожденного в имперской России. Ну и, конечно, торжество Нового Времени, когда советской женщине наконец-то ничего не стоит устроиться на работу!

И, да, напоследок хочется поблагодарить издательство и всех причастных к основанию новой серии за их труд и пожелать, чтобы следующие книги оказались не менее интересными, ведь история нашей литературы должна обнаружить и извлечь еще много незаслуженно забытых, но по-своему ярких женских писательских имен.

Диана Сырысева

Любовь Копылова в книге «Одеяло из лоскутьев» пытается осмыслить жизнь людей как перед революцией 1905 года, так и при установившейся советской власти в 1920-е. Произведение имеет сложную повествовательную структуру: рассказ о настоящем героини, Ксении Щербаковой, пересекается с тетрадями, где она рассказывает о своем детстве и молодости, и письмами к одному из главных героев – Александру Шатерникову, в которых героиня рефлектирует о происходящем. На протяжении романа можно видеть становление личности главной героини, изменение ее оценок (например, о Шатерникове: если при первых встречах в 1910-е он кажется героине «как весь мир», то в 1920-е героиня отказывается от его идеализации: «Воистину экземпляр редкой породы, достойный, чтобы его посадили на булавку!»).

В первой части «Фея Собачьего хутора» рассказывается о детстве героини. В Собачьем хуторе находится дом Щербаковых, за оврагом – дом ее бабушки. Их жизнь полна страданий, условия их существования, быта тягостны. Доставшегося по случаю мяса хватает лишь на неделю. У бабушки, бывшей крепостной, на чердаке дома хранится крайне неприятный ей портрет бывшего барина. С некоторыми героями постоянно связаны определенные детали, мотивы: так, с дядей Яшей – копоть, сажа, машинное масло, кровь; с тетей Феней – работа, опухшие руки и ноги; с Дмитрием – угроза ареста, а позже и сам арест. Однако в этом ужасном мире есть потребность в красоте, в другой эстетике. Так, Настя Бондарева собирает кусочки разноцветного стекла, фарфора, показывает их Ксении, и они ими любуются. Но и эта потребность есть далеко не у всех: Раиса Бондарева презрительно называет эти кусочки цапочками со свалки. С этим бытом контрастирует ухоженная усадьба заводчика Пустовойтова. В его роскошном саду растут акации, странное дерево «не-тронь-меня», на котором от одного прикосновения сжимаются все листья. В этом другом мире существуют чистые и опрятные дети, гувернантка Мари, которая учит их французскому языку. Встреча с Викторией Тимофеевной Мухиной открывает Ксении мир других книг, а именно – тех, о

которых пишет Макс Нордау в «Вырождении» (Гюисманс, Метерлинк, Ибсен). Ксения пишет: «...Макс Нордау оказался для нас путеводителем по литературе». Характеризуя процесс чтения, героиня уточняет: «...мы блуждали среди образов – то туманных, то страшно уродливых, то величественных, стараясь изо всех сил разгадать их сокровенный смысл».

Во второй части, «Розовое варенье», Ксения Щербакова – сельская учительница. Она живет в провинции, где мелкие расчеты, взятки, сплетни. Так, сельский учитель Аникий по совету попадьи женится на больной туберкулезом богатой вдове, чтобы разбогатеть после ее смерти и жениться на любимой девушке, но сам заражается туберкулезом и умирает.

В третьей части, «Серебряный светильник», показаны условия жизни во время Первой мировой войны в монастыре и в Москве. В Москве Ксения бывала на выставках художников (Врубель, Мусатов, Малявин), ей понравилась «Дама в голубом» Сомова, ужаснули «Боярыня Морозова» и «Иван Грозный, убивающий сына». На картинах одного художника Ксения увидела свой родной Собачий хутор, но, возможно, таких мест, как Собачий хутор, было много в стране, и Ксения ошиблась. На собраниях у Сабашникова Ксения познакомилась с Александром Шатерниковым (стала его секретаршей), увидела серебряный светильник в форме сердца. Именно этот светильник в 1920-е гг. герои будут продавать в Торгсине.

Мир книг, круг чтения важен для Ксении. Если в 1910-е гг. она читает писателей-модернистов, то в 1920-е будет читать «Разгром» Фадеева и «Бронепоезд» Всеволода Иванова. Вместе с ее жизнью изменились и книги.

В 1920-е гг. Ксения размышляет о том, чем она укутается, когда станет холодно. Она достает из чемодана ворох ярких лоскутьев: «треугольные кусочки, пестрые, как на балахоне арлекина», – и вспоминает: «Когда-то, повинаясь причудливой фантазии, она начала собирать обрезки, остающиеся от платьев, и теперь по этим цветным клинышкам можно восстановить в памяти всю ее жизнь». Это разные кусочки ткани: белым ситцем украшали куличи, синий ситец в белую полоску – как на платьях воспитанниц, розовая кисея – на дешевых куклах, шелк, бумажная ткань... Сама Ксения характеризует это: «Какое нищее богатство! И это – моя жизнь!» Однако от этой жизни остались воспоминания, которые могут согреть от душевного холода, сшитые же в одеяло лоскуты могут спасти от холода физического.

Одеяло из лоскутьев становится метафорой разнообразия жизни того времени, разорванной на мелкие кусочки, но все-таки сшитой.

Наталья Косякина

Карнавал лоскутьев

На роман Любви Копыловой (1885–1936) «Одеяло из лоскутьев», вышедший в 2018 г. в издательстве *Common place* и открывший серию художественной и мемуарной прозы забытых писательниц XIX–XX вв., уже написано несколько рецензий. В основном упор в них делается на социальный план романа (по мнению рецензентов, он представляет наибольший интерес), всячески подчеркивается женский путь и эмансипационное начало (вступительная статья к роману так и называется: «От декадентства к эмансипации»). Вероятно, все это хорошо и правильно, но это уже написано, и я не буду повторять эти во многом справедливые выводы, а лишь постараюсь дополнить их своими размышлениями.

«Одеяло из лоскутьев» – автобиографичный роман, не лишенный тревожных нот, сопровождающих взросление героини. Построен он просто и понятно: автор использует рамочную композицию – прием не новый, но по-прежнему работающий. Героиня перечитывает свои старые письма, из которых мы узнаем о ее жизни. Роман начинается вяло – с несмелых (или просто неумелых?) идеологических выпадов Ксении в адрес ее духовного учителя Шатерникова. Это уже конец истории, которую нам последовательно расскажут письма и тетради Ксении.

К радости читателя, роман «разгоняется» с первого же большого письма, которому сама героиня дает название «Фея с Собачьего хутора»: детская часть жизни написана живо и интересно. Чего здесь только нет: странная женитьба родителей, дивный сад с волшебным «деревом-не-тронь-меня», собирание стекляшек, подслушивание ночных разговоров взрослых, удивительная, знающая себе цену тетя Катя, школьные сочинения... Всё это уже само по себе смахивает на одеяло из лоскутьев – незатейливый лейтмотив романа. Есть в этом одеяле и черные кусочки, которые автор описывает жутковато: «Тетя Катя лежала, покрытая кисеей с редкими пушистыми мушками, и бабушка беспрестанно откидывала ее с лица своей дочери, точно желая сказать всем: посмотрите, что сделала смерть с ее красотой! ...Сидя возле самого гроба, она раскачивалась всем телом и повторяла тихо, как бы про себя: “Катя... Катя... Катенька... Катюша...” – и в тишине, особенно жуткой оттого, что комната была полна народом, звук ее причитания походил на какое-то жужжание».

Автор нередко использует повторы, параллелизмы, что добавляет тексту поэтичности и музыкальности. Вместе с авторской отстраненностью в описаниях это дает эффект то ли колыбельной, то ли детской сказки: «– Зажмурься! – кричала она, и я чувствовала на лице жгучие брызги. – Нагни голову! – и я слышала, как ароматный ветерок шевелит мои локоны. – Повернись спиной! – и я ежилась под душем, щекотавшим шею...».

В этой «детской» части романа выделяются судьбоносные события. Среди них революция и смерть отца – то, что разрушает светлый детский мир, подталкивая героиню к взрослению. Важное место также занимает новогодний карнавал. На этом моменте остановимся подробнее.

Смысл эпизода с карнавалом автор озвучивает почти в самом конце романа: «Где же жизнь? – спрашивала я сама себя. – Неужели ко всему, что меня в ней манит, дорога ведет только через городские свалки или кладбище?»

Вернемся к началу романа и вспомним, как Ксения описывает свадьбу матери: «...экипажи остановились над обрывом, и невеста в сопровождении родных, подруг и соседей перешла через балку, полную битых стекол, черепков, золы и выброшенного тряпья. На ней было голубое шелковое платье, сверху донизу покрытое белым тюлем, и атласные туфельки на высоких каблуках». Здесь переход женщины во взрослую жизнь описан в духе фильмов греческого режиссера Тео Ангелополуса: соединение мусорного уродства и красивой принцессы, пришедшей прямо из сказки. Такой же обряд перехода видим и у самой Ксении: ей, маленькой девочке с заботливо вышитым красивым платьем в коробке, пришлось идти на такой долгожданный праздник по темному кладбищу, далее мимо тюрьмы (тюремный охранник кричал на нее и хотел стрелять), потом обманом отвязываться от напугавшего в темноте навязчивого спутника... «Широкие розвальни промчались мимо, обдав меня снежной пылью. Тот, кто правил лошадей, был с рогами и бородой козла. Он проблеял в мою сторону. Страшные его пассажиры гикали

и улюлюкали на меня. Среди них было чудовище, при взгляде на которое нельзя было не содрогнуться». Этот магический переход к осмысленной взрослой жизни завершился, конечно, разочарованием, присущим взрослым людям. Оказывается, 90% окружающих людей неблагочестивы, бескультурны, корыстны и глупы.

Но не к больному отцу героиня уходит с этого карнавала, а к прельстившему ее Соловьеву, который кажется единственным приятным и приличным человеком на этом вечере. Дальше происходит новое открытие: «Как же случилось, что человек, готовый стать передо мной на колени только за то, что мое платье и мои манеры вызвали в его воображении высокий и чистый образ, пришел в недоумение, когда я открыла ему самое дорогое и подлинное, что было в моей душе, – любовь дочери к своему отцу и страстное желание ему, умирающему, помочь?» Вот она, призма символистского мышления. Уже тогда Ксения оказывается достаточно зоркой и умной, чтобы увидеть коллизию символизма и реальной жизни, воображения и подлинных, хотя и повседневных чувств. Жаль только, что письмо с процитированной выше фразой она пишет не кому-нибудь, а Шатерникову – еще одному любителю символистских взлетов.

Вопреки ожиданиям, это не последний проход Ксении через «ворота взросления». Та же метафора ритуального перехода из одного мира в другой просматривается во второй части книги («Розовое варенье») в прогулке Ксении с детьми-учениками. Нарвав на лугу сказочной красоты тюльпанов (описывая эти будто бы невозможные, невероятно яркие тюльпаны, автор словно пытается убедить нас в сказочности происходящего), они покидают этот счастливый, добрый мир и въезжают в село. В пути их сопровождает странноватый неулыбающийся проводник. В селе встречают окровавленные пьяные люди, лежащий на земле в беспамятстве отец Нюры Голубцовой – и колокольный звон, оповещающий жителей о браке по расчету.

«Я хочу войти в жизнь через высокие ворота, убранные флагами и цветами, за которыми меня встретила бы музыка!» – цитирует Ксения свою давнюю подругу, Викторию Мухину, которая в итоге вышла замуж за того самого неблагочестивого коммерсанта с новогоднего карнавала и, кажется, совсем омещанилась.

Третьими для Ксении становятся ворота монастырского двора (героиня получила работу в приходской школе). Автор не стремится описать жизнь монахинь и обычаи этого места. Все дается лишь пунктиром. Так что читателю приходится «прыгать» по этим «обрезкам», с одного на другой, запомнив лишь невнятную Аннушку и побег «на волю».

Роман оканчивается перепиской Ксении с сестрой Наташей. Из письма сестры понятно, что в семью вернулся Дмитрий, арестованный еще во время новогоднего карнавала. Обратим внимание на то, как описано его возвращение: «У вокзала, там, где останавливаются трамваи, были поставлены высокие ворота, обвитые гирляндами цветов. Наши герои прошли через эти ворота. Музыканты играли марш, и все кричали “ура!”». Значит ли это, что революция – единственное настоящее дело, достойное счастливого будущего и арки в цветах? Может, после этого наконец будет настоящая жизнь? Или же и это – всего лишь внешние атрибуты, фикция? Автор обрывает свой роман: впереди отъезд Ксении из дома давно разочаровавшего ее Шатерникова.

Все вышеперечисленные метафоры в тексте просты, прозрачны и в принципе не требуют объяснения. Хочется лишь заметить, что героиня Копыловой – человек ищущий, в чем ее несомненный плюс. Правда, трудно не согласиться с други-

ми рецензентами, предполагающими, что автор будто бы пытается подчеркнуть добродетель Ксении (а значит, и свою), показать себя идеально нравственным человеком. Кроме того, не совсем понятно, чего же она ищет. Сказочного мира? Действительно, мотив столкновения сказки с реальностью проходит через весь роман – и проигрывает сказка. Ее не спасают цветные тюльпаны, радуга, детский школьный праздник, который приносит Ксении проблемы на работе. Настя Бондарева, шившая героине красивое карнавальное платье, кончает с собой. То же делает художник, живущий в Москве по соседству, через стену. Сказочный ковер с тюльпанами, идею которого Ксения подает вышивальщицам в монастыре, не нравится руководству и скрыт от людей. Но, кажется, героиня не перестает искать эту сказку в тоскливой реальности, но, быть может, стоило искать ее не в реальности, а в себе самой?

Корпус статьи составили зачетные работы студентов 1 года магистратуры кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сведения об авторе:

Мария Викторовна Михайлова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Mikhaylova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mary1701@mail.ru

С.Е. Кириллова (Волгоград, Россия)

Принципы создания регионального катойконимического словаря: алфавитная часть¹

Аннотация: В статье получает обоснование концепция словаря названий жителей Волгоградской области, составляемого по данным современных местных СМИ и официальных волгоградских интернет-ресурсов. Освещается ряд особенностей работы с материалом, частично характеризуется связь разрабатываемого издания и существующих в русской лексикографии словарей подобного типа. Дается общее описание структуры будущего справочника, поясняется содержание его частей: алфавитной, административно-территориальной, идеографической. Подробно рассматриваются теоретические основы создания алфавитной части словаря. Приводится описание двух вариантов соответствующих словарных статей. Указываются основные вопросы, возникающие при словарной фиксации регионального катойконимического материала; предлагаются варианты их решения. Отмечаются некоторые особенности работы с иллюстративным материалом. Обосновывается необходимость издания подобных справочников, их роль в развитии культуры речи носителей русского языка и актуальность дальнейшей работы над региональным катойконимическим словарем.

Ключевые слова: культура речи, ономастическая лексикография, катойконимы, язык СМИ, язык региона

S.E. Kirillova (Volgograd, Russia)

The Principles of Creating a Regional Katoikonymic Dictionary: An Alphabetical Part

Abstract: The article justifies the idea of creating the dictionary to include the names of Volgograd Region residents, based on the data of modern local media and official Volgograd Internet resources. It covers a number of features concerning work with the material and partially characterizes the interconnection between the edition being developed and the existing dictionaries of a similar type in the Russian lexicography. The general description of the dictionary structure is given, the content of its parts (alphabetical, administrative-territorial, ideographic) is explained. The author considers theoretical

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00641 «Лингвоэкологический портрет регионального топонимикона: проблемы, противоречия и поиски решений».

bases for creating an alphabetic part of the dictionary in detail. Two variants of the corresponding dictionary entries are described. There are indicated the main issues arising when fixing the regional katoikonymic material in the dictionary and variants to solve them are offered. The article mentions some features of work with illustrative material. It also substantiates the necessity of publishing such reference books, their role in the development of the speech culture of native Russian language speakers and the significance of further work on the regional katoikonymic dictionary.

Key words: culture of speech, onomastic lexicography, katoikonyms, language of media, language of a region

Вопрос о словарной фиксации наименований жителей – катойконимов – не единожды рассматривался отечественными лексикографами. Малая часть топонимических существительных фиксируется современными орфографическими словарями (например, «Русским орфографическим словарем» под ред. В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой). При этом разнообразие катойконимических суффиксов, специфика топонимики отдельного региона и целый ряд других интра- и экстралингвистических причин, объясняющих особенности образования катойконимов, закономерно приводят к выводу о необходимости специального издания.

Существующие справочники [Городецкая, Левашов 2003; Левашов 2000] не могут отразить все возможности общерусской катойконимики, поскольку включают в основном названия жителей наиболее известных и значимых населенных пунктов. Однако именно катойконимы, образуемые от малоизвестных топонимов, составляют большую часть слов своей тематической группы и наиболее полно и разносторонне демонстрируют ее потенциал. Кроме того, названия жителей часто используются в материалах СМИ, в том числе региональных, причем нередко образование деривата вызывает затруднения, либо у автора текста возникает вопрос выбора правильного наименования из нескольких возможных вариантов. Сказанное обуславливает необходимость и актуальность создания специальных справочников, в которых будет отражена специфика катойконимики конкретного региона.

Разрабатываемый нами словарь посвящен разноаспектному описанию системы наименований жителей Волгоградской области. Задача будущего справочника – в необходимой читателю степени полно и подробно предоставить сведения о состоянии и потенциале современной волгоградской катойконимии. Ориентированность издания на широкую и разнообразную читательскую аудиторию: журналистов, писателей, учащихся, краеведов, историков, лингвистов – обусловила наличие в справочнике трех частей, различающихся способом подачи материала и степенью его подробности. Информация представлена: в алфавитном порядке; в соответствии с административно-территориальным делением Волгоградской области и в виде идеографического описания. Статьи алфавитной части минимальны по объему и предназначены для быстрого поиска конкретной номинации. При создании этого блока мы ориентировались на издание И.Л. Городецкой и Е.А. Левашова «Русские названия жителей» [Городецкая, Левашов 2003]. Материалы второй части словаря расположены согласно современному административно-территориальному делению и включают названия жителей районов, сельских (городских) поселений и входящих в их состав населенных пунктов. При работе со вторым блоком мы опираемся на опыт создателей «Словаря названий жителей (РСФСР)» [Бабкин 1964], адаптируя заложенные в этом издании идеи

сообразно специфике современной волгоградской катойконимики. Наибольшие сложности вызывает работа над третьим – идеографическим – блоком, поскольку его цель – полное описание свойств волгоградской катойконимики как системы, что предполагает решение множества теоретических вопросов и оптимального представления полученных результатов в словарной форме. Цель настоящей статьи – описание основных принципов создания алфавитной части словаря.

Для ее создания нами используются материалы различных волгоградских СМИ и авторитетных региональных интернет-сайтов за период с 2010 по 2018 г. Основными источниками являются областные и районные газеты («Волгоградская правда», далее – ВП с указанием даты, «Коммунар», далее – Кр с указанием даты и другие), сайты администраций и местные новостные порталы. Выбор СМИ и интернет-сайтов в качестве источников исследования обусловлен тем фактом, что именно эти ресурсы наиболее полно и оперативно фиксируют языковые явления и тенденции и отражают специфику языка региона.

Охарактеризуем особенности расположения материала и структуры словарных статей в алфавитной части словаря (см. таблицу 1). Нами разработаны два варианта алфавитной части, что обусловлено спецификой портретируемых единиц.

Таблица 1

Вариант 1	Вариант 2
<p>БЕСПЛЕМЯНОВСКИЙ, хутор (Ур.) Центр Бесплемяновского сельского поселения ХУТОР: Бесплемяновцы, -цев <i>Бесплемяновцы теперь имеют возможность собираться вместе, отмечать праздники, участвовать в разнообразных мероприятиях...</i> (www.golostos.ru/ [07.02.2018]) ПОСЕЛЕНИЕ: <i>Бесплемяновцы с нетерпением ждали этого события, а тосовцы в этот день в сельском Доме культуры организовали трапезу.</i> (ВП, 16.10.2013)</p>	<p>АЛЕКСАНДРОВЦЫ, -цев (Бк.) Александровка, село <i>Двое александровцев – Н.А. Колотенко и Л.Н. Дядькина взяли на себя обязанность по постоянному уходу за высаженным весной парком Победы.</i> (Кр, 23.07.2015) *АЛЕКСАНДРЯНЕ, -ян (Бк.) Александровка, село <i>В старшей группе от 12 до 18 лет блестяще выступили александряне, почти весь пьедестал был наш.</i> (Кр, 14.10.2013) АЛЕКСАНДРОВЦЫ, -цев (Жр.) Александровское сельское поселение <i>...важно, чтобы наши жители продолжали гордиться тем, что они александровцы.</i> (ВП, 02.04.2013)</p>

В первом случае при расположении материала мы ориентировались на соответствующие географические названия. В качестве вокабулы выбран топоним, для которого даются экстралингвистические характеристики – тип соответствующего населенного пункта и, при наличии, административный статус. В соответствии с этими данными приводятся образуемые от указанного онима наименования жителей. Подобное решение обусловлено таким системообразующим свойством региональной катойконимики, как адаптивность. Оно заключается в способности дериватов именовать жителей как конкретного населенного пункта, так и соответствующего ему административно-территориального образова-

ния. Учет этого свойства представляется нам необходимым, поскольку не всегда названия административно значимых населенных пунктов и связанных с ними административно-территориальных единиц совпадают. Например, в Быковском районе Волгоградской области существует Урало-Ахтубинское сельское поселение с единственным входящим в его состав поселком Катричев, а центром Киквидзенского района является станица Преображенская. Для всех этих случаев в региональной катойконимике существуют соответствующие дериваты.

Поскольку региональная катойконимика отличается значительной частью похожих или полностью совпадающих географических (а следовательно, и соответствующих катойконимических) наименований [Сидорова 2015], в словарных статьях приводятся указания на район, в котором расположен соответствующий населенный пункт. Названия районов даны после топонима в соответствии с сокращениями, принятыми на географических картах. В частности, в приведенной таблице «Ур.» – Урюпинский район, «Бк.» – Быковский, «Жр.» – Жирновский.

Во втором варианте алфавитной части в соответствующем порядке расположены уже непосредственно дериваты. Они также сопровождаются указанием на соответствующий район. Кроме того, обязательно приводится название населенного пункта или административно-территориального образования, от имени которого образован соответствующий катойконим. В тех случаях, когда для одного административно-территориального образования зафиксированы вариативные катойконимы, первым в статье идет наиболее частотный вариант, соответствующий современным правилам образования названий жителей [см. об этом, напр.: Ильин 2015]. Далее под звездочкой после отступа приводятся иные существующие формы. Поскольку основной характеристикой словаря является строгая документированность, в издании приводятся только те катойконимы, которые зафиксированы в местных СМИ, и каждый дериват обязательно сопровождается иллюстрацией. По этой причине во многих статьях не содержатся наименования единственного числа мужского и женского родов, а также множественного числа женского рода.

Во всех статьях катойконимы сопровождаются грамматической характеристикой, включающей «традиционный показ формы родительного падежа» [Городецкая, Левашов 2003: 13], а в тех случаях, когда название жителей зафиксировано в новостных выпусках региональных СМИ, добавляются также акцентологические параметры.

Объясним особенности подачи иллюстративного материала. Как правило, в словарных статьях приводятся полные или сокращенные контексты из печатных волгоградских изданий или их электронных версий с указанием сокращенного названия источника и даты публикации. В тех случаях, когда в качестве иллюстрации используется контекст, зафиксированный в Интернете, в словарной статье приводится ссылка на соответствующий электронный ресурс. В целях уменьшения объема статьи ссылка дается не на точную страницу, содержащую высказывание, а на основной адрес сайта с указанием даты обращения к материалу.

Создание алфавитной части регионального катойконимического словаря сопряжено с рядом трудностей. В частности, необходимо однозначно определить границы понятия «катойконим», дифференцировать значения омонимичных дериватов и при наличии вариативных форм установить порядок и особенности их подачи. В то же время нами продолжаются сбор материала и изучение теоретических трудов, что позволит решить обозначенные в статье и другие теоретические

вопросы, улучшить структуру справочника, адаптировать внешний вид словарной статьи, подобрать точный иллюстративный материал, а также наиболее доступно и полно отразить современное состояние региональной подсистемы слов-наименований жителей в соответствии с потребностями читательской аудитории. Катойконимические словари необходимы не только в работе журналистов, редакторов, филологов; но и, как отмечают А.М. Бабкин и Е.А. Левашов, являются «пособиями по культуре речи» [Бабкин 1964: 4], что делает их существование полезным для рядовых носителей языка. Подобные справочники, на наш взгляд, расширяют представление читателей о богатстве словообразовательных, семантических и стилистических возможностей русского языка, знакомят с культурой и традициями родного края, учат внимательному отношению к используемым языковым единицам, а это, в свою очередь, определяет актуальность дальнейшей работы.

ЛИТЕРАТУРА

Бабкин 1964 – *Бабкин А.М.* Словарь названий жителей (РСФСР). М.: Советская энциклопедия, 1964. 399 с.

Городецкая, Левашов 2003 – *Городецкая И.Л., Левашов Е.А.* Русские названия жителей: Словарь-справочник. М.: АСТ, 2003. 363 с.

Ильин 2015 – *Ильин Д.Ю.* Деривационные возможности топонимической системы: образование и функционирование катойконимов / Д.Ю. Ильин, Е.Г. Сидорова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2015. № 3 (27). С. 7–14.

Левашов 2000 – *Левашов Е.А.* Географические названия: Прилагательные, образованные от них. Названия жителей: Словарь-справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 602 с.

Сидорова 2015 – *Сидорова Е.Г.* Лингвоэкологические проблемы топонимического пространства региона // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 157–166.

REFERENCES

Babkin, 1964 – Babkin A.M. (1964) Dictionary of Residents Names (RSFSR). Moscow. Sovetskaya Encyclopedia Publ. 399 p.

Gorodetskaya, Levashov 2003 – Gorodetskaya I.L., Levashov E.A. (2003) Russian Names of Residents: Dictionary-Reference. Moscow. AST Publ. 363 p.

Ilyin 2015 – Ilyin D.Yu. Derivation Possibilities of Toponymic System: Formation and Functioning of Katoikonims. *Volgograd State University Bulletin. Series 2, Linguistics*. 2015. No 3(27), pp. 7–14.

Levashov 2000 – Levashov E.A. (2000) Geographical Names: Adjectives Formed from them. Names of Inhabitants: Dictionary-Reference. St. Petersburg. Dmitry Bulanin Publ. 602 p.

Sidorova 2015 – Sidorova E.G. Linguoecological Problems of the Toponymic Space of the Region. *Ecology of Language and Communicative Practice*. 2015. No 2, pp. 157–166.

Сведения об авторе:

Светлана Евгеньевна Кириллова,
аспирант
Институт филологии и межкультурной
коммуникации
Волгоградский государственный университет

Svetlana E. Kirillova,
Postgraduate Student
Institute of Philology and Intercultural
Communication
Volgograd State University

scaryaga@yandex.ru

И.В. Лаврищев (Москва, Россия)

Поэтические открытия А.А. Фета на фоне художественных поисков европейского импрессионизма

«...для художника впечатление, вызвавшее произведение,
дороже самой вещи, вызвавшей это впечатление»¹
(Из письма А.А. Фета К.Р. от 12 июня 1890 г.).

Аннотация: В статье анализируются творческие принципы А.А. Фета в соотношении с эстетикой импрессионизма. В ходе сопоставительного анализа стихотворений Фета («Ива», «Весенний дождь», «Купальщица», «Вакханка») и произведений европейских художников-импрессионистов (пейзажи К. Моне, «Сидящая купальщица» О. Ренуара, «Вакханка» Х. Сороллы) выявлен ряд архетипических для исследуемого направления искусства образов и мотивов, единая манера их воссоздания. В результате исследования обнаружены присущие произведениям импрессионистического искусства сочетание и взаимопереходность статики и динамики. В работе поставлен вопрос о потенциальном влиянии античной скульптуры («Менада» Скопаса) на становление идей и формирование художественных принципов импрессионизма – как живописного, так и поэтического.

Ключевые слова: Афанасий Фет, импрессионизм, художники-импрессионисты, античная скульптура

I.V. Lavrishchev (Moscow, Russia)

A. Fet's Poetry Discoveries in the Context of Artistic Researches of the European Impressionism

«...the impression, which creates the creation, is more expensive for the artist
than the thing, which creates this impression» (From Afanasy Fet's letter to K.R., June 12 1890)

Abstract: The article deals with A. Fet's creative principles, which are located in the plane of the principles of the art direction, which called "impressionism" in 1874. In the course of a comparative analysis of Fet's poetry ("Osier", "Spring rain", "Bather", "Bacchante") and European impressionist's paintings (K. Monet's landscapes, A. Renoir's "Baigneuse" ("Seated bather"), H. Sorolla's "Bacchante") elicited some archetypal shapes and motifs for this art direction, the manners of their reconstruction also. Had a

¹ А.А. Фет и его литературное окружение. Литературное наследство. Т. 103 Кн. 2. М., 2011. С. 839–840.

shot to catch out the approaches of the world's reproduction, which the artists felt subconsciously and readers and viewers catch further. The research discovered the paradoxes of a harmonious combination and mutual transitivity of statics and dynamics, which are inherent in the works of Impressionist art. The study raised the question of the antique sculptures ("Maenad" of Skopas) like the potential inspiration on the ideas formation and the formation of the impressionism artistic principles as a paintings as a poetry.

Key words: Afanasy Fet, impressionism, impressionist artists, antique sculpture

Позволим себе поставить под сомнение правильность утверждения, приводимого в качестве непреложной истины в искусствоведческой литературе и убеждающего читателя в том, что импрессионизм возник во Франции. Безусловно, Франции он обязан своим оформлением в отдельное направление искусства. Однако а priori принятая локализация его возникновения может стать серьезной помехой на пути научного поиска. Истинность данного суждения можно подтвердить обращением к творчеству Афанасия Фета, многими авторитетными исследователями отнесенного к импрессионистам¹ наряду с его современником – французским поэтом П. Верленом, поэтами-импрессионистами Серебряного века К.Н. Бальмонтом, И.Ф. Анненским и др., для которых Фет стал поэтическим предтечей. На эту особенность его лирики указывает Д.Д. Благой: «Уже почти с самого начала, с 40-х годов, романтизм Фета – его поэзия, способная улавливать “момент, самобытно играющий собственной жизнью”² (основная, по Фету, задача истинного искусства), неуловимо музыкальные впечатления, зыбкие душевные движения в их, как и в природе, окружающей человека, “трепете”, “дрожии”, живой динамике переливов красок и звуков, “волшебных изменений милого лица”, “непрестанных колебаниях”, “переходах, оттенках”, диалектическом сочетании противоположностей – был окрашен чертами, которые значительно позднее получили название “импрессионизм”³.

Творчество Фета по времени совпадает с эпохой импрессионистов-живописцев: выставка, открывшая импрессионизм широкой публике, состоялась в 1874 г., – в год 54-летия поэта, однако предворяли ее годы формирования новаторских взглядов будущих импрессионистов.

«Импрессионистические» воззрения Фета оформились еще раньше. Уже в стихотворении 1854 г. «Ива» видим схожую с принципами импрессионистической живописи манеру пейзажной передачи, фиксирующую тонкое впечатление художника, подмечающего мельчайшие нюансы и едва поддающиеся улавливанию моменты природного «дыхания» («Золотые переливы / Струй дрожащего стекла!»⁴, «Как живые, как иглоу, / Будто споря меж собою, / Листья воду борздят»⁵). Ранняя лирика Фета наполнена переливами «крылатых звуков» («Как мошки зарею...», 1844), едва уловимыми ночными колыханиями («Шепот, робкое дыханье...», 1850), трепетными дуновениями в природе («По ветви нижние леса...», 1859).

¹ Ранчин А.М. Путеводитель по поэзии А.А. Фета. М., 2010. С. 48, 56; Бухштаб Б.Я. А.А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974. С. 99–100; Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 37, 224–225.

² Фет А.А. Письма из деревни // Русский вестник. 1863. Т. 43. С. 444.

³ Благой Д.Д. Афанасий Фет – поэт и человек // Фет А.А. Воспоминания. М., 1983. С. 24.

⁴ Фет А.А. Стихотворения и поэмы. Л., 1986. С. 250.

⁵ Там же.

Можно предположить, что преимущество новаторских возможностей Фета в области импрессионистического вчувствования обусловлено именно спецификой поэтического искусства. Помочь живописцу совершить «импрессионистический переворот» должна была наука. В 1839 г. в Лондоне широкой публике был представлен первый фотографический аппарат, изобретение которого помогло художнику избавиться от излишнего академизма, необходимого при выполнении портретных заказов и лишаящего искусство всякой доли условности – непереносимого шага на пути становления «искусства впечатления». Изобретение же оловянного тюбика для скоропортящихся красок, вошедшего в употребление в 1841 г., позволило живописцу смешивать краски непосредственно на пленэре, что требовалось для передачи трудноуловимых мгновений природной жизни. Эти научные достижения предоставляли широкие возможности для формирования новой модели осмысления мира средствами живописи.

Поэтическое искусство более свободно, независимо от научной эволюции. Нельзя, однако же, категорически отрицать влияние научных открытий на поэзию, ведь непереносимое и самое необходимое условие творчества – индивидуальный художественный опыт, формирующийся на основе опыта макрокосма.

Фотографический аппарат устранил личность художника из цепи «изображаемое (воссоздаваемое) – художник (впечатление) – изображение (воссозданное)». Рассматривая дагерротипическое изображение, человек чувствующий непременно станет искать отголоска впечатлений изображающего, необходимой доли субъективности в отображении, но найдет только объективно скопированную действительность. Позволим себе предположить, что изобретение фотографии подтолкнуло художника к воссозданию утерянного звена в живописи. Благодаря точности фотографической передачи точность отображения сделалась для создателя менее ценной – первоочередной стала проблема переживания изображаемого, результат прохождения его через призму сознания живописца.

Таким образом, во многом благодаря науке, расщепившей синкретическую цепь искусства, звенья которой ранее не ощущались отдельными друг от друга, одними из первых эту проблему принялись решать импрессионисты.

Опыт каждого художника формируется на основе опыта макрокосмического; сделаем попытку обнаружить черты, которые с современной позиции можно было бы назвать импрессионистическими, в искусстве классической древности. Это и известная доля смелости в изображении, и предпочтение динамики – статике, а неповторимости – однообразию, обусловленному следованием образцам. Подразумевается здесь, конечно, не «заказное» искусство, не принимаемое во внимание мы и культовые формы, такие как гимны и храмовая скульптура. Говоря «античное искусство», имеем в виду нечто более раскованное и свободное, что, возможно, как импрессионизм в свое время, выходило за рамки эпохи, «ощущалось» гораздо острее и четче, нежели академические образцы.

В качестве примера приведем «Менаду» Скопаса (IV в. до н. э.) – эмблему независимости, раскрепощения, динамики мгновения. Вся она – страстная, жаждущая эмоция, безумный, жадный вздох, предел изнеможения. Отсутствие рук словно самой историей созданный минус-прием.

К данному античному образу Фет обращается в стихотворении «Вакханка» (1843). Будто бы видя перед собой менаду, поэт переводит с языка тела – скульптуры – на язык поэзии: напрягая вслед за ней каждую мышцу, ловя изгибы ее одежды, в иные минуты творческого акта словно бы целиком в нее перевоплощается.

В такие мгновения он – сама вакханка, точнее, полученное впечатление от нее и от самого себя в этой роли. Сходный описанному процесс обнаруживаем в стихотворении Фета «Одним толчком согнать ладью живую...» (1887): «Чужое вмиг почувствовать своим» – так, вживаясь в природные объекты, мысля их собою, поэт получает впечатление полного слияния с каждым из них.

Рисуя вакханку, поэт дает лишь эскиз, дополненный собственным впечатлением: «улыбка опьянения», «одежда жаркая», «страстные глаза, слезой упоены»¹, – и в то же время «желания полны»², именно такой, удушающе-одурманенной в непрерывном своем движении предстает она сквозь призму поэтического видения Фета.

Образ спутницы Диониса обрел свое продолжение и в импрессионистической живописи. Картина испанского импрессиониста Х. Сорольи «Вакханка» (1886) – еще одна попытка погружения в античность, новая реконструкция античного мифа. Впечатления, передаваемые Фетом словесными средствами, а Сорольей – при помощи цвета и формы, вторят друг другу. Предельность эмоции, воссоздаваемая поэтом, подчеркивается художником при помощи насыщенных оттенков красного и белого и остроты формы, переходящей в подчеркнутую небрежность.

Художник будто преследует цель наименьшими средствами выразить максимум чувства, предельно наполнить содержанием фрагмент жизни – до такой степени, чтобы он не говорил, но кричал своей чувственностью. Совершая кистью движение за движением, Соролья словно бы рукой прикасается к телу опьяненной вакханки, свою руку делая средоточием полотна, центром мгновения, тогда как тело будто намеренно обездвижено, и лишь рука художника улавливает чувственность героини: томление, упоение чувством выражены художником буквально в одном ее движении.

Именно такая задача стояла перед импрессионистами – уловить неуловимое мгновение, познать его сущность, доведя ее до предела своим впечатлением, отпустить самое себя, без остатка перейдя в кисть и став субъективным изображаемым (закатным солнцем, дуновением ветра, морской волной). Говорит в художнике не академизм, не усвоенные навыки, но внутреннее «наполнение» – «положительно-прекрасное» чутье живописца. Насколько коротко мгновение, настолько малы возможности «фиксации» его на холсте. Исходя из этого задача художника – уловить мгновение, спрессовать его временную протяженность, показать максимальную степень его наполненности, находящуюся в прямой противоположности его длительности.

Такова открывшая миру импрессионизм картина Клода Моне «Впечатление. Восход солнца» (1872). Отсутствие четкости, расплывчатость изображения – вся она лишь намекает, а не говорит напрямую. Но неизмеримо много несет в себе одно мгновение – микромир в макром мире. Посредством импрессионистического отображения значимость мгновения, мимолетности и впечатления, им производимого, возводятся в ранг «контура жизни», одновременно являясь и центром ее. Художник запускает вселенское самопроизвольное движение изображаемого (а не останавливает его, как фотографический аппарат), будучи его центром, и в то же время обеспечивает ему «встречное течение» своим впечатлением, оказываясь его контуром – импрессионистической «огранкой». В подтверждение приведем слова Фета о шедевре античного искусства – «Венере Милосской»: «Что касается до мысли художника, – ее тут нет. Художник не существует, он весь перешел в богиню...

¹ Фет А.А. Стихотворения и поэмы. С. 209.

² Там же.

Ни на чем глаз не отыщет тени преднамеренности; все, что вам невольно поет мрамор, говорит богиня, а не художник»¹. Художник, таким образом, пересоздает мир, творя из него его собственную максиму, которая, не являясь уже максимальной исключительно художника, представляет синтез двух максимумов: как художник управляет волной на картине, так и волна «водит» кистью по холсту.

Для подкрепления данного тезиса обратимся к стихотворению Фета «Купальщица» (1865). Взгляду читателя одновременно представляются две «разнодвижимые» силы: то, что художник запечатлевает на поэтическом полотне, скульптурируя героиню, и то, что делает с ним купальщица, превращая в некое подобие статуи, исполненной «смущенья и тревоги»², но в то же время запуская в нем динамический мыслечувственный процесс. Две силы, объединяясь в гармоническом синтезе, вплетаются в одно поэтическое тело.

«Купальщица» – яркий пример импрессионистической лирики Фета: автором дается указание на то, что воспроизводится лишь мгновение («Она предстала мне на миг во всей красе...»³), используемые в стихотворении глаголы – одноментного свойства («признал», «взглянул», «превратился», «прорвав», «предстала»⁴ – на полотне, останавливающем мгновение, умещается тринадцать действий), максимально суживающие временную составляющую мгновения и одновременно до предела расширяющие его визуальный объем.

Позволим себе «срифмовать» стихотворение Фета с картиной О. Ренуара «Сидящая купальщица» (между 1903–1906 гг.). Запечатлено на ней одно из бесчисленных мгновений наблюдения художника за позирующей девушкой, неповторимых в своей подвижности и открытости: на полотне множество «разнодействующих» потоков, образованных непрерывным движением каждого из изображаемых объектов, – от самых очевидных (купальщица вытирает ногу, одновременно оправляя волосы) до едва заметных, но ощущаемых инстинктивно (одежда, которая вот-вот придет в движение). Даже фон непрестанно меняется: являясь свидетельством быстроты единого мига, потенциально вложенной в него жизненной силы, доведен до степени условности и как будто скрыт за завесой дождя.

Отметив, что размытость импрессионистического изображения схожа с искажающей пространство пеленой дождя, обнаруживаем еще одну особенность импрессионистического мировосприятия. Фет наблюдает подобное природное искажение в стихотворении «Весенний дождь» (1857):

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса⁵.

Он переносит на поэтическое полотно содержание импрессионистического пейзажа: картина пишется словно во время дождя – изображение оказывается пропущенным через плотный дождевой поток.

Такая «движущаяся завеса» запечатлена Моне на полотне «Маннпорт, Этрета. Дождь» (1885–1886). Дождь выдвигается художником на передний план, стано-

¹ Фет А.А. Из-за границы. Путевые впечатления (отрывки) // А.А. Фет. Поэт и мыслитель. М., 1999. С. 249.

² Фет А.А. Стихотворения и поэмы. С. 276–277.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Фет А.А. Стихотворения и поэмы. С. 120–121.

ваясь в некоторой степени театральным занавесом, за которым – тайна: бурлящие волны и нетерпеливые скалы, жаждущие следующего мгновения как начала представления, во время которого совсем иное впечатление отдадут живописцу.

На картине же «Маннпорт, Этрета. Порт д'Аваль» (1885) Моне на первый план выводятся, словно играют главные роли в моментарной постановке, скалы и море. В скалах будто бы непрестанно происходит процесс взаимоперехода статики и динамики. Мгновение оказывается настолько скоротечным, что художник не успевает дать точных его очертаний – центральным для него остается впечатление.

Оно вдыхает жизнь во все окружающее, даже в самое неподвижное, от века неизменное, как скала д'Аваль в серии работ Моне или ветви ивы в стихотворении Фета, претворенные впечатлением автора в непрерывно движущийся водопад. Возможно, именно в этом причина обращения импрессионистов к статуарным образам. Предположим, идея одушевления камня, создания из него динамичной фигуры, воплощенная в культуре античности, вдохновила импрессионистов на максимальную «дестатизацию» – оживление запечатлеваемого на художественном полотне. Заставляя камень оживать, древние греки могли дать подспудный стимул для развития художественных идей импрессионизма.

Исходя из сказанного выше, можно утверждать, что пути, по которым шли поэтическое творчество Фета и импрессионистическое искусство, параллельны друг другу и нередко соприкасаются. Мгновение, как кажущийся недвижимый камень, оживает во впечатлении художника: под пером поэта становится звучащим словом, на кисти живописца – красноречивым мазком краски, в руках скульптора – дышащим куском глины или мрамора. Трансформации подвергается не только художник – архетипические для импрессионизма мотивы и образы дождя, скал, моря, купальщицы, вакханки, взаимодействуя с художником, подчиняясь его сознанию и подсознанию, сквозь призму его впечатления пытаются разгадать самое себя.

ЛИТЕРАТУРА

А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. / Отв. ред. Т.Г. Динесман. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 1037, [1] с., ил. (Литературное наследство. Т. 103: В 2 кн.)

Благой Д.Д. Афанасий Фет – поэт и человек // Фет А.А. Воспоминания. М.: Правда, 1983. С. 3–26.

Бухштаб Б.Я. А.А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л.: Наука, 1974. 136 с.

Ранчин А.М. Путеводитель по поэзии А.А. Фета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 103 с.

Фет А.А. Письма из деревни // Русский вестник. 1863. Т. 43. С. 438–470.

Фет А.А. Из-за границы. Путевые впечатления (отрывки) // А.А. Фет. Поэт и мыслитель. М.: Наследие, 1999. С. 235–270.

Фет А.А. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1986. 752 с.

Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 304 с.

REFERENCES

A. Fet and his literary environment: In 2 books. Moscow. A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS Press. 2011. 1037, [1] p., ill. (Literary Heritage. Vol. 103: In 2 books).

Blagoj D.D. Afanasij Fet – the Poet and the Man. In: Fet A.A. The Memories. Moscow. Pravda Publ. 1983, pp. 3–26.

- Bukhshtab B.Y. (1974) A.A. Fet. Essay of Life and Creativity. Leningrad. Nauka Publ. 136 p.
- Ranchin A.M. (2010) Guide to the A.A. Fet's Poetry. Moscow. Moscow University Press. 103 p.
- Fet A.A. Letters from the Village. *Russkiy Vestnik*. Vol. 43. 1863, p. 438–470.
- Fet A.A. From Abroad. Travel Impressions (excerpts). In: A. Fet. Poet and Thinker. Moscow. Nasledie Publ. 1999, pp. 235–270.
- Fet A.A. (1986) Poems. Leningrad. Sovetsky Pisatel Publ. 1986. 752 p.
- Ehpshtejn M.N. (1990) "Nature, the World, Hiding the Universe...": A System of Landscape Images in Russian Poetry. Moscow. Vysshaya Shkola Publ. 304 p.

Сведения об авторе:

Игорь Вадимович Лаврищев,
студент

филологический факультет

Московский педагогический государственный
университет

Igor V. Lavrishchev,
Student

Faculty of Philology

Moscow State Pedagogical University

gosha.lavrishev@yandex.ru

Е.Р. Лочмелис (Россия, Москва)

Проблема сюжетного инварианта в поздней прозе Н.М. Карамзина

Аннотация: В статье рассматриваются процессы трансформации сюжетной модели романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», которую Карамзин делает основой своих произведений, созданных в 1799–1803 гг., и таким образом формирует единое содержательное ядро, сюжетную константу, или сюжетный инвариант, трех текстов рассматриваемого периода: «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный». Доказывается, что причины, по которым Карамзин занимается обработкой такой простой сюжетной схемы, как руссоистский любовный треугольник, носят одновременно историко-литературный и автобиографический характер. Кроме того, в данной статье проанализированы методы включения жизненного материала – поразительно созвучных романам Руссо фактов биографии самого Карамзина – в пространство художественного текста; рассмотрена также специфика работы Карамзина с реальными и литературными прототипами.

Ключевые слова: Карамзин, Руссо, инвариант, сюжет, модель, композиция, трансформация, автобиографизм прозы

E.R. Lochmelis (Moscow, Russia)

The Plot Invariant in Nikolay Karamzin's Later Prose

Abstract: The article focuses on the transformation of the plot model from Jean-Jacques Rousseau's novel "Julie, or New Heloise". This model was used by Karamzin as the basis of his works, which were created in 1799–1803. Three texts of this period: "A Knight of Our Times", "My confession", "The Sensitive and the Cold", share a common content core, plot constant, or plot invariant. It is proved that the reasons why Karamzin was dealing with such a simple plot scheme as the Rousseauist love triangle were literary as well as autobiographical. Besides, the article analyzes the methods of incorporating life material – facts of Karamzin's biography which are strikingly similar to Rousseau's novels – into a literary text's space. It also examines the specificity of Karamzin's work with real and fictional prototypes.

Key words: Nikolay Karamzin, Jean-Jacques Rousseau, invariant, plot, model, composition, transformation, autobiography in prose

Лотман писал, что «многообразные сюжеты одного автора очень часто могут быть описаны как единый сюжет, выявившийся в некоторой сумме вариантов»¹. Произведения, созданные Карамзиным в 1799–1803 гг., действительно могут быть осмыслены как реализации одного инварианта, поскольку связаны общим содержательным ядром, в качестве которого выступает любовный треугольник руссоистского типа. При этом система персонажей может претерпевать определенные деформации и отходить от канонической, что и дает возможность вскрыть то сложное переплетение автобиографического и типового, жанрового², что позволяет рассматривать «Рыцаря нашего времени», «Мою исповедь» и «Чувствительного и холодного» как воплощения одного замысла.

Любовный треугольник конструируется одинаково во всех трех анализируемых текстах: функциональный Вольмар (в роли которого выступают граф Мирон в «Рыцаре нашего времени», князь в «Моей исповеди» и Леонид в «Чувствительном и холодном») приглашает «чувствительного» на правах друга жить в своем доме. Далее система персонажей достраивается, но все происходит, как правило, случайно: ни Сен-Прё, ни Леон или Эраст не стремятся нарочно задержаться в доме. Исключение как пародический текст составляет «Моя исповедь», героя которой посетила «счастливая мысль»³ (1, 737) воспользоваться представившейся возможностью, после чего он «подписал бумагу» (1, 737) и вскоре торжествовал, заявляя: «План мой счастливо исполнился. Мы изъяснились» (1, 737).

При этом «чувствительный» герой (Леон, граф NN, Эраст) равен героине по положению (Карамзин снимает сословные различия), а уединенная жизнь, которую ведут обе Эмилии, «питает страсти» (1, 737) и предшествует его появлению.

«Рыцарь нашего времени»: «...графиня, будучи прелестною и милою, до приезда в деревню умела сохранить тишину сердца своего...» (1, 774).

«Моя исповедь»: «Боясь света, который громко осуждал ее второе замужество, она вела уединенную жизнь; уединение же, как известно, питает страсти» (1, 737).

Важно отметить, что во всех трех анализируемых текстах любовный треугольник формируется дважды⁴:

Текст	Юлия	Вольмар	Сен-Прё
«Рыцарь нашего времени»	Графиня Эмилия (ч→с) Графиня Эмилия (с→ч)	Граф Мирон (х) Граф Мирон (х)	Томный Н* (ч) Леон (ч)
«Моя исповедь»	Эмилия (ч→с) Эмилия (с→ч)	Граф NN (х) Князь (х)	Ø (развод, но есть «толпа искателей») Граф NN (ч)
«Чувствительный и холодный»	Нина (х) Каллиста (ч)	Эраст (ч) Леонид (х)	Леонид (х) Эраст (ч)

Причем только первая любовная коллизия в «Рыцаре нашего времени» выглядит наименее самостоятельным заимствованием из Руссо – это история графини Эмилии и томного Н*, который, «побывав шесть или семь раз... в доме, вздумал

¹ Лотман Ю.М. Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине» (К истории замысла и композиции «Мертвых душ») // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллин, 1993. С. 37..

² См.: Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: «элегическая школа». СПб, 1994. С. 11.

³ Здесь и далее произведения Н.М. Карамзина цит. по изд.: Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Том и страница указываются в скобках.

⁴ Сокращения в таблице: ч. – чувствительность; х. – холодность; с. – спокойствие (равнодушие)

написать... любовное письмо!...» (1, 776), чем и вызывал графиню на «*реши- тельные меры*» (1, 776): «ему отказано от дому!» (1, 776). Падения героини не про исходит, а граф Мирон, как и Вольмар, настолько уверен в ее нравственности, что даже не придает значения «нежным эпистолам... несчастных селадонов» (1, 776).

Однако при появлении Леона исходная ситуация подается несколько иначе – осложняется влиянием «Исповеди»¹.

«Когда же я услышал, что буду ночевать в доме г-жи де-Варен, я с трудом мог сдержать свою радость. Вскоре мой небольшой сверток отнесли в предназначенную для меня комнату. В эту минуту я приблизительно испытывал то же, что пережил Сен-Прё, когда его коляску поставили в сарай г-жи де Вольмар»². Из приведенной цитаты следует, что «Исповедь» даже в сознании самого Руссо, по-видимому, легко встраивалась в контекст «Новой Элоизы», отсюда и карамзинская балансировка на грани: «Кто боится ребенка, хотя и смышленного, хотя и пылкого, хотя и ревностно- го читателя романов? Мужчины бывают страшны тогда, когда их можно узнать в женском платье: невинность еще не имеет пола!» (1, 779) и «Заря чувствительности тиха и прекрасна, но бури недалеко. Сердце любимца твоего зреет вместе с умом его, и цвет непорочности имеет судьбу других цветов!» (1, 780).

Если в отношении следования за Руссо «Рыцарь нашего времени» – это тезис, то «Моя исповедь» – антитезис, в котором Руссо пародируется: граф NN разводится с Эмилией, уступая ее старому князю – сниженной вариации образа Вольмара: «На- добно знать, что князь был человек пожилой и весьма неприятный наружности. Часто глаза ее тихонько сравнивали нас и с выражением горести потуплялись в землю» (1, 737), после чего склоняет Эмилию к побегу, замечая, что, «перестав быть ее мужем» (1, 737), стал «казаться ей тем любезнее» (1, 737). Дается нарочито естественное решение заданной Руссо нравственной дилеммы: «Эмилия грустила, но утешилась мыслью, что она следует движению непобедимого чувства и что лю- бовь ее ко мне есть героическая, – утешение, к которому обыкновенно прибегают женщины в заблуждениях страсти или воображения!» (1, 738).

Следовательно, «Чувствительный и холодный» – итоговый текст, в котором совершается синтез: Карамзин, разошедшийся с Руссо во взглядах «на природу и воспитание человека»³, не отказывается от заданной им композиционной мо- дели, которую развивает и усложняет, опираясь на «Вильгельма Мейстера» Гёте. Так, симметричная система персонажей повести «Чувствительный и холодный» позволяет создать два зеркально отраженных любовных треугольника, где любов- ный конфликт получает искусственное разрешение, несмотря на то что естествен- ная развязка предсказывается, как и в предшествующих текстах.

В первый раз Леонид уезжает от Нины, «не простившись ни с хозяином, ни с хозяйкою» (1, 748), однако «не все его (Эраста) знакомые, подобно Леониду, спасались бегством от прелестей Нины» (1, 749), во второй Леонид «без даль- них сборов посадил жену в карету и благополучно уехал с нею из П*» (1, 751),

¹ С того момента как Леон попадает под покровительство графини Эмили, двойная отсылка – к руссоистским контекстам и к действительной жизни – становится еще более заметной: Краснощекова справедливо замечает, что воспитательная миссия, за которую принимается графиня, «восходит к эпизодам “Исповеди”, посвященным отношениям Жан-Жака с госпожой де Варанс». Подробнее см.: Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб., 2008. С. 39.

² Руссо Ж.-Ж. Исповедь. СПб., 1901. С. 84.

³ Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. С. 44.

ибо «холодные люди не слепцы» (1, 751). Каллиста, как Юлия и Мариана, впоследствии умирает, а Нина оказывается оправданной автором в следующей сцене: «Два человека погребли его (Эраста) и с искреннею горестию оплакали: Нина и добродушный камердинер Эрастов...» (1, 754). Таким образом, ее нравственного падения не происходит, как и дискредитации женских образов.

Однако важно то, что ситуация дважды разрешается не смертью героини, но рассудочным решением Леонида, что, по-видимому, позволяет говорить о влиянии романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера», где «холодный» двойник Вильгельма Вернер действует так же активно и подчеркнуто рационально, перехватывая письма Марианы и тем самым препятствуя ее воссоединению с Вильгельмом, чего нельзя сказать о Вольмаре Руссо: пассивность Вольмара и есть та черта, которая подвергается иронии и понимается как причина сделанных по наивности попустительств.

Следует сказать и о том, что Леон, Граф NN, Эраст и Леонид в той или иной степени выступают в анализируемых произведениях в качестве авторских проекций, и если образы Леона и Эраста, осмысленные критически и поданные иронически, соотносятся с порой чувствительной юности, то Граф NN и Леонид – это холодные характеры, носители сознания более зрелого и вместе с тем выразители тех настроений, которые владели Карамзиным после его возвращения из путешествия.

Вернувшись из Европы, Карамзин старается «не привязываться душою ни к чему тленному» (1, 775), что подтверждают более поздние отзывы современников, в которых, однако, угадывается «психологическая истина»¹, декларированная в текстах 1799–1803 гг.: «В 1824 году Ал. Тургенев рассказывал князю Вяземскому, как, получив вест о смерти брата... он прочел в журнале Карамзина пьесу... в которой он одного молодого человека заставляет говорить, что всякое нежное чувство, всякая сильная горесть, которую мы почитаем вечною, не вечна в нашем сердце, что все утихает со временем»².

Мысль эта, приписанная то графу Мирову, то графу NN, то Леониду, так или иначе повторяется во всех трех текстах:

«Рыцарь нашего времени»: «Но граф мой совершенный стоик; не привязывается душою ни к чему тленному...» (1, 775).

«Моя исповедь»: «Такие случаи и неприятности могли бы огорчить другого, но я родился философом – сносил все равнодушно...» (1, 736).

«Чувствительный и холодный»: «Он лишился супруги и детей, но, воображая, что горесть бесполезна, старался забыть их» (1, 754).

Характерно, например, то, как преломляется в творчестве сознание того, что после возвращения из заграничного путешествия в 1790 г. наступил новый жизненный этап: «Человеку в двадцать пять лет не позволено жить для одного удовольствия» (1, 745), – Карамзин родился в 1766 г.

Эраст, возвратившись из путешествия, узнает о смерти Каллисты и вслед за нею умирает – этим оканчивается период «чувствительной» юности. Важно, однако, то, что при внешнем повторении Руссо (кругосветное путешествие Сен-Прё, его возвращение, смерть Юлии) Карамзин меняет само содержание этой структурной части текста: ввиду малого объема повести, складывается впечатление, что такие события, как разлука, путешествие, известие о смерти Каллисты и следующая за

¹ Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. 91.

² Там же. С. 91.

нею смерть Эраста, находятся в непосредственной причинно-следственной связи, чего нет у Руссо.

В пространстве текста остается «холодный» Леонид¹, доживший «до самой глубокой старости» (1, 754) и уважаемый государем и государством за свои «заслуги, разум, трудолюбие и честность» (1, 754), а в жизни – чуждый Плещеевой Карамзин, которого она не узнает «под какими-то чужими и наносными чертами»².

Всё это позволяет соотнести систему персонажей с действительностью следующим образом: Карамзин в юности (Леон, Эраст, Сен-Прё) – «нежнейший друг»³ «нежной женщины»⁴, «чувствительной» Плещеевой. Ее характером наделены такие героини, как графиня Эмилия, Каллиста; однако все три текста – поздние, к моменту их написания в Карамзине уже произошла та внутренняя перемена, в которой Плещеева винила «проклятые чужие край»⁵. Отсюда и склонность Карамзина наделять автобиографическими чертами «холодных» персонажей-стоиков: графа Мирова, образ которого сильнее прочих генетически связан с Вольмаром Руссо, графа NN и Леонида – равнодушных супругов «чувствительных» героинь, Эмилии и Каллисты, связанных с Е.И. Карамзиной на двух уровнях: номинативном и сюжетном.

Н.И. Плещеева (Протасова)	Е.И. Карамзина (Протасова)
Нанина («Послание к женщинам»)	Эмилия («К Эмилии»)
Эмилия → Леон («Рыцарь нашего времени»)	Эмилия → граф NN («Моя исповедь»)
Нина → Леонид («Чувствительный и холодный»)	Каллиста → Эраст («Чувствительный и холодный»)

При этом можно видеть несовпадение поэтических имен Плещеевой и Карамзиной с их характерами. Например, имя Нины носит спокойная, «прекрасная и милая» (1, 747) героиня, которая скорее напоминает Карамзину, чем Плещееву, тогда как поэтическое имя Карамзиной – Каллиста – соотносится со страстной натурой Плещеевой, которой «хочется оживить статую» (1, 748): «Я вам часто жалка бываю своим проклятым нежным сердцем»⁶.

На сюжетном же уровне ситуации распределяются между героинями довольно свободно, с той только оговоркой, что отсутствующая у Руссо тема перевоспитания «чувствительной» супруги «холодным» героем и ее смерть всегда связаны с Карамзиной. Смерть Карамзиной отразилась в произведениях рассматриваемого периода дважды: в «Моей исповеди» 1802 г. и в «Чувствительном и холодном» 1803 г.: «Каллисты не было уже на свете: супруг ее, еще не скинув траура, помолвил на другой и *ровно* через год обвенчался». В январе 1804 г. Карамзин действительно женится второй раз – на Е.А. Колывановой.

¹ Об этом см.: Сапченко Л.А. «Чувствительный и холодный» Н.М. Карамзина и типология «двух характеров» в русской литературе первой половины XIX века // Карамзинский сборник: Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск, 1996. С. 93–101.

² Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1998. С. 22.

³ Н.М. Карамзин. Послание к женщинам // Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. Л., 1966. С. 169–179.

⁴ Там же. С. 169–179.

⁵ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915. С. 3.

⁶ Там же. С. 129.

Тема наставничества в «языке чувствительности»¹, встроенная в контекст «Исповеди» Руссо, а также тема долгов (в целом, нетипичная для сентиментализма) связана с Плещеевой: «Он скоро занемог, но успел еще отдать половину своего имения Нине, сведав, что она терпит нужду» (1, 753). В качестве другого примера можно привести строки о том, что Эраст «сведал, что тесть Леонидов имел важное судное дело и, по всем вероятностям, должен был лишиться своего имения» (1, 752), а после «тайно дал на себя вексель его сопернику в большой сумме с условием, чтобы он прекратил тяжбу миром» (1, 752), что также соотносится с биографическим контекстом. Карамзин помогал Плещеевым выбраться из долгов и, несмотря на то что «к концу 1790-х годов наступило... охлаждение», «продолжал хлопотать об улаживании запутанных дел Плещеевых»².

В момент смерти Эраста два женских образа снова оказываются совмещены в одном сознании: «Эраст умер на ее руках, с любовью произнося имя Каллисты и Нины: *душа его примирилась с женщинами, но не с судьбою!*...» (1, 754).

Таким образом, из сказанного выше следует, что «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный» – тексты, которые целесообразно рассматривать в их совокупности, поскольку такой анализ позволяет проследить эволюцию авторского замысла. Кроме того, предшествующие «Чувствительному и холодному» произведения в той или иной степени уточняют содержание повести.

Так, имя Леона переходит к Леониду³, хотя по характеристикам он сильнее всего напоминает Эраста: ему также предстоит перетерпеть «все горести, все свирепые бури, которые волнуют жизнь чувствительных» (1, 759). Повесть «Чувствительный и холодный» начинается не с «первого младенчества» (1, 758), а со следующего этапа жизни – пансиона, т. е. в каком-то смысле продолжает «Рыцаря нашего времени». Что же касается самих категорий «чувствительности» и «холодности», то они никогда не сосуществуют в одном персонаже, поскольку связаны с возрастом, значит, легко перераспределяются между двумя героями или же один герой последовательно выступает носителем то одной из них, то другой.

Граф NN, к примеру, предстает в двух ипостасях: в первой половине текста это «холодный» Леонид, женитьба которого – «благородный спектакль» (1, 734), устроенный «для порядка в доме» (1, 750).

В браке «холодный», равнодушный супруг принимается за перевоспитание своей жены, с тем чтобы из «чувствительной» превратить ее в «спокойную», в связи с этим наблюдается внутренняя динамика женских образов:

«Рыцарь нашего времени»: «В первые два года я была с ним несчастлива; испытала без успеха все способы вывести его из *убийственного равнодушия* – даже самую ревность – и наконец успокоилась» (1, 775).

«Моя исповедь»: «Эмилия из благодарности считала за долг быть нежною, страстною женою, а нежность и страсть всегда ревнивы». «В самом деле, Эмилия мало-помалу приходила в рассудок, утихала и становилась гораздо милее... Наконец я совершенно уверился в исправлении жены моей, видя вокруг ее толпу искателей» (1, 734).

«Чувствительный и холодный»: «Он не обманул друга и в самом деле женился только “для порядка в доме”, заблаговременно объявив невесте условия» (1, 751), одно из которых – «входить к нему в кабинет однажды в сутки, и то на пять минут» (1, 751).

¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1998. С. 294.

² Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 291.

³ Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. С. 44.

«Она, исполняя волю отца, на все согласилась и строго наблюдала предписания мужа, тем охотнее что меланхолик Эраст жил в их доме...» (1, 751).

Затем граф NN принимает вид «чувствительного» и действует уже в качестве Сен-Прё и Эраста: становится «чувствительным» в сравнении со вторым мужем Эмилии, который равен Вольмару, т. е. в пределах текста сочетает в себе признаки обоих, но не одновременно.

Утверждение справедливо и по отношению к женским образам «Моей исповеди» и «Чувствительного и холодного»: исправившаяся Эмилия в первой части текста равна Нине (как персонаж остывший или спокойный и сжившийся с равнодушным, чего не происходит с Каллистой); Эмилия во второй части может быть соотнесена с Каллистой, когда изменяет князю и уезжает с внешне «чувствительным» графом NN, первым супругом своим, сделавшись в одно и то же время и женой, и любовницей.

Одновременности нет и в «Чувствительном и холодном»: Эраст «прибегает к союзу, освященному мнением и законом» (1, 747) и в отношении Нины оказывается «холодным» (равнодушным) мужем, тогда как совпадение характеров идет по линии «Нина – Леонид».

Второй раз аналогичная ситуация конструируется без замены признака: чувствительность не меняется на холодность, остается изначально руссоистская схема: рассудочно женится Леонид, который в отношении Каллисты становится опять же равнодушным мужем, тогда как совпадение характеров идет по линии «Каллиста – Эраст».

Отчасти этим совпадением характеров объясняются и шутовское определение Эмилии как «жены-любовницы» (1, 738) в «Моей Исповеди», и ложные пары в симметричных любовных треугольниках «Чувствительного и холодного», где каждый из героев попеременно оказывается в статусе жены (мужа) и любовницы (любовника), причем отношения жены и мужа изображаются лишенными душевной связи, а отношения любовников стоят на ранг выше.

И Нина, и Каллиста решаются на измену, но «заблуждение сердца»¹ оправдывается истинностью «душевного союза»: «забывая должность свою» (1, 752) для Эраста, Каллиста только формально становится любовницей, в каком-то высшем смысле она – его подлинная жена (то же и для Нины), что и видим в «Моей исповеди»: «Эмилия некогда любила меня; перестав быть ее мужем, я казался ей тем любезнее» (1, 737), и «мы жили недурно; но она жаловалась иногда на мое равнодушие и, наконец... сказала мне, что, быв женою, она могла сносить мои неверности, но, сделавшись любовницею, умирает от них» (1, 738). Схожий мотив звучит и в «Рыцаре нашего времени»: «Никто не удивится, если скажу, что граф был для графини – только мужем, то есть: человеком иногда сносным, иногда нужным, иногда скучным до крайности» (1, 774).

При таком рассмотрении получается, что происходит контаминация черт двух разных женщин, тогда как герой совмещает в себе признаки «чувствительности» и «холодности», причем в зависимости от степени усложнения прототипической модели смена одного этапа другим может происходить последовательно, что в художественной системе Карамзина соотносится с периодами жизни одного человека, или показываться параллельно при расщеплении одного героя на двух персонажей-двойников, это и делает возможным функциональное совпадение Леонида, Вернера и Вольмара: они должны выступать противовесом «чувствительному».

¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 226.

Таким образом, структурный анализ показал, что сюжетным инвариантом рассмотренных текстов является, очевидно, жизнь самого Карамзина, следовательно, «чувствительный» и «холодный» – это на определенном уровне обобщения один герой, причем наделенный автобиографическими чертами: чувствительного меланхолика до и во время путешествия по Европе и холодного флегматика – после. Героиня же выбирает не между разными персонажами, а между категориями состояния одного человека, вследствие чего реальной измены не происходит, что и показано в повести «Чувствительный и холодный», тогда как в «Моей исповеди» видим не что иное, как обнажение приема, реализованного предельно буквально, поскольку пародийный характер текста это допускает: «Я предложил своей жене-любовнице уйти со мною» (1, 738).

Данный подход объясняет также и использование одних и тех же, как кажется, предельно упрощенных романских моделей, внимание Карамзина к которым объясняется, по-видимому, не только значимостью текстов Руссо, т. е. причинами историко-литературными, но и тем созвучием, которое можно обнаружить, сравнив отдельные сюжетные положения «Новой Элоизы» и «Исповеди» с фактами его биографии.

ЛИТЕРАТУРА

Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг.: Отделение русского языка и словесности Императорской АН, 1915. LXII, [1], 335, [4] с.

Вацууро В.Э. Лирика пушкинской поры: «элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. 240 с.

Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1904. 571 с.

Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. М.; Л.: Художественная литература, 1964. 810 с.

Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Советский писатель, 1966. 419 с.

Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2008. 480 с.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. 382 с.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллин: Александра, 1993. 480 с.

Руссо Ж.-Ж. Исповедь. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1901. 51 с.

Сапченко Л.А. «Чувствительный и холодный» Н.М. Карамзина и типология «двух характеров» в русской литературе первой половины XIX века // Карамзинский сборник: Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск, 1996. С. 93–101.

REFERENCES

Barskov Ya. L. (1915) Correspondence of Moscow Masons of the 18th century. 1780–1792. Petrograd. Publishing of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. LXII, [1], 335, [4] p.

Karamzin N.M. Selected Works: In 2 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1964. 810 p.

Karamzin N.M. Complete Collection of Poems. Moscow; Leningrad. Sovetsky Pisatel Publ. 1966. 419 p.

Krasnoshchekova E.A. (2008) Upbringing Novel – Bildungsroman – on Russian Soil: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoy. Dostoevsky. St.-Petersburg. Pushkin Fund Publishing House. 480 p.

Lotman Yu.M. (1998) The Creation of Karamzin. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ. 382 p.

Lotman Yu.M. Selected Articles: In 3 vols. Vol. 3. Tallinn. Alexandra Publ. 1993. 480 p.

Rousseau J.-J. (1901) Confessions. St.-Petersburg. Panteleev Brothers Printing House. 512 p.

Sapchenko L.A. “The Sensitive and the Cold” by N.M. Karamzin and the Typology of “Two Characters” in Russian Literature of the first half of the 19th century. In: The Karamzin Collection: N.M. Karamzin’s Creativity and Historical-Literary Process. Ulyanovsk. 1996, pp. 93–101.

Vatsuro V.E. (1994) Lyrics of the Pushkin Period: “An Elegiac School”. St.-Petersburg. Nauka Publ. 240 p.

Veselovsky A.N. (1904) V.A. Zhukovsky. Poetry of Feeling and “Heart Imagination”. St.-Petersburg. Typography of the Imperial Academy of Sciences. 571 p.

Сведения об авторе:

Елизавета Романовна Лочмелис,
студент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elizaveta R. Lochmelis,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
dostfm182181@mail.ru

М.С. Рыбка (Москва, Россия)

Некоторые фонетические особенности в речи испанских и русских детей

Аннотация: В статье рассматриваются примеры детского словотворчества. Особое внимание уделяется фонетическим особенностям, встречающимся в речи испанских и русских детей. Проводится анализ и сопоставление разных звуковых процессов в речи ребенка с языковой нормой. Ошибки, допускаемые испанскими и русскими детьми, не только объясняются, но и сравниваются между собой с целью выявления частотности употребления этих процессов. Самыми распространенными фонетическими особенностями являются звукоподражание, эпентеза, субституция, сокращение, метатеза, ассимиляция и диссимиляция. Отдельно рассматривается и анализируется каждая из них.

Ключевые слова: онтолингвистика, фонетические особенности, словотворчество, речевые ошибки, окказионализмы, фонетические аналогии

M.S. Rybka (Moscow, Russia)

On Some Certain Phonetic Features of Spanish and Russian Children's Speech

Abstract: The article deals with examples of children's creative word formation. Phonetic features of Spanish and Russian children's speech are given special attention. An analysis of different phonetic processes in children's speech and a comparison between them and the standard language are provided. Mistakes made by Spanish and Russian children are not only explained but also compared with each other in order to highlight their frequency. The most widespread phonetic features of children's speech in Spanish and Russian are: onomatopoeia, epenthesis, substitution, contraction, metathesis, assimilation, and dissimilation. Every one of them is viewed and analyzed separately.

Key words: ontolinguistics, phonetic features, word formation, speaking mistakes, occasionalisms, phonetic analogies

В первой трети XX века стал популярен раздел языкознания, изучающий онтогенез речи, – онтолингвистика. Эта дисциплина обособилась от психоллингвистики и стала уделять особое внимание формированию речевой способности ребенка, ее возникновению и развитию, связанному с индивидуальными возрастными изменениями.

Для ребенка усвоение родного языка является огромным трудом, первые звуки, слова и предложения – результатом долгой умственной работы, подражание

взрослым и попытка создать что-то свое – первым проявлением его творческой деятельности.

Речь детей представляет богатый материал для исследования. Важным аспектом изучения онтолингвистики является освоение ребенком звуковой основы речи. Как меняются звуки в процессе развития детского говорения, как ребенок приспосабливается к фонетической стороне языка, какие фонетические особенности встречаются в его речи, какие ошибки он допускает и с какими трудностями сталкивается, – всё это представляет большой интерес, в том числе и научный. Дети познают фонетику родного языка в течение долгого времени, они привыкают к ней, подражают речи взрослых и звукам окружающего мира. Сначала ребенок повторяет отдельные звуки, потом слова, потом и целые фразы.

По мере взросления детей фонетические особенности их речи меняются. Чем ребенок старше, тем меньше отклонений от нормы в его речи, тем больше она похожа на грамотную и обдуманную речь взрослых. Часто ошибки детей, как и ошибки малограмотных людей, объясняются процессами, характерными для разговорной речи в целом. С.Н. Цейтлин называла главной причиной детских речевых ошибок «давление языковой системы»¹ и отмечала, что влияние этого фактора тем заметнее, чем меньше возраст ребенка.

Материалом исследования является речь испанских и русских детей, а именно – фонетические особенности, встречающиеся в процессе их спонтанного говорения.

Источниками послужили аудиовизуальные материалы из развивающей телепередачи для детей «PODER CANIJO», аудиоматериалы – записанная речь испаноговорящего семилетнего мальчика Альваро Корредор де Мигель, а также письменные интернет-источники – испанские форумы и блоги, создаваемые родителями, которые из любопытства делятся словесными открытиями своих детей (www.asuntosdefamilia.es/2014/04/ninos-que-se-inventan-palabras-la-real.html, foros.telva.com/ninos/10742-palabras-que-inventan-ninos.html, foropadres.facilisimo.com/foros/ninos/palabras-que-se-inventan-los-ninos_654896.html). Примеры фонетических особенностей в речи русских детей взяты из книг К.И. Чуковского «От двух до пяти» и С.Н. Цейтлин «Язык и ребенок. Лингвистика детской речи».

Прежде чем ребенок начинает говорить грамотно, он допускает множество ошибок. Сначала он не чувствует, что сказал что-то неправильно, но потом, с развитием его словарного запаса и языкового опыта, он начинает замечать собственные недочеты речи и ошибки других людей, а следовательно, перестает допускать их сам. Ошибки детей происходят по разным причинам: звукоподражание, неправильно услышанное или повторенное слово, неумение произнести определенный звук, «неразличение» схожих звуков, сложности в произношении длинного слова или определенных звуков, собственные ассоциации и аналогии, попытки словотворчества, непонимание или неверное толкование слов. Большинство из этих причин имеет фонетический характер. В нашей работе уделяется внимание таким фонетическим особенностям детской речи, как звукоподражание, ассимиляция, диссимиляция, протеза, эпентеза, метатеза, элизия, субституция и другим.

Первая, самая частотная особенность детской речи – это звукоподражание. Дети не сразу запоминают слова, иногда запоминают лишь часть слова или некоторые звуки. Ребенок повторяет запомнившиеся ему звуковые соответствия и таким образом производит новое, свое слово. Часто он это делает, чтобы упростить зада-

¹ Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982. С. 5.

чу произношения слова: те звуки, которые ему легко произнести, он произносит, а остальные – нет. Примеры:

meté вместо длинного слова *tamadera* (бутылочка с надетой на нее соской для кормления детей) от глагола *tamar*;

bobó вместо *omnibus*;

brumbrum при виде любой машины: напоминает звук завожасьей машины.

Последний пример встречается и в речи русских детей: слово «брум-брум» также обозначает машину.

Чувство языка никогда не подводит ребенка: часто он понимает, что не может произнести то, что хочет, или не помнит все слово целиком. Ребенок, следуя собственным фонетическим аналогиям, добавляет к известным ему частям слова недостающие. образуя новые слова, дети опираются лишь на знакомые им звуковые соответствия и на собственную логику. Они используют известные им услышанные ранее аффиксы или фонетические ассоциации и придумывают собственные окказионализмы или словоформы по аналогии с уже существующими словами:

acocones вместо *macarrones*;

temometro вместо *termometro*;

colacola вместо *cocacola*;

tatén вместо *sartén*;

papalón или *fanfalón* вместо *pantalón*.

В русском языке примерами могут являться «солнница» вместо «солонки» (по аналогии с «сахарницей») или «ползук» вместо «червяк» – это подражание таким словам, как «жук» и «паук»². Эти слова созданы именно по фонетическим аналогиям и ассоциациям, потому что ребенок из-за нехватки нужного слова в своем лексиконе обратился к известному ему ранее звуковому соответствию. Вероятно, чувство языка уже подсказывало ребенку, что за какими-то частями слова закреплено особое значение, а не только схожая звуковая форма. При создании собственных слов он скорее всего опирался на эту догадку. К таким лингвистическим «открытиям» дети приходят уже в возрасте от 3 до 6 лет. В испанском языке встретились такие примеры:

ponedor как обозначение емкости, в которую что-то кладут: *poner* ('класть') + суффикс *-dor/-dora*, обозначающий место, инструмент или деятеля того действия, которое содержится в семантике глагола, от которого слово образовано. Это слово образовано по аналогии с *comedor*, *presentadora*;

porterista вместо слова *portero* ('вратарь') как обозначение того, кто стоит рядом с футбольными воротами (*portería*); суффикс *-ista* использован по аналогии со словом *futbolista*.

Другая частотная фонетическая особенность детской речи – это элизия (сокращение) слова для упрощения его произношения: ребенку легче произнести лишь его часть; в большинстве случаев это происходит тогда, когда ребенку тяжело произнести определенные звуки или все слово целиком. Таким образом, в словах могут не произноситься либо гласные, либо согласные, либо целые слоги.

В речи русских детей это явление отражают следующие примеры: «ка-ка» вместо «кап-кап», «ма» вместо «мама», «талеба» вместо «троллейбус»³. В спонтанной речи испанских детей это не менее распространенное явление:

² Чуковский К.И. От двух до пяти. СПб., 2015. С. 29–30.

³ Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000. С. 77–78.

- усечение согласных:
 - o aíto <– abracito;
 - o pátno <– plátano;
- одновременное выпадение гласных или согласных звуков:
 - o figórico <– frigorífico;
 - o abuelo/a <– bulo/a;
- выпадение одного или нескольких слогов:
 - o mocotón <– melocotón;
 - o pachú <– chupa-chups;
 - o posas <– mariposas;
 - o pota <– pelota;
 - o tamo <– hipopótamo.

Две другие фонетические особенности также частотны в детской речи: они противоположны друг другу – ассимиляция (уподобление звуков) и диссимиляция (расподобление звуков). Эти два процесса являются общеязыковыми: они также встречаются в нормативной речи взрослых образованных людей. Примеры этих явлений в детской речи ненормативны и невузальны. Почти в каждом родительском форуме встречается слово *lenbula*: так многие дети произносят слово *lengua*. Это прогрессивная неполная контактная ассимиляция: предыдущий звук повлиял на последующий. Произошло не полное совпадение звуков, а уподобление одного звука другому: задненебный [g] после переднеязычного зубного *n* перешел в губно-губной [b]: [g] уподобился [n] и перешел в более близкий по артикуляции звук – стал губно-губным. В современном испанском языке происходит тот же процесс, когда переднеязычный зубной звук стоит перед губно-губным (и в одном слове, и на стыке двух слов). В большинстве случаев переходит в [m] (переднеязычный зубной [n] уподобляется губно-губному [p] или [b] и становится тоже губно-губным [m]): *un pan, con Benito*. В испанском, как и в русском языке, часто происходит озвончение одного согласного звука, стоящего перед глухим другим: глухой [s] переходит в звонкий [z] перед сонорным [r] – *unas revistas*, как и в русском – «ко[з']ба». В русском языке ассимиляция – одно из самых распространенных явлений в разговорной речи. Согласные звуки могут уподобляться друг другу и по месту образования, и по способу, и по твердости / мягкости, и по глухости / звонкости. В речи русских детей более распространена дистантная ассимиляция, примерами которой могут являться «Наня» вместо «Надя», «сиса» вместо «лиса», «неня» вместо «нелзя»⁴ и многие другие. Произошло не контактное, а дистантное уподобление одного звука другому.

Интересно, что у русских детей в процессе говорения чаще встречается обратная фонетическая особенность, диссимиляция, заключающаяся в расподоблении (расхождении) двух звуков. Примерами могут являться «хломастеры» вместо «фломастеры» и «хлагги» вместо «флагги»: губно-губной [ф] перед зубным [л] расподобляется и становится задненебным [х].

И ассимиляции, и диссимиляции в речи появляются для упрощения произношения определенных слов. Тем более это объяснимо в речи ребенка, которому еще тяжело произносить многие звуки, а также одновременное сочетание нескольких звуков.

Эпентеза (вставка дополнительного звука) – еще одна частотная фонетическая характеристика речи испанских и русских детей. В уже проанализированном слове *lenbula* нельзя не заметить и эту особенность – вставку дополнительного зву-

⁴ Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. С. 79.

ка для упрощения произношения дифтонга. Между двумя гласными появляется согласный [l] по аналогии с другими словами, например *fábula*. В речи русских детей также можно встретить эту звуковую особенность: «радива» вместо «радио», «какава» вместо «какао» по аналогии с «канавой». Для русского языка зияние (стечение подряд нескольких гласных) нехарактерно и чаще всего является признаком заимствованного слова. Ребенку нелегко произнести в одном слове два гласных звука рядом, потому он разделяет их согласным.

Эта фонетическая особенность распространяется не только на отдельные лексемы, но и на целые фонетические слова, которые могут образовываться из нескольких слов. Вставка дополнительного звука между двумя самостоятельными словами в рассматриваемых примерах встретила всего один раз: вместо *te he oído* ребенок сказал *te he zoído*, чтобы «избежать» зияния. Вставка согласного в самом начале самостоятельного слова объясняется так же, как и эпентеза: целых три гласных звука образовались на стыке двух слов. Ребенку легче разделять и произносить слова, когда в каждом слоге есть и гласный, и согласный.

Стремление избежать зияния нескольких гласных звуков с целью упрощения произношения объяснимо в речи детей. Но когда-то дети неосознанно усложняли себе задачу, прибавляя дополнительные слоги к целым словам. Встретились два примера такого явления в испанском языке:

tajamanar вместо *tajamar*;
calamaleón вместо *camaleón*.

Пока новое слово еще не закрепилось в речи ребенка, оно может изменяться и преобразовываться. Примером такого изменения является метатеза, проявляющаяся во взаимной перестановке звуков, слога или даже нескольких слогов:

orba вместо *obra*;
fúbalo вместо *búfalo*;
pilulica и *piquilula* вместо *película*;
luenga вместо *lengua*;
estausta вместо *estatua* (+ эпентеза *s*).

В речи русских детей метатеза также часто встречается: тарелку дети часто называют «талеркой», лопатку – «палаткой», молоток – «мотолком», вакуум – «ваской»⁵ и т. д.

Еще одна фонетическая характеристика, которую мы обнаружили в детской речи, – это субституция. Заключается это явление в том, что в определенном слове одна фонема заменяется другой. В речи детей это может объясняться либо неправильным запоминанием, а потому и произношением слова, либо аналогией с другим словом, либо удобством и упрощением произношения. Встретились такие примеры:

cejilla <– *mejilla*;
cuchero <– *puchero*;
hipotomano <– *hipopótamo*: сначала произошла метатеза, а потом субституция – звук [p] заменился звуком [n];
latartija <– *lagartija*;
maricosa <– *mariposa* (слово *cosa* – возможная аналогия).

⁵ Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. С. 79–80.

В русском языке примерами могут являться такие слова: «нега» вместо «много», «кася» вместо «каша», «доссик» вместо «дождик»⁶.

Ошибки по фонетическим причинам происходят достаточно часто. При написании слов у испанских детей чаще всего возникает путаница с тем, какую букву написать: *eSe*, *Ce* или *Zeta*, а в другом случае – *Be* или *uVe*. Это объяснимо. Так как *Ce* и *Zeta* обозначают один звук в определенных позициях, а *Be* и *uVe* вообще не различаются по звучанию, ребенок, еще не усвоивший правила передачи этих звуков на письме, ошибается при их написании. Сложности с различением в письменной речи *eSe*, *Ce* и *Zeta* могут возникнуть у детей из определенных регионов, где особой диалектной особенностью могут быть такие фонетические явления, где фонемы /s/ и /θ/ не различаются. Эти явления известны как «seseo» (в речи произносится только /s/) и «сесео» (только /θ/). Потому в письменной речи детей появляются такие ошибки:

prezioza вместо *preciosa*;

vavo вместо *lavabo* (+ сокращение).

У русских детей такие ошибки чаще случаются при написании гласных, потому что в русском языке есть редукция гласных, а в испанском языке нет. Русский ребенок пишет, как слышит, и из-за этого нередко допускает ошибки в написании многих безударных гласных или гласных после шипящего согласного ([ж], [ш], [ч] или [щ]).

Таким образом, благодаря проанализированным примерам и параллельному объяснению происходящих процессов были выявлены основные фонетические особенности, которые повлияли на создание новых слов испанскими и русскими детьми. Некоторые из этих особенностей стали также причиной порождения многочисленных ошибок в устной и письменной речи. Детская речь представляет неиссякаемый материал для исследований. Важно продолжать это исследование не только на фонетическом, но и на других языковых уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М.: Просвещение, 1982. 143 с.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 240 с.

Чуковский К.И. От двух до пяти. СПб.: Азбука, 2015. 576 с.

REFERENCES

Zeitlin S.N. (1982) Speech Mistakes and their Prevention. Moscow. Prosveshchenie Publ. 143 p.

Zeitlin S.N. (2000) Language and Child: Linguistics of Children's Speech. Moscow. VLADOS Publ. 240 p.

Chukovsky K.I. (2015) From Two to Five. St.- Petersburg. Azbuka Publ. 576 p.

Сведения об авторе:

Мария Станиславовна Рыбка,
студент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria S. Rybka,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
marusya.1997@mail.ru

⁶ Там же. С. 76.

Н.В. Шмулевич (Москва, Россия)

Довоенные киноадаптации произведений Ф.М. Достоевского¹

Аннотация: Ранние киноадаптации произведений Достоевского не являются в полной мере экранизациями с опорой на оригинальный текст. Достоевский сам по себе становится средством для достижения различных идеологических целей, а не объектом серьезной художественной рефлексии. В статье исследуются особенности и закономерности экранизаций произведений Ф.М. Достоевского в дореволюционном и довоенном советском кинематографе, а также преобразования оригинальных сюжетов. Сведения о несохранившихся фильмах реконструированы на основе рецепции в прессе: рецензий и либретто.

Ключевые слова: Достоевский, экранизации

N.V. Shmulevich (Moscow, Russia)

The Pre-War Screen-Versions of Dostoevsky's Works

Abstract: Early screen versions of Dostoevsky's works were not densely connected with the original texts. Dostoevsky himself happened to be an object for achieving various goals and not for serious art reflection. The article investigates peculiarities of screen-versions of Dostoevsky's works and the mechanism of transformations of the original plots in pre-Revolutionary and pre-Second World War cinema. The information about lost silent films is based on the film press: the film by gone libretto, reviews and critics' comments.

Key words: Dostoevsky, screen-versions

Динамичные, почти детективные сюжеты творчества Ф.М. Достоевского должны были бы сделать его самым киногоеничным русским писателем. Однако долгие годы он был наименее востребованным для экранизации классиком – в русском дореволюционном кинематографе и в особенности в «дооттепельном» советском. Примечательно, что западное и эмигрантское кино, напротив, предлагает значительное количество киноинтерпретаций.

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ проекта 18-05-0015) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2018 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Кино 1900-х – первой половины 1910-х гг., естественно, располагало весьма ограниченным кругом возможностей для перевода русской классики на киноязык. Это, как правило, не слишком смущало кинематографистов, которые всерьез сообщали, что «Война и мир» или «Анна Каренина» инсценируются почти целиком¹. Однако там, где дело касалось Достоевского, кинематографические фирмы нередко признавали свою беспомощность, проявляя несвойственную им скромность. Так, общество «Гомон», выполнившее первую экранизацию «Преступления и наказания» (1909), объясняет свой замысел следующим образом: «Трудно в небольшом эскизе даже приблизиться к поверхностной передаче этого глубоко психологического романа. Утешаясь мыслью, что образы героев бессмертного Достоевского слишком близки каждому из нас, мы, избегая характеристик, позволили себе лишь пронести канву романа»². В том же ключе написана рецензия на кинопостановку «Идиота» (1910, реж. П. Чардынин) в журнале «Сине-Фоно»: «Достоевский, каждая строка которого составляет глубокое психологическое наблюдение, как показала практика натуралистического театра, является не подходящим для сцены, и каждую постановку переделки его романов нужно рассматривать лишь как иллюстрацию его произведения»³.

Это, кстати, единственная сохранившаяся дореволюционная экранизация Достоевского. Небольшой метраж (430 м – около 12 минут экранного времени) не позволял, конечно, сколько-нибудь полно отразить содержание романа на экране. Однако в контексте продукции 1910 г. фильм представляется весьма интересным. Обращает на себя внимание разнообразие интерьеров и ландшафтов – разных миров, в которых живет Мышкин. Здесь и павильонные съемки, и снятое на натуре имение Епанчиных, и, что особенно примечательно, «изнаночный» Петербург Достоевского – с обшарпанными дверями и стенами. Примечательно, что в картине важны не только события фабульного значения, но и то, что происходит во внутренней жизни героев. В финальной сцене, которой отведено много экранного времени, Рогожин показывает Мышкину труп убитой им Настасьи Филипповны. Мы не видим трупа, но долго наблюдаем безмолвное горе героев, – именно это, а не убийство само по себе, оказывается фабульно важным элементом.

Наибольший резонанс вызвала экранизация Достоевского Я. Протазановым с Н. Мозжухиным в главной роли «Николай Ставрогин» (1916). Судя по либретто и рецензиям, фильм рассказывал лишь о судьбе главного героя, полностью выпуская линию Петра Верховенского и всю революционную составляющую романа. С одной стороны, свою роль здесь сыграл внешний фактор – идейные и цензурные соображения. С другой – экран, по-видимому, пасовал перед той особенностью Достоевского, которую впоследствии М.М. Бахтин назвал «полифонией». Экран был не в силах передать разнообразие «голосов» героев Достоевского. Так, например, киноинтерпретация «Братьев Карамазовых» сосредотачивается на любовной коллизии Дмитрия Карамазова, Екатерины Ивановны и Грушеньки. Сюжет с убийством старшего Карамазова отходит на второй план, а образ Ивана Карамазова становится вспомогательным и теряет свою идейную нагрузку.

В 1920-е гг. Достоевского не экранизировали вовсе, советский кинематограф начинает его осваивать только с 1932 г., когда выходит фильм В. Федорова «Мертвый дом, или Тюрьма народов». Уже с первых кадров становится очевидно, что

¹ Новые ленты // Живой экран. 1914. № 3–4. С. 20.

² Новые ленты // Сине-Фоно. 1910. № 16. С. 15.

³ Среди новинок // Сине-Фоно. 1910. № 6. С. 11.

картина не является экранизацией «Записок из мертвого дома». В. Шкловский, работавший над сценарием в соавторстве с Федоровым и исполнивший роль Петрашевского, построил фильм на воспоминаниях Достоевского. Примечательно, что «Мертвый дом» – один из самых ранних звуковых фильмов в истории отечественного кино. Лейтмотивом картины является торжественный и оттого циничный и лицемерный по своей сути военный марш, под который наказывают шпицрутенами (легко узнаваемый эпизод из толстовского «После бала») старого солдата, а затем выводят на казнь «петрашевцев». Использование утрированного, острого звукового приема заикания при прочтении приговора вызывает у зрителя почти физическое отвращение к «милосердному», «человеколюбивому» Николаю I, устроившему эту «комедию». Пытка для стоящих на морозе, полураздетых осужденных разворачивается в реальном времени.

Вместе со звуковой составляющей кинофильма не менее важен зрительный ряд, подчеркивающий образ «мертвого дома» – Петербурга николаевской России. Наиболее характерное совмещение аудиального и визуального в сцене, когда перед Достоевским всплывают образы северной столицы, символизирующие имперскую мощь: памятник Петру I, Казанский собор, Александровская колонна, крылатые львы Банковского моста, сфинкс на Университетской набережной. На этом фоне звучат слова из пушкинской поэмы «Медный всадник». При этом строка «Твоих оград узор чугунный» повторяется два раза одновременно с кадром ограды Летнего сада, намечая мотив тюрьмы – мертвого дома. Всячески варьируются холодные, металлические, механические образы: железная дорога, Медный всадник, николаевские бюсты, заводная птица в клетке в кабинете Николая I.

В «Мертвом доме...» можно найти аллюзии на разные тексты Достоевского: это и «Записки...», и «Братья Карамазовы», и «Белые ночи», и «Бедные люди», и «Преступление и наказание», и «Бесы». Но основой картины остается все же биография писателя, осмысленная на новый лад. Фильм открывает знаменитая пушкинская речь 1880 г.: «Смирись, гордый человек...»¹. Достоевский окружен толпой почитателей, внимающих каждому слову «пророка». Из хора восторженных голосов выделяется голос курсистки – выразительницы авторского обвинения: «Вам не стыдно так говорить? В нашей стране говорить о бунте?! У нас Пушкина смирили, Вас. Надо говорить о бунте!» Девушку арестовывают. Пространство концертного зала сменяется кабинетом К.П. Победоносцева (Н. Подгорный), где писателя настигает приступ болезни, во время которого его собеседник представляется Достоевскому Великим прокуратором. Далее следуют видения из прошлого писателя: 40-е годы, молодость в Петербурге, кружок Петрашевского, арест, пережитый во время несостоявшейся казни ужас смерти, каторга, снова столица, после чего действие вновь возвращается в кабинет обер-прокурора Святейшего Синода.

Кинокартина в целом является, с одной стороны, обвинением писателя, который не смог отстаивать свои идеалы до конца и стал, по словам экранного Победоносцева, «одним из тех, кто сдерживает революцию». Вместе с тем авторы фильма пытаются оправдать сломленного государственной машиной и «попавшего в кабалу» Достоевского. Критика тут же считывает параллели с текущей ситуацией. Создателям картины вменяется в вину излишняя чувствительность, «либерально-слащавая сентиментальность к “униженным и оскорбленным”», которые

¹ Достоевский Ф.М. Пушкин (очерк) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 139.

впоследствии стали сами торжествующими оскорбителями»¹. В оценках фильма отразилась и критика формальной школы: «...Следовало на основе романа дать более широкое и вместе с тем обобщенное реалистическое изображение царской России – мертвого дома... а не усугублять формалистическим решением сцен и эпизодов реакционные идеи Достоевского»². Шкловского и Федорова обвиняли также в транслировании «реакционной идеи об “извечном” антагонизме радикальной интеллигенции и народа». Действительно, Достоевский в фильме прямо сталкивается с тем, что простой народ не принимает его. Для остальных каторжан он «чужой», барин, «железный нос». В сцене в парилке обитатели «мертвого дома» – каторги – предстают бесами, что рифмуется с финальным кадром в кабинете Побеносцева, где камера останавливается на раскрытом романе «Бесы». В сцене допроса Достоевского Л.В. Дубельт, шеф жандармов, пытается убедить писателя, что он такой же закоренелый крепостник, напоминая, как писатель судился с сестрами за крестьянские души и как крепостные убили его отца.

Вторую картину 1930-х гг. по Достоевскому встретили куда более благосклонно. Фильм «Петербургская ночь» получил положительные рецензии, а также удостоился награды на Венецианском фестивале. В своем интервью «Советскому экрану»³ сам режиссер «Петербургской ночи», Г.Л. Рошаль, признается, что созданный им и Верой Строевой фильм «трудно назвать в прямом смысле слова» экранизацией того или иного произведения Достоевского. Это скорее «парафраз» на темы его повестей. Первое, что бросается в глаза при просмотре кинофильма, – сближение абсолютно непохожих персонажей: сложный, противоречивый характер скрипача Егора Ефимова («Неточка Незванова») сливается с трогательным мечтателем из «Белых ночей». Наложение одного образа на другой происходит как раз за счет мотива мечтательности, которая оказалась свойственна обоим. Для «петербургских» эскизов художником картины И.А. Шпинелем было сделано немало предварительных зарисовок с натуры: старых домов и типичных каменных колодцев-дворов, набережных с тяжелым кружевом чугунных решеток, гранитных лестниц и статуй. Намечается извечная тема столкновения человека и эпохи в ее романтическом изводе: перед зрителями разворачивается характерное противостояние гения и не принимающего его общества / государства.

Необходимо было представить Ефимова как народного стихийного гения «из глубины русских деревень». Создавая образ художника-бунтаря, авторы кинофильма делают музыканта крепостным, хотя в романе он таковым не является. Содержащий оркестр помещик превращается из мецената и великодушного покровителя Ефимова в угнетателя талантов. Романтический, идеализированный образ крепостного скрипача раскрывается в контрасте с Шульцем, который предстает в картине бездарным филистером, возвысившимся благодаря интригам. По Достоевскому, музыкант добился всего исключительно благодаря собственным усилиям: «...Я горжусь тем, что не зарыл, как ленивый раб, того, что мне дано было от природы, а, напротив, возрастил сторицею, и если хвалят мою отчетливость в игре, удивляются выработанности механизма, то всем этим я обязан непрерывному, неусыпному труду, ясному сознанию сил своих, добровольному самоуничтожению и вечной вражде к заносчивости, к раннему самоудовлетворению и к лени как естественному последствию этого самоудовлетворения».

¹ Заславский Д. Киногрошик // Правда. 1932. 19 мая. С. 3

² Лебедев Н.А. Введение. Очерки истории советского кино: В 3 т. Т. 1. М., 1965.

³ Рошаль Г. Петербургская ночь // Советский экран. 1969. № 22. С. 15.

В газете «Советская культура» находим прямое объяснение этим трансформациям: «Связывая две повести писателя, мы (авторы и режиссеры) стремились воссоздать то впечатление, которое возникло у нас при чтении Достоевского, передать то понимание его образов, которое сделало для нас эти образы дорогими и близкими, хотя порой и расходилось с замыслом писателя. Стремясь во всем обвинить Егора Ефимова, пропившего свой талант, реалист Достоевский, однако, создал его таким, что вся биография этого музыканта стала жестоким обвинением эпохи режима крепостной России»¹. Настраивая оптику на «революционность», Рошаль вводит в фильм линию бунтующих рабочих «Шпигулинской мануфактуры» из «Бесов» и фигуру студента-социалиста, предлагающего Ефимову последовать за ним. Ефимов отказывается присоединиться к революционерам. Тогда студент произносит ключевую для трактовки характера Ефимова в фильме фразу: «До себя дорости нужно».

Музыкальные произведения крепостного скрипача выше его личности, которой, согласно Строевой и Рошалью, не хватает понимания истинной задачи художника. Фильм утверждает, что гений априори является революционером, бросающим вызов обществу и подрывающим устои традиционного, «выслуживающегося» перед государством творчества. Характерен финал картины: каторжане исполняют песню на сочиненную Ефимовым мелодию, которая почти против воли музыканта обнаруживает свой революционный заряд. Таким образом, Достоевский в интерпретации Строевой и Рошалья оказывается в позиции музыканта Ефимова – гения, проницательно предвидевшего революцию в своих произведениях, но не до конца осмыслившего свою социалистическую принадлежность.

Если «Мертвый дом» Федорова и Шкловского – робкая попытка оправдания писателя, то «Петербургская ночь» Рошалья и Строева – опыт «изготовления» советского Достоевского путем «вчитывания» и серьезного отбора мотивов и тем. В первой картине трагически сломленный писатель становится на службу раздавившей его николаевской России, во второй – рифмующийся с Достоевским Ефимов отказывается послужить общественным интересам, воплощенным в образе студента-социалиста, однако эту функцию выполняют произведения музыканта (читай – Достоевского).

Таким образом, небольшое количество кинопостановок Достоевского как до, так и после революции связано, с одной стороны, с идеологической составляющей его произведений. Сценаристы и режиссеры вынуждены взаимодействовать с существующей репутацией писателя, с настороженным отношением к его фигуре со стороны критики. Примечательно, что кинематограф русского зарубежья и эмигрантское кино, независимые от советской цензуры, намного активнее экранизируют предлагаемые Достоевским сюжеты – «Идиота», «Братьев Карамазовых», «Записок из Мертвого дома», «Игрока», «Бесов».

Кинопостановки Достоевского до революции представляют собой не экранизации, а киноиллюстрации. Создатели картин противопоставляют творца и эпоху и при этом по-разному трактуют тему «гений на служении обществу / государству». В связи с этим вспоминается цитата из классической книги В.Ф. Переверзева «Творчество Достоевского», где автор, критикуя подходы Вл.С. Соловьева и Д.С. Мережковского, пишет так: «Достоевского рассматривали и судили с различных точек зрения, но в большинстве случаев говорили не о Достоевском, а “по поводу” Достоевского. <...> Во всех таких работах Достоевский – не цель, а

¹ Рошаль Г. Экранизация литературных произведений // Советская культура. 1954. 7 сент. С. 3–23.

средство, в нем ищут адвоката своей идеи, а не писателя с определенным индивидуальным складом творчества»¹. «Средство» между тем довольно опасное. В то время как Достоевского активно экранизировали на Западе, в Советском Союзе «дооттепельное» кино только дважды рискнуло обратиться к его творчеству. Новые экранизации стали появляться уже с конца 1950-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

Достоевский Ф.М. Пушкин (очерк) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 137–138.

Среди новинок // Живой экран. 1914. № 3–4. С. 20.

Заславский Д. Киногрошик // Правда. 1932. 19 мая. С. 3.

Лебедев Н.А. Введение // Очерки истории советского кино: В 3 т. Т. 1. М., 1965. С. 1–100.

Новые ленты // Сине-Фоно. 1910. № 16. С. 15.

Переверзев В.Ф. Творчество Достоевского // Гоголь. Достоевский. Исследования. М.: Советский писатель, 1982. С. 188–344.

Рошаль Г. Петербургская ночь // Советский экран. 1969. № 22. С. 15–17.

Рошаль Г. Экранизация литературных произведений // Советская культура. 1954. 7 сент. С. 3–23.

Среди новинок // Сине-Фоно. 1910. № 6. С. 11.

REFERENCES

Dostoevsky F.M. Pushkin (essay) // Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 26. Leningrad. 1984, pp. 137–138.

Lebedev N.A. Introduction. In: Studies in the History of Soviet Cinema. In 3 vols. Vol. I. Moscow. 2001, pp. 1–100.

New Pictures (Novye Lenty). *Sine-Fono*. 1910. No 16, pp. 5.

Pereverzev V.F. The Works of Dostoevsky. In: Pereverzev V.F. Gogol. Dostoevsky. The Research Works. Moscow. Sovetsky Pisatel Publ. 1982, pp. 188–344.

Roshal G. The St.-Petersburg Night. *Sovetsky Ekran*. 1969. No 22, pp. 15–17.

Roshal G. The Screen Versions of Literary Works. *Sovetskaya Kultura*. 1954. 7 February, pp. 3–23.

What's New (Sredi Novinok). *Sine-Fono*. 1910. No 6, pp. 11.

What's New (Sredi Novinok). *Zhivoy Ekran*. 1914. No 3–4, pp. 20.

Zaslavsky D. The Cinematographic Penny. *Pravda*. 1932. 19 May, pp. 1–3.

Сведения об авторе:

Надежда Владиславовна Шмудевич,
магистрант
факультет гуманитарных наук
школа филологии
НИУ ВШЭ

Nadezhda V. Shmulevich,
Magister
The Faculty of Humanities
School of Philology
Higher School of Economics
nadezdashmul@gmail.com

¹ *Переверзев В.Ф.* Творчество Достоевского // Гоголь. Достоевский. Исследования. М., 1982. С. 188–344.

Библиографии

Bibliography

В.А. Воронаев (Москва, Россия)

**Библиография произведений Н.В. Гоголя
и литературы о нем на русском языке (2017)**

V.A. Voropaev (Moscow, Russia)

**The Bibliography of N.V. Gogol's Works
and Literature about Him in Russian (2017)**

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Афоризмы, изречения, сентенции / Сост. Т. Михед, П. Михед; вступ. статья П. Михеда. [Изд. 2-е.] СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. 256 с.: ил.
Загл. вступ. статьи: О «густом, могучем слове» Николая Гоголя: С. 5–16.

Вечера на хуторе близ Диканьки: [сб.] М.: Изд-во АСТ, 2017. 320 с. – (Эксклюзив: Русская классика).

Вечера на хуторе близ Диканьки: [сб.] М.: Изд-во Э, 2017. 317, [1] с. – (Серия Pocket book).
Содерж.: Вечера на хуторе близ Диканьки; Вий.

Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород: повести. М.: Мартин, 2017. 445, [2] с. – (Избранная культовая классика). – (Pocket book).

Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Изд-во Э, 2017. 317, [1] с. – (Серия 100 главных книг).
Содерж.: Вечера на хуторе близ Диканьки; Вий.

Вий: повести / Худож. А. Лебедев. М.: Стрекоза, 2017. 157, [2] с.: ил. – (Школьная программа).

Содерж.: Вий; Вечер накануне Ивана Купала; Страшная месть.

Духовное завещание: иллюстрированное издание. М.: Изд-во «Э», 2017. 576 с.: ил. – (Подарочное издание. (Российская императорская библиотека). – (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

[Примеч. в тексте.]

Содерж.:

Об этой книге. От Издательства. С. 5–10.

Предисловие к теме Гоголя. С. 11–13.

Статьи из сборника «Арабески»

О Средних веках. С. 14–27.

О преподавании всеобщей истории. С. 28–38.

Взгляд на составление Малороссии. С. 39–50.

Несколько слов о Пушкине. С. 51–55.

Об архитектуре нынешнего времени. С. 56–70.
 Ал-Мамун (Историческая характеристика). С. 71–75.
 Жизнь. С. 76–78.
 Шлёцер, Миллер и Гердер. С. 78–82.
 О малороссийских песнях. С. 83–89.
 Мысли о географии (Для детского возраста). С. 90–97.
 Последний день Помпеи (Картина Брюллова). С. 98–103.
 О движении народов в конце V века. С. 104–120.
 Статьи и рецензии 1831–1846 гг.
 Женщина. С. 122–128.
 О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году. С. 129–143.
 Петербургские записки 1836 года. С. 144–152.
 «Исторические афоризмы» Михайла Погодина. С. 153–156.
 О «Современнике» (*Письмо к П.А. Плетневу*). С. 157–164.
 Выбранные места из переписки с друзьями
 Главная книга. С. 165–166.
 Предисловие. С. 167–168.
 I. Завещание. С. 169–173.
 II. Женщина в свете (*Письмо к ...ой*). С. 174–176.
 III. Значение болезней (*Из письма к гр. А.П. Т...му*). С. 177–178.
 IV. О том, что такое слово. С. 179–180.
 V. Чтения русских поэтов перед публикою (*Письмо к Л.*). С. 181–182.
 VI. О помощи бедным (*Из письма к А.О. С...ой*). С. 182–183.
 VII. Об «Одиссее», переводимой Жуковским (*Письмо к Н.М. Я...ву*). С. 184–189.
 VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве (*Из письма к гр. А.П. Т...му*). С. 190–191.
 IX. О том же (*Из письма к гр. А.П. Т...му*). С. 191–192.
 X. О лиризме наших поэтов (*Письмо к В.А. Ж...му*). С. 193–200.
 XI. Споры (*Из письма к Л.*). С. 201–202.
 XII. Христианин идет вперед (*Письмо к Щ...ву*). С. 202–203.
 XIII. Карамзин (*Из письма к Н.М. Я...ву*). С. 204–205.
 XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности (*Письмо к гр. А.П. Т...му*). С. 206–217.
 XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время (*Два письма к Н.М. Я...у*). С. 218–220.
 XVI. Советы (*Письмо к Щ...ву*). С. 221–222.
 XVII. Просвещение (*Письмо к В.А. Ж...му*). С. 222–223.
 XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ». С. 224–232.
 XIX. Нужно любить Россию (*Из письма к гр. А.П. Т...му*). С. 233–234.
 XX. Нужно проездиться по России (*Из письма к гр. А.П. Т...му*). С. 235–239.
 XXI. Что такое губернаторша (*Письмо к А.О. С...ой*). С. 240–249.
 XXII. Русский помещик (*Письмо к Б.Н. Б...му*). С. 250–254.
 XXIII. Исторический живописец Иванов (*Письмо к гр. Матв. Ю. В...му*). С. 255–260.
 XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России. С. 261–263.
 XXV. Сельский суд и расправа (*Из письма к М.*). С. 264–265.
 XXVI. Страхи и ужасы России (*Письмо к графине ...ой*). С. 265–267.
 XXVII. Близорукому приятелю. С. 268–269.
 XXVIII. Занимающему важное место. С. 269–281.
 XXIX. Чей удел на земле выше (*Из письма к У...му*). С. 282–283.
 XXX. Напутствие. С. 283.
 XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. С. 284–309.
 XXXII. Светлое Воскресенье. С. 310–317.
 Голоса и отголоски. О «Выбранных местах из переписки с друзьями»
 Вяземский П.А. Языков и Гоголь. С. 318–327.
 Приписка. С. 328–331.

- Белинский В.Г.* «Выбранные места из переписки с друзьями» Николая Гоголя. С. 332–347.
- Гоголь Н.В.* Письмо В.Г. Белинскому. С. 348–350.
- Белинский В.Г.* Письмо Н.В. Гоголю. С. 351–360.
- Гоголь Н.В.* Ответ Белинскому. С. 361–368.
- Аксаков С.Т.* Из «Истории моего знакомства с Гоголем». С. 369–371.
- Аксаков С.Т. – Аксакову И.С.* 11 января 1847 г. С. 372.
- Аксаков С.Т. – Аксакову И.С.* 14 января 1847 г. С. 373–374.
- Аксаков С.Т. – Аксакову И.С.* 16 января 1847 г. С. 375–382.
- Григорьев А.А.* Гоголь и его последняя книга. С. 383–397.
- Писемский А.Ф.* [Высказывания о Гоголе.] С. 398–401.
- В орбите «Выбранных мест»
- Гоголь Н.В.* О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии.
- О гневе. С. 402–403.
- О боязни, мнительности и неуверенности в себе. С. 404–405.
- Об унынии. С. 406–407.
- Правило жития в мире. С. 408–410.
- О сословиях в государстве. С. 411–414.
- Авторская исповедь. С. 415–440.
- Письмо Нащокину. С. 441–446.
- Гоголь в воспоминаниях и оценках
- Никитенко А.В.* Дневниковые записи
- 26 февраля 1852 года. С. 447.
- 28 апреля 1852 года. С. 447.
- 4 октября 1860 года. С. 448.
- 5 ноября 1860 года. С. 448.
- Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России
- Гл. 5: Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года. С. 449–451.
- Григорьев А.А.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая. Пушкин – Грибоедов – Гоголь – Лермонтов. С. 452–461.
- Розанов В.В.*
- Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария. С. 462–468.
- Пушкин и Гоголь. С. 469–475.
- Послесловие к комментарию «Легенды о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского». С. 476–477.
- Мережковский Д.С.* Гоголь и черт. Часть II. Жизнь и религия. С. 478–522.
- Белый Андрей.* Гоголь. С. 523–533.
- Брюсов В.Я.* Испепеленный (К характеристике Гоголя). С. 534–548.
- Овсянко-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции. Часть I
- Гл. IX: «Люди 40-х годов» и Гоголь. С. 549–552.
- Гл. X: Тип Тентетникова и вторая часть «Мертвых душ». С. 553–568.
- Заключение. С. 569.
- Записки сумасшедшего: [сб.] М.: Изд-во АСТ, 2017. 256 с. – (Эксклюзив: Русская классика).
- Содерж.:**
- Шинель. С. 3–46.
- Невский проспект. С. 47–95.
- Нос. С. 96–130.
- Портрет. С. 131–207.
- Записки сумасшедшего. С. 208–237.
- Коляска. С. 238–253.
- Записки сумасшедшего: повести / Вступ. статья В.М. Марковича; коммент. Е.С. Чертовой. СПб.; Киев: Азбука Азбука-Аттикус Махаон-Украина, 2017. 284, [2] с. – (Азбука-классика).
- Загл. вступ. статьи: Безумие и норма в петербургских повестях Гоголя. С. 5–30.

Коммент. С. 257–285.

Содерж.: Повести: Невский проспект; Нос; Портрет; Записки сумасшедшего.
Приложение: Портрет (редакция «Арабесок»).

Мертвые души: поэма М.: Изд-во АСТ, 2017. 317, [2] с. – (Классика для школьников). – (Рекомендовано лучшими учителями).

Мертвые души: поэма. М.: Изд-во АСТ, 2017. 317, [2] с. – (Школьное чтение).

Мертвые души: [поэма. Т. 1.] М.: АСТ, 2017. 352 с. – (Эксклюзив: Русская классика).

Мертвые души: поэма. СПб. [и др.]: Азбука [и др.], 2017. 348, [2] с. – (Азбука-классика).

Миргород: повести / Худож. А. Симанчук. М.: Искателькнига Искатель, 2017. 93, [1] с. – (Библиотечка школьника).

Содерж.: Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем; Старо-светские помещики; Вий.

Ночь перед Рождеством. СПб.: Литера, 2017. 62, [1] с. – (Внеклассное чтение).

Нужно любить Россию / Сост., предисл. и коммент. В.А. Воропаева; отв. ред. О. Платонов. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2017. 672 с.

Предисл. С. 5–15.

Содерж.:

Статьи из «Арабесок»:

Скульптура, живопись и музыка. С. 16–20.

О преподавании всеобщей истории. С. 20–34.

Взгляд на составлении Малороссии. С. 35–45.

Несколько слов о Пушкине. С. 45–51.

Ал-Мамун (Историческая характеристика). С. 51–57.

Жизнь. С. 57–60.

Шлецер, Миллер и Гердер. С. 60–65.

Мысли о географии (Для детского возраста). С. 65–74.

Последний день Помпеи (Картина Брюллова). С. 74–81.

Тарас Бульба. С. 82–203.

Выбранные места из переписки с друзьями. С. 204–424.

Духовная проза:

<Авторская исповедь.> С. 425–463.

Искусство есть примирение с жизнью (*Письмо к В.А. Жуковскому*). С. 463–468.

Правило жития в мире. С. 468–473.

О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии. С. 473–482.

<О благодарности.> С. 483–484.

О ссловах в государстве. С. 484–489.

Размышления о Божественной Литургии. С. 489–541.

Молитвы, духовное завещание, предсмертные записи. С. 541–546.

Коммент. С. 547–667.

Петербургские повести / Вступ. статья и коммент. В.А. Воропаева; худож. Ф. Москвитин М.: Детская литература, 2017. 232 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Гоголевский Петербург. С. 5–14.

Коммент. С. 211–233.

Петербургские повести / Худож. Ника Гольц. СПб.; М.: Речь, 2017. 252, [2] с.: ил. – (Серия Образ Речи).

Содерж.: Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Записки сумасшедшего.

Петербургские повести / Ил. Л.П. Подляской. М.: Издательский дом Мещерякова, 2017. 173, [1] с.: ил – (Переживая заново).

Содерж.: Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель.

Петербургские повести: [сб.] М.: АСТ, 2017. 380, [1] с. – (Серия Русская классика).

Содерж.: Повести: Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Записки сумасшедшего; Коляска; Пьесы: Ревизор; Женитьба.

Петербургские повести; Ревизор: комедия. М.: Мартин, 2017. 286, [2] с. – (Избранная культовая классика). – (Pocket book).

Повести: (из цикла «Петербургские повести») / Худож. Ирина Минкина. Ростов-на-Дону: Проф-Пресс, 2017. 110, [1] с. – (Школьная библиотека).

Содерж.: Шинель; Нос; Записки сумасшедшего.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья В.А. Воропаева; коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева; худож. В. Бритвин. М.: Детская литература, 2017. 128 с.: ил. – (Школьная библиотека). 3000 экз.

Загл. вступ. статьи: Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии «Ревизор». С. 5–20. Коммент. С. 120–126.

Ревизор: комедия в пяти действиях. М.: АСТ, 2017. 188, [2] с. – (Школьное чтение). – (Одобрено лучшими учителями).

Ревизор: комедия в пяти действиях. М.: АСТ, 2017. 188, [2] с. – (Классика для школьников). – (Рекомендовано лучшими учителями).

Ревизор: [комедия в пяти действиях] / Худож. А. Арестов]. Реутов: Омега, 2017. 170, [2] с.: ил. – (Школьная библиотека).

Ревизор: комедия в пяти действиях / Ил. А.И. Константиновского и др. Тверь: Мартин, 2017. 157, [3] с.: [4] л. цв. ил.: ил. – (Малая избранная классика). – (Малая избранная иллюстрированная классика. Драматургия).

Ревизор: комедии / Коммент. А. Степанова. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017. 317, [2] с. – (Азбука-классика).

Содерж.: Ревизор; Женитьба; Игроки; Утро делового человека; Тяжба; Лакейская; Отрывок; Театральный разъезд после представления новой комедии.

Ревизор: сб. М.: Изд-во АСТ, 2017. 224 с. – (Эксклюзив: Русская классика).

Содерж.:

Ревизор. С. 5–138.

Женитьба. С. 139–221.

Ревизор: [сб.] М.: АСТ, 2017. 220, [2] с. – (Серия Эксклюзив: Русская классика). – (Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения).

Содерж.: Ревизор; Женитьба.

Ревизор; Женитьба: [комедии.] [2-е изд.]. М.: De Agostini, 2017. 313 с. – (Шедевры мировой литературы в миниатюре; вып. 40).

Ревизор: [комедия]; Шинель: [повесть.] М.: Изд-во Э, 2017. 156, [2] с. – (Классика в школе).

Россия. Путь истины. М.: РИПОЛ классик, 2017. 672 с. – (Русские мыслители).

Содерж.:

Статьи из «Арабесок»:

Предисловие к «Арабескам». С. 5.

Скульптура, живопись и музыка. С. 6–11.

О Средних веках. С. 11–24.

Глава из исторического романа. С. 24–36.
 Взгляд на составлении Малороссии. С. 36–47.
 Несколько слов о Пушкине. С. 47–53.
 Ал-Мамун (Историческая характеристика). С. 53–60.
 Жизнь. С. 60–63.
 Шлецер, Миллер и Гердер. С. 63–69.
 Невский проспект. С. 69–110.
 О малороссийских песнях. . 110–117.
 Мысли о географии (Для детского возраста). С. 117–126.
 Записки сумасшедшего. С. 126–151.
 Критика и публицистика:
 Выбранные места из переписки с друзьями. С. 152–391.
 Размышления о Божественной Литургии. С. 391–449.
 Переписка:
 Переписка с Н.Я. Прокоповичем. С. 450–497.
Белинский В.Г. Письмо к Н.В. Гоголю. С. 497–504.
Григорьев А.А. Гоголь и его последняя книга. С. 505–528.
Жуковский В.А. Письма к Н.В. Гоголю. С. 529–538.
 Приложение:
Мережковский Д.С. Гоголь. Творчество, жизнь и религия. С. 539–671.
 [В сокращении.]

Сорочинская ярмарка: повести / Худож. С. Бабюк, А. Лебедев. М.: Стрекоза, 2017. 189, [2] с.: ил.: цв. ил. – (Внеклассное чтение).
Содерж.: Сорочинская ярмарка; Вий; Страшная месть.

Тарас Бульба: повесть / Вступ. статья В. Воропаева; коммент. И. Виноградова; худож. Е.А. Кибрик. М.: Детская литература, 2017. 190 с.: ил. – (Школьная библиотека). 3000 экз.
 Загл. вступ. статьи: Гражданин земли Русской. С. 5–12.
 Коммент. С. 167–188.

Тарас Бульба / Худож. А. Симанчук. М.: Искателькнига, 2017. 94, [1] с. – (Библиотечка школьника).

Тарас Бульба: редакция 1842 г. / Ил. Ю. Кравца. М.: Алтей и К° Альтей-Бук, 2017. 144 с.: ил. – (Читаем в школе). – (Мировая классика).

Тарас Бульба: [повести.] М.: Изд-во «Э», 2017. 192 с. – (Классика в школе).
Содерж.:
 Заколдованное место. С. 5–16.
 Тарас Бульба. С. 17–189.

Тарас Бульба. Миргород: повести. М.: Вече, 2017. 320 с. – (100 великих романов).

Тарас Бульба: [сб.] М.: Изд-во АСТ, 2017. 320 с. – (Эксклюзив: Русская классика).
Содерж.:
 Старосветские помещики. С. 5–36.
 Тарас Бульба. С. 37–198.
 Вий. С. 199–252.
 Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. С. 253–318.

Тарас Бульба: повести. СПб. [и др.]: Азбука [и др.], 2017. 316, [2] с. – (Азбука-классика).
Содерж.: Старосветские помещики; Тарас Бульба; Вий; Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

Шинель. М.: Изд-во Э, 2017. 64 с. – (Minibook).

Шинель: петербургские повести / Художник Л. Сальникова. М.: Омега-пресс, 2017. 285, [1] с.: ил. – (Школьная библиотека).

Содерж.: Нос; Невский проспект; Портрет; Записки сумасшедшего; Шинель.

Шинель: [сб.] М., 2017. 96 с. – (Школьная классика).

Содерж.: Шинель, Нос, Старосветские помещики.

Шинель: повести / Рис: Е. Трофимовой. М.: Стрекоза, 2017. 285, [2] с.: ил. – (Школьная программа).

Содерж.: Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Коляска; Записки сумасшедшего.

Шинель: [повести.] СПб.: Литера, 2017. 62, [2] с. – (Внеклассное чтение).

Содерж.: Невский проспект; Шинель.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев А.А., Рамазанова Д.А. Актуальность поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Известия Дагестанского гос. педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Махачкала, 2017. Т. 11. № 2. С. 18–22.

Агафонова О.В. Конструктивный характер творчества Н.В. Гоголя в контексте неклассической теории познания // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2017. № 12–2(66). С. 37–41.

<Агапит (Беловидов), схиархимандрит>. Житие Оптинского старца Макария. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной Пустыни, 2017. 512 с.: ил. – (Духовное наследие Оптиной Пустыни).

[О Гоголе: С. 311–313.]

Агеева З. Душевная болезнь Гоголя: патография. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Алгоритм, 2017. 112 с.: ил.

Адамчук М. Реки крови близ Диканьки // Телнеделя. М., 2017. № 34. С. 16–17, 58.

[31 августа в прокат выходит фильм «Гоголь. Начало» (режиссер Егор Баранов, автор идеи – Александр Цекало). Ожидаются оторванные головы, хоровод девушек-утопленниц и масса других страшилок.]

Акимова М.С. «Гоголь, или провинциал в столице»: от Малороссии к Петербургу // Научный диалог. Екатеринбург, 2017. № 6. С. 113–124.

Акимова Н.Н. Чью шинель украл Булгарин? Об одном из источников пушкинского текста // Вопросы литературы. М., 2017. № 3. С. 159–172.

Акопова Ю.А. Андрей Белый о значении Гоголя в самосознании русской культуры // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития: сб. материалов XXVI международной научно-практической конференции (Махачкала, 22 мая 2017 г.). Махачкала, 2017. С. 15–18.

Акопова Ю.А. Андрей Белый о роли Гоголя в самосознании русской культуры // Современные тенденции развития науки и технологий. Белгород, 2017. № 2–5. С. 6–9.

[Материалы XXIII международной научно-практической конференции (Белгород, 28 февраля 2017 г.).]

Актуальные вопросы светской и духовной словесности. Вып. 1 / Российская академия наук. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; редкол.: М.И. Щербакова (отв. ред.), О.А. Крашенинникова, Е.А. Осипова, Е.А. Самофалова. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. 416 с.

Из содерж.:

Виноградов И.А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя»). С. 77–94.

Монахова И.Р. Духовный путь и проповедь Гоголя. С. 95–116.

Виноградов И.А. Сборник Н.В. Гоголя «Каноны и песни церковные» (обстоятельства и время составления). С. 117–130.

Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей VI международной научной конференции молодых ученых (Екатеринбург, 10 февраля 2017 г.). Ч. 2: Современные проблемы изучения истории и теории литературы / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт социальных и политических наук; под общ. ред. Ж.А. Храмушиной [и др.] Екатеринбург, 2017. 252 с.

Из содерж.:

Меладишина Ю.В. Мотив странничества в романе В. Шарова «Возвращение в Египет». С. 28–34. [На примере интертекстуального взаимодействия с произведениями Гоголя, в частности, поэмой «Мертвые души».]

Хавралева О.В. Дописывание классики» как вид литературной рецепции: о романе В.В. Шарова «Возвращение в Египет». С. 110–115.

[Гоголь как новый вид литературной рецепции.]

Алавердян Е.А. Личность и творчество Н.В. Гоголя в интерпретации В.В. Набокова // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России / Магнитогорский гос. технический ун-т им. Г.И. Носова. Магнитогорск, 2017. № 2(12). С. 80–83.

Александров С.Г. Отражение самобытных элементов физического воспитания запорожских казаков в творчестве Н.В. Гоголя // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал / Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2017. № 1–2. С. 163–175.

Александров С.Г. Отражение самобытных элементов физического воспитания запорожских казаков в творчестве Н.В. Гоголя // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. научных статей по итогам международного научного форума (с. Кабардинка, г. Геленджик, 30 сентября – 3 октября 2016 г.) / Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Южный филиал; отв. ред. И.И. Горлова. Геленджик, 2017. С. 170–183.

Александрова Н.Ф. «...Такая долгая, такая жаркая печаль!» Занятие в рамках работы клуба любителей русской словесности «Живая классика» (обсуждение повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики») // Реализация ФГОС: опыт, проблемы, перспективы. Форум гуманитарных дисциплин: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Липецк, 22 ноября 2017 г.) / Институт развития образования Липецкой области. Липецк, 2017. С. 258–264.

Алексеев А.А. Воздействие Свято-Введенской Оптиной Пустыни на русскую литературу XIX века // Вестник Шадринского гос. педагогического ун-та. Шадринск, 2017. № 4(36). С. 107–114.

[В частности, Гоголь и Оптина Пустынь.]

Аль-Масуд Мохаммед Кадим Хассун. Автор и отражение его авторской позиции в произведениях Н. Гоголя и Султана бин Мухаммад Аль-Касими: компаративный аспект // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2017. № 4–5(118). С. 10–14.

Алексеев П.В. «Китайское» вступление к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. Томск, 2017. № 49. С. 98–112.

[Китайские мотивы во «Вступлении» к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского (1873); интертекстуальные и типологические взаимосвязи с повестью Гоголя «Записки сумасшедшего»].

Арпентьева М.Р. «Маленький человек»: Н. Гоголь, А. Чехов, М. Зощенко // Культурные коды русской литературы: Материалы всероссийской (с международным участием) очно-заочной научно-практической конференции, посвященной 60-летию филологиче-

ского факультета Башкирского гос. ун-та (Уфа, 15 декабря 2017 г.) / Башкирский гос. ун-т; отв. ред. А.В. Курочкина. Уфа, 2017. С. 209–221.

Архангельский А. Хоррор имени Пятницкого // Огонек. М., 2017. № 34. С. 37.

[В прокат выходит «Гоголь. Начало» (режиссер Егор Баранов, автор идеи – Александр Цекало) – первый из четырех фильмов нового проекта по мотивам произведений классика. Обозреватель «Огонька» честно попытался понять логику нечисти – но зло оказалось совершенно иррациональным.]

Ахмадова Т.Х. Пословицы и поговорки в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // 6 ежегодная итоговая конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского гос. ун-та (Грозный, 2 марта 2017 г.). Гуманитарные науки / Отв. ред. Р.А. Кутуев. Грозный, 2017. С. 63–68.

Ахмадова Т.Х. Традиции Н.В. Гоголя в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина // World science: problems and innovations: сб. статей XVI международной научно-практической конференции (Пенза, 25 декабря 2017 г.): В 3 ч. Ч. 3 / Отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза, 2017. С. 55–61.

Баль В.Ю. Образ Чичикова в современной русской прозе // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. Томск, 2017. № 49. С. 147–168.

[Рецепция образа Чичикова (поэма Гоголя «Мертвые души») в современной русской прозе конца XX – начала XXI в.]

Басинский П. Новый «Гоголь» явился // Российская газета. М., 2017. 2 октября. С. 9.

[Фильм «Гоголь. Начало» режиссера Егора Баранова не обманул мои ожидания, потому что, по правде говоря, никаких особых ожиданий у меня перед просмотром и не было.]

Бачалова И.Б., Хунарикова П.Х. Гоголь и Гофман (к проблеме гротеска) // Казанская наука. Казань, 2017. № 1. С. 26–30.

Безвременье как сюжет: статьи и материалы. Вып. 6 / Тверской гос. ун-т; ред. С.А. Васильева, А.Ю. Сорочан. Тверь, 2017. 340 с.

Из содерж.:

Никишов Ю.М. О попытках пресечь безвременье «вечевым» временем. С. 130–141.

[Попытки Гоголя и А.С. Грибоедова повлиять на общественную жизнь.]

Карандашова О.С. К вопросу о временной организации гоголевского «Миргорода». С. 205–210.

[Вечность и безвременье в «Миргороде» Гоголя.]

Белов А.В. Итоги реформы города Екатерины II в контексте критической оценки современников. Комедия «Ревизор» и поэма «Мертвые души» Н.В. Гоголя // Вестник славянских культур. М., 2017. Т. 44. С. 43–49.

Белюченко О.П., Нагорный И.А. Языковые средства и способы выражения эмоциональности в произведениях Н.В. Гоголя // Научные исследования. Иваново, 2017. № 1(12). С. 46–47.

Беляков С. «Тарас Бульба» между Украиной и Россией. О национальной идентичности героя Гоголя // Вопросы литературы. М., 2017. № 6. С. 191–220.

Берестовская Д. Идеи духовной целостности культуры в концепции В.В. Зеньковского («Русские мыслители и Европа») // Культура в фокусе научных парадигм / Донецкий национальный ун-т. Донецк, 2017. № 5. С. 24–28.

[В частности, Гоголь в концепции протопресвитера В.В. Зеньковского.]

Берестовская Д.С. Писатель С.Н. Сергеев-Ценский как «художник слова» // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Симферополь, 2017. Т. 3(69). № 3. С. 106–113.

[В частности, С.Н. Сергеев-Ценский о Гоголе.]

Бобылев Б.Г. Филологический анализ и эстетическая коммуникация: имманентный подход // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. М., 2017. Т. 6. № 6. С. 56–62.

[На примере повести Гоголя «Шинель».]

Бобылев Б.Г. «Филологический круг» как основа технологии анализа художественного текста в школе // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы V всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Калининград, 25–27 мая 2017 г.) / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Западный филиал. Калининград, 2017. С. 27–30.

[На примере повести Гоголя «Шинель».]

Богданова О.В. Д.Д. Шостакович в контексте «носологии» Н.В. Гоголя // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. СПб., 2017. Т. 18. № 4. С. 267–281.

[Музыкальная интерпретация Д.Д. Шостаковичем повести Гоголя «Нос».]

Богданова О.В. Повесть Н.В. Гоголя «Нос»: олицетворенная синекдоха / Санкт-Петербургский гос. ун-т; Филологический факультет. СПб., 2017. 37 с.: ил. – (Серия Литературные направления и течения; вып. 90; Анализ литературного произведения; Петербургская филологическая школа).

Большакова Н.В. Комментарии к 1-му тому поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». 2-е изд. М.: Издательский дом «Сказочная дорога», 2017. 520 с.

Приложение 1

Несуразицы в тексте поэмы. С. 498–514.

Приложение 2

Хронологическая справка «Отечественная война 1812 года и заграничный поход русской армии 1813–1814 годов». С. 514–517.

Бондарев А.Г. Границы текста и реальности в творчестве Н. Гоголя и Д. Хармса // Успехи современной науки и образования. Белгород, 2017. Т. 5. № 3. С. 7–10.

Боровская Е.Р. К истории одной фамилии в повести Н.В. Гоголя «Портрет» // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. М., 2017. № 772. С. 142–150.

[Сравнительный анализ вариантов фамилии главного героя повести «Портрет» – художника Чарткова.]

Брянцева О.А. Гоголевский саспенс «Заколдованного места» // Вестник Луганского национального ун-та им. Владимира Даля. Луганск, 2017. Т. 1. № 4(6). С. 66–69.

Бударагин М. Николай Васильевич меняет профессию // Культура. М., 2017. № 30. С. 10.

[В прокате стартовал мистический триллер «Гоголь. Начало» (режиссер Егор Баранов, автор идеи – Александр Цекало), удивительно простая лента, которая не понравится зрителю, но будет тепло принята профессиональным сообществом.]

Булатая Е.В. Ирония в художественном тексте и специфика ее перевода на немецкий язык (на материале повестей Н.В. Гоголя) // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия Лингвистика и педагогика. Курск, 2017. Т. 7. № 1(22). С. 15–22.

Булатая Е.В. Повтор как средство актуализации иронического смысла в художественном тексте (на материале произведений Н.В. Гоголя и их перевода на немецкий язык) // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. № 1. Калининград, 2017. С. 13–18.

Булатая Е.В. Синтаксические средства экспликации иронии в художественном тексте (на материале произведений Н.В. Гоголя) // Язык и культура: сб. материалов XXVII международной научно-практической конференции (Новосибирск, 20 января – 22 февраля

2017 г.) / Центр развития научного сотрудничества; под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, 2017. С. 83–88.

Булатая Е.В. Стилистические средства выражения иронии в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: прагматический и переводческий аспекты // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы VI международной научной конференции, посвященной памяти проф. С.М. Прохоровой (Минск, 3–5 декабря 2015 г.) / Минский гос. лингвистический ун-т; отв. ред. О.А. Полетаева. Минск, 2017. С. 121–124.

Буркова В.А. Изображение ведьм у Гоголя и Булгакова: смех как отражение сознания русской ведьмы // Литература и язык в современном поликультурном пространстве: сб. статей по материалам всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Стерлитамак, 15 мая 2017 г.) / Стерлитамакский филиал Башкирского гос. ун-та; отв. ред. Г.М. Ибатуллина. Стерлитамак, 2017. С. 32–42.

Бутенина Е.М. Рецепция прозы Гоголя в США // Американистика на Дальнем Востоке: Ежегодный бюллетень. Вып. 3 / Благовещенский гос. педагогический ун-т; отв. ред. Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2017. С. 10–13.

[Краткий обзор англоязычных исследований творчества Гоголя и переводов его произведений на английский язык; примеры включения гоголевского интертекста в современной прозе США.]

В преддверии Русской Палестины: Летопись Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1847–1854 / Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. М.И. Щербаковой. Иерусалим, 2017. 352 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: Введение. С. 14–28.

[Указ. имен.]

Варламова Н. Горький смех не понять фарцовщикам. Рецензия на фильм «Гоголь. Начало» // Русская народная линия. 22.09.2017.

[О первой части трилогии фильма «Гоголь» (режиссер Е. Баранов, автор идеи А. Цекало).

Варламова Н. Фарца в кривом зеркале. Вторая часть рецензии на к/ф-трилогию «Гоголь» // Русская народная линия. 10.11.2018.]

Василевская Н.А. Способы создания образов персонажей в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и героической повести «Тарас Бульба» // Молодой ученый. Казань, 2017. № 31(165). С. 77–83.

Васильева А. По следам гоголевских персонажей, или новые истории обитателей Диканьки // Библиотека. М., 2017. № 1. С. 17.

Васильева Ж. Гоголь. Начало // Российская газета. М., 2017. 27 сентября. С. 13

[В Третьяковской галерее открылась выставка «Скульптор Николай Андреев. Кем вы были до 1917 года». Споры о памятнике Гоголю на Никитском бульваре в Москве.]

Васярова О.А. Как сделана «Шинель» Тынянова // Поволжский педагогический вестник / Самарский гос. социально-педагогический ун-т. Самара. 2017, Т. 5. № 4(17). С. 43–47.

[Киносценарий Ю.Н. Тынянова по повести Гоголя «Шинель».]

Ваулина С.С., Булатая Е.В. Текстовые средства экспликации иронии как компонента авторской модальности в произведениях Н.В. Гоголя // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2017. № 4–2(58). С. 20–23.

Вересаев В.В. Гоголь в жизни. М.: Изд-во АСТ, 2017. 768 с. – (Русская классика).

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2017. № 3. С. 7–18.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иване к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2017. № 4. С. 51–67.

Виноградов И.А. Гоголь и западное славянофильство: К постановке проблемы // *Studia Litterarum*. М., 2017. № 4. С. 182–207 (studlit.ru/images/2017-2-4/SL-2017-Vol2-4.pdf).

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: В 7 т. Т. 1: 1405–1808; 1809–1828 / Российская академия наук. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 736 с.

Предисловие. С. 5–6.

Летопись рода Гоголя. С. 7–212.

Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). 1809–1828. С. 213–694.

Список сокращений.

Указ. имен.

Географическая канва жизни и творчества Гоголя. 1809–1828. С. 727–730.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: В 7 т. Т. 2: 1829–1836 / Российская академия наук. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 672 с.

Указ. имен.

Географическая канва жизни и творчества Гоголя. 1829–1836. С. 659–670.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: В 7 т. Т. 3: 1837–1841 / Российская академия наук. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 672 с.

Указ. имен.

Географическая канва жизни и творчества Гоголя. 1829–1836. С. 650–670.

Виноградов И.А. Провокация вымысла: Мистифицированная цитата Д.С. Мережковского как литературная реальность в изучении Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики / Петрозаводский гос. ун-т; гл. ред. В.Н. Захаров. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 4. С. 7–21 (poetica.pro/files/redaktor_pdf/1512469843.pdf).

Виноградов И.А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Литературный факт: научный журнал. М.: ИМЛИ РАН, 2017. № 5. С. 416–426.

Водолагин А. Сильные мысли о России: Н.В. Гоголь и славянофилы // Наш современник. М., 2017. № 11. С. 240–253.

Волкова Е.В. Ключевые мифологические образы, мотивы и темы в повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купалы» // Материалы Научной сессии 2017 (Борисоглебск, 1–30 апреля 2017 г.) / Борисоглебский филиал Воронежского гос. ун-та. Борисоглебск, 2017. С. 58–62.

Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 2015 // *Stephanos*. М., 2017. № 1(21). Январь. С. 249–279 (www.stephanos.ru).

Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 2016 // *Stephanos*. М., 2017. № 3(23). Май. С. 190–213 (www.stephanos.ru).

Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 1986–1989 // *Stephanos*. М., 2017. № 5(25). С. 198–239 (www.stephanos.ru).

Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 1981–1985 // *Stephanos*. 2017. № 6(26). С. 261–310(www.stephanos.ru).

Воропаев В. Благословение Святой Горы: Русский Афон в судьбе Гоголя // Православная беседа. М., 2017. № 5. С. 82–89.

Воропаев В.А. Благословение Святой Горы: Русский Афон в судьбе Гоголя // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: сб. научных и научно-методических статей / Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова. Филологический факультет, кафедра русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов; редкол.: Л.П. Клобукова и др. Вып. 13. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 127–134.

Воропаев В.А. Был ли Гоголь в Испании: современный взгляд // История русской литературы: современность классики: сб. к юбилею проф. С.А. Джанумова / Московский городской педагогический ун-т; отв. ред. Н.И. Райкова. М.: Книгодел; МГПУ, 2017. С. 123–134.

Воропаев В.А. Всероссийская научная конференция «Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: история и современность» на филологическом факультете МГУ // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2017. № 4. С. 261–265.

Воропаев В.А. Православный Гоголь в Сербии // Stephanos. М., 2018. № 2(28). С. 332–333 (www.stephanos.ru).

[Рец. на кн.: Православни витез Николај Васиљевич Гогољ / Приредило и превео Ранко Гојковић. Стари Бановци; Београд: Бернар, 2017. 163 с. – (Библиотека Тихи глас).]

Воропаев В.А. Владимир Осипович Шервуд и Николай Васильевич Гоголь // Династия Шервудов в истории и культуре России / Министерство культуры Российской Федерации, Российская академия художеств, Государственный музей, Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств при Российской академии художеств; авторы-сост. Е.А. Лукьянов, Ю.Р. Савельев; под науч. ред. Ю.Р. Савельева. М.: Фонд «Связь эпох»; «Кучково поле Музеон», 2017. С. 137–144.

Воропаев В.А. Гоголь и славянский мир. [Ч. 1] // Даниловский благовестник. М.: Изд-во Данилова ставропигиального мужского монастыря, 2017. № 33. С. 19–26.

Воропаев В.А. Да будет воля Твоя. К 165-летию со дня смерти Гоголя // Православное книжное обозрение. М., 2017. Декабрь. № 12(77). С. 25–33.

Воропаев В.А. «Да будет воля Твоя...» О причинах смерти Н.В. Гоголя // Кузовские чтения – 2017: Материалы международной научной конференции «Культурно-семиотическое пространство русской словесности: история развития и перспективы изучения» / Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский гос. психолого-педагогический ун-т; сост. И.В. Дергачевой. М.: Кругъ, 2017. С. 9–20.

Воропаев В.А. Духовник Гоголя. К 225-летию со дня рождения протоиерея Матфея Константиновского (1791–1857) // Даниловский благовестник. М.: Изд-во Данилова ставропигиального мужского монастыря, 2017. № 32. С. 27–38.

[Окончание. Начало см. «Даниловский благовестник». № 31.]

Воропаев В.А. «Замечательный русский человек» // Православное книжное обозрение. М., 2017. Сентябрь. № 9(74). С. 66–68.

[Рец. на кн.: Расев А.И., <протоиерей>. Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского: Сводная редакция (1860–1890–1915). Тверь, 2017. 496 с.]

Воропаев В.А. Из отроческих лет Гоголя // Странник: историко-литературный журнал. Смоленск, 2017. № 1(8). С. 28–34.

Воропаев В.А. «Ищите царствия Божия»: Святитель Филарет, митрополит Московский, и Гоголь. Из истории взаимоотношений. К 150-летию со дня кончины // Духовно-нравственное воспитание: научно-просветительский журнал. М., 2017. № 6. С. 20–23.

Воропаев В. «Меня очень занимал Гоголь». Из «Записок» В.О. Шервуда. К 185-летию со дня рождения // Православное книжное обозрение. М., 2017. № 10(75). Октябрь. С. 36–45.

Воропаев В.А. «Мертвые души» и цензура. К 175-летию выхода поэмы в свет (1842) // Московский журнал. М., 2017. № 11(323). Ноябрь. С. 2–6.

Воропаев В. Молитва Гоголя // Православное книжное обозрение. М., 2017. № 3(69). Март. С. 24–32.

Воропаев В.А. Молитва Н.В. Гоголя ко Пресвятой Богородице в славянском фольклоре и литературном предании // Русистика без границ: международный научный журнал. София, 2017. № 3. С. 13–19.

Воропаев В.А. Н.В. Гоголь: Жизнь и творчество. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. Изд. 6-е. М.: Изд-во Московского ун-та, 2017. 120 с. – (Перечитывая классику).

Воропаев В.А. Н.В. Гоголь и святоотеческое наследие (к постановке проблемы) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2017. № 5. С. 9–20.

Воропаев В. Небесный Помещик и другие загадки «Мертвых душ» // Фома: православный журнал для сомневающих. М., 2017. № 5(169). Май. С. 74–83.
[Беседовал Виталий Каплан; рис. Наталии Кондратовой.]

Воропаев В.А. Новое о Гоголе: источниковедческий обзор // Литературный факт: научный журнал. М.: ИМЛИ РАН, 2017. № 5. С. 427–438.

Воропаев В.А. Под защитой угодника Божия. Диканьский образ святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Н.В. Гоголя // Икона в русской словесности и культуре: Материалы XIII международной научной конференции «Икона в русской словесности и культуре» (Москва, 26–28 января 2017 г.) / Дом Русского Зарубежья, Музей Русской Иконы; ред.-сост. В.В. Лепяхин. М., 2017. С. 268–276 (www.bfrz.ru/data/nayk_center/naychnuj_sekretar/Sbornik_konferencia_2017_ikonichnost_slovesnost_zarubezhje_Lepahin_Prns.pdf).

Воропаев В.А. Последнее свидание. К 160-летию со дня кончины протоиерея Матфея Константиновского (1791–1857) и 165-летию со дня кончины Н.В. Гоголя (1809–1852) // Православный собеседник: журнал Татарстанской митрополии. Казань, 2017. № 2(5). Май. С. 88–95.

Воропаев В.А. Протоиерей Матфей Ржевский как проповедник // Странник: историко-литературный журнал. Смоленск, 2017. № 1(8). С. 41–50.
[Публ. три проповеди отца Матфея.]

Воропаев В. Тайна великой поэмы. К 175-летию выхода в свет 1-го тома «Мертвых душ» // Православное книжное обозрение. М., 2017. № 5(71). Май. С. 58–63.

Воропаев В.А. Тайна великой поэмы. К 175-летию выхода в свет 1-го тома «Мертвых душ» // Литература в школе. М., 2017. № 12. С. 2–4.

Воропаев В.А. «Творение чисто русское, национальное». К 175-летию выхода в свет поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: история создания, жизнь и смерть автора. М., 2017. 32 с. – (Московский журнал. Приложение: «Мертвые души». 175 лет в поисках души живой).

Воропаев В.А. «Умереть с пеньем на устах...» Молитва Гоголя ко Пресвятой Богородице в славянском фольклоре и литературном предании // Русский вестник. М., 2017. 2 февраля.

Воропаев В.А. Филаретовская анкета [Отношение Гоголя к святителю Филарету, митрополиту Московскому] // Филаретовский альманах. Вып. 13 / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т; редкол.: Г.В. Бежанидзе, протоиерей Павел Хондзинский, А.И. Яковлев (отв. ред.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. С. 207–210.

Воропаев В.А. Чрезвычайное событие в литературоведении: издан трехтомный свод мемуаров и документальных свидетельств о Гоголе // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер. Русская филология. М., 2017. № 3. С. 149–151.

[Рец. на изд.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013. Т. 1. М., 2011. 904 с. Т. 2. М., 2012. 1032 с. Т. 3. М., 2013. 1168 с.] (vestnik-mgou.ru/Articles/View/10727).

Воскресенский Б.А. Духовный путь ученого: штрихи к портрету врача-психиатра Д.Е. Мелехова // Медицинская психология в России: электронный научный журнал 2017. Т. 9. № 1(42) (mprj.ru).

[«Душевная патология» Гоголя, описанная в работе Д.Е. Мелехова «Психиатрия и проблемы духовной жизни».]

Вострикова Р.В. Морально-этические аспекты темы суда и правосудия в творчестве Н.В. Гоголя // Наука и инновации в современных условиях: сб. статей по материалам международной научно-практической конференции (Кемерово, 29 сентября 2017 г.) / Отв. ред. Е.Ю. Копылова. Шелехов, 2017. С. 34–40.

<Выготский Л.С.> Записные книжки Л.С. Выготского / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Изд-во «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.

[Указ. имен.]

Вяземский Ю.П. Любовь в русской литературе. От Гоголя до Шолохова: [сб.] / Московский гос. институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. М.: АСТ, 2017. 320 с. – (Умники и умницы: олимпиада).

Галушко Т.Г. Н.В. Гоголь как пророк православной русской культуры // Шестые Пюхтицкие чтения: Материалы международной научно-практической конференции «Светское и духовное культурное наследие как ценностная основа формирования личности современника» (Куремяэ, Эстония, 11–12 декабря 2017 г.). / Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь. 2017. С. 170–176.

Галяткина Е.Н. Повесть Н. В. Гоголя «Портрет» в свете текстологии // Родное и вселенское: национальное своеобразие и мировое значение русской литературы. Эстетика, традиции, культурные приоритеты: сб. научных трудов. Вып. 5 / Отв. ред. А.А. Дырдин. Ульяновск, 2017. С. 18–54.

[Материалы международной научной конференции (Ульяновск, 29–30 сентября 2017 г.) / Ульяновский гос. технический ун-т; Открытое международное научное сообщество «Русская словесность: духовно-культурные контексты».]

Галяткина Е.Н. Текстологический анализ двух редакций повести Н. В. Гоголя «Портрет» // Вестник Ульяновского гос. технического ун-та. Ульяновск, 2017. № 3(79). С. 10–22.

Гарифуллина Э.И. Н.В. Гоголь в эпистолярном наследии И.С. Тургенева 1852–1853 гг. // Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований: Материалы международной заочной (электронной) научной конференции для молодых ученых, посвященной 60-летию филологического факультета / Башкирский гос. ун-т; отв. ред. А.Р. Мухтаруллина. Уфа, 2017. С. 78–85.

Гашева Н.Н. Литературная классика в рецепции кино: конфликт интерпретаций // Литература в системе культуры. К семидесятилетию проф. И.В. Кондакова: сб. статей по итогам международной научно-практической конференции (Москва, 15 апре-

ля 2017 г.) / Министерство образования Московской области; Академия социального управления. М., 2017. С. 312–319.

[На примере экранизаций повести Гоголя «Вий» режиссерами Константином Ершовым и Георгием Кропачевым (1967 г.) и Олегом Степченко (2014 г.).]

Гоголезнавчі студії = Гоголеведческие студии / Редкол.: П.В. Михед (відп. ред.), С.Д. Абрамович, В.О. Воропаев, В.П. Казарин, О.С. Киченко [та ін.]; Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя; Гоголезнавчий центр; Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України. Вип. 6(23). Ніжин: ФОП Лук'яненко В.В. ТПК «Орхідея», 2017. 483 с. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Абрамович С.Д. Чичиков как архетип тени. С. 6–23.

Виноградов И.А. Путешествие в творчестве Гоголя. С. 24–60.

Воропаев В.А. Молитва Гоголя «К Тебе, о Матерь Пресвятая...» в славянском фольклоре и литературном предании. С. 61–79.

Кривонос В.Ш. Отзвуки Гоголя в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)». С. 93–106.

Шульц С.А. Пушкин – Гоголь: к метафизике внутреннего диалога. С. 139–162.

Рецензії та відгуки

Воропаев В.А. Чрезвычайное событие в литературоведении: Издан трехтомный свод мемуаров и документальных свидетельств о Гоголе. С. 215–217.

[Рец. на кн.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.]

Якубина Ю.В. Над страницами новой книги о Гоголе. С. 218–230.

[Рец. на кн.: *Виноградов И.А.* Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.]

Анкета Гоголезнавчих студій:

Абрамович С. С. 267–269.

Друбек Наташа. С. 270–271.

Бібліографія:

Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2009–2013): дополнения. С. 272–319.

Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (2014–2015). С. 320–440.

Воропаев В.А. Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н.В. Гоголя (2014–2016). С. 441–444.

Костенко О.О., Кузьменко Н.В., Михед П.В. Бібліографія України про життя і творчість Миколи Гоголя (2014–2015). С. 445–465. На рус. и укр. яз.

Зміст попередніх випусків «Гоголезнавчих студій». С. 466–475.

Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения: сб. научных статей по материалам международной научной конференции (Москва, 29 марта; Белград, 30 марта – 4 апреля 2016 г.) / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Н.В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В.П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2017. 304 с.: ил.

Содерж.:

Summary. Аннотированное содержание на английском языке. – С. 7–13.

<Приветственные слова участникам чтений.> С. 14–19.

Викулова В.П. Предисловие. С. 20–22.

Творчество Гоголя в славянском контексте:

Воропаев В.А. Н.В. Гоголь и славянский фольклор. С. 24–34.

Гольденберг А.Х. Поэтика Гоголя в контексте славянской народной культуры. С. 35–42.

Анненкова Е.И. Гоголь и братья Аксаковы: славянский вопрос в историко-культурной перспективе. С. 43–53.

Мани Ю.В. Гоголь между западниками и славянофилами: опыт примирения. С. 54–59.

Гуминский В.М. Гоголь и славянофилы: к проблеме самобытного развития русской литературы. С. 60–68.

Виноградов И.А. Славянофильство русское, польское и украинское: Н.В. Гоголь, А. Мицкевич и О.М. Бодянский. С. 69–77.

Есаулов И.А. Гоголь в русском и славянском контекстах понимания: парадоксы рецепции. С. 78–83.

Барабаш Ю.Я. «Все эти славянисты и европисты...» (гоголевская тема: версия Юрия Шереха). С. 84–95.

Борисенкова А.В., Сугай Л.А. Европа и Россия в историко-культурных воззрениях Н.В. Гоголя. С. 96–103.

Балакишина Ю.В. Славянская и европейская «бестолковщина» (к проблеме художественного образа-итога в творчестве Н.В. Гоголя). С. 104–111.

Мильдон В.И. Сократ о Чичикове, или О степени античного влияния на славянскую культуру. С. 112–117.

Дмитриева Е.Е. Вариации на тему «Мертвых душ» в славянской и западноевропейской литературе. С. 118–132.

Кибальник С.А. Гоголь, Достоевский, славянский мир и «социальное христианство». С. 133–143.

Крыстева Денка. Мирская канонизация Гоголя и идеологические нарративы середины XIX века. С. 144–154.

Судьбы произведений Гоголя в славянском мире:

Сартаков Е.В. Гоголь и сербская драматургия: «Подозрительная личность» Бранислава Нушича. С. 156–163.

Вранеш Александра. О постановках гоголевских пьес в сербском театре. С. 164–167.

Няголова Наталия. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» в болгарском театре начала XX века. С. 168–173.

Чавдарова Дечка. Болгарская действительность, увиденная сквозь призму творчества Гоголя. С. 174–180.

Кишицова Дануше. Произведения Н.В. Гоголя в музыкальном переложении Л. Яначека и Б. Мартину. С. 181–189.

Антанасиевич Ирина. Гоголевские темы в русском комиксе Королевства Югославия. С. 190–199.

Шливар Василиса. Экранизация В.А. Старевичем гоголевской повести «Ночь перед Рождеством». С. 200–205.

Сабо Бояна. Статьи о Гоголе в эмигрантском журнале «Русский архив». С. 206–212.

Билвески Владимир. Штрихи к портрету Зоры Есенской – переводчицы Гоголя. С. 213–218.

Сугай Л.А. Книга о Гоголе профессора А.В. Исаченко: текст и контекст эпохи. С. 219–226.

Прозоров В.В. Гоголевские темы в «Свитке» Н.И. Ульянова. С. 227–230.

Байич Лиляна. Творчество Гоголя в современном преподавании литературы в Сербии. С. 231–238.

Яковлевич-Радунович Анна. Гоголевские мотивы в романе «Колыбельная для Лиры» М. Йовановича. С. 239–244.

Гоголь: жизнь и творчество:

Денисов В.Д. Романическое повествование о Малой России в раннем творчестве Н.В. Гоголя. С. 246–256.

Кривонос В.Ш. Мифология и антропология места в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики». С. 257–263.

Капустин Н.В. Почему все-таки обиделся Иван Иванович? С. 264–272.

Милентиевич Лазарь. Мертвые души в «Петербургских повестях». С. 273–280.

Вранеш Бранко. Образ дьявола в произведениях Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова. С. 281–286.

Карташов В.С. Доктор И. Фибинг, врач Гимназии высших наук в г. Нежине. С. 287–289.

Робинов О.Ю. Образы гоголевских персонажей в русской графике (о выставке «Повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в иллюстрациях художников XX в. – из собрания московского Дома Гоголя»). С. 290–292.

Иллюстрации российских художников к произведениям Н.В. Гоголя. С. 293.

Сведения об авторах. С. 294–303.

Гоголь теперь выглядит так // Metro. М., 2017. 30 июня. С. 7, 12.

[31 августа в широкий прокат выйдет фильм «Гоголь. Начало» (режиссер Егор Баранов), который уже наделал много шума. Почему стоит его увидеть и чем этот проект удивителен, об этом мы поговорили с Евгением Стычкиным, исполнившим одну из главных ролей в проекте – следователя полиции села Диканька Бинха.]

Голубков С.А. О судьбах гоголевской традиции в наше время // Наука и культура России / Самарский гос. ун-т путей сообщения. Самара, 2017. Т. 1. С. 143–145.

[Роман Владислава Отрошенко «Приложение к фотоальбому» (2007).]

Горбунова Д.О. Методика постижения старшеклассниками традиций Н.В. Гоголя в творчестве М.А. Булгакова // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: Материалы IV международной научно-практической конференции (Пенза, 28 ноября 2017 г.) / Пензенский гос. технологический ун-т; отв. ред. Д.Н. Жаткин, И.В. Куликова. Пенза, 2017. С. 178–185.

Городилова Т.С. В. Розанов о роли Н. Гоголя в русской культуре // Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования: Материалы международной научно-практической конференции (Вологда, 27 сентября 2017 г.): В 2 ч. Ч. 1 / Научный центр «Диспут». Вологда, 2017. С. 122–123.

Готовцева А.Г. «Встреча» с Наполеоном как биографический конструкт в русской культуре // Гуманитарный акцент / Российский гос. гуманитарный ун-т. М., 2017. № 3. С. 111–125. [В частности, герои Гоголя о Наполеоне.]

Грехнёвские чтения: Литературное произведение в системе контекстов: Материалы международной научной конференции (Нижний Новгород, 23–25 апреля 2016 г.). Вып. 7 / Национальный исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского; отв. ред. И.С. Юхнова. Нижний Новгород, 2017. 312 с.

Из содерж.:

К 180-летию комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Лгуны, вруны и фантазеры в литературе:

Белоногова В.Ю. Иван Хлестаков против Криспина. Еще нечто по поводу «пушкинской под-сказки». С. 6–12.

[Криспин из неосуществленного замысла А.С. Пушкина и гоголевский Хлестаков.]

Федоров М.Л. Спектакль «Ревизор» В.Э. Мейерхольда в полемике Демьяна Бедного с представителями русского зарубежья. С. 12–17.

Высоцкая В.В. Литературные реминисценции в повести Гоголя «Шинель». С. 208–211.

Канарская Е.И. Н.В. Гоголь как персонаж пьес Н.В. Коляды «Старосветские помещики» и «Мертвые души». С. 211–220.

Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте / Российская академия наук. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 608 с.

Из содерж.:

Русская «Одиссея» и русский Гомер (пространство и время). С. 353–395.

[«Мертвые души» Гоголя.]

К проблеме мифологизации исторического времени и пространства (Гоголь и 1812 год). С. 396–439.

Путешествие Гоголя по Святой Земле в контексте развития паломнической литературы. С. 440–485.

[Указ. имен.]

Гушкова Л.В. Функции кольцевого повтора с междометием ей-Богу в речи персонажей повестей Н.В. Гоголя // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. трудов международной научной конференции, посвященной 85-летию проф. П.А. Леканта (Москва, 24–25 ноября 2017 г.) / Московский гос. областной ун-т, Историко-филологический институт; отв. ред. Н.Б. Самсонов. М., 2017. С. 39–41.

Демченко А.А. «Тщусь, сколько возможно, надышаться стариной» (Гоголь и саратовский фольклор) // Фольклор Большой Волги: сб. научных статей. М., 2017. С. 330–343.

[Материалы конференции «Фольклор Большой Волги» (Саратов, 13–15 октября 2014 г.) / Государственный центр русского фольклора, Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского и др.]

[Анализ статьи некоего К., напечатанной в журнале «Отечественные Записки» (в ответ на просьбу Гоголя присылать материалы о поверьях и обычаях русской жизни) и содержащей поверья и народные песни крестьян Саратовской губернии.]

Денисов В.Д. Герои Гоголя: национальное, типическое, особенное // Культура и текст / Алтайский гос. педагогический ун-т. Барнаул, 2017. № 3(30). С. 6–29.

[Характерология героев повести «Тарас Бульба» (1835).]

Денисов В.Д. Гоголевский именослов: о форме и семантике личных имен в повестях «Миргорода» // Проблемы исторической поэтики / Петрозаводский гос. ун-т; гл. ред. В.Н. Захаров. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 1. С. 38–54.

[Характеристика антропонимов в повестях цикла Гоголя «Миргород» (1835).]

Денисов В.Д. Историческая мифология в первой малороссийской повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» // Проблемы исторической поэтики / Петрозаводский гос. ун-т; гл. ред. В.Н. Захаров. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 2. С. 7–23.

Джафарова К.К. Повествовательные жанры в «Учебной книге словесности для русского юношества» Н.В. Гоголя // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. Махачкала, 2017. Т. 32. № 4. С. 20–26.

[Жанр повести и проблема разграничения малых эпических форм (повести, рассказа, новеллы) в книге Гоголя.]

Дзюба Г.Е. Гоголь о девичьих смешинках и печалинках. М.: Палитра Д, 2017. 352 с. 1000 экз.

[Женские образы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».]

Дмитриева Е.Е. Метонимия в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2016): сб. научных трудов XVIII всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 15–16 апреля 2016 г.): В 2 ч. Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика / Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна; науч. ред. Н.Б. Лезуновой [и др.]. СПб., 2017. С. 296–300.

Дмитрина О.В., Мишустина (Дербина) Е.В. Специфика употребления украинизмов в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сб. научных трудов. Вып. 8 / Министерство образования и науки Российской Федерации; Воронежский гос. ун-т; Центр коммуникативных исследований ВГУ; Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова; науч. ред. М.А. Стернин. Воронеж, 2017. С. 13–17.

Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского: Материалы III научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. Гуманитарно-педагогическая академия (Симферополь, 1–3 ноября 2017 г.). Т. 3 / Крымский федеральный ун-т им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2017. 230 с.

Из содерж.:

Кухлевская А.Б. Контекстуальные антонимы в описании интерьера в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 117–118.

Музыченко И.В. Фольклорные мотивы в повести «Вечер накануне Ивана Купала». С. 118–120.

Долгушин Д.В. Тема Палестины в творческом диалоге В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия История, филология. Новосибирск, 2017. Т. 16. № 2: Филология. С. 140–145.

Домбровский Ю.А. Болезнь. Последние годы жизни: роман. М.: Изд-во ИТРК, 2017. 112 с. – (Золотой век русской литературы).

[Роман посвящен Гоголю.]

Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ (Донецк, 17–20 октября 2017 г.). Т. 4: Филологические науки. Ч. 2: Языкознание, литературоведение, культурология, журналистика / Донецкий национальный ун-т; под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк, 2017. 298 с.

Из содерж.:

- Коледа В.М., Ревяков И.С. Русский мир в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 189–190.
- Семенова О.С., Кравченко О.А. Модернистская трансформация реалистической традиции (Н.В. Гоголь и Ф. Кафка). С. 216–218.
- Дубовицкий В.В. Фантазм во фрейдовском и в эстетическом бессознательном // Философия и культура. М., 2017. № 5(113). С. 36–52.
[На примере повести Гоголя «Вий».]
- Дубровская С.А. Бахтинская концепция смеха Н.В. Гоголя в социокультурном контексте 1940–50-х гг. // Проблема хронотопа в современных научных исследованиях: сб. докладов и статей / Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования; ред.-сост., перевод, подгот. стенограмм Е.А. Семеновой. М., 2017. С. 270–279.
[Материалы международного круглого стола, посвященного М.М. Бахтину (Москва, 19–20 апреля 2017 г.).]
[Рецепция бахтинского сюжета «Гоголь и Рабле» в отечественной гуманитарной науке 1940–1950-х гг.]
- Егорова С.О. Эсхатологические смыслы «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. Волгоград, 2017. № 4(117). С. 140–145.
- Елфимова М. Ритмическая организация текста в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Stephanos. 2017. № 6(26). С. 189–196 (www.stephanos.ru).
- Еремеева А.С. Смысл финала комедии Н. Гоголя «Ревизор» // Инновационное реформирование экономики и общества в условиях глобальной нестабильности: Материалы III международной научно-практической конференции (Саратов, 10 марта 2017 г.) / Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; отв. ред. И.В. Кузнецов. Саратов, 2017. С. 88–94.
- Ершов А.Г. Характер использования эпистолярного материала в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 8–1(74). С. 21–24.
[Процесс трансформации частного письма в главу итогового произведения.]
- Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2017. 550 с.
Пасхальность в поэтике Гоголя. С. 123–158.
- Жигулина Н.А. Традиционные блюда русской кухни «каша» и «няня» в языке поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русский язык в диалоге культур: Материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Саранск, 6 июня 2017 г.) / Национальный исследовательский Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева; отв. ред. Ю.А. Мишанин. Саранск. 2017. С. 518–523.
[Значение и функционирование слов «каша» и «няня» в поэме Гоголя с точки зрения иностранного читателя.]
- Жигулина Н.А., Чжан М. Традиционное русское блюдо щи в языке поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг.: Материалы XX всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 11–12 апреля 2017 г.): В 2 т. Т. 1 / Гуманитарный ун-т. Екатеринбург, 2017. С. 454–457.
[Значение и функционирование лексемы «щи» в поэме Гоголя с точки зрения иностранного читателя.]
- Жиркова М.А. Исповеди в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Учебное пособие / Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина. СПб., 2017. 140 с.
Гл. 1: Генезис жанра литературной исповеди и его формирование.
5. К истории развития жанра: Августин, Руссо, Гоголь и Толстой.

5.3. Исповедально-проповедническое начало «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. С. 39–44.

Жукова Л.Е. «Шкатулка» Александра Кушнера (некоторые размышления о стихотворении) // Текст культуры и культура текста: Материалы IV международного педагогического форума (Сочи, 16–17 октября 2017 г.) / Российское общество преподавателей русского языка и литературы, Общество русской словесности, Российская академия образования, Московский педагогический гос. ун-т [и др.]; редкол.: Л.А. Вербицкая, С.И. Богданов, О.Е. Дроздова [и др.]. СПб., 2017. С. 473–477.

[Гоголевские аллюзии (шкатулка Чичикова) в стихотворении А. Кушнера «Шкатулка».]

Журавлева А.В. Гоголь и Леонтьев: особенности русского эсхатологического мировосприятия // Гуманитарные ведомости Тульского гос. педагогического ун-та им. Л.Н. Толстого. Тула, 2017. № 2(22). С. 55–62.

[Сравнительный анализ эсхатологических воззрений Гоголя и К.Н. Леонтьева.]

Забудряева Ю.А. Мотив разрушения семьи и дома в творчестве Н.В. Гоголя // Littera terta: Материалы VI международной конференции молодых ученых (Екатеринбург, 1 декабря 2017 г.). Вып. 12 / Уральский гос. педагогический ун-т; гл. ред. И.А. Семухина. Екатеринбург, 2017. С. 133–139.

[На примере повестей «Старосветские помещики», «Майская ночь, или Утопленница» и поэмы «Мертвые души».]

Завгородний А.М. «Мертвые души» в полифонии французских интерпретаций // World Science: Problems and Innovations: сб. статей XV международной научно-практической конференции (Пенза, 30 ноября 2017 г.): В 4 ч. Ч. 3 / Отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 220–225.

Завгородний А.М. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» на французском: опыт одного перевода // Наука сегодня: проблемы и перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции (Вологда, 29 ноября 2017 г.): В 3 ч. Ч. 3. Вологда: ООО «Маркер», 2017. С. 12–15.

Завгородний А.М. Французская рецепция поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в эпоху франко-русского союза: начало XX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 3(69): В 3 ч. Ч. 2. С. 26–31.

[Особенности восприятия поэмы «Мертвые души» во Франции в начале XX в. Первая французского диссертация по Гоголю Р. Тырновой. Обзор изданий, посвященных Гоголю и его произведению.]

Заграновская З.В., Щенникова Н.В. Особенности перевода реалий на материале произведения Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // V Авдеевские чтения: сб. статей всероссийской научно-практической конференции преподавателей, учителей, аспирантов, магистрантов, студентов и школьников (Пенза, 5 апреля 2017 г.) / Пензенский гос. ун-т; ред. Ю.А. Шурьгина. Пенза, 2017. С. 42–45.

Зайцева Г.Н., Кипреева Н.И. Образ дороги в русской литературе и живописи XIX–XX веков (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Развитие науки и техники: механизм выбора и реализации приоритетов: сб. статей международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15 июня 2017 г.): В 3 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2017. С. 46–49.

Звонникова Л. Изнанка шинели. О чем же на самом деле повесть Гоголя? // Фома: православный журнал для сомневающихся. М., 2017. № 2(166). Февраль. С. 66–72.

[Подгот. Виталий Каплан.]

[Повесть Гоголя «Шинель».]

Зыкова Г.В., Недзвецкий В.А. История русской литературной критики XVIII–XIX веков: Учебное пособие для академического бакалавриата. Изд. 2-е, испр., доп. М.: Изд-во Юрайт, 2017. 304 с. – (Сер. Бакалавр и магистр. Модуль).

Лекция 9–10: Писательская критика 1820-х годов (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь). С. 94–120.

Зырянова О.Н. Рецепция Н.В. Гоголя в современной русской драме // Языки и литература в поликультурном пространстве / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 2017. № 3. С. 16–21. [Рецепция произведений Гоголя в пьесах Н. Коляды и О. Богаева.]

Иванникова И.Д., Мазуренко Н.Ю. Православный Гоголь // Молодежный инновационный вестник / Воронежский гос. медицинский ун-т им. Н.Н. Бурденко. Воронеж, 2017. Т. 6. № 3. Приложение 3. С. 75–76.

Иванова Е.А. Мистические мотивы в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» и повести Н.В. Гоголя «Портрет» // Методы науки. Уфа, 2017. № 1. С. 66–67.

Иванова Е.С. Функциональность гоголевских цитат в прозе М.А. Булгакова // Русская речь. М., 2017. № 2. С. 21–28.

Ивинский Д.П. Штейнер и «фигура фикции»: к интерпретации «Мастерства Гоголя» Андрея Белого // Арабески Андрея Белого: жизненный путь. Духовные искания. Поэтика: международная научная конференция, посвященная 135-летию со дня рождения Андрея Белого (Москва, Белград, 26–31 октября 2015 г.). Белград, 2017. С. 519–527.

Игнатьевосян Т.В. «Белые» и «черные» гении в повести Н.В. Гоголя «Портрет» (русско-зарубежные связи как способ интеграции в преподавании литературы в профессиональных образовательных учреждениях) // Интеграционные технологии в преподавании филологических дисциплин: сб. статей по материалам всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 20–21 апреля 2017 г.) Вып. 8 / Нижегородский гос. педагогический ун-т им. Козьмы Минина; науч. ред. А.Л. Латухиной, Ж.И. Можновой. Нижний Новгород, 2017. С. 97–103.

Ильинская Т.Б., Федотова А.А. Повесть Н.С. Лескова «Заячий ремиз» в контексте прозы Н.В. Гоголя // Русская литература. СПб., 2017. № 3. С. 213–222.

Иноуэ Ю. Два контрастных знахаря в произведениях Н.В. Гоголя и перевод на японский язык предложений, включающих ритмико-звуковые приемы, ассоциируемые с их образами // Русский язык и культура в зеркале перевода / Высшая школа перевода (факультет) Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2017. № 1. С. 193–200.

[Сопоставлены два гоголевских персонажа: Пузатый Пацюк из повести «Ночь перед Рождеством» и доктор из повести «Нос», принявший коллежского асессора Ковалева.]

Историческая поэтика русской литературной классики (Гоголь – Лесков – Достоевский): научные труды молодых ученых / Российский гос. педагогический ун-т им. А.И. Герцена; ред. Е.И. Анненкова, Ю.В. Балакшина; сост., науч. ред. О.В. Евдокимовой. СПб., 2017. 150, [1] с.

Ершов А.Г. Экфрасис в концепции «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя (на материале главы XXIII («Исторический живописец Иванов»). С. 5–15.

Исупов К.Г. О философской критике Серебряного века // EINA1: Проблемы философии и теологии / Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения. СПб., 2017. Т. 6. № 1(11). С. 5–17.

[В частности, философы рубежа XIX–XX вв. о Гоголе.]

Кабаева Е.Д. Духовные истоки творчества Н.В. Гоголя // Язык и текст. 2017. Т. 4. № 2. С. 10–13.

Кабаева Е.Д. Рим и католичество в духовной жизни Н.В. Гоголя // Утренняя заря: молодежный литературоведческий альманах / Ред.-сост. Т.А. Алпатова. Вып. VII: Литература в контексте межкультурного диалога. М., 2017. С. 13–17.

[Итальянский период жизни Гоголя, его религиозно-философские взгляды и интерес к католицизму в «римскую эпоху».]

Канарская Е.И. Двоемирие как архетип русской литературы и его воплощение в творчестве Н.В. Коляды // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2017. № 3. С. 231–236.

[Рецепция Гоголя в драматургии Н.В. Коляды.]

Канарская Е.И. Образ Чичикова как связующее звено реального и ирреального миров в пьесах Н.В. Коляды «Коробочка» и «Мертвые души» // Дергачевские чтения – 2016. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций: Материалы XII всероссийской научной конференции: К 70-летию Объединенного музея писателей Урала (Екатеринбург, 13–14 октября 2016 г.) / Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; Объединенный музей писателей Урала; отв. ред. О.В. Зырянов. Екатеринбург, 2017. С. 126–131.

Канарская Е.И. Элементы фольклорной традиции в образной системе «гоголевских» пьес Н. В. Коляды («Старосветские помещики», «Иван Федорович Шпонька и его тушка», «Коробочка», «Мертвые души») // Русский язык в диалоге культур: Материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Саранск, 6 июня 2017 г.) / Национальный исследовательский Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева; отв. ред. Ю.А. Мишанин. Саранск, 2017. С. 539–544.

Капустина С.В. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в восприятии крымских школьников // Русский язык в поликультурном мире: Материалы I международного симпозиума (Ялта, 8–12 июня 2017 г.). Т. 1 / Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым; Крымский федеральный ун-т им. В.И. Вернадского; отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь, 2017. С. 153–158.

Капустина С.В. Проблема восприятия современными школьниками повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Художественный текст глазами молодых: Материалы международной научно-практической конференции (Ярославль, 22 октября 2016 г.) / Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова; сост. Е.А. Федорова. Ярославль, 2017. С. 14–19.

Карандашова О.С., Логунов М.Л. К вопросу о художественном мышлении Н.В. Гоголя в «Миргороде» // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Филология. Тверь, 2017. № 3. С. 29–33.

Карташов В.С. Российские врачи в окружении А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя: Справочник. М.: Изд-во «Спутник+», 2017. 91 с.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 65–90.

Карташов В.С., Исаева Е.В. Занятия Н.В. Гоголя итальянским языком. Диалог о растениях // Актуальные проблемы современной науки. М., 2017. № 2(93). С. 62–65.

Карташов В.С., Исаева Е.В. Растения в диалоге Н.В. Гоголя на итальянском языке // Естественные и технические науки. М., 2017. № 2(104). С. 11–12.

[Материалы занятий Гоголя иностранными языками, в частности, итальянским языком, сохранились в его бумагах в виде диалогов на разные темы. Один из диалогов, «В саду», посвящен растениям.]

Карташов В.С., Карташов А.В. Доктор А.И. Овер, лечащий врач Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. М., 2017. № 4(95). С. 154–155.

Катермина В.В. Н.В. Гоголь и Ч. Диккенс как языковые личности русского и английского народов // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. научных трудов / Кубанский гос. ун-т; под ред. В.И. Тхорика и др. Краснодар, 2017. С. 69–80.

Кацис Л.Ф., Элиасберг Г.А. «Тарас» глазами «Янкеля»: Гоголь в еврейской и русско-еврейской литературе и критике второй половины XIX – начала XX в. // Общественные науки. М., 2017. № 4–1. С. 118–130.

[Рецепция Гоголя в творчестве еврейских литераторов 1860–1910-х гг., писавших на еврейских (идиш и иврит) и русском языках. Приводятся критические статьи рубежа XIX–XX вв., а также современные исследования, отражающие влияние Гоголя на еврейских писателей, включая Менделе Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема. В своей полемике с русским классиком еврейские литераторы опирались на исторические хроники и свидетельства XVII–XVIII вв. о гибели еврейских общин Украины во время казачьих восстаний, оставивших трагический след в коллективной памяти народа. Для нескольких поколений еврейской интеллигенции в России персонажи Гоголя служили важным аргументом в осмыслении поворотных вех русско-еврейской истории 1880–1910-х гг.]

Каширина В.В. «Лествица» в издании Оптиной Пустыни // Актуальные вопросы светской и духовной словесности. Вып. 1 / Российская академия наук. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; редкол.: М.И. Щербакова (отв. ред.), О.А. Крашенинникова, Е.А. Осипова, Е.А. Самофалова. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. С. 225–234. [О Гоголе: С. 232.]

Кибальник С.А. Гоголь, Достоевский и «социальное христианство» // Вопросы философии. М., 2017. № 4. С. 151–159.

Ким И.Е., Лю Я. Средства выражения приблизительного количества в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и ее китайском переводе // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия История, филология. Новосибирск, 2017. Т. 16. № 2: Филология. С. 102–109.

Кирдянова Е.Р., Егорычева А.Д. Этнические традиции в современном российском кинематографе (на примере фильма «Вий» 2014 года) // Актуальные вопросы этнографии и этногеографии: сб. статей по материалам всероссийской студенческой научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23 марта 2017 г.) / Нижегородский гос. педагогический ун-т им. Козьмы Минина. Нижний Новгород, 2017. С. 149–152.

[Этнические традиции казачества на примере повести Гоголя «Вий» и ее экранизаций 1967 и 2014 гг.]

Кияниченко А.Ю., Саськова Т.В. Мотив «живой»картины в «Овальном портрете» Эдгара По и в повести «Портрет» Н.В. Гоголя // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. Социальный инженер-2017: сб. материалов всероссийской конференции молодых исследователей (Москва, 5–7 декабря 2017 г.). Ч. 4 / Московский гос. ун-т дизайна и технологии. М., 2017. С. 179–182.

Клинг О.А. Спор о «великом меланхолике» и роман Андрея Белого «Петербург» (Пушкин – Гоголь – Белый) // Новый филологический вестник. М., 2017. № 3(42). С. 137–148.

Ковалев Г.Ф. Истоки именика Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 2017. № 2. С. 93–102. [Проблема биографизма творчества Гоголя; прототипы персонажей писателя.]

Ковалева В.С. Textoобразующая роль частиц в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Известия Смоленского гос. ун-та. Смоленск, 2017. № 4(40). С. 126–132.

Козлова Я.О. Календарный жанр в цикле Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // МНСК – 2017: Литературоведение: Материалы 55 международной научной студенческой конференции (Новосибирск, 16–20 апреля 2017 г.) / Новосибирский национальный исследовательский гос. ун-т. Новосибирск, 2017. С. 25–26.

Колесниченко Д.А. Забытый «Тарас Бульба». Почему повесть Гоголя замалчивают для украинского читателя // Литературная газета. М., 2017. 13 июня. № 14. С. 1, 6–7.

Колмакова О.А., Ван Чжуаньчу. Орнаментальный сказ в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя // Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. Улан-Удэ, 2017. № 2. С. 48–53.

Колмакова О.А., Ван Чжуаньчу. Повесть Н.В. Гоголя «Вий» в русской литературе конца XX века: мотив бесовского вторжения в пьесе Н.П. Сакур «Панночка» и рассказе *Елизарова М.Ю.* «Госпиталь» // Сюжетология и сюжетография / Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск, 2017. № 2. С. 116–121.

Кондакова Ю.В. Категория имени в творческой судьбе Гоголя // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. М., 2017. № 6. С. 153–157.

Кондрашов А. Мент с Диканьки. Кинокартина «Гоголь. Начало» вышла на экраны страны // Литературная газета. М., 2017. № 35. С. 16.

Континуальность и дискретность в языке и речи: Материалы VI международной научной конференции (Краснодар, 24–28 октября 2017 г.) / Кубанский гос. ун-т; кафедра современного русского языка; отв. ред. Л.А. Исаева. Краснодар, 2017. 235 с.

Из содерж.:

Пономаренко И.Н., Мосьян С.А. Средства формирования оценочной характеристики в прозе Н.В. Гоголя. С. 68–71.

Белова А.В. Пространственные номинации как значимая часть языковой картины мира Н.В. Гоголя. С. 147–151.

Короленко К.А., Петренко Т.С. Патография Н.В. Гоголя // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: Материалы II международной (72 всероссийской) научно-практической конференции молодых ученых и студентов, II всероссийского форума медицинских и фармацевтических вузов «За качественное образование» (Екатеринбург, 12–14 апреля 2017 г.). Т. 2. Екатеринбург, 2017. С. 411–415.

[Гипотезы исследователей касательно предполагаемого психического расстройства Гоголя.]

Краснокутская С.Д. Пространственная лексика в цикле повестей Н.В. Гоголя «Миргород» // Гуманитарные научные исследования. М., 2017. № 6(70). С. 28.

Краснокутская С.Д. Языковые средства расширения и сужения пространства в повести Н.В. Гоголя «Вий» // European Research: Innovation in Science, Education and Technology: сб. статей по материалам XXXIV международной научно-практической конференции (Москва, 14–15 декабря 2017 г.). М., 2017. С. 50–52.

Кривонос В.Ш. Гоголевский слой в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Саратов, 2017. Т. 17. № 1. С. 70–74.

Кривонос В.Ш. Гоголь в русском литературном пространстве XIX–XX вв.: монография / Самарский гос. социально-педагогический ун-т. Самара: СГСПУ, 2017. 268 с.

Кривонос В. Универсалии в прозе Гоголя: монография. [Saarbrücken]: Palmarium Academic Publishing, 2017. 288 с.

Кривоус Т.В. О генезисе inferнального пространства в повести Н.В. Гоголя «Заколдованное место» // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации: Материалы участников VII всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Владиво-

сток, 17 февраля 2017 г.) / Дальневосточный федеральный ун-т; отв. ред. А.А. Новикова. Владивосток, 2017. С. 77–80.

Кривоус Т.В. О специфике демонизации фольклорного образа знахаря-колдуна в повести О.М. Сомова «Русалка» и Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» // Наука в современном информационном обществе: Материалы XII международной научно-практической конференции (North Charleston, USA, 19–20 июня 2017 г.). 2017. С. 102–107.

Кривоус Т.В. Повесть Н.В. Гоголя «Заколдованное место»: мотив искушения в авторской концепции фантастического // Филологические открытия / Дальневосточный федеральный ун-т. Филиал ДВФУ в г. Уссурийске. Уссурийск 2017. № 5. С. 183–190.

Кривоус Т.В., Новикова А.А. Языковые маркеры инфернального пространства в повести Н.В. Гоголя «Пропавшая грамота» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2–1(68). С. 31–33.

Кройчик Л.Е. Жизнь «под игом безумия» (история одной поездки) // Былое и мы: сб. научных статей / Воронежский гос. ун-т, факультет журналистики, кафедра истории журналистики; ред. С.Н. Гладышева. Воронеж, 2017. С. 80–103.

[В частности, о «Ревизоре» Гоголя.]

Крылова А.Г. Семантические особенности «говорящих» имен в художественном тексте // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Русская филология. М., 2017. № 1. С. 28–35.

[На примере произведений Гоголя и Ю.В. Буйды.]

Кублановский Ю.М. «Ослепительные клубы облаков...» [стихотворение] // Кублановский Ю. Долгая переправа. 2001–2017. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2017. С. 226.

[О Гоголе.]

Курганов Е.Я. «Русский Мюнхгаузен»: Реконструкция одной книги, которая была в свое время создана, но так и не была записана. М.: Изд-во Б.С.Г.-Пресс, 2017. 224 с.

[Устные рассказы «русского Мюнхгаузена» – Д.Е. Цицианова, и их отражение в произведениях русских писателей, в том числе Гоголя.]

Курдюкова Д. Станиславского – в кабаре, Гоголя – на бульвар. Выставка «Скульптор Андреев. Кем вы были до 1917 года» открылась в Третьяковской галерее // Независимая газета. М., 2017. 25 сентября. С. 7.

Куренков А.С. Религиозно-философское осмысление святоотеческого наследия в литературном творчестве Н.В. Гоголя // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Право. Белгород, 2017. № 10(259). С. 185–191.

Кушнерук С.П. Николай Васильевич бранится... (инвективы в гоголевском художественном тексте) // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: Материалы международной научной конференции (Волгоград, 9 января – 1 апреля 2017 г.) / Волгоградский гос. ун-т; отв. ред. А.В. Простов. Волгоград, 2017. С. 23–27.

[Бранные речевые единицы как компоненты художественных произведений Гоголя.]

Ладыгина А.А. Специфика мотива письма в поздней прозе Н.В. Гоголя (на примере сборника «Выбранные места из переписки с друзьями») // Первые научные штудии (Новосибирск, 20 апреля 2017 г.). Вып. 7 / Новосибирский гос. педагогический ун-т; под ред. Е.Г. Николаевой. Новосибирск, 2017. С. 52–57.

Лазарев М. Идеальный раб. О бывших и настоящих Башмачкиных в оковах специализации // НГ-Ex libris. М., 2017. 14 сентября. С. 12.

Левитина В.Д. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» как история развития «души человеческой» // Фундаментальные проблемы науки: сб. статей международной науч-

но-практической конференции (Казань, 20 июня 2017 г.): В 4 ч. Ч. 4 / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2017. С. 85–89.

Либан Н.И. Русская литература: Лекции. Работы разных лет. Биографическое. Проза / Сост., подгот. текста Б.Н. Романова, В.М. Харламовой-Либан; коммент. Б.Н. Романова. М.: Водолей, 2017. 600 с.

Из содерж.:

В.Ф. Переверзев. С. 245–254.

[В.Ф. Переверзев О Гоголе.]

[Указ. имен.]

Люсый А.П. «Немец» и «итальянец» // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. М., 2017. № 1. С. 60–71.

[Образ Рима в одноименной повести и письмах Гоголя.]

Магомедалиева З.Г., Малецкая Ж.В. Традиции и новаторство в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» // Успехи современной науки и образования. Белгород, 2017. Т. 3. № 4. С. 118–120.

[Гоголь («Шинель») и Ф.М. Достоевский («Бедные люди»).]

Мадякина Т.В. Способы введения в произведения элементов мистического в русской литературе XIX века (на примере произведений Н.В. Гоголя) // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сб. статей международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 28 марта 2017 г.): В 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2017. С. 97–100.

Манн Ю.В. История русской литературы первой трети XIX века: учебник для академического бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2017. 441 с. – (Серия Бакалавр. Академический курс).

Гл. 14: «Сие к далекому стремленье». Романтическая коллизия на исторической и народной почве.

14. 5. Усложнение романтического мира в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. С. 317–322.

Гл. 17: «Романтики открывают город».

17. 1. Метаморфоза романтического конфликта. С. 356–358.

[«Невский проспект» Гоголя.]

17. 2. Улица как художественный персонаж. С. 358–363.

[«Невский проспект» Гоголя.]

17. 3. Город в «Ревизоре» Н.В. Гоголя. С. 363–364.

17. 4. «Душевный город». С. 364–365.

[«Ревизор» Гоголя.]

Гл. 19: В силовом поле романтизма

19. 5. «Герой нашего времени» и «Мертвые души»: линия авторской судьбы. С. 403–405.

[Указ. имен.]

Манянина Е.И. Дом М.П. Погодина как культурно-исторический феномен, или Московское пристанище Н.В. Гоголя // Litera. 2017. № 4. С. 28–37 (e-notabene.ru/fil/article_24885.html).

Манянина Е.И. «Урок в музее» по произведению Н.В. Гоголя «Мертвые души» как практическое применение концепции «Гений места» // Litera. 2017. № 4. С. 21–27 (author.nbpublish.com/fil/article_24376.html).

<Марков А.В> Книжная полка Александра Маркова // Новый мир. М., 2017. № 10. С. 204–212.

[Рец. на кн.: *Видузирите И.* Географическое воображение. Гоголь / [ил.: Гедрюс Йонайтис]. Vilnius: Vilnius Universitetas Petro ofsetas, 2015. 296 с.]

Мартынова А.А. Материал для занятия в группе «Терапия творческим самовыражением М.Е. Бурно (ТТСБ)» по теме «Н.В. Гоголь» // Антология российской психотерапии и психологии: Материалы научно-практических конгрессов Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги и Национальной саморегулируемой организации «Союз психотерапевтов и психологов» (Москва, 12–15 октября 2017 г.); сетевое научно-практическое издание. Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига. Вып. 3 / Отв. ред. А.Е. Булычева. М., 2017. С. 184–185.

Маслова А.Г., Линь Сяолин. Характеристика сатирических образов комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в процессе изучения русского языка как иностранного // Advanced Science / Вятский гос. ун-т. Киров, 2017. № 1. С. 73.

Матлина С.Г. Музейная деятельность публичных библиотек итоги одноименной конференции в столичном «Доме Гоголя» // Библиотечное дело. СПб., 2017. № 22(304). С. 32–34.

Махлак К.А. Экклезиологические мотивы в творчестве Н. В. Гоголя // Acta Eruditorum / Русская христианская гуманитарная академия. СПб., 2017. № 22. С. 42–45.
[Образ Церкви в произведениях Гоголя.]

Медведева А.И. «Божественная комедия» Данте в диалоге с творчеством русских писателей (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, М.А. Булгаков) // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сб. статей по материалам XXVIII международной научно-практической конференции (Москва, 27 февраля – 7 марта 2017 г.). № 3(28) / Отв. ред. Н.Р. Красовская. М., 2017. С. 57–61.

Меладишина Ю.В. Гоголевский «Ревизор» в контексте романа Владимира Шарова «Возвращение в Египет» // Вестник Пермского гос. гуманитарно-педагогического ун-та. Серия 3. Гуманитарные и общественные науки. Пермь, 2017. № 1. С. 83–92.

Меладишина Ю.В. Образы комедии Гоголя в судьбах героев и в сюжете романа В. Шарова «Возвращение в Египет» // Актуальные вопросы филологических наук: Материалы V международной научной конференции (Казань, 20–23 октября 2017 г.). Казань, 2017. С. 8–11.
[Герои «Ревизора» Гоголя в романе В. Шарова «Возвращение в Египет».]

Меладишина Ю.В. «Ревизор» в гоголевском тексте романа Владимира Шарова «Возвращение в Египет» // Вестник Удмуртского ун-та. Серия История и филология. Ижевск, 2017. Т. 27. № 5. С. 693–706.

Мельман А. Дорогой мой Хлестаков! // Московский комсомолец. М., 2017. 25 мая. № 108. С. 6.

[Беседа с художественным руководителем московского театра «Et Cetera» А.А. Калягиным, сыгравшим Хлестакова в спектакле, поставленном режиссером Робертом Стурра.]

Мельман А. Украинская комедия // Московский комсомолец. М., 2017. 30 июня. С. 10.
[Гоголевские персонажи на политических ток-шоу российского телевидения.]

Мельник В.И. «Спасена буди вся земля...»: Московский блаженный Иван Яковлевич Корейша. М.: Храм преподобного Сергия Радонежского в Гольяново, 2017. 48 с.
[В частности, Гоголь и Иван Яковлевич Корейша.]

Мельникова Л.А. Мотив зеркала в романе Г. Бёлля «Групповой портрет с дамой» в контексте традиций Н.В. Гоголя // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования: сб. статей по материалам IV международной научно-практической конференции (Москва, 17–27 октября 2017 г.). Т. 4(3) / Отв. ред. Е.Ю. Бутакова. М., 2017. С. 29–32.

Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы VI всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием (Ново-

сибирск, 22–24 ноября 2017 г.) / Новосибирский гос. педагогический ун-т; отв. ред. А.Е. Козлов. Новосибирск, 2017. 265 с.

Из содерж.:

Букиану А.А. К вопросу о ценностной организации повести Н.В. Гоголя «Портрет» и новелл О. Бальзака. С. 9–10.

[Сопоставительный анализ фабул и сюжетов повести Гоголя «Портрет» и новелл Бальзака «Пьер Грассу», «Неведомый шедевр».]

Ладыгина А.А. Специфика героев-художников в произведениях Н.В. Гоголя. С. 22–25.

Монахова И. Только Гомер, Шекспир и Гоголь // Литературная Россия. М., 2017. № 34. С. 14.

Монин М.А. «Ревизор»: неоконченная пьеса на струнах расстояний // Credo New: теоретический журнал. СПб., 2017. №1. С. 142–173.

Муждабаева П.И. Просторечная лексика в повести Н.В. Гоголя «Заколдованное место» // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: Материалы научно-практической конференции (Евпатория, 24–25 ноября 2017 г.) / Крымский федеральный ун-т им. В.И. Вернадского; под общ. ред. И.Б. Каменской. 2017. С. 146–150.

Муминов С.О. Изучение литературной комиксы Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя в школе: Учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 112 с.

Анализ комического начала в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 82–102.

Мурзина Е.А. Язык прозы Н.В. Гоголя (на материале повести «Сорочинская ярмарка») // Амурский научный вестник / Амурский гуманитарно-педагогический гос. ун-т. Комсомольск-на-Амуре, 2017. № 3. С. 90–93.

Муртузалиева Е.А. Типология и жанр работы Д.С. Мережковского «Гоголь и черт» и образ Гоголя в ней // Вестник Северо-Восточного федерального ун-та им. М.К. Аммосова. Якутск, 2017. № 6(62). С. 96–104.

Мусатова Т.Л. Новая книга о Гоголе в Риме. Мир писателя, «духовно-дипломатические дела», эстетика, поиски социального служения (1837–1848). Материалы и исследования: В 2 т. Т. 1: В Риме (1837–1843). М.: ПРОБЕЛ-2000, 2017. 428 с. 300 экз.

[Рец.: Независимая газета. М., 2017. 10 августа. С. 9; Варламов С. Что прятал Гоголь. Автор «Мертвых душ» как эстет, закупщик и агент императора // Независимая газета. М., 2017. 17 августа. С. 15.]

Назирковский архив: электронный журнал, посвященный наследию Р.Г. Назирова. 2017. № 4(18).

Из содерж.:

Назирова Р.Г. О месте В. Ф. Одоевского в русской литературе. С. 9–55.

[В частности, князь В.Ф. Одоевский и Гоголь.]

Илюшин А.А. Отзыв о докторской диссертации Р.Г. Назирова «Традиции А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя в русской литературе (опыт сравнительного исследования сюжетов и фабул)». С. 96–100.

Направления развития инструментов обеспечения экономической безопасности, методов анализа и аудита: Материалы 70 международной студенческой научно-практической конференции студентов, посвященной 125-летию со дня рождения проф. Н.Д. Кондратьева (Москва, 14–17 марта 2017 г.) и Материалы международной научно-практической конференции «Информационное обеспечение экономической безопасности: проблемы и направления развития» (Москва, 17–18 апреля 2017 г.) / Российский гос. аграрный ун-т – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева; под ред. Н.Н. Карзаевой, Ю.Н. Каткова М.: «Научный консультант», 2017. 332 с.

Из содерж.:

Ламсков М.Г. Мошенничество в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 171–172.

Холопова В.С. Мошенничество в поэме Гоголя «Мертвые души». С. 189–192.

Наука и творчество молодых исследователей: итоги и перспективы: Материалы II всероссийской студенческой научной конференции (Краснодар, 6 апреля 2017 г.) / Кубанский гос. ун-т; отв. ред. М.В. Шаройко и др. Краснодар, 2017. 230 с.

Из содерж.:

Агаджанова Т.С. «Душевная болезнь»: симптоматика по Гоголю. С. 64–67.

[Природа «душевной болезни», свойственной героям петербургских повестей Гоголя.]

Маликова Ю.В. Традиции Н.В. Гоголя в повести М.А. Булгакова «Похождения Чичикова. С. 114–117.

Монастырская О.А. Феномен Н.В. Гоголя в эстетической концептологии В.В. Набокова. С. 118–121.

Немцев В.И. Формирование национального самосознания // Наука и культура России / Самарский гос. ун-т путей сообщения. Самара, 2017. Т. 1. С. 54–58.

[На примере поэмы Гоголя «Мертвые души».]

Нечаев А. Вечер на хуторе близ Сонной Лощины // Российская газета. М., 2017. 10 августа. С. 9.

[Сериалы штурмуют большой экран: премьера «Гоголя» пройдет в кинотеатрах. Интервью с режиссером фильма Егором Барановым.]

Нурмырадов Б.М. «Маленький человек» в произведениях Н.В. Гоголя // Инновационные технологии в науке нового времени: сб. статей по итогам международной научно-практической конференции (Казань, 12 июня 2017 г.) / Отв. ред. И.Н. Пилипчук. Уфа, 2017. С. 81–83.

Овсянникова А.А. Особенности передачи имен собственных при переводе с русского языка на украинский (на материале книги В. Мельниченко «Гоголевская Москва») // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. М., 2017. № 1. С. 48–59.

[Сложные случаи передачи имен собственных при переводе с русского языка на украинский, в авторской энциклопедии-хроноскопе В.Ю. Мельниченко «Гоголевская Москва» (Гоголівська Москва. Авторська енциклопедія-хроноскоп. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 831 с.: ил.).]

Овчинников Д.П. «Казалось, существование этого народа было вечно»: мифопоэтические пределы малороссийского текста русской литературы (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Серия Гуманитарные науки / Ивановский гос. химико-технологический ун-т. Иваново, 2017. Т. 8. № 4. С. 324–327.

[Малороссия в творчестве Гоголя и В.Т. Нарезного.]

Овчинников Д.П. Малороссийский филэллизм Н.В. Гоголя в повести «Старосветские помещики» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 8–2(74). С. 42–45.

[Античный жанр идиллии в повести Гоголя.]

Овчинников Д.П. Хозяйственные взгляды Н.В. Гоголя // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: Материалы X международной научной конференции (Шуя, 8–9 июня 2017 г.) / Ивановский гос. ун-т, Шуйский филиал; отв. ред. А.А. Червова. Шуя, 2017. С. 185.

Огольцева Е.В. Сравнение как языковой механизм гиперболы (на материале повестей Н.В. Гоголя) // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков: сб. статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной педагогической и научной деятельности проф. Г.В. Звёздовой и приуроченной к ее юбилею (Липецк, 21–22 марта 2017 г.) / Липецкий гос. педагогический ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского; отв. ред. И.П. Зайцева. Липецк, 2017. С. 110–117.

Огурцова В.С. Граница реального и ирреального в произведениях Н.В. Гоголя и В.И. Даля // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Саратов, 2017. Т. 17. № 4. С. 413–418.

Океанский В.П., Океанская Ж.Л. «Мертвые души» между культурой и цивилизацией (к методике изучения названия гоголевской поэмы) // Научный поиск / Технологический центр. Шуя, 2017 № 4. С. 42–44.

Омеличкина Е.О. По Гоголю и не только [Рецензия] // Сцена. М., 2017. № 3(107). С. 14–15. [Рец. на спектакль Якутского ТЮЗа «Три ночи» (по мотивам повести Гоголя «Вий»). Преломление классического сюжета через призму национального якутского театра.]

Орлова О.В. Нравственный смысл комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». IX класс // Литература в школе. М., 2017. № 3. С. 9–12.

Осипов Ю.И. Золотое сечение: Силуэты отечественной литературы. М.: ФЛИНТА, 2017. 320 с.

Портфель Гоголя. С. 6–19.

Осипцова Т. «Вий». Первый фильм ужасов в СССР // Дарья. Биография. М., 2017. № 11. С. 8–9.

Осьмухина О.Ю. Специфика воплощения мотива безумия в творчестве Э.Т.А. Гофмана и Н.В. Гоголя // Русско-зарубежные литературные связи: сб. статей по материалам VII всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Нижний Новгород, 28–29 октября 2016 г.) / Нижегородский гос. педагогический ун-т им. К. Минина; науч. ред. Н.М. Ильченко. Нижний Новгород, 2017. С. 108–114.

Отечественная литература как фактор сохранения русской идентичности в глобальном мире: Материалы всероссийской научно-практической конференции (Самара, 18 мая 2017 г.) / Центр духовно-нравственного воспитания «Слово»; редкол.: Н.С. Филатова, Э.А. Радаева. Самара, 2017. 220 с.

Из содерж.:

Кривонос В.Ш. Место и сюжет в «Старосветских помещиках» Гоголя. С. 105–117.

Немцев В.И. Русская литература и общество как выразители эстетического идеала и социальной мысли. С. 132–152.

[В частности, на материале поэмы Гоголя «Мертвые души».]

Падерина Е.Г. О тяжбе по поводу «Тяжбы» и проблемах датирования хорошо запомнившегося современникам эпизода биографии Гоголя // *Studia Litterarum*. М., 2017. Т. 2. № 2. С. 290–315.

[О датировке окончательной редакции «Тяжбы» Гоголя, прочитанной автором в доме Аксаковых в первый приезд в Россию из-за границы (1839–1840 гг.).]

Пауткин А.А. Горизонты прочтения: Историко-филологические заметки и размышления. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 328 с.

Из содерж.:

Исторический роман Г. Сенкевича «Огнем и мечом» и русская литература. С. 236–250.

[Сопоставление романа Г. Сенкевича с «Тарасом Бульбой» Гоголя: С. 238.]

Петренко Н.А., Лагно В.В. «Движение» сатиры в изображении чиновничества в произведениях русских писателей (Н.В. Гоголь – М.Е. Салтыков-Щедрин – Л.Н. Толстой – М.А. Булгаков) // *Human and Natural Sciences and Problems of Modern Communication: Materials of the I European International Research and Practice Conference* (Prague, Czech Republic, 30 сентября 2017 г.) / Scientific Publishing Center «Open Knowledge». 2017. С. 68–77.

Петров В.Б. Булгаков и Гоголь: от философии к поэтике // Научные революции: сущность и роль в развитии науки и техники: сб. статей международной научно-практической конференции (Уфа, 28 августа 2017 г.): В 2 ч. Ч. 1. Уфа, 2017. С. 125–131.

Петрова М.В. Литературные архетипы в повестях Н.В. Гоголя // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. Самара, 2017. Т. 19. № 3. С. 97–100.

[На материале петербургских повестей Гоголя.]

Петрова С.М. Графико-символическое пространство художественного текста в системе обучения русскому языку иностранцев // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. М., 2017. Т. 15. № 4. С. 414–426.

[На материале поэмы Гоголя «Мертвые души».]

Петрова Т.Г. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. М.: РАН. ИНИОН, 2017. № 1. С. 53–58.

[Реф. кн.: *Есаулов И.А.* Постсоветские мифологии: структуры повседневности. М.: Академика, 2015. 616 с.]

Петрова Т.Г. «Родина последняя, всё, чем Россия была и чем она будет»: русская классика в рецепции литературной критики эмиграции // Русское зарубежье: История и современность: сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр сравнительного изучения цивилизаций; ред.-сост. Т.Г. Петрова, В.Г. Шаронова. М., 2017. С. 102–117.

[В частности, русская эмиграция о Гоголе.]

Плеханова Л.П. «Ироническое повествование» как средство выражения концептуальной информации в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Слово. Предложение. Текст. Коммуникация: сб. научных трудов, посвященный памяти проф. А.И. Долгих / Липецкий гос. педагогический ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского; отв. ред. Е.А. Попова. Липецк, 2017. С. 171–179.

Поляков О.Ю. Джон Бэйли о «магическом реализме» Н.В. Гоголя // Зарубежные писатели о русской литературе: Материалы международной научной конференции «XIX Пуришевские чтения» (Москва, 5–7 апреля 2017 г.). М., 2017. С. 76–77.

Полякова А.С. Мотив зеркала в повести Н.В. Гоголя «Вий» // МНСК-2017: История и теория искусств: Материалы 55 международной научной студенческой конференции (Новосибирск, 17–20 апреля 2017 г.) / Новосибирский национальный исследовательский гос. ун-т Новосибирск, 2017. С. 77–78.

Потапчук В.И. Н.В. Гоголь в оценках отечественных философов // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность / Тихоокеанский гос. ун-т. Хабаровск, 2017. № 1. С. 7–17.

[В.В. Розанов, А.И. Введенский, Д.С. Мережковский, Н.А. Бердяев, А. Белый, И.А. Ильин, протоирей Г.В. Флоровский, протопресвитер В.В. Зеньковский и др.]

Про Пушкина и др.: Московские легенды, записанные Е.З. Барановым / Худ. В.И. Тихомиров. СПб.: Красный матрос, 2017. 32 с.

Пушкин и Гоголь. С. 10–18.

[Печ. по изд.: Московские легенды, записанные Евгением Барановым / Сост, вступ. статья и примеч. Веры Боковой; ред. Ю. Буртин. М.: Литература и политика, 1993.]

Проблемы взаимодействия языка, литературы и фольклора и современная культура: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти известных фольклористов – проф. Л.Г. Барага и доцента Л.И. Брянцевой (Уфа, 1–2 декабря 2016 г.) / Башкирский гос. ун-т, Собор русских Башкортостана; отв. ред. С.А. Салова. Уфа, 2017. 143 с.

Из содерж.:

Ахметова Г.А. Н.В. Гоголь в эстетической рецепции Л.Н. Толстого. С. 53–58.

Якубова Р.Х. Балаганные метаморфозы в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 112–120.

Проблемы исторической поэтики / Петрозаводский гос. ун-т; гл. ред. В.Н. Захаров. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3.

Из содерж.:

Виноградов И.А. Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе. С. 35–69.

[Гоголь в противостоянии славянофилов и западников.]

Кибальник С.А. «Христианский социализм» или «социальное христианство»? (Гоголь и Достоевский в истории русской социально-философской мысли. С. 70–93.

Шульц С.А. Трансформация инфернального в идиллическом: Н.В. Гоголь – Л.Н. Толстой – И.А. Бунин. С. 158–178.

[На материале повестей Гоголя «Вий», Л.Н. Толстого «Дьявол», И.А. Бунина «Митина любовь».]

Радь Э.А., Сидорова И.А. Коннотации мотива «страсть» в общем семиотическом поле М.И. Цветаевой и Н.В. Гоголя // Новшества в области гуманитарных наук: сб. научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (Тюмень, 25 декабря 2017 г.). Вып. 2. Тюмень: Федеральный центр науки и образования Эвенсис, 2017. С. 9–13.

Райкина М. Александр Калягин побил все рекорды... сыграв молодого Хлестакова // Московский комсомолец. М., 2017. 1 июня. № 114. С. 8.

[75-летний А.А. Калягин сыграл Хлестакова в спектакле «Ревизор. Версия» (режиссер Роберт Стурга).]

Расев А.И., <протоиерей>. Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского: Сводная редакция (1860–1890–1915) / [Вступ. статьи В. Воропаева; протоиерея А. Шабанова. Примеч. протоиерея А.И. Расева (в тексте)]. Тверь, 2017. 496 с.

Из содерж.:

Воропаев В. Оставаться на капитанском мостике до конца. Несколько слов о протоиерее Алексии Расеве и его книге. С. 12.

Шабанов А., протоиерей. Протоиерей Алексей Расев. In Memoriam. С. 13.

Щеглов И. Гоголь и о. Матвей Константиновский. С. 370–383.

[Впервые: Новое Время. 1901. 13 декабря. № 9260. С. 2–3. Загл.: Гоголь и о. Матвей Константиновский (История одного губительного недоразумения).]

Поселянин Е. Гоголь и прот. Матфей Ржевский. С. 384–388.

[Статья-реплика на статью И. Щеглова.]

[Впервые: Московские Ведомости. 1902. 27 февраля / 12 марта. № 57. Передовица.]

А.Н. <Александр Надеждин> Ржевский протоиерей Матфей Константиновский и отношение к нему Н.В. Гоголя. С. 389–395.

[Впервые: Православно-Русское Слово. 1902. Февраль. № 4. С. 275–293.]

Воспоминания прот. Феодора Образцова. С. 396–411.

Из воспоминаний Е.Н. Бастамовой. С. 429–431.

Суждение Д.С. Мережковского. С. 432–447.

Неизданное письмо о. Матфея Н.В. Гоголю. С. 458–460.

Известные письма странника-Гоголя о. Матфею. С. 461–470.

Введенский А.П., священник. Духовник Н.В. Гоголя. С. 478–488.

Ритм прозы от Карамзина до Чехова: монография / Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский гос. лингвистический ун-т; под ред. Г.Н. Ивановой-Лукьяновой. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 336 с.

Н.В. Гоголь. С. 93–128.

Природа и ритм в творчестве Н.В. Гоголя.

Ритм и смысл: Миргород», «Петербургские повести».

Портретные описания: Миргород», «Петербургские повести».

Ритмические портреты героев «Мертвых душ».

Ритм лирических отступлений в «Мертвых душах».

[2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2019.]

Рогова А. Кошмары на хуторе близ Диканьки // Известия. М., 2017. 31 августа. С. 7.

[Продюсер Александр Цекало и режиссер Егор Баранов представили зрителям многосерийный фильм «Гоголь. Начало». Его можно смело назвать самым зрелищным телевизионным российским проектом последних лет, что, собственно, и подвигло создателей на уникальный для на-

шей киноиндустрии эксперимент – выпустить сериал, смонтировав его под формат кинотеатров, в широкий прокат.]

Роготнев И.Ю. Античная мениппея и «ложная сатира» в русской литературе // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: Материалы V всероссийской (с международным участием) научной конференции (Пермь, 10 апреля 2017 г.) / Пермский гос. национальный исследовательский ун-т; отв. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2017. С. 333–342. [В частности, на материале «Записок сумасшедшего» Гоголя.]

Родионов Д.В. Пожалеть Гоголя или горький смех Дмитрия Крымова // Сцена. М., 2017. № 1(105). С. 15–18.

[Рец. на спектакль Лаборатории Дмитрия Крымова «Своими словами. Н. Гоголь «Мертвые души» (история подарка)». Особенности творческого метода режиссера, в котором ирония и гротеск соединяются с широким культурным контекстом.]

Норштейн Ю.Б. О земных и воздушных путях в искусстве / [беседу вел Дмитрий Родионов] // Сцена. 2017. № 1 (105). С. 3–7.

Розанов В.В. Избранные литературно-эстетические работы. М.: Изд-во Юрайт, 2017. 450 с. – (Антология мысли).

Пушкин и Гоголь. С. 192–202.

Как произошел тип Акакия Акакиевича. С. 202–214.

О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира. С. 386–396.

[В частности, Д.С. Мережковский о Гоголе].

Романенко Ю.М. Русский логос и малороссийский мифос: событие Николая Гоголя // Русский логос: горизонты осмысления: Материалы международной философской конференции (Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г.) / Санкт-Петербургский гос. технологический ин-т (Технический ун-т); Социологический институт Российской Академии наук; Российский гос. педагогический ун-т им. А.И. Герцена; Русская христианская гуманитарная академия: В 2 т. Т. 2. СПб., 2017. С. 98–100.

[Гоголевское наследие как онтологическое событие в истории восточного славянства.]

Русская классика: сб. статей к 85-летию научной деятельности члена-корреспондента РАН Н.Н. Скотова / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; ред.-сост. А.П. Дмитриев и Ю.М. Прозоров. СПб.: ООО Изд-во «Росток», 2017. 664 с.: ил.

Из содерж.:

Анненкова Е.И. «Я возмужал среди печальных бурь...» (О теме духовного возмужания и формах его воплощения у Пушкина и Гоголя). С. 132–146.

Денисов В.Д. О героях первых петербургских повестей Н.В. Гоголя. С. 147–159.

Манн Ю.В. «Игроки» шагают по земле (Заметки комментатора). С. 160–165.

[О пьесе Гоголя «Игроки».]

Русская классика: pro et contra. Золотой век: антология / Сост. Л.В. Богатыревой, Н.Ю. Даниловой, Г.Е. Потаповой; вступ. статья Д.К. Богатырева, Л.В. Богатыревой; коммент. Н.Ю. Даниловой. СПб.: РХГА [Русская христианская гуманитарная академия], 2017. 1040 с. – (Русский Путь).

Из содерж.:

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Мертвые души». С. 142–148.

Гоголь Н.В. О лиризме наших поэтов. С. 169–179.

Гоголь Н.В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. С. 180–193.

Вяземский П.А. Языков и Гоголь. С. 199–212.

Белинский В.Г. Письмо Н.В. Гоголю. С. 213–221.

Гоголь Н.В. Письмо В.Г. Белинскому <Конец июля – начало августа 1847, Остенде>. С. 222–229. Коммент. С. 941–1035.

Русская классика: pro et contra. Серебряный век: антология / Русская христианская гуманитарная академия; сост. и вступ. статья Л.В. Богатыревой и К.Г. Исупова. СПб.: РХГА, 2017. 987 с. – (Русский Путь).

Из содерж.:

Анненский И.Ф. Художественный идеализм Гоголя. С. 128–239.

Мережковский Д.С. Гоголь и черт <Фрагмент.> С. 240–339.

Белый А. Гоголь. С. 530–545.

Брюсов В.Я. Испепеленный. К характеристике Гоголя. С. 546–569.

Розанов В.В. Загадка Гоголя. С. 603–617.

Русь и Гоголь. С. 618–620.

Трубецкой Е.Н. Гоголь и Россия. С. 621–633.

Блок А.А. Дитя Гоголя. С. 634–637.

Русская литература XIX–XX веков: Учебное пособие для поступающих в вузы: В 2 т. Т. 1: Русская литература XIX века / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет; сост. и науч. ред. Б.С. Бугрова, М.М. Голубкова. 14-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 2017. 544 с.

Скорospelова Е.Б., Голубков М.М., Красовский В.Е. Н.В. Гоголь. С. 220–264.

Рясов Д.Л. Образы немецких врачей в произведениях Ф.М. Достоевского: продолжение традиции Н.В. Гоголя // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. научных трудов: Материалы VII международной научно-практической конференции (Саратов, 25–26 мая 2017 г.) / Саратовский национальный исследовательский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, Институт филологии и журналистики; под ред. Т.Д. Беловой, А.Л. Фокеева. Саратов, 2017. С. 52–57.

[Образы медиков немецкого происхождения из произведений Ф.М. Достоевского (Крестьян Иванович Рутеншпиц, доктор Герценштубе) и Гоголя (Христиан Иванович Гибнер).]

Савинков С.В. «Мое слово» и «слово без меня» в творческой биографии Гоголя // Феномен творческого кризиса / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; ред. Т.А. Снигирева, А.В. Подчиненнов. Екатеринбург, 2017. С. 205–213.

Сартаков Е.В. Гоголь и сербская литература XIX века: к постановке проблемы // Вестник славянских культур. М., 2017. Т. 43. С. 142–151.

Сартаков Е.В. История первой постановки комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» на сербской сцене // Славяноведение / Российская академия наук. М., 2017. № 6. С. 12–20.

[Первая постановка «Ревизора» в Белграде на сцене Национального театра в 1870 г. (на материале публикаций в сербской печати).]

Сарычев В.А. Метафизика русской литературы: избранные труды / Липецкий гос. педагогический ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. Липецк, 2017. 311 с.

Из содерж.:

«Печать национальности»: метафизические основания творчества раннего Гоголя. С. 19–29.

«Русская Россия». Концепция «истинно-русского царства» в книге Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». С. 30–84.

Савчук И.П. Особенности легенд, составивших основу в повестях «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Вестник Югорского гос. ун-та. Ханты-Мансийск, 2017. № 1–2(44). С. 29–33.

Седина Д.Р. Концепт «мистика» В повести Н.В. Гоголя «Вий» // XVIII всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов в г. Нерюнгри, с международным участием, посвященная 25-летию со дня образования Технического института (филиала) СВФУ (Нерюнгри, 30 марта–1 апреля 2017 г.) / Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Южно-Якутский научно-исследовательский центр Академии наук Республики Саха (Якутия): Материалы конференции. Секции 4–7. Нерюнгри, 2017. С. 401–405.

VII всероссийский фестиваль науки (Нижний Новгород, 4–5 октября 2017 г.): сб. докладов: В 2 т. Т. 2 / Нижегородский гос. архитектурно-строительный ун-т; отв. ред. А.А. Лапшин. Нижний Новгород, 2017. 497 с.

Из содерж.:

Шевцова Д.М. Использование разноуровневых тестов при изучении повести Н.В. Гоголя «Шинель». С. 58–62.

Савельева Д.В., Шевцова Д.М. Причины неудач Чичикова – главного героя поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 292–296.

Шевченко А.В., Шевцова Д.М. Почему чиновники приняли Хлестакова за ревизора? (по комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»). С. 298–301.

Семенова Е.В. «Соотечественники! страшно!...»: Н.В. Гоголь о судьбе России // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. Уфа, 2017. Т. 3. № 4. С. 133–138.

Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения – XXII / Российский гос. гуманитарный ун-т; ред.-сост. М.С. Неклюдова, Е.П. Шумилова. М.: РГГУ, 2017. 429 с. – (Сер. Monumenta Humanitatis: Чтения ИВГИ [Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского] – ИВКА [Институт восточных культур и античности] – ЦТС Ф [Центр типологии и семиотики фольклора]; Вып. 3).

Из содерж.:

Дмитриева Е.Е. Литературная биография Павла Ивановича Чичикова и жизненный текст Николая Васильевича Гоголя. С. 144–164.

Савинков С.В. Как развиваться до русского человека и не превратиться в немца: об авторском поведении Н.В. Гоголя в 1840-е годы. С. 165–180.

Сидельникова Е.Г. Мотив сна в повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям: сб. докладов V всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных (Белгород, 14 апреля 2017 г.): В 3 т. Т. 3 / Белгородский гос. ин-т искусств и культуры; отв. ред. С.Н. Борисов, И.Е. Белогорцева, В.С. Игнатова, Е.В. Бронникова. Белгород, 2017. С. 215–217.

Сидорова Ю.Е. Комические персонажи в творчестве Н.В. Гоголя // Теоретические, методологические и прикладные вопросы науки и образования: Материалы научной конференции (Самара, 28 февраля 2017 г.) / Самарский гос. ин-т культуры; отв. ред. О.А. Подкопаев. Самара, 2017. С. 86–88.

Синцов Е.В. Универсальные приемы выстраивания образа маленького человека в произведениях Н.В. Гоголя (о нарративной стратегии и рецепции) // Ученые записки Казанского ун-та. Серия Гуманитарные науки. Казань, 2017. Т. 159. № 1. С. 121–137. [На материале циклов «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород», петербургских повестей, пьес «Женитьба» и «Ревизор», поэмы «Мертвые души».]

Синцова С.В. Фрагмент о Кифе Мокиевиче и Мокие Кифовиче в ассоциативно-смысловых контекстах «Мертвых душ» // Филология и культура / Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2017. № 4(50). С. 180–184.

Скрипник А.В. Семантические особенности перевода реалий на английский язык (на материале повести «Сорочинская ярмарка» Н.В. Гоголя) // Семиотическое пространство языка. Синхрония и диахрония: Материалы международной научно-практической конференции (Новосибирск, 14–15 февраля 2017 г.) / Новосибирский гос. технический ун-т; под ред. А.И. Бочкарева, А.А. Гетман. Новосибирск, 2017. С. 243–261.

Славутин Е.И., Пимонов В.И. Как все-таки сделана «Шинель» Гоголя? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. Самара, 2017. Т. 19. № 3. С. 116–120.

Смирнова И. Вот перешед чрез мост Кокушкин... // Труд. М., 2017. 15 сентября. С. 7. [Про этот мост в Санкт-Петербурге писали Гоголь, Лермонтов, Пушкин и Достоевский.]

Соколова В.Ф. Раннее творчество Гоголя и общеевропейская историко-философская мысль // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 3–3(69). С. 38–41.

Соловьев Н.Н. Добчинский и Бобчинский в свете журнальной деятельности П.А. Вяземского: особенности поэтического осмысления образа // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2017: Материалы международной студенческой научно-практической конференции (Магнитогорск, 3–4 мая 2017 г.) / Магнитогорский гос. технический ун-т им. Г.И. Носова; отв. ред. А.С. Гаан. Магнитогорск, 2017. С. 69–72.

Страницы минувшего: отечественная публицистика XIX – начала XX века: [сб.] / [Сост. Г.С. Лапшиной]. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2017. 288 с.

Из содерж.:

Гоголь Н.В. «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). С. 53–58.

[Значение болезней; О том, что такое слово; Русский помещик.]

Чернышевский Н.Г. Из «Библиографии» (Современник. 1856. № 5). Записки о жизни Н.В. Гоголя. С. 97–98.

Чернышевский Н.Г. Из «Заметок о журналах» (Современник. 1856. № 2). <О сочинениях Гоголя.> С. 98.

Стрельникова И. Николай Гоголь. Мифы и реальность // Караван историй. М., 2017. № 9. С. 144–153.

Судаков М.А. В.А. Панов: штрихи к портрету помещика-славянофила // Самарский научный вестник. Самара, 2017. Т. 6. № 2(19). С. 140–144.

[В частности, В.А. Панов и Гоголь.]

Сун Инънань. Исследование творчества Н.В. Гоголя в Китае: литературоведческие школы и их методологические проблемы // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та технологии и дизайна. СПб., 2017. № 2. С. 65–69.

Сун Инънань. Н.В. Гоголь в критической прозе В.В. Розанова // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 7. Ч. 2. С. 37–39.

Сухих И.Н. Русская литература для всех: от Гоголя до Чехова. СПб.: Лениздат Книжная лаборатория, 2017. 496 с. – (Классное чтение!).

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 5–78.

Гоголек: веселый меланхолик.

Новый Гоголь: непонятый пророк.

Основные даты жизни и творчества Н.В. Гоголя.

«Невский проспект» (1834).

Всемогущий Невский: люди как предметы.

Две судьбы: трагедия и анекдот.

Финал: город-призрак.

«Мертвые души» (1842).

Поэма: Гомер, Данте, Сервантес и Чичиков.

Первая страница: образ целого.

Герой: подлец-приобретатель или воскресшая душа?

Портреты: смех и страх.

Автор: лирик и пророк.

Стиль: слова и краски.

Миссия Гоголя: наследие и наследники.

Итоги: великий треугольник золотого века.

Сюй Цзыдун. От Н.В. Гоголя к Лу Синю и оперному либретто Цэн Ли и Го Вэньцзина // Культура и цивилизация. М., 2017. Т. 7. № 3 А. С. 356–364.

[История создания либретто оперы китайского композитора Го Вэньцзина «Дневник сумасшедшего» («Волк в деревне»). Анализ причин востребованности повести Гоголя «Записки сумасшедшего» и рассказа Лу Синя «Дневник сумасшедшего» в оперном искусстве конца XX в.]

Сюй Цзыдун. Гоголеана в русской музыке XIX–XX веков // Политематический сетевой электронный научный журнал / Кубанского гос. аграрный ун-т им. И.Т. Трубилина. Краснодар, 2017. С. 965–985.

[Обзор произведений на сюжеты Гоголя в русской музыке.]

Таинство слова и образа: сб. материалов научно-богословской конференции, посвященной памяти проф. МДА М.М. Дунаева (Сергиев Посад, 30 сентября 2016 г.) / Московская духовная академия, кафедра филологии; отв. ред. В.М. Кириллин, священник Д. Барицкий, диакон С. Пантелеев. М.: Московская духовная академия, Орфограф, 2017. 304 с.: ил.

Из содерж.:

Воропаев В.А. М.М. Дунаев как историк русской литературы. Несколько предварительных замечаний. С. 13–21.

[В частности, о сознательной церковности Гоголя, которой не было почти ни у кого из русских писателей-классиков.]

Бурмистрова С.В. Гоголевский дискурс как способ самоописания в «Воспоминаниях» А.О. Смирновой-Россет. С. 124–133.

Таракин П.М. С.Т. Аксаков – читатель и критик Н.В. Гоголя // Славянские чтения – 2017: сб. материалов международной научно-практической конференции (Стерлитамак, 16–18 мая 2017 г.) / Стерлитамакский филиал Башкирского гос. ун-та; отв. ред. Л.В. Климина. Стерлитамак, 2017. С. 237–240.

Тарасов Б.Н. Избранные труды: В 4 т. Т. 2: «Дело идет об истине... О России». Исторические воззрения русских мыслителей и писателей XIX века. СПб.: Алетейя, 2017. 418 с.

Тахо-Годи Е. «Остроклювый нахохлился Гоголь...»: [стихотворение] // Звезда. СПб., 2017. № 3. С. 17.

[Отклик на стихотворение о Гоголе Ю. Кублановского, посвященного автору. См.: *Кублановский Ю.М.* «Ослепительные клубы облаков...» [стихотворение] // Литературная учеба. М., 2016. № 3. Май-июнь. С. 26–27.]

Ташлыкова М.Б., Буй Т.Х. Частные видовые значения русского глагола в зеркале вьетнамского языка (на материале перевода «Мертвых душ» Н.В. Гоголя) // Современные исследования социальных проблем. Красноярск, 2017. Т. 9. № 4–1. С. 312–333.

Тетиор А.Н. Скрытый смысл произведений Н.В. Гоголя? // Sciences of Europe. Прага, 2017. № 11–5(11). С. 71–78.

[Большинство персонажей Гоголя, говоря его словами, – «существователи, задавившие корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека». В этом, видимо, была скрытая цель произведений писателя – показать ничтожество «существователей». Здесь – возможные истоки односторонности его героев.]

Тетиор А.Н. Мир с позиций философии множественности: монография. М.: Издательский Дом «Академия Естествознания» (Пенза), 2017. 622 с.

Из содерж.:

Скрытый смысл произведений Н.В. Гоголя. С. 510–524.

Титова А.С. Особенности функционирования прецедентных имен, восходящих к тексту поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (на примере прецедентного имени «Плюшкин») // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II международной научно-практической конференции (Белгород, 18–20 мая 2017 г.) / Белгородский гос. национальный исследовательский ун-т; отв. ред. Т.Ф. Новикова. Белгород, 2017. С. 194–197.

Тихонова Ю.В. Урок литературы в 7 классе на тему «здесь дьявол с Богом борются...»: тема борьбы за душу человека в повести Н.В. Гоголя «Вий» // Научные труды молодых ученых-филологов: Материалы всероссийской научно-методической конференции, посвященной 215-летию юбилею В.И. Даля – Казака Луганского. Т. XVI / Науч. ред. И.Г. Минераловой. Ярославль, 2017. С. 235–240.

[Конференция «Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых» (Москва, 18–21 октября 2016 г.) / Московский педагогический гос. ун-т. Институт филологии.]

Токарева М. Прожженные души. Смешной и горький Гоголь на сцене «Мастерской Петра Фоменко» // Новая газета. М., 2017. № 71. С. 23.

Толстогузов П.Н. Муха в гоголевском тексте // Вестник Приамурского гос. ун-та им. Шолом-Алейхема. Биробиджан, 2017. № 1(26). С. 121–125.
[На материале поэмы «Мертвые души».]

Торшилов Д.О. Неизвестный перевод Андрея Белого // Литературный факт: научный журнал. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 4. С. 225–232.
[Перевод с французского языка статьи К. Зервеса (отзыв о постановке В.Э. Мейерхольдом «Ревизора» Гоголя).]

Тюленев А.И. Образ формально-рационального предпринимательства в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Духовная сфера общества / Марийский гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2017. № 14. С. 96–103.

Тынянов Ю.Н. История литературы. Поэтика. Избранные труды. М.: Изд-во Юрайт, 2017. 353 с. – (Сер. Антология мысли).

Из содерж.:

Достоевский и Гоголь (к теории пародии). С. 186–214.

Умурзакова А.М. Темный мир в цикле Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: сб. материалов V международной научно-практической конференции (Чебоксары, 15 апреля 2017 г.) / Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова [и др.]; редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары, 2017. С. 209–213.

Фаритов В.Т. Семиотика трансгрессии: Ю.М. Лотман как литературовед и философ // Вестник Томского гос. ун-та. Томск, 2017. № 419. С. 60–66.
Трансгрессия в художественной прозе Н.В. Гоголя. С. 62–64.

Федоренко Н.Г. Диалектные агнонимы в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Молодая филология – 2017 (по материалам исследований молодых ученых) (Новосибирск, 23–25 мая 2017 г.): межвузовский сб. научных трудов: В 2 ч. Ч. 1 / Новосибирский гос. педагогический ун-т. Новосибирск, 2017. С. 167–172.

Федоров А.В. Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени. М.: Русское слово, 2017. 752 с.
[Указ. имен.]

Федосеенко Н.Г., Капрелова М.Б., Круглов Р.Г. Литература и кинематограф: проблемы диалога искусств: коллективная монография / Министерство культуры Российской Федерации; Санкт-Петербургский гос. ин-т кино и телевидения. СПб., 2017. 199 с.
Русская классика на экране.
[В частности, рассмотрены экранизации произведений Гоголя.]

Федотова А.А. Лексико-семантические группы обозначений ужасного в языке повестей Н.В. Гоголя («Вий», «Портрет») // Евразийский научный журнал. Курск, 2017. № 1. С. 196–198.

Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых: В 3 ч. Ч. 1–3. Вып. 20. Саратов, 2017. 416 с.
[Материалы всероссийской научной конференции «Филология и журналистика в XXI веке» (Саратов, 26–28 апреля 2016 г.) / Саратовский национальный исследовательский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского.]

Из содерж.:

Ченухова Е.М. Проблема границы в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». С. 15–18.

[Оппозиция свое / чужое пространство; дифференцирующая функция границы на примере образов Андрия и Остапа.]

Рясов Д.Л. Н.В. Гоголь и Э.Т.А. Гофман: к вопросу о параллелях. С. 18–21.

Волоконская Т.А. Поэтика заглавия сборника Н.В. Гоголя «Арабески». С. 22–26.

Исаев М.П. «Обломовская душа» в художественном мире Гоголя. С. 132–136.

[Роман И.А. Гончарова «Обломов» и «повесть Гоголя «Старосветские помещики».]

Фомичев С.А. Повесть Н.В. Гоголя «Нос»: реальность абсурда // Русская литература. СПб., 2017. № 3. С. 189–196.

Фридрих Гёльдерлин и идея Европы: коллективная монография по материалам IV международной конференции по компаративным исследованиям национальных языков и культур / Под ред. С.Л. Фокина.. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. 427 с. 300 экз.

Ч. 2. Гл. 5: *Лысаков П.В.* Европа, Италия, Гоголь: Рим и «Рим». С. 274–285.

Фролова А.Г. Социально-историческое и общечеловеческое в героях Н.В. Гоголя // Молодой ученый. Казань, 2017. № 1(135). С. 556–559.

Хворова О.В. Предметный мир в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя: семантика цвета // Российская наука в условиях реформ: практический результат инновационных трансформаций: сб. научных статей. Вып. 3. Тюмень, 2017. С. 20–25.

Хвостова О.С. Облик персонажей через их отношение к еде в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Исследования и разработки: перспективные научные направления и результаты: сб. научных трудов. Вып. 1 / Ред. С.С. Чернов. Новосибирск, 2017. С. 77–88.

Холкина А.С. «Мертвые души» на английском языке: особенности передачи реалий в первых переводах // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей VI международной научной конференции молодых ученых (Екатеринбург, 10 февраля 2017 г.). Ч. 1: Современные лингвистические исследования / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт социальных и политических наук; под общ. ред. Ж.А. Храмушиной [и др.] Екатеринбург, 2017. С. 175–179.

Холондович Е.Н. Духовные основы гениальности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 4. Педагогика. Психология. М., 2017. № 47. С. 135–146. [На примере творчества Гоголя и Ф.М. Достоевского.]

Холондович Е.Н. Личность гения как предмет психолого-исторического исследования // Вестник Ун-та Российской академии образования. М., 2017. № 5. С. 51–60.

[Реконструкция жизненного пути и творческой биографии Гоголя.]

Хохлова Е.А. Особенности использования творительного сравнительного в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: Материалы II международной научно-практической конференции (Пенза, 26–28 октября 2017 г.) / Пензенский гос. ун-т; под ред. Г.И. Канакиной, И.Г. Родионовой. Пенза, 2017. С. 210–214.

Христианство и русская литература: сб. восьмой / Отв. ред. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во Пушкинский Дом, 2017. 628 с.: [12] с. вклейки.

Из содерж.:

Савельева М.Ю. Мифологические аспекты мышления Н.В. Гоголя. Миф личности (исходные установки). С. 26–67.

Хондзинский П.А., протоиерей. Н.В. Гоголь как представитель Laientheologie. С. 68–86.

[Указ. имен.]

Хуснутдинов А.А. Словарь языка комедии Гоголя «Ревизор» и проблемы авторской лексикографии // Русский язык в школе. М., 2017. № 4. С. 65–69.

[Рец. на кн.: *Илюшина Л.А., Кимягарова Р.С., Баш Л.М.* Словарь языка комедии Гоголя «Ревизор» / Ред. Т.Л. Беркович. М.: МАКС Пресс, 2016. 808 с.]

Цветков Е.А. Чжуан-цзы и Гоголь // Научная сессия КГТУ [Казанский гос. технологический ун-т]. Аннотация сообщений (5–8 февраля 2017 г.). Казань: КГТУ, 2017.

Цветкова В. На хуторе близ Диканьки готический замок и обнаженные девы: Журналисты на съемках самого амбициозного проекта года – сериала «Гоголь» // Независимая газета. М., 2017. 2 мая. С. 7.

Циманович Л.С. «Горный венец» П.П. Негоша и «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя в контексте славянского романтизма // Славянские языки и культура. История и современность: Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27 апреля 2016 г.) / Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина: отв. ред. Т.Е. Лебедева. СПб., 2017. С. 9–14.

Чаусова И.А. Анализ произведений русской классической литературы XIX века: Учебное пособие. М.: КДУ, Университетская книга, 2017. 322 с. – (Учебники и учебные пособия МГУ им. М.В. Ломоносова).

Н.В. Гоголь. С. 168–210.

[Ревизор, Шинель, Мертвые души.]

Чун Ен. Хо. Роль украинских мотивов в произведениях Гоголя // Вестник Красноярского гос. педагогического ун-та им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. № 1(39). С. 159–162.

Шанурина М.Е. Шинель и бриллианты // Известия Смоленского гос. ун-та. Смоленск, 2017. № 3(39). С. 44–55.

[Повесть Гоголя «Шинель» как один из претекстов романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».]

Шаньшань Ц., Казакова Ю.В. Колористический образ степи в произведениях русских классиков // Молодой исследователь: Материалы 4-й научной выставки-конференции научно-технических и творческих работ студентов (Челябинск, 18–19 апреля 2017 г.) / Министерство образования и науки Российской Федерации; Южно-Уральский гос. ун-т. Челябинск, 2017. С. 184–188.

[На материале повестей «Тарас Бульба» Гоголя и «Степь» А.П. Чехова.]

Шеваров Д. Книга – это шпага XXI века. В этом убежден художник и поэт Николай Предеин // Российская газета. М., 2017. 20 июля. С. 24.

Шевченко И. Последний дом // Русский мир. М., 2017. № 8. С. 72–79.

[Дом графов Толстых в Москве на Никитском бульваре, где жил последние годы Гоголь.]

Школьников О.Ю., Дементьева А.В. Бежать или лететь стрелой: лексика движения в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» и ее итальянском переводе // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. М., 2017. Т. 8. № 4. С. 811–825.

Шульц С.А. Гоголь и Флобер: «Вий» и «Госпожа Бовари» // Вопросы литературы. М., 2017. № 5. С. 319–327.

Шульц С.А. Интертексты образа «благородного разбойника» в «Мертвых душах» (Гоголь – Плутарх – Стендаль и др.) // Развитие гуманитарной науки в регионах России: Материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа, 1–4 июня 2017 г.) / Сост. И.И. Буляков, Г.Б. Азаматова [и др.] Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 308–309.

Шульц С.А. К вопросу о традициях гомеровской «Одиссеи» в «Мертвых душах» Гоголя // Вестник Северо-Восточного федерального ун-та им. М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. Якутск, 2017. № 3(7). С. 52–56 (epossvfu.ru/wp-content/uploads/2017/09/pdf).

Шульц С.А. Мотивы русской волшебной и бытовой сказки в повести Гоголя «Вий» // Wiener Slawistischer Almanach. Frankfurt am Main [и др.], 2017. Bd. 79. С. 155–164.

Шульц С.А. Поэма Гоголя «Мертвые души»: внутренний мир и литературно-философские контексты. СПб.: Алетейя, 2017. 288 с.

[Рец.: *Осиповский О.Е.* // Вопросы литературы. М., 2019. № 1. С. 276–279.]

Шульц С.А. Пушкин – Гоголь – Л. Толстой («Барышня-крестьянка» – «Вий» – «Дьявол») // Восток – Запад в пространстве русской литературы и фольклора. Волгоград, 2017. С. 231–237.

Шульц С.А. «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя и «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого (аспект историософии, исторической поэтики и интертекстуальности) // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2017. Т. 62. № 2. С. 419–445.

Шульц С. Хома Брут и Франсуа Вийон // Человек. М., 2017. № 2. С. 144–154.

Щеголева И.А. В поисках души. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: опыт интертекстуального анализа. Статья третья // Литература в школе. М., 2017. № 4. С. 29–34.

Щеголева И.А. В поисках души. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: опыт интертекстуального анализа. Статья четвертая // Литература в школе. М., 2017. № 8. С. 28–33.

Щербаков А.Б. Взгляд Гоголя на русскую литературу: мотив кастальского ключа // Концепции устойчивого развития науки в современных условиях: сб. статей по итогам международной научно-практической конференции (Казань, 14 декабря 2017 г.): В 6 ч. Ч. 4 / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2017. С. 198.

[Осмысление Гоголем двух традиций – античной и христианской. Первая представлена скрытым мотивом кастальского ключа, а вторая – лейтмотивом ключа «самородного».]

Щербаков А.Б. Взгляд Гоголя на самобытность русской литературы: методологический аспект // Инструменты и механизмы современного инновационного развития: сб. статей международной научно-практической конференции (Пермь, 5 декабря 2017 г.): В 5 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2017. С. 202–205.

Щербаков А.Б. К.С. Аксаков о «сферах» поэзии // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: сб. статей по итогам международной научно-практической конференции (Оренбург, 24 декабря 2017 г.): В 6 ч. Ч. 6 / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2017. С. 216–217.

[В частности, К.С. Аксаков о Гоголе.]

Щербаков А.Б. Рефлексивная поэтика Гоголя: понятие «самородного ключа» // Интеграционные процессы в науке в современных условиях: сб. статей международной научно-практической конференции (Казань, 3 декабря 2017 г.): В 3 ч. Ч. 3 / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2017. С. 44–46.

[Понятие «самородного ключа» в гоголевской концепции самобытности русской литературы.]

Эмирова Л.А. «Всякая чертовщина», или фантастика в «петербургских» и «непетербургских» текстах Н.В. Гоголя и А.А. Бестужева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 3. С. 105–111.

Этингhoff О.Е. Владикавказ и Москва в биографии и творчестве М.А. Булгакова. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 448 с.

[Указ. имен.]

Явари Ю.В. Реалии и локализмы в повестях Н.В. Гоголя // Вестник Тверского гос. технического ун-та. Серия Науки об обществе и гуманитарные науки. Тверь, 2017. № 3. С. 155–159.

[На материале повестей Гоголя «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь, или Утопленница», «Вечер накануне Ивана Купалы» и «Ночь перед Рождеством».]

Яровой С. «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя: опыты экранизаций // Stephanos. 2017. № 6(26). С. 203–211 (www.stephanos.ru).

Яськевич И.Г. Записки сумасшедших в современной российской опере. Либретто логический аспект // Вестник музыкальной науки / Новосибирская гос. консерватория им. М.И. Глинки. Новосибирск, 2017. № 2 (16). С. 23–28.

[В частности, на материале оперы «Дня не было, числа тоже...» А. Кротова (по повести «Записки сумасшедшего» Гоголя).]

Яцкив Е.О. Мотив дьявольского искушения в «Ночи перед Рождеством» Н.В. Гоголя, или «Не так страшен черт, как його малюють» // Пасхальные чтения: Материалы четырнадцатой межвузовской научно-методической конференции. Ярославль, 2017. С. 35–40.

[Конференция «Гуманитарные науки и православная культура» (Москва, 5–6 мая 2016 г.) / Московский педагогический гос. ун-т, Институт филологии.]

АВТОРЕФЕРАТЫ

Али Фарис Хассун Али. Синестезийная метафора в русской классической прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2017. 19 с.: табл.

Гл. 2: Синестезийная метафора в творчестве Н.В. Гоголя. С. 10–13.

Болотникова О.Н. Семантика и функции двери и окна в художественном мире Н.В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Национальный исследовательский Томский гос. ун-т. Томск, 2017. 23 с.

Булатая Е.В. Ирония как имплицитная форма выражения авторской модальности в художественном тексте: на материале произведений Н.В. Гоголя и их немецкоязычного перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Балтийский гос. федеральный ун-т им. И. Канта. Калининград, 2017. 23 с.

Гончарова Н.В. Библиотека А.В. Никитенко как репрезентант его творческой и профессиональной деятельности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Национальный исследовательский Томский гос. ун-т. Томск, 2017. 23 с.

Гл. 2: А.В. Никитенко – критик, профессор словесности и цензор в историко-литературном процессе 1830–1870-х гг.

§5: Н.В. Гоголь и Никитенко: новый тип реализма и нравственное перерождение в синтезе природы и духа. С. 20–21.

Захаров К.М. Мотивы игры в русских сатирических комедиях XIX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Саратовский национальный исследовательский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2017. 41 с.

Гл. 2: Мотивы Игры в драматургии Н.В. Гоголя.

§ 1: «Владимир Третьей степени». С. 15–17.

§ 2: «Игроки». С. 17–18.

§ 3: «Ревизор». С. 18–21.

§ 4: «Женитьба». С. 21–23.

Автор-составитель:

Владимир Алексеевич Воропаев,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

voropaevvl@bk.ru

О.С. Сергиенко (Санкт-Петербург, Россия)

**Тематическая библиография
славяно-германских паремиологических исследований (2000–2018)**

O.S. Sergienko (Saint Petersburg, Russia)

Thematic Bibliography of Slavonic-Germanic Paremiological Studies (2000–2018)

ПАРЕМИОЛОГИЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

ПАРЕМИОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Общие лингвокультурологические вопросы, когнитивный подход

Бутько Ю.В. Лингвокультурологическая характеристика межтекстовых связей в условиях демократизации языковых процессов: на материале лингвокультурологического анализа паремий : Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ярославль, 2009. 232 с.

Веретягин Н.Ю., Веретягин М.Ю. Отражение особенностей национального менталитета в русских и английских пословицах. Таганрог, 2012. 27 с.

Кашаров Б.Т. Пословицы русского, немецкого и кабардино-черкесского языков как источник изучения культурно-языкового сознания: Структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Краснодар, 2004. 283 с.

Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: Монография. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.

Минина О.Г. Языковые маркеры традиционализма в русской и англоязычной культурах // Материалы Международной научно-практической конференции факультета иностранных языков ТГПУ им. Л.Н. Толстого «Обучение языку и культуре: образы американского мира и их восприятие в современной России». Тула, 2013.

Пикалова В.В. Этнокультурные нормы речевого поведения в паремиологических единицах английской и русской лингвокультур: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2006. 188 с.

Серегина М.А. Семиотика паремий: речевой менталитет русских и немцев: Монография. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 358 с.

Серегина М.А. Когнитивные аспекты русской и немецкой паремиологии: Монография. Saarbrücken: AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG, 2012. 318 с.

Baláková D. Biblická frazeologia v podvedomí slovenskej, ruskej a nemeckej mladej generácie // *Slavyanskaja frazeologija i Biblija*. Greifswald; Sankt-Petersburg; Ružomberok, 2013. S. 22–30.

Buljan G., Gradečak-Erdeljić T. Where Cognitive Linguistics Meets Paremiology: A Cognitive-Contrastive View of Selected English and Croatian Proverbs // *Explorations in English Language and Linguistics*. 2013. № 1(1). P. 63–83.

Jaržabek K. Smile as a Cultural Product – on the Example of Polish, Russian and American Proverbs // *Parémie národů slovanských. VII* / Ed.: Eva Mrhačová, Urszula Kolberová, Jiří Muryc. Vydání první. Ostrava: Ostravská univerzita Ostrava, Filozofická fakulta, 2014. S. 273–283.

Pikalova V. Ethno-Cultural Norms of Speech Behavior in the Paremiological Units of English and Russian Linguistic Cultures // Soares, Rui & Lauhakangas, Outi (eds.) 7th Interdisciplinary Colloquium on Proverbs, ACTAS ICP13 Proceedings. Tavira: AIP-IAP, 2014. P. 193–203.

Szpila G. Teaching Universal and Culture-Specific Concepts. A Case Study of English and Polish Proverbs. Essen: LAUD, 2000 (2., unveränderte Auflage 2006). Paper № 289. (Series B: Applied and Interdisciplinary Papers). 7 p.

Vidakivić Erdeljić D. Cognitive Mechanisms in Creation and Interpretation of Proverbs: A Study of Croatian and English Words of Wisdom // Soares, Rui & Lauhakangas, Outi (eds.) 2nd Interdisciplinary Colloquium on Proverbs, ACTAS ICP08 Proceedings. Tavira: AIP-IAP, 2009. P. 352–365.

Паремии как часть языковой картины мира

Артемова О.А. Пространственная картина мира белорусов и англичан // *ROSSICA OLOMUCENSIA LIII. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXII. Olomoucké dny rusistů*. 04.–06.09. 2013. OLOMOUC, 2014. P. 315–320.

Попова Н.В. Дихотомия конфронтирующих категорий во фразеологических картинах мира немецкого и русского языков: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. М., 2011. 496 с.

Соловьева Н.С. Динамика гендерных стереотипов в английской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологии): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2008. 227 с.

Штейнгарт Л.М. Особенности репрезентации языковой картины мира российских немцев: на материале пословиц и поговорок: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Красноярск, 2006. 193 с.

Оценочная семантика паремий

Кулькова М.А. Оценочная концептуализация в паремиях русского и немецкого языков // *Успехи современной науки и образования* (приравняется к журналу из списка ВАК РФ). 2017. Т. 1. № 6. С. 193–196.

Кулькова М.А. Шкалирование положительной оценки в паремиологической системе русского и немецкого языков // *Успехи современной науки и образования* (ВАК РФ). 2017. № 7. С. 110–115.

Кулькова М.А., Шаймарданова М.Р. Оценочная семантика русских и английских паремий // Современные направления в лингвистике: традиции и новаторство: Сб. материалов международной научной конференции (Казань, 24–25 мая 2014 г.). Казань, 2014.

Мирзаева Т.А. Оценка человека в пословицах и поговорках русского, английского, испанского и табасаранского народов: морально-нравственная сфера: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ставрополь, 2008. 211 с.

Ничипорчик Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. 10.02.19 – теория языка / Белорусский государственный университет. Минск, 2016. 56 с.

Ничипорчик Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: Монография. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. 358 с.

Egorova A. Evaluation Potential of English and Russian Proverbs // 1st Interdisciplinary Colloquium on Proverbs / Eds.: Rui B Soares, Outi Lauhakangas. International Association of Paremiology (AIPAP). Lisbon, 2008. P. 277–284.

Fattahova N.N. The Evaluativity Category in the Paremiological System of the German and Russian Languages / M.A. Kulkova, N.N. Fattahova, S.V. Tuganova // Journal of Language and Literature, 2015. Vol. 6. Issue 3. P. 129–132.

Концепты, лексемы и семантические поля

Аммер А.В. Вербализация фрагмента концептосферы «морально-этические ценности» в афоризмах и пословицах: На материале английского и русского языков: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2005. 186 с.

Бопп Ю.В. Сопоставительный анализ английских числительных в составе паремиологических словосочетаний и их русских аналогов в дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Сургут, 2009. 217 с.

Бредис М. Денежные единицы в паремиях о бережливости (на материале русского, латышского, немецкого и английского языков // Słowo. Tekst. Czas XII. Frazeologia w idiolekcie i systemach języków słowiańskich. W 200. rocznicę urodzin Tarasa Szewczenki. Pod redakcją Michaiła Aleksiejenki, Halyny Biłowus, Mirosławy Hordy, Walerija Mokijenki i Harrego Waltera. T. 1. Szczecin; Greifswald, 2014. S. 218–226.

Бредис М.А. Отражение ценностных ориентиров в паремиологии (на материале пословиц русского, латышского, литовского немецкого и английского языков о дружбе и деньгах) // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2014. № 77. С. 102–104.

Бредис М.А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2017. 346 с.

Венедиктова Л.Н. Концепт «Война» в языковой картине мира (Сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень, 2004. 180 с.

Галимуллина Р.И., Кулькова М.А. Когнитивно-дискурсивное изучение паремиологических единиц с компонентом-зоонимом в английском и русском языках // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 3(41). С. 82–89.

Гриченко Л.В. Русские и английские пословицы побудительной семантики: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2006. 199 с.

Дарзаманова Г.З. Фразеологические единицы и паремии с антропонимами в русском, татарском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2002. 174 с.

Дубровская О.Г. Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2000. 259 с.

Жабеева С.С. Национально-культурная специфика реализации концепта «гостеприимство» (На материале казахского, русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Челябинск, 2004. 164 с.

Жуков К.А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира (на материале русской и английской паремиологии): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Великий Новгород, 2004. 156 с.

Завалишина Ю.Г. Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремиологии в аспекте этнического менталитета: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Курск, 1998. 220 с.

Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (Сопоставительный аспект): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2004. 188 с.

Зубкова Я.В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2003. 188 с.

Иванова Е.В. Пословичная концептуализация мира (На материале английских и русских пословиц) : Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.20. СПб., 2003. 415 с.

Каримова Р.Х. Концепт «труд / лень» в паремиологии неродственных языков: На примере немецкого, английского, русского, башкирского и татарского языков: Дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.20. - Уфа, 2004. – 199 с.

Киприянова А.А. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков). Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Краснодар, 1999. 217 с.

Кузнецова Н.Ю. Когнитивное пространство «право» в паремиологии немецкого и русского языков: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Челябинск, 2004. 179 с.

Кулькова М.А. Стратегия намека в русских и немецких паремиях // Филологические науки. Вопросы теории и практики (ВАК РФ). 2017. № 8(74).Ч. 2. С. 123–126.

Кулькова М.А. Сопоставительное изучение паремиологических и фразеологических единиц, содержащих колоронимы golden / золотой / алтын (на примере немецкого, русского и татарского языков) / М.А. Кулькова, А.Ф. Мухамадьярова // Филология и культура. 2017. № 4(50).С. 27–32.

Лызов А.И. Об образе *рыба* в русских, английских и немецких паремиях // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2014. № 77. С. 117–120.

Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2004. 232 с.

Несветайлова И.В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультуры: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Армавир, 2010. 215 с.

Носова О.Е. Пословицы и поговорки о роли и месте молчания: лингвокультурологический анализ (на материале русского и английского языков) // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 3. С. 543–546.

Островская Т.А. Концепт «труд» в русской и американской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Краснодар, 2005. 163 с.

Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2001. 196 с.

Палеева Е.В. Способы вербализации концепта деньги средствами английского и русского языков: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Курск, 2010. 159 с.

Передриенко Т.Ю. Концепты «Бог» и «Дьявол» в русской и английской лингвокультурах: На материале паремий и афоризмов: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Челябинск, 2006. 197 с.

Перчиньска Б. Прогнозирование погоды в русских, польских и немецких пословицах // ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI–II. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů. 30.08. – 01.09. 2007. OLOMOUC, 2008. P. 385–388.

Петелина Ю.Н. Концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Астрахань, 2004. 213 с.

Савченко В.А. Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремиологической картине мира: кросскультурный анализ соматизмов: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Курск, 2010. 249 с.

Свицова А.А. Лингвокультурная доминанта «Дом – Родина – Чужбина» в русских и английских пословицах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Киров, 2005. 153 с.

Солошенко А.В. Концепты «РИСК» / «RISK» и «ПУТЕШЕСТВИЕ» / «TRAVEL» в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах: проблемы перевода: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Краснодар, 2007. 242 с.

Сташкова М.А. Функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2015. 231 с.

Федюнина И.Э. Актуализация представлений о финансовом положении человека пословицами русского и английского языков // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2014. № 77. С. 129–131.

Фирсова И.М. Национальный и интернациональный компоненты во фразеологии на примере фразеологизмов с номинацией родственных связей в английском, французском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2012. 248 с.

Хакимова Г.Ш. Гендерный фактор в английских паремиях в сопоставлении с русскими: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04, 10.02.20. Уфа, 2003. 248 с.

Хизова М.А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Краснодар, 2005. 198 с.

Чекулай И., Прохова О. Деятельностная основа в образовании фразеологических единиц с компонентом «стихий» во фразеологических картинах славянских и германских языков // ROSSICA OLOMUCENSIA LIII. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXII. Olomoucké dny rusistů. 04.–06.09. 2013. OLOMOUC, 2014. P. 419–422.

Шарданова М.А. Эстетическая бинарная оппозиция «прекрасное / безобразное» в разнотипных языках: На материале английского, русского и кабардино-черкесского языков: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Нальчик, 2006. 193 с.

Čermák F. Dog and Cat proverbs: A Comparison of English, Czech, Finnish and Other Languages // Proceedings of 4th Interdisciplinary Colloquium on Proverbs / Eds.: Rui JB Soares, Outi Lauhakangas. International Association of Paremiology (AIPIAP). 2011. P. 131–140.

Safin I. Kh., Bychkova T.A., Kolosova Ye.I. Linguocultural Semiotic Concept «Language» in Russian, Polish and English Languages // Journal of Language and Literature. 2016. Vol. 7. № 2. May. P. 237–240.

Szpila G. Teaching Universal and Culture-Specific Concepts: A Case Study of English and Polish Proverbs. Essen: LAUD6 2000 (2., unveränderte Auflage 2006). Paper № 289. (Series B: Applied and Interdisciplinary Papers)

Wojtczak E. The Concept of ‘Money’, ‘Wealth’ and ‘Work’ in German and Polish (Anti)proverbs / Parémie národů slovanských (6.: 2012: Ostrava, Česko) Parémie národů slovanských VI: sborník příspěvků z mezinárodní konference konané v Ostravě ve dnech 9.–10. října 2012 / [Ed.: Ljuba Mrověcová]. Vyd. 1. Ostrava: Ostravská univerzita Ostrava, Filozofická fakulta, 2012. S. 278–284.

ПОСЛОВИЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Об эквивалентности паремий разных языков

Котова М.Ю., Колпакова А.А. Тетради паремиографа. Вып. 4. Английские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума: (на фоне болгарских, словацких и чешских пословиц). СПб.: Контраст, 2018. 188 с.

Кузнецова И. Еще раз об эквивалентности паремий разных языков // ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI–II. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů. 30.08. – 01.09. 2007. OLOMOUC, 2008. P. 363–366.

Кузнецова И.В. Об эквивалентности библейской фразеологии славянских и немецкого языков: Тезисы // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: Материалы Международной филологической конференции 2013 г. (docs.google.com/viewer?url=http://phil.spbu.ru/rabochaya/konferenciya-2013-tezisy/50.docx)

Мокиенко В.М. Европейские языковые параллели в «Slovníku české frazeologie a idiomatiky» // Radost z jazyků. Sborník k 75. narozeninám prof. Františka Čermáka. Nakladatelství Lidové noviny, 2014. P. 124–137.

Сергиенко О.С. Чешско-английские пословичные параллели (на материале активного паремиологического фонда чешского языка) // Современная филология: теория и практика: Материалы XV Международной научно-практической конференции, г. Москва, 2 апреля 2014 г. / Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований». М.: Изд-во «Спецкнига», 2014. С. 335–345.

Созинова Э.М. Общее и специфическое в паремиях-эквивалентах: На материале башкирского, русского и английского языков: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа, 2006. 213 с.

Kotova M.Y. One Segment of the Bulgarian-English Paremiological Core // Russian Linguistic Bulletin. 2016. № 2(6). С. 76.

Sergienko O.S. English and Russian Equivalents to the Proverbs of Czech Active Paremiological Fund // Russian Linguistic Bulletin. 2015. № 4. С. 47–48.

Šichová K. Rezension zu Sodeyfi H. Newerkla L.: Idiomatiche Redewendungen, Sprichwörter und Begriffe der Gegenwartssprache in Österreich und der Tschechischen Republik. Frazeologické a idiomatické výrazy v současné češtině a rakouské němčině. Wiesbaden: Harrassowitz. Nová čeština doma i ve světě, 2012. 1. P. 26–29.

Вопросы перевода пословиц

Енбаева Л.В. Перевод паремиологических трансформаций: сопоставительный анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6(72): В 3 ч. Ч. 3. Тамбов: Грамота, 2017. С. 102–104.

Енбаева Л.В., Исправникова А.С. Проблемы перевода паремиологических единиц // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. / Науч. ред. А.В. Назарова; Пермский государственный гуманитарный педагогический университет. Пермь, 2016. С. 35–39.

Каюмова А.Р. Фразеологические единицы в произведениях У. Коллинза и их соответствия в русских и испанских переводах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2010. 170 с.

Колошиц А.Г. Способы перевода паремиологических единиц на русский язык (на материале русской художественной прозы) // Идеи. Поиски. Решения: Сборник статей и тезисов IX Международной науч.-практ. конф. (Минск, 25 ноября 2015 г.) / Отв. ред. Н.Н. Нижнева: В 6 ч. Ч. 4. Минск: БГУ, 2015. С. 7–13.

Нурьева Л.Х. Переводческий анализ пословиц в разносистемных языках: на материале немецкого, русского и башкирского языков: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа, 2007. 153 с.

Сергиенко О.С. Особенности перевода фразеологических единиц (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на чешский и английский языки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4(58): В 3 ч. Ч. 3. Тамбов: Грамота, 2016. С. 144–148.

Фаер А.С. Особенности передачи пословиц и фразеологизмов «Властилина колец» Дж.Р.Р. Толкиена на материале чешских и русских переводов: ВКР магистра профиля магистратуры «Славяно-германская компаративистика». СПб., 2014. 110 с.

Chaika O. Legal English Idioms and Problems of Rendition into Ukrainian // ROSSICA OLOMUCENSIA LIII. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXII. Olomoucké dny rusistů. 04.–06.09. 2013. OLOMOUC 2014. P. 415–418.

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ, ИСКОННОЕ И ЗАЙМСТВОВАННОЕ В ПАРЕМИОЛОГИИ

Бирях А. Интернационализмы в славянской фразеологии: Тезисы // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: Материалы Международной филологической конференции 2013 г. (docs.google.com/viewer?url=http://phil.spbu.ru/rabochaya/konferenciya-2013-tezisy/50..docx)

Вальтер Х. Русская паремиология и европейское языковое и культурное пространство // Русский язык за рубежом. Специальный выпуск. Русистика в Германии. М., 2017. С. 73–79.

Вальтер Х. Мокиенко В.М. Немецкий язык в русском (Германизмы в русском языке) // Русский язык за рубежом. Специальный выпуск: Русистика в Германии. М., 2017. С. 57–66.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: различное в едином: Тезисы // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: Материалы Международной филологической конференции 2013 г. (docs.google.com/viewer?url=http://phil.spbu.ru/rabochaya/konferenciya-2013-tezisy/50.docx)

Дронов П.С. Судьба одной «болгарской» пословицы в английских источниках: Тезисы // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: Материалы Международной филологической конференции 2013 г. (docs.google.com/viewer?url=http://phil.spbu.ru/rabochaya/konferenciya-2013-tezisy/50.docx)

Дронов П. Судьба двух «болгарских» пословиц в английских источниках // Słowo. Tekst. Czas XII. Frazeologia w idiolekcie i systemach języków słowiańskich. W 200. rocznicę urodzin Tarasa Szewczenki. Pod redakcją Michaiła Aleksiejenki, Halyny Biłowus, Mirosławy Hordy, Walerija Mokijenki i Harrego Waltera. T. 1. Szczecin; Greifswald, 2014. S. 227–232.

Рожченко З. Германское влияние в восточнославянских языках // Parémie národů slovanských. II / Eds.: Eva Mrhačová, Urszula Kolberová, Jiří Muryc. Vydání první. Ostrava: Ostravská univerzita Ostrava, Filozofická fakulta, 2004. S. 185–192.

Мокиенко В.М. Национальное и интернациональное в русской паремиологии. СПб., 2018. С. 200–203.

Мокиенко В.М., Мелерович А.М. Украинская паремиология в европейском контексте (об украинских паремиях в тезаурусе В. Флайшганса) // Мовознавство. 2015. № 2. Р. 37–43.

Сергиенко О.С. Англицизмы в чешской фразеологии и паремиологии // Słowo. Tekst. Czas XII. Frazeologia w idiolekcie i systemach języków słowiańskich. W 200. rocznicę urodzin Tarasa Szewczenki. Pod redakcją Michaiła Aleksiejenki, Halyny Biłowus, Mirosławy Hordy, Walerija Mokijenki i Harrego Waltera. T. 1. Szczecin; Greifswald, 2014. S. 325–333.

Фирсова И.М. Национальный и интернациональный компоненты во фразеологии на примере фразеологизмов с номинацией родственных связей в английском, французском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2012. 248 с.

Фойту П. Кальки с английского в русском и других европейских языках // ROSSICA OLOMUCENSIA XLVIII. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XX. Olomoucké dny rusistů. 02.09. – 04.09. 2009. OLOMOUC, 2009. P. 309–315.

Carter E. «Two Birds with One Stone»: English Proverbs in Foreign-Language Acquisition // Proceedings of the 9th Interdisciplinary Colloquium on Proverbs / Eds.: Rui JB Soares, Outi Lauhakangas. International Association of Paremiology (AIPAP). Tavira, 2017. P. 145–156.

Kovář M. Foreign Proverbs in Czech Periodicals // Soares, Rui & Lauhakangas, Outi (Eds.) 10th Interdisciplinary Colloquium on Proverbs. ACTAS ICP16 Proceedings. Tavira: AIP-IAP, 2017. P. 480–486.

Piirainen E. Widespread Idioms in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units (International Folkloristics). New York; Berlin, etc., 2012. 591 p.

КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБЛАСТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ

Тарараева О.Н. Типы преобразований словацких, чешских и английских пословиц в Интернет-пространстве: ВКР магистра профиля магистратуры «Славяно-германская компаративистика». СПб., 2016. 173 с.

Mierzwińska-Hajnos A. Instances of Conceptual Blending in Selected Polish and English Modified Proverbs // Soares, Rui & Lauhakangas, Outi (Eds.) 7th Interdisciplinary Colloquium on Proverbs, ACTAS ICP13 Proceedings. Tavira: AIP-IAP, 2014. P. 427–441.

Pavlović V. Anti-Proverbs in English and Serbian // FACTA UNIVERSITATIS. Series: Linguistics and Literature. 2016. Vol. 14. № 2. P. 129–136.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЛОВИЦ,
ПАРЕМИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Боровых Е.А. Антонимическая парадигма в русских и английских паремиях: структурно-семантический и культурологический аспекты: структурно-семантический и культурологический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Челябинск, 2007. 238 с.

Прохорова О.Н., Чекулай И.В. Пословицы с компаративно-семантической структурой в славянских и европейских культурах // ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI–II. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů. 30.08. – 01.09. 2007. OLOMOUC, 2008. P. 389–393.

Семёнова Е.Н. Аргументативные паремические конструкции в разноструктурных языках: на материале русского, немецкого и чувашского языков: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Чебоксары, 2007. 202 с.

Кулькова М.А. Структурно-семантическая характеристика русских и немецких пословиц, содержащих прохибитивные конструкции / М.А. Кулькова, Е.А. Денисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. № 12(78): В 3 ч. Ч. 3. С. 131–133.

Юсупова З.А. Языковые аспекты реализации противопоставления в паремии (На материале французских, английских и русских пословиц и поговорок): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа, 2005. 146 с.

Szerszunowicz J. English-Polish Contrastive Phraseology // Directions in English-Polish / Eds.: Agata Rozumko, Dorota Szymaniuk. Contrastive Research, Publisher: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2012. P. 139–162.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПАРЕМИОЛОГИИ, РАЗНОЕ

Кулькова М.А. Прецедентность как неотъемлемое свойство паремиологического дискурса (на материале русских и немецких народных примет) // Современные лингвистические парадигмы: Материалы Международной научно-практической конференции (19 марта 2014 г.). Горловка: ДГПУ, 2014. С. 160–164.

Кулькова М.А. Теоретический курс сопоставительной фразеологии и паремиологии (на материале немецкого и русского языков): Учебное пособие. Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2017. 94 с.

Кулькова М.А. Практический курс сопоставительной фразеологии и паремиологии (на материале немецкого и русского языков): Учебно-методическое пособие. Казань: Печать-Сервис-XXIвек, 2017. 48 с.

Мокиенко В.М. Славяно-германские языковые связи в европейском контексте // Славянский мир: единство и многообразие: Международный научно-практический симпозиум, посвященный Дню славянской письменности: Доклады. СПб., 2012. С. 43–49.

Мокиенко В.М. Библизмы как источник европеизации национальной фразеологии и паремиологии // XLI Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург. 26–31 марта 2012 г.: Избранные труды. Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. С. 111–118.

Мокиенко В.М. Библизмы в европейской фразеологии и паремиологии // Die slawische Phraseologie und die Bibel – Славянская фразеология и Библия – Slovanská frazeológia a Biblia. Kollektivmonographie. Universität Greifswald, 2013. P. 205; С. 144–153.

Мокиенко В.М. Аспекты исследования славянской паремиологии // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте, Пословица и языковая картина мира. ЛЕНАНД, 2014. С. 4–25.

Мокиенко В.М. Вацлав Флайшганс – родоначальник Европейского паремиологического союза // Фразеология и культура. Univerzita Palackého v Olomouci, 2014. С. 11–24.

Федосов О.И. Новый мировой порядок и современная славистика // Slavica litteraria. 2016. Vol. 19. Issue 2. P. 91–98.

Carter E. «Melting the Ice of the Cold War»: Nikita Khrushchev's Proverbial Rhetoric in America // Proceedings of 8th Interdisciplinary Colloquium on Proverbs / Eds.: Rui JB Soares, Outi Lauhakangas. International Association of Paremiology (AIPAP). Tavira, 2015. P. 184–198.

Carter E. «God Knows»: Nikita Khrushchev's Use of Biblical Proverbs in America // Proceedings of 10th Interdisciplinary Colloquium on Proverbs / Eds.: Rui JB Soares, Outi Lauhakangas. International Association of Paremiology (AIPAP). Tavira, 2016. P. 59–67.

Čermák F. Lexical Foundations of Proverbs, Based on Data from English, German, French and Czech // 5th Interdisciplinary Colloquium on Proverbs / Eds.: Rui B Soares, Outi Lauhakangas. International Association of Paremiology (AIPAP). Lisbon, 2012. P. 203–217.

Vidaković Erdeljić D., Draženka M. An Orchard Invisible: Hidden Seeds of Wisdom in the English and Croatian Proverbial Apples // European Journal of Humour Research. 2016. Vol. 4. № 1. S. 34–58.

Kulkova M. The Formation of Paremiology in Russia and Germany // World Applied Sciences Journal. 2014. № 31(5). P. 935–939.

Kulkova M.A., Fattakhova N.N., Zinecker T. Paremiological Text Hermeneutics (In Russian and German) // Journal of Language and Literature. May, 2015. Vol. 6. № 2. Issue 2. P. 356–360.

Mokienko V.M. Význam díla Václava Flajšhanse pro evropskou paremiologii // Acta Slavica Estonica III, Slavica Tartuensia X. Славистика в Эстонии и за ее пределами. Tartu University Press, 2013. P. 109–123.

Pop Zarijeva N., Iliev K. Comparative Linguistic Analysis of Russian and English Proverbs and Sayings // PALIMPSEST. 2016. № 1(2). P. 25–35.

О словарях пословиц – рецензии, обзоры

Вальтер Х. О русско-немецком словаре пословиц // ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů. 30.08. – 01.09. 2007. OLOMOUC, 2008. P. 331–335.

Вальтер Х., Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Белорусские пословицы в контексте европейской паремиологии (о русско-немецко-белорусском словаре пословиц с иноязычными параллелями) // Актуальныя праблемы філалогіі і методыкі выкладання філалагічных дысцыплін: Зборнік навуковых артыкулаў. Могилев, 2015. P. 209-214.

Котова М.Ю., Раина О.В. H. Walter – V. Mokienko – E. Komorowska – K. Kusal: Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Greifswald; Szczecin, 2014. 433 с. // Slavica: Casopis pro slovanskou filologii, 2016. № 2. P. 234–238

Федосов О.И. Václav Flajšhans, Česká přísloví. Sbírká přísloví, průpovědí a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku, 1–2 Harry Walter, Valerij Mokienko, Ewa Komorowska, Krzysztof Kusal, Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями) // Slověne. 2014. № 2. С. 217–223.

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ 2000–2018 гг.

Общеславянские

Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П.А. Дмитриева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.

Świerczyńska D., Świerczyński A. Słownik przysłów w ośmiu językach. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001. 37 s.

Болгарские

Ганев С., Стефанова Н. 1395 Английски пословици и поговорки. София: Византия, 2002. 128 с.

Георгиева Ж. Английско-български речник на английските идиоми. София: Колибри, 2002. 496 с.

Попова М. Тематичен немско-български речник, поговорки, пословици, сентенции и устойчиви словосъчетания. София: Наука и изкуство, 2016. 528 с.

Симеонова Р. Речник на немски и български пословици. София: ИК «Просвета», 2005. 278 с.

Симеонова Р. Немски и български пословици и антипословици. София: Коала прес, 2009. 240 с.

Търбан М. Речник на американските идиоми. София: Изток-Запад, 2017. 264 с.

Польские

Wójcik A., Ziebart H. Słownik przysłów niemiecko-polski, polsko-niemiecki. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2001. 547 s.

Walter H., Mokienko V., Komorowska E., Kusal K. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Greifswald; Szczecin, 2014. 433 s.

Боснийские

Prndelj-Šator B., Memnuna H. Njemačko-bosanski poslovični rječnik: njemačke poslovice sa bosanskim ekvivalentima. Fakultet humanističkih nauka, Univerzitet «Džemal Bijedić» u Mostaru, 2015. 285 s.

Чешские

Bočanková M. Anglicko-český frazeologický slovník: ustálené fráze, expresivní výrazy a idiomy, anglicko-česká přísloví; 1. vydání; Praha: Eko Press, 2007. 326 s.

Bachmanová J., Suksov V. Jak se to řekne jinde. česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky. Praha: EUROMEDIA – Knižní klub, Praha, 2008. 1. vyd. 384 s.

Bočánková M., Kalina M. Česko-anglický slovník idiomů, hovorových výrazů a přísloví. Praha: Ekopress, 2004. 322 s.

Čermák F. Slovník české frazeologie a idiomatiky 4 – Výrazy větné. – Praha: LEDA, 2009. 1267 s.

Flajšhans V. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku, 1–2, V. Mokienko, L. Stěpanova (eds.). 2nd ed., Olomouc, 2013. 1288 s.

Автор-составитель:

Олеся Сергеевна Сергиенко,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
Санкт-Петербургский государственный
университет (СПбГУ)

Olesya S. Sergienko,
PhD
Associate Professor
Faculty of Philology
St. Petersburg State University

o.sergienko@spbu.ru

Программы

Programs

О.А. Волошина (Москва, Россия)

Материалы для самостоятельной подготовки иностранных учащихся по курсу «Основы языкознания»

О.А. Voloshina (Moscow, Russia)

Materials for Self-Training of Foreign Students in the Course “Fundamentals of Linguistics”

Предлагаемый материал для занятий по курсу «Основы языкознания» был разработан и применен в аудитории иностранных студентов 2 курса бакалавриата в Университете МГУ-ППИ в г. Шеньчжэне в декабре 2018 – январе 2019 г. Предлагаемый фрагмент курса включает 3 раздела:

- вводные теоретические темы, посвященные предмету и задачам языкознания, связи языкознания с другими науками, и строению и функционированию языка, методам лингвистического анализа,
- фонетика (русская и общая),
- типы письма в языка мира.

Все разделы курса снабжены контрольными вопросами и тестовым заданием, которое может быть использовано в качестве промежуточной аттестации.

1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Языкознание – наука, которая изучает устройство и функционирование человеческого языка. Языкознание занимается изучением различных языков мира, их описанием, сравнением и классификацией.

Для обозначения науки о языке используется несколько синонимичных терминов: языкознание, языковедение и лингвистика.

Таблица 1

Термин	Состав термина	Пример терминов с общим компонентом
Языкознание	Язык + знать = языкознание	Обществознание
Языковедение	Язык + ведать = языковедение	литературоведение, переводоведение

Лингвистика	От лат. lingua (язык)	психолингвистика, лингвогеография
-------------	-----------------------	--------------------------------------

Ученых, которые занимаются исследованием, описанием и классификацией языков, называют *языковдами* или *лингвистами*.

Различают *общее* и *частное* языкознание.

Частное языкознание изучает конкретные языки (русский, китайский, английский) или группы языков (русистика, германистика и др.). Частное языкознание при исследовании языковых явлений опирается на материал конкретного языка (или языков). Например, русистика исследует фонетику, лексику, морфологию, историю, стилистику и т. п. русского языка, китаистика (наука о китайском языке) исследует устройство и функционирование китайского языка, славистика (наука о славянских языках) занимается изучением славянских языков, германистика (наука о германских языках) изучает германские языки и т. д. Все это дисциплины частного языкознания.

Общее языкознание изучает разные языки мира, их устройство и функционирование, сравнивает и классифицирует языки мира. Общее языкознание изучает универсальные (общие) принципы строения человеческих языков, связь языка и мышления, проблемы функционирования языка в обществе, связь языка и культуры, языка и религии, проблемы исторического изменения языков мира и др. Общее языкознание исследует человеческий язык в целом, определяет общие закономерности строения и функционирования языков мира, стремясь охватить как можно большее количество языков.

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Традиционно языкознание изучало устройство языковой системы, т. е. предметом общего языкознания была *внутренняя организация языка*. С точки зрения лингвистики язык представляет собой организованную, строго упорядоченную, многоуровневую систему, все элементы которой взаимосвязаны. Каждый уровень языковой структуры представляет совокупность самостоятельных языковых единиц, выполняющих в языке особую функцию. Традиционно к языковым единицам относят *фонему* (звук), *морфему*, *слово* и *предложение*.

Задачей общего языкознания является выяснение общих принципов строения языков мира:

- любой человеческий язык имеет сложное уровневое устройство (единицы языка организованы иерархически, т. е. от мелких единиц, к более крупным: звук, морфема, слово, словосочетание, предложение и др.);
- любой человеческий язык располагает номенклатурой (списком) слов (лексика) и особым способом их организации (грамматика);
- любой человеческий язык использует просодические средства (ударение и интонацию) и т. п.

На базе исследования различных языков мира языкознание формулирует общие принципы строения и функционирования языков (*лингвистические универсалии*). Например, все языки имеют гласные и согласные звуки, все языки используют слова, любой язык можно выучить и др.

Кроме того, общее языкознание исследует проблему связи языка и мышления, вопрос происхождения человеческого языка, особенности функционирования языка в обществе, устанавливает причины изменения языков мира и т. п.

В рамках общего языкознания разрабатываются принципы классификации языков мира. Например, *генеалогическая, типологическая, ареальная* классификация и т. п.

Очевидно, что множество вышеперечисленных вопросов и проблем теоретической лингвистики способствует тому, что в рамках общего языкознания сосуществуют различные дисциплины:

- общая фонетика – наука о звуковом строе языков мира. Традиционно в рамках фонетики рассматриваются классификации звуков речи (гласных и согласных), устройство слога и принципы деления слова на слоги, различные типы ударения и интонации и др.;
- общая морфология – наука о типах морфем в языках мира, об отличии корневых морфем от аффиксальных, словообразовательных (суффиксов) от словоизменяющих (флексий), о частях речи в разноструктурных языках, об образовании форм слов по правилам словоизменения и т. п.;
- общий синтаксис – наука об универсальных (общих) принципах построения словосочетаний и предложений в языках мира, о членах предложения и различных видах синтаксической связи слов в предложении;
- общая семантика – наука о значении языковых единиц. Например, изучением значений слов занимается лексическая семантика, т. е. лексика.

1.1. УСТРОЙСТВО И ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

Строение языковой системы

Любой человеческий язык есть сложно устроенная система. Эта система состоит из нескольких уровней, которые тесно связаны друг с другом.

Традиционно выделяют следующие уровни в языковой системе (см. табл. 2).

Таблица 2

	Название уровня	Единица	Функция единицы
4.	Синтаксический	Предложение	Коммуникативная (обеспечение общения)
3.	Лексический	Слово	Номинативная (назывная)
2.	Морфематический	Морфема	Функция выражения значения
1.	Фонетический	Звук	Функция материального воплощения речи (звучания)

Описание уровней языка начинают с самого нижнего – фонетического, поскольку именно этот уровень объединяет *звуки* – минимальные незначимые единицы языка (минимальные – это значит самые маленькие единицы, на которые делится звучащая речь, а незначимые, т. е. не имеющие самостоятельного значения). Например, звук Д – минимальная единица (его нельзя разделить на еще более мелкие), незначимая единица (звук Д не имеет самостоятельного значения). Изучением звуков занимается фонетика.

Следующий уровень (морфологический) объединяет *морфемы* – это минимальные значимые единицы, т. е. самые маленькие единицы языка, которые имеют значение. Корень слова, приставка, суффикс и окончание – это морфемы, которые входят в состав слова. Морфема может состоять из нескольких звуков (например, в слове СТЕНА корень СТЕН- состоит из четырех звуков), но может состоять из одного звука (в том же слове СТЕНА окончание состоит из одного звука -А, однако это окончание имеет значение – оно указывает на существительное жен-

ского рода, именительного падежа и единственного числа. (Такое же по звучанию окончание -А в слове СЛОН-А будет иметь уже другое значение: существительного мужского рода, родительного падежа и единственного числа.) Типы морфем в языках мира и их комбинации в слове изучает морфология.

Слова – это единицы лексического уровня, которые называют предметы и явления действительности, признаки, действия и т. п. Слова выполняют в языке номинативную функцию, т. е. слова называют предметы и явления окружающего мира. Например, животных (заяц, медведь и др.), мебель (стол, кровать и т. п.), чувства (радость, страх и т. п.), признаки (хороший, большой, красный и т. п.) или действия (бегать, говорить и т. п.). Изучением слов занимается *лексика*.

Предложения – это единицы синтаксического уровня языка, которые выполняют коммуникативную функцию, т. е. функционируют в речи при общении людей. Правила построения синтаксических структур, типы предложений по форме и значению изучает *синтаксис*.

Таким образом, каждую языковую единицу изучает специальная лингвистическая дисциплина: звуки речи – это предмет *фонетики*, морфемы – предмет *морфологии*, предложение – предмет *синтаксиса*, а слово изучают разные дисциплины: *лексика*, *морфология* и *синтаксис*.

Предложение делится на слова, слова на морфемы, морфемы на звуки. Например, предложение *Ребенок читает интересную книгу* можно разделить на четыре слова (ребенок / читает / интересную / книгу), каждое слово можно разделить на морфемы (книг/у), морфему – на звуки (к/н/и/г).

Или можно сказать, что из звуков создается морфема (т. е. звуки складываются в морфему), из морфем – слово, а из слов – предложение. Получается, что звук – первая, самая маленькая единица, а предложение – самая крупная и сложная. Языковая система имеет иерархическое устройство (иерархия – порядок подчинения низших уровней высшим).

Таким образом, язык имеет сложное многоуровневое устройство, т. е. языковая система представляет собой иерархическую организацию нескольких уровней.

Функции языка

Человеческий язык – сложно организованная, многофункциональная система, которая связана с любой сферой человеческой деятельности. Принято выделять главные функции, которые выполняет язык в человеческом обществе:

1. коммуникативная,
2. номинативная,
3. когнитивная,
4. экспрессивная,
5. регулятивная,
6. эстетическая.

Основная функция языка – *коммуникативная*, так как язык обеспечивает коммуникацию (общение) людей друг с другом. Люди передают друг другу информацию, рассказывают о событиях, о своих мыслях и чувствах. Именно язык позволяет человеку воплотить и передать другому то, что он думает и чувствует, благодаря языку человек получает информацию об окружающем мире, о других людях, учится их понимать и взаимодействовать с ними.

Коммуникативная функция языка самая важная, но этим не исчерпывается роль языка в человеческом обществе. Язык выполняет *номинативную* (назывную)

функцию, называя словами предметы и явления окружающего мира. Язык имеет специальные названия для родственников человека, т. е. членов его семьи, для животных, птиц, окружающих человека предметов и т. п. Слова языка называют признаки предметов (т. е. указывают на цвет, размер, функции предметов и т. п.), действия и состояния (бегают, смеется, пишет и т. п.). Таким образом, слова языка отражают окружающий человека мир.

Когнитивная функция языка позволяет человеку организовать свои представления о мире, сформулировать свои мысли, четко их определить. Например, язык помогает человеку выстроить классификацию предметов и явлений, например: мебель – это стол, кровать, шкаф и т. п. Есть специальные слова, которые называют классы предметов (в нашем примере это слово *мебель*), общие понятия, которые помогают объединять предметы и называющие их слова в группы (классифицировать).

Языковые структуры помогают человеку выразить мысль: например, объяснить причину своего поступка (*я опоздал, потому что...*), определить последовательность действий во времени (*когда я подошел к дому, то увидел...*, *после этого разговора я уже не мог уснуть* и т. п.). Таким образом, язык позволяет человеку выразить мысль, оформить свое высказывание.

Язык помогает человеку выразить свои эмоции, свое отношение к событиям и людям. Такая функция языка называется *экспрессивной функцией*. Человек использует особые средства языка для выражения своих эмоций: это *экспрессивная лексика* (специальные слова, типа *Прекрасно! Великолепно!* или *Позор! Кошмар!* и т. д.) или особая интонация. Экспрессивная лексика часто выражает оценку (человек оценивает событие как плохое или хорошее), поэтому называется *оценочной лексикой* (например, *хорошо* или *плохо*).

Язык может использоваться как средство воздействия на собеседника, когда говорящий хочет заставить собеседника что-то сделать, хочет внушить собеседнику какую-то мысль, воздействовать на его сознание и поведение. Такая функция называется *регулятивной*. В языке имеются специальные средства выражения регулятивной функции. В частности, это формы повелительного наклонения (императива). Например, *пойди, принеси, почитай* – или формы пожелания: *Пусть это будет самое лучшее время в вашей жизни!* или *Да станет этот день началом новой счастливой жизни!*

Магическую функцию выполняют в языке слова заговоров, молитв, проклятий и т. п. При этом считается, что слово не просто произносится, но пробуждает действие магических сил, так как обладает особой энергией, благотворно или губительно воздействующей на человека. В китайской культуре, например, приятно давать ребенку «говорящие» имена, которые обеспечат малышу долгую и счастливую жизнь, здоровье и богатство и т. п. В этом случае имя – это не просто слово, а пожелание здоровья и счастья, защита от зла и болезней и т. п. Это магическая функция слова.

Если слова не просто передают определенную информацию или воздействуют на собеседника, но и вызывают эстетическое наслаждение, удовольствие от совершенной языковой формы, то говорят об *эстетической функции* языка. Такую функцию выполняют, как правило, художественные произведения (например, поэзия) или некоторые произведения фольклора. Именно поэтому художественно совершенные тексты сложно переводить с одного языка на другой, ведь эстетически прекрасное произведение было создано на конкретном языке – при пере-

воде совершенная форма неизбежно разрушается. Искусные переводчики могут создать эстетически совершенное произведение при переводе на другой язык, но это будет уже другой текст, умело использующий средства чужого языка.

Язык является общественно значимой *формой отражения окружающей действительности*, называя предметы и явления действительности, их признаки, свойства и действия. В системе выражаемых им значений язык фиксирует опыт всего коллектива, «картину мира» говорящего на нем народа.

Язык является важнейшим средством получения новой информации о мире, ведь любое знание можно вербализовать, т. е. передать содержание посредством слов: объяснить математические и химические формулы, нотную запись, дорожные знаки и т.п. Неудивительно поэтому, что язык является предметом пристального изучения различных гуманитарных и естественных наук. Язык рассматривается в рамках логики, психологии, теории коммуникации, социологии, криминалистики, антропологии, культурологии, политологии, фольклористики, физики (акустики), математики и др. наук.

1.2. СВЯЗЬ ЯЗЫКОЗНАНИЯ С ДРУГИМИ НАУКАМИ

Современное языкознание тесно связано с другими науками, потому что сотрудничество с самыми разными дисциплинами позволяет лингвистике решать свои собственные задачи, находить ответы на вопросы, связанные с функционированием языка в обществе.

Науки, с которыми связано языкознание:

филология,
литературоведение,
фольклор,
семиотика,
история,
психология,
география и др.

Филология и языкознание

Филология (от др. греч. φιλολογία, любовь к слову) – совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературных произведениях. Филологию составляют дисциплины, исследующие важные для национальной культуры тексты (например, поэмы Гомера, Ветхий Завет, Евангелие и др.).

Классическая филология сложилась в древней Греции в процессе изучения текстов поэм Гомера. Сформировалась дисциплина, целью которой является изучение древних текстов, составление комментария к тексту, определение автора и времени создания текста. Филологи исследуют старинные рукописи, комментируют их, описывают язык рукописей. Именно рукописные, а не печатные книги издавна были главным объектом филологической работы.

Филологический комментарий, например к поэме Гомера Илиада, предполагает описание событий, а именно – троянской войны, перечисление героев, характеристику их действий, составление словаря непонятных слов (устаревших или диалектных слов).

С первых веков христианства начинается работа над священными текстами Библии, а именно – перевод текста Ветхого Завета на древнегреческий язык, перевод Евангелия на европейские языки, составление комментариев к сакральным текстам.

В начале XIX в. европейские ученые начинают активно работать с древнейшими рукописями на национальных европейских языках. Немецкий филолог Якоб Гримм издает тексты на древних германских языках, произведения фольклора (в частности, немецкие народные сказки).

Русская филология также решала задачу изучения, издания и комментирования рукописей на древнерусском языке. В начале XIX в. известный филолог А.Х. Востоков издал рукопись Остромирова Евангелия (памятника древнерусского языка XI в.), подробно описал язык памятника, его фонетические, грамматические и лексические особенности.

Филологическая работа продолжается и в наши дни. Филологи составляют комментарии к литературным произведениям, например к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарии бывают разные, они отличаются большей или меньшей подробностью, потому что создаются для школьников, для специалистов-литературоведов, историков, культурологов, а также для широкого круга читателей.

Литературоведение и языкознание

Литературоведение – наука, которая занимается изучением литературных произведений. Литературоведы (ученые, которые занимаются этой наукой) исследуют правила построения произведения, сюжет, композицию, систему персонажей и язык произведения.

Языкознание и литературоведение тесно связаны друг с другом, так как литературные произведения создаются на конкретном национальном языке. Язык писателя становится здесь предметом изучения. Филологи определяют, какие слова, синтаксические конструкции, образные выражения использует автор в своем произведении.

Например, русские филологи в середине XX в. создали «Словарь языка А.С. Пушкина» (1956–1961). В этом словаре были собраны все слова, которые использовал Пушкин в своих произведениях.

Литературоведение изучает правила сложения поэтических произведений, исследует типы рифм и стихотворные размеры. Например, стихотворение Пушкина «Зимний вечер» написано хореем – двудольным (двусложным) стихотворным размером, который образуется чередованием двух слогов, первый из которых является ударным, а второй слог оказывается безударным:

Бу́ря мгло́ю не́бо кро́ет,
Ви́хри сне́жные крут**Я**,
То́ как зве́рь она́ заво́ет,
То́ запла́чет, как дит**Я**.

А стихотворение Пушкина «Зимнее утро» написано ямбом – двудольным стихотворным размером, при котором ударение ставится на второй слог слова, а первый слог остается безударным:

Мо́роз и со́лнце; де́нь чуде́сный!
Ещё ты дре́млешь, дру́г преле́стный...

В поэтическом произведении может использоваться рифма – созвучие слов в конце двух или нескольких стихотворных строк (в нашем примере рифмованные части слов выделены полужирным шрифтом).

Таким образом, языкознание помогает исследовать язык писателя, изучать языковые средства, которые использует автор при создании своих произведений.

Языкознание и фольклор (устное народное творчество)

Фольклор также тесно связан с языкознанием, так как произведения устного народного творчества создаются на языке. Язык фольклорных текстов имеет свои особенности. Поскольку произведения устного народного творчества не записывались, а запоминались на слух, в них часто использовалась рифма, ритмическая организация текста, повторы, например:

Сделал дело – гуляй смело;

Сидит девица в темнице, а коса на улице (морковь);

Не лаёт, не кусает, а в дверь не пускает (замок).

В сказках часто используется *повтор* как композиционное средство, выстраивающее текст сказки. Как правило, ситуация или действие в сказках повторяется три раза. Например, в сказке «Три медведя» три раза Машенька пробует еду из трех мисок, на трех кроватях пробует уснуть и т. д.

Текст оформляется введением (вступлением), или *зачином*. Например, «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве жил-был царь»; или: «За высокими горами, за широкими долами жили мышка-норушка, зайка-побегайка и лягушка-квакушка». Заканчивается сказка обычно *концовкой*: «И стали они жить долго и счастливо»; или: «Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец!» Таким образом, текст сказки заключается в рамку: начинается сказка с зачина, а заканчивается концовкой. Повторяющиеся фразы зачина и концовки называются *фольклорными формулами*.

Семиотика и языкознание

Семиотика (греч. σημειωτική, от др.-греч. σημεῖον – знак, признак) – наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем. Человек живет среди знаковых систем: это дорожные знаки, надписи, обозначения, звуковые сигналы (звонок на урок, гудок автомобиля) и т. п. Звучащая речь и написанные буквы также являются знаками, так как передают человеку информацию, которую он должен воспринять и осознать.

В начале XX в. великий швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр впервые предложил рассматривать человеческий язык как сложно устроенную универсальную семиотическую систему.

Все знаки языковой системы тесно связаны друг с другом и взаимно влияют друг на друга. Слово представляет собой лингвистический (языковой) знак, т. е. единицу семиотической системы.

Лингвистический знак имеет следующие свойства:

1. *двусторонний характер* – материальное выражение и идеальное содержание. Каждое слово имеет и звуковой (акустический) образ и понятие (значение). Например, слово ДОМ состоит из трех звуков (это его акустический образ) и обозначает жилище человека (это его значение);
2. *условность* (произвольность или конвенциональность) лингвистического знака подчеркивает отсутствие непосредственной связи между понятием и акустическим образом. С одной стороны, одно и то же понятие может выражаться разными звучаниями (синонимами в языке или слова, называющие одно и то же понятие в разных языках). С другой стороны, одно звучание может обозначать разные понятия. Человек не может по звучанию догадаться о значении слова, поэтому слова языка нужно выучить, запомнить их значение;
3. *изменчивость знака*. Значение слов может меняться с течением времени. Например, слово ПОРОХ в древнерусском языке обозначало мелкие частицы вещества (порошок,

запорошить). Потом слово стало обозначать взрывчатое вещество. С течением времени меняется не только значение, но и звучание слова, возникают фонетические и семантические изменения;

4. *консервативность знака* – свойство, противоположное изменчивости знака. С одной стороны, лингвистический знак постоянно меняется, с другой стороны, быстрое изменение языковой системы может мешать людям понимать тексты прошлого века на своем родном языке, не говоря уже о более древних текстах. Поэтому общество стремится закрепить значение за определенным словом, система орфографических и орфоэпических норм старается «законсервировать» слово, предотвратить его изменение;

5. *обусловленность системой* заключается в том, что каждый знак зависит от соседних знаков, он целиком определяется системой. Например, буква Р зависит от того, в каком алфавите она функционирует – в русском (кириллическом) или в английском (латинице).

Не только звучащая речь, но и письменность является семиотической системой.

Предложение рассматривать язык в составе семиотики позволило создавать и совершенствовать искусственные языки для людей с ограниченными возможностями (например, язык глухонемых или азбуку для слепых).

Язык жестов глухонемых позволяет использовать жест в качестве аналога слову или предложению.

Система дактилологии позволяет при помощи жестов передавать буквы слов человеческого языка.

Азбука Брайля для слепых позволяет слепому «читать» слова и предложения, осязая выпуклые точки, отображающие буквы алфавита и цифры.

Таким образом, языкознание и семиотика могут плодотворно сотрудничать, описывая свойства языка как семиотической системы и выявляя новые возможности искусственных языков как каналов получения человеком информации об окружающем мире.

История и лингвистика

История и языкознание так тесно связаны друг с другом, что возникла отдельная дисциплина – историческая лингвистика. Историческая лингвистика изучает процессы изменения языка: его звуков, слов и предложений.

Всем известно, что значения слов меняются с течением времени, например, в русском языке слово ЦАРЬ называло главного правителя на Руси. Это слово широко употреблялось и использовалось для создания новых слов: царевна, царевич, царство, царствовать и т. п. Эти слова встречаются в сказках, а в современном русском языке употребляются в переносном значении: царственный (величественный), царствовать (властвовать, править), царство (территория господства) и т. п.

Или слово БОГАТЫРЬ раньше называло русского воина (например, на картине В.М. Васнецова «Три богатыря»), а сейчас богатырем называют крупного и сильного мужчину или мальчика.

Слово ШЛЕМ (ШЕЛОМ) обозначало головной убор богатыря, защищающий голову воина от вражеского меча, а в современном языке мотоциклёрный шлем защищает голову мотоциклиста от удара.

С течением времени меняется и произношение слов, может измениться вся система звуков языка. Например, в старославянском языке не было противопоставления согласных по твердости / мягкости (м-м' т-т' и т. п.), но были носовые гласные, которые обозначались в старославянских рукописях специальными буквами – юсами. А в еще более древнем (общеевропейском) языке не было

шипящих и свистящих звуков, которые появились гораздо позднее. Таким образом, не только слова, но и звуки языка меняются с течением времени.

В древности русский язык отличался от современного; язык XI в. мы называем древнерусским языком, а язык IX в. мы называем старославянским. Также греческий язык не всегда был таким, на котором говорят сейчас жители Греции; в древности греки говорили на языке, существенно отличавшемся от современного, ученые называли его древнегреческим языком (именно на древнегреческом языке были написаны знаменитые поэмы Гомера). А латинский язык изменился и дал начало разным романским языкам: испанскому, итальянскому, французскому и др. Китайский язык тоже менялся, с течением времени. Трактаты Конфуция, например, были написаны на языке, который ученые называют древнекитайским, а сейчас в Китае говорят и пишут на современном китайском языке.

Психология и лингвистика (психолингвистика)

В начале XX в. бурно развивающаяся новая наука психология повлияла на языкознание, с тех пор психология и лингвистика так тесно сотрудничают, что появилась новая междисциплинарная область – *психолингвистика*.

Выдающийся психолог Л.С. Выготский в книге «Мышление и речь» предложил рассматривать язык как орудие мышления, способ создания самой мысли. По его мнению, мысль формулируется в словах, в предложениях, тем самым создается, меняется. Человек подбирает слова, которые лучшим образом позволят выразить его мысль.

Слушающие воспринимают звучащие слова и звуки, которые воздействуют на сознание человека. Звучание слова может нравиться человеку или не нравиться, звук воспринимается как резкий или плавный, краткий или долгий, твердый или мягкий. Дисциплина, изучающая восприятие звучания, называется *психофонетикой*. В конце XX в. провели эксперимент (лингвистический эксперимент), в ходе которого просили подобрать названия фантастическим животным: было предложено два животных и два слова, называющие их. Нужно было подобрать название каждому животному (см. рис. 1).

Рисунок 1

Все участники эксперимента выбрали для первого животного имя МАМЛЫНА, а для второго ЖАВАРУГА. Звучание МАМЛЫНА вызывает в сознании представление о чем-то добром, округлом, а ЖАВАРУГА воспринимается как что-то угловатое, лохматое. Оказалось, что люди одинаково воспринимают звуки, эти звуки вызывают у людей сходные ассоциации.

Важная задача психолингвистики – выявить, как хранятся слова в сознании говорящих. Как люди подбирают нужные слова при составлении речи? Наблюдения психолингвистов показали, что слова объединяются по общему или близкому значению. Например, человек пытается вспомнить слово СКРИПКА, он перебирает в памяти названия музыкальных инструментов, пока найдет нужное слово.

Таким образом, языкознание тесно связано с психологией, вместе эти науки изучают языковое сознание человека, исследуют, как человек использует язык для выражения своих мыслей и чувств.

Языкознание и география (лингвистическая география)

В начале XX в. языкознание стало тесно взаимодействовать с географией, изучая проблему распространения языков на определенной территории, рассматривая вопросы взаимного влияния соседних языков друг на друга и т. п., в результате возникла новая междисциплинарная область – *лингвистическая география*. Лингвистическая география – раздел языкознания, изучающий вопросы территориального размещения языков и распространения языковых явлений. Ученые, занимающиеся вопросами территориального распространения языковых явлений, стали картографировать языки, т. е. создавать специальные языковые карты, или лингвистические атласы.

Лингвистический атлас (лингвистическая карта) – обозначение территории распространения языкового явления: слов, особенностей грамматики или фонетики исследуемых языков. Карты бывают *лексические* (отмечают использование жителями определенной области конкретных слов), *фонетические* (обозначают область распространения определенного произношения) и *грамматические* (фиксируют распространение грамматических явлений, например синтаксических конструкций).

Например, *карта русских диалектов* (русских говоров), отмечающая на территории распространения русского языка три зоны: северную, среднюю и южную. На этих территориях распространены северные, средние и южные диалекты русского языка, отличающиеся фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями.

Диалект – разговорный вариант общенародного языка, распространенный на небольшой территории, а для всех образованных носителей языка существует нормированный вариант общенародного языка – литературный язык. Именно литературный язык используется авторами при создании текстов литературных произведений.

Таким образом, современная лингвистика связана с разными науками, языкознание активно участвует в решении задач междисциплинарного характера.

1.3. МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Лингвистика использует разные методы исследования языков мира:

описательный метод,
сопоставительный,
сравнительно-исторический,
метод лингвистического эксперимента и др.

Выбор метода зависит от целей, которые ставит перед собой ученый и от материала, который он изучает.

Если ученый хочет рассказать коллегам или широкой публике об устройстве и функционировании конкретного языка, он использует описательный метод, т. е.

Рисунок 2. Карта русских диалектов

перечисляет, какие звуки, слова и грамматические категории имеет данный язык, объясняет, как эти элементы функционируют и т. д.

Если ученый хочет сравнить разные языки, он будет последовательно сопоставлять (сравнивать) фонетику, грамматику и лексику исследуемых языков, подчеркивать сходства и различия в их устройстве. Метод, который использует ученый в этом случае, называется *сопоставительным*. При помощи такого метода можно сравнивать русский и китайский языки, русский и английский и др.

Если ученый хочет исследовать пути развития родственных языков и процесс их происхождения от общего праязыка, тогда он будет использовать *сравнительно-исторический* метод.

Психолингвистика активно использует метод *лингвистического эксперимента*. Например, проводится ассоциативный эксперимент, при котором ведущий называет слово, а участникам предлагается назвать любое слово, которое возникает в памяти по ассоциации. Например, ведущий назвал слово СТУДЕНТ, а слушатели называют слова УЧЕБА, УНИВЕРСИТЕТ, ФАКУЛЬТЕТ, МОЛОДЕЖЬ, КАНИКУЛЫ, СЕССИЯ, СТОЛОВАЯ и т. п. Совокупность этих слов показывает, что слово СТУДЕНТ ассоциируется с обучением в университете, с молодежью, веселыми каникулами, столовой и т. п. Этот эксперимент показывает, как связаны слова в сознании людей в семантические группы.

Таким образом, современная лингвистика использует разные методы, разные способы исследования и представления языкового материала.

Контрольные вопросы по теме

Что изучает языкознание?

Как называется дисциплина, изучающая предложение? А звук?

Какие науки изучают слово?

Перечислите функции языка.

Назовите уровни языковой системы и их единицы.

Что такое звук?

Какая главная функция слова в языке?

Какую функцию выполняет предложение?

Назовите науки, которые связаны с языкознанием.

Перечислите методы лингвистического исследования.

Приведите пример лингвистического эксперимента.

Что такое лингвистический атлас?

Проверочный текст к теме 1

Задание 1. Что изучает языкознание?

Языкознание изучает ...

Как называются ученые, которые занимаются изучением, сравнением и классификацией языков?

Как еще можно назвать языкознание? Выберите термины-синонимы.

лингвистика

филология

литературоведение

языковедение

Задание 2. Выберите правильный ответ.

Частное языкознание изучает:

русский язык

происхождение языков мира

связь языка и мышления

китайский язык

германские языки

классификации языков мира

Наука, изучающая русский язык, называется ...

Наука, изучающая китайский язык, называется ...

Наука, изучающая славянские языки, называется ...

Общее языкознание изучает ...

Задание 3. Выберите правильный ответ.

Общая фонетика – это ...

наука об универсальных (общих) принципах построения словосочетаний
и предложений в языках мира

наука о значении языковых единиц

наука о типах морфем в языках мира

наука о звуковом строе языков мира

Задание 4. Впишите в таблицу названия уровней языковой системы
и единиц каждого уровня

	Название уровня	Название единицы
1.		
2.		
3.		
4.		

Задание 5. Дайте определение.

Морфема – это ...

Выберите правильный ответ.

Звук – это ...

минимальная значимая единица

единица синтаксического уровня, которая выполняет коммуникативную функцию

минимальная незначимая единица

единица лексического уровня, которая выполняет номинативную функцию

Предложение выполняет функцию

номинативную

коммуникативную

Задание 6. Язык выполняет много функций. Впишите недостающие функции языка.

1. ?

2. *Номинативная*

3. *Когнитивная*

4. ?

5. ?

6. *Магическая*

7. ?

Номинативная функция языка – это ...

Экспрессивная функция языка – это ...

Задание 7. Перечислите науки, с которыми тесно связано языкознание.

Задание 8. Выберите правильный ответ.

Совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературных произведениях, – это ...

Языкознание

Литературоведение

Филология

Культурология

Психология

Язык литературных произведений изучает ...

Фольклор

История

Литературоведение

География

Задание 9. Завершите фразу.

Лингвистическая география – это наука, которая изучает ...

Лингвистическая карта (лингвистический атлас) – это ...

Диалект – это ...

Задание 10. Выберите правильный ответ.

Если ученый хочет исследовать пути развития родственных языков и процесс их происхождения от общего праязыка, тогда он будет использовать ...

описательный метод

ОБЩАЯ ФОНЕТИКА

Фонетика (от греч. φωνή – звук, φωνηεντικός – звуковой, голосовой) – наука о звучащей речи. Фонетика изучает звуки речи, процессы изменения звуков в потоке речи, а также просодические средства – ударение и интонацию.

Звуки речи

Звуки речи имеют *артикуляционные* и *акустические* характеристики.

1. *Артикуляционная характеристика* звуков – это характеристика звуков с точки зрения работы органов речи (органов артикуляции). Органы речи, используемые при произношении звуков, вместе образуют речевой аппарат человека. Изучением строения речевого аппарата и органов речи, которые участвуют при образовании разных звуков, занимается артикуляционная фонетика.

2. *Акустическая характеристика* звуков – это характеристика звуков с точки зрения их физических (акустических) признаков. Например, долгота, высота или громкость звука – это его акустические характеристики (звуки бывают длинные или краткие, высокие или низкие, громкие или тихие). Акустические характеристики звуков изучает акустическая фонетика.

Речевой аппарат человека одинаково устроен у всех людей, однако в разных языках используются разные звуки. Универсальные (общие) закономерности работы речевого аппарата и особенности звуков в разных языках мира исследует *общая фонетика*.

Речевой аппарат – это совокупность органов артикуляции, которые используются для образования звуков речи.

Строение речевого аппарата

В речевом аппарате есть три раздела.

1. Гортань, в которой находятся голосовые связки (6).

2. Ротовая полость, в которой различаются следующие органы артикуляции: губы (1), зубы (2), язык (7, 8, 9), нёбо (3, 4) и ўвула (5).

3. Носовая полость.

Струя воздуха проходит по гортани и попадает в ротовую полость, при этом голосовые связки могут работать (колебаться) или не работать.

Если голосовые связки в гортани работают (колеблются), то образуются гласные звуки (например, О, А, У и др.) и звонкие согласные (Д, Г, З, Ж и др.).

Если голосовые связки не работают, то образуются глухие звуки (например, Т, П, К, Ш и др.). Можно сказать, что гласные и звонкие согласные звуки образуются при помощи голоса (фонации), а глухие согласные – без голоса.

Рисунок 3. Речевой аппарат

Глухие и звонкие согласные образуют пары по глухости / звонкости:

Звонкий	Д	З	Ж	Г	Б	В
Глухой	Т	С	Ш	К	П	Ф

Согласные, которые не имеют глухой пары, Л, Р, М, Н, Й – *сонорные* согласные; они всегда звонкие.

Согласные, которые не имеют звонкой пары и всегда глухие, это Ц, Ч, Щ, Х.

Из гортани воздух попадает в ротовую полость, где звуки образуются при помощи органов артикуляции ротовой полости, т. е. при помощи языка, губ, зубов, нёба и увулы. Увула может подниматься и опускаться, если увула опускается, воздух проходит в носовую полость и образуются носовые звуки (М, Н).

Например, на рис. 4 изображен профиль носового согласного М: губы образуют полную смычку на пути струи воздуха, но увула опускается – и струя воздуха проходит в носовую полость.

Нёбо традиционно делится на переднее (твёрдое нёбо), среднее нёбо и заднее нёбо (мягкое), которое заканчивается увулой. Переднее и среднее нёбо называются палатум (лат. palatum), а мягкое нёбо – велум (лат. velum).

Язык также делится на части – передняя часть спинки языка (9), средняя часть спинки языка (8) и задняя часть спинки языка (7). Как правило, наиболее активно при образовании звуков работает передняя часть спинки языка, в результате чего образуются переднеязычные звуки.

Рисунок 4

Звуки делятся на *гласные* и *согласные*.

Гласные звуки не имеют преграды на пути струи воздуха.

Согласные звуки имеют преграду на пути струи воздуха.

Наличие преграды – это отличие гласных от согласных звуков с точки зрения артикуляции.

Однако гласные от согласных отличаются и с точки зрения акустики. Акустическое отличие гласных от согласных – это наличие или отсутствие шума при образовании звуков. Гласные произносятся только при участии голоса (работают голосовые связки). При произнесении согласных возникает шум из-за того, что струя воздуха на своем пути встречает преграду и преодолевает ее. Все согласные характеризуются шумом, а голос может участвовать при образовании согласных звуков (звонкие согласные) или не участвовать (глухие согласные).

Согласные звуки (система консонантизма)

Преграда у согласных звуков бывает разной: на пути струи воздуха может образовываться щель или смычка. Преграда может создаваться разными органами артикуляции в разных местах речевого аппарата. В зависимости от типа преграды согласные классифицируются *по способу образования*, а в зависимости от места образования преграды согласные классифицируются *по месту образования*.

Классификация согласных звуков по способу образования (по типу преграды)

1. *Щелевые* согласные характеризуются образованием щели на пути струи воздуха. Щель появляется в результате сближения органов артикуляции на пути

струи воздуха. Согласные, которые образуются при помощи щели, называются щелевые (например, В, Ф, З, С, Ж, Ш, Щ, Й, Х).

2. *Смычные* согласные характеризуются образованием полной смычки (смыкания, контакта) органов артикуляции на пути струи воздуха.

Смычные согласные делятся на несколько разрядов.

а) *смычно-взрывные* согласные образуются при помощи смычки (преграды), которая резко преодолевается, образуя взрыв. Например: Б, П, Д, Т, Г, К;

б) *носовые смычные* звуки образуются при помощи смычки (преграды) в ротовой полости, но uvula опускается, и воздух проходит в носовую полость. Например: М, Н;

в) *боковые смычные* образуются при помощи смычки (преграды), но воздух проходит по бокам (то есть обходит преграду с двух сторон). Например: Л;

г) *дрожжащие* звуки характеризуются многократным образованием смычки и ее преодолением. Например: Р;

д) *аффриката* – *смычно-щелевой* звук, при образовании которого появляются две преграды – смычка и щель. Например: Ц (т + с) и Ч (т + щ).

На рис. 5 изображен профиль аффрикаты Ч: сначала язык образует полную смычку с передним нёбом, а потом смычка преодолевается и превращается в щель. Аффриката – смычно-щелевой звук.

Рисунок 5

Контрольные вопросы

1. Как называется совокупность органов артикуляции, которые используются для образования звуков речи? Какие органы артикуляции находятся в ротовой полости?
2. Чем отличаются гласные звуки от согласных звуков?
3. Выберите правильный ответ.
4. При помощи сближения органов артикуляции на пути струи воздуха образуются:
смычные согласные / щелевые согласные.

5. Найдите смычные согласные:

С Ш Ц Р П К Х Б Ч Й Ф Д

Найдите смычно-взрывные согласные:

Ц З Х К Ч Т Щ Д С В Р

Найдите носовые согласные:

Н Г Ш Ц Р М К П Л

Найдите боковой согласный:

К Б Ж Д Й Л Ц

Классификация согласных по месту образования (по месту образования преграды)

Преграда образуется в определенном месте речевого аппарата (чаще всего в ротовой полости).

В ротовой полости различаются активные и пассивные органы артикуляции. Активные органы могут двигаться, а пассивные всегда неподвижны. К активным органам артикуляции относятся язык, губы и uvula, к пассивным – зубы и нёбо.

Преграда на пути струи воздуха образуется благодаря движениям активных органов артикуляции – губ и языка.

Если преграда на пути струи воздуха возникает при помощи губ, образуются губные звуки, а если при помощи языка – язычные. В русском языке наиболее активно артикулирует передняя часть спинки языка, в результате чего образуются переднеязычные звуки.

По месту образования согласные делятся на разряды:

1. губно-губные Б, П, М;
2. губно-зубные В, Ф;
3. переднеязычные-зубные Д, Т, Ц, З, С, Н, Л;
4. переднеязычные-переднеязычные Ч, Ж, Ш, Щ, Р;
5. среднеязычный-среднеязычный Й;
6. заднеязычные К, Г, Х.

В русском языке больше всего согласных звуков образуется в передней части ротового резонатора – это переднеязычные-зубные или переднеязычные-переднеязычные звуки.

Контрольные вопросы

1. Перечислите губно-губные согласные звуки русского языка. Почему они называются губно-губные?

2. Назовите переднеязычные-зубные звуки русского языка.

3. Выполните задание.

Найдите звук смычно-взрывной, губно-губной звук:

К Л Ш Д В П Щ Х М Й

Найдите звук переднеязычно-зубной, боковой:

Д Ш Л З Ц Р

Найдите среднеязычный, щелевой согласный:

Д В П Ф Й Щ Х М

Найдите заднеязычный, щелевой звук:

Л Ш В Щ К Х М

Дополнительная артикуляция согласных звуков в русском языке

Место и способ образования – это основная артикуляция согласных звуков. В русском языке есть дополнительная артикуляция согласных звуков, это *палатализация* (смягчение согласных). В результате палатализации образуются мягкие согласные (палатализованные; или смягченные).

При образовании мягкого согласного средняя часть спинки языка поднимается к твердому нёбу (*palatum*), и образуется палатализованный звук (мягкий). Например: Т', Л', Б', Р', В' и др.

В русском языке есть один согласный, для которого подъем средней части языка к твердому небу является основной артикуляцией, это палатальный Й. Он всегда мягкий.

При образовании твердого согласного задняя часть спинки языка поднимается к мягкому нёбу (velum), и образуется *веляризованный* звук. Веляризованными звуками в русском языке являются все твердые звуки, кроме К, Г, Х, у которых движение языка к мягкому нёбу является основной артикуляцией, поэтому К, Г и Х – велярные звуки.

Итак, в русском языке есть парные звуки по твердости / мягкости: Д / Д', С / С', Р / Р' и др. (см. табл. 3), но есть и непарные звуки, которые всегда твердые или всегда мягкие. Всегда твердые звуки (непарные твердые): Ж, Ш, Ц, а всегда мягкие звуки (непарные мягкие): Ч, Щ, Й.

Таблица 3. Классификация согласных русского языка по месту и способу образования

	Губные		Язычные			
	Губно-губные	Губно-зубные	Переднеязычные-зубные	Переднеязычные-передненёбные	Среднеязычные-средненёбные	Заднеязычные-задненёбные
Щелевые		В Ф В' Ф'	З С З' С'	Ж Ш Ш' (Щ)	Й	Х Х'
Смычно-взрывные	Б П Б' П'		Д Т Д' Т'			Г К Г' К'
Носовые	М М'		Н Н'			
Боковые			Л Л'			
Дрожащие				Р Р'		
Аффрикаты			Ц	Ч		

Итак, согласные звуки русского языка различаются по месту и способу образования, по глухости / звонкости и твердости / мягкости.

Гласные звуки (система вокализма)

При произнесении гласных звуков голосовые связки всегда работают (колеблются), в результате чего образуется голос. Органы артикуляции не образуют преграды при произнесении гласных звуков, поэтому гласные не имеют места и способа образования.

Гласные характеризуются положением языка в ротовой полости. Язык может подниматься к нёбу и опускаться, в зависимости от этого гласные различаются *по подъему*. Кроме того, язык может продвигаться вперед и отодвигаться назад в ротовой полости, в зависимости от этого гласные различаются *по ряду*.

Характеристика гласных звуков по подъему

Если язык высоко поднимается к нёбу, то образуются гласные верхнего подъема: **И, Ы, У**.

Если язык немного приподнят к нёбу, образуются гласные среднего подъема: **Е и О**.

Если язык не поднимается к твердому нёбу, образуются гласные нижнего подъема: **А** (см. рис. 6).

Рисунок 6

Характеристика гласных по ряду

Если язык сдвигается вперед к передним зубам, то образуются гласные переднего ряда: **И** и **Е**.

На рис. 7 изображен гласный **И**, при образовании которого язык сдвигается вперед и поднимается к твердому нёбу.

Если язык занимает среднее положение, образуются гласные среднего ряда: **Ы** и **А**.

Если язык отодвигается назад, образуются гласные заднего ряда: **О** и **У**.

Характеристики гласных звуков по ряду и подъему можно представить в виде таблицы.

Рисунок 7

Таблица 4

	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем	И	Ы	У
Средний подъем	Е		О
Нижний подъем		А	

Дополнительная артикуляция гласных звуков

Ряд и подъем – это основная артикуляция гласных звуков. Существует еще дополнительная артикуляция гласных звуков.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ АРТИКУЛЯЦИЯ ЛАБИАЛИЗАЦИИ

Русские гласные заднего ряда **О** и **У** характеризуются дополнительной артикуляцией лабиализации (огубленности). Лабиализация – это округление губ и вытягивание их вперед. При помощи такой артикуляции произносятся лабиализованные или огубленные гласные. В русском языке лабиализованными являются только гласные заднего ряда **О** и **У**.

Контрольные вопросы

1. Что такое ряд и подъем гласных звуков?
2. Назовите гласный нижнего подъема среднего ряда. Назовите гласные переднего ряда в русском языке.
3. Какая дополнительная артикуляция есть у русских гласных заднего ряда.

Изменения звуков в потоке речи (фонетические процессы)

В слитной речи звуки часто изменяются под воздействием соседних звуков или в зависимости от позиции (от места звука в речевой цепи).

1. Явление взаимного влияния звуков друг на друга в речи называется *комбинаторным изменением* звуков (например, ассимиляция и аккомодация).

2. Изменения звуков в зависимости от позиции в слове, называются *позиционными изменениями*. К таким изменениям звуков в русском языке относятся редукция или оглушение звонких согласных в позиции конца слова.

Комбинаторные изменения звуков

АССИМИЛЯЦИЯ

Ассимиляция – это уподобление звуков одного рода (т. е. гласных друг к другу или согласных друг к другу). В русском языке распространена ассимиляция согласных звуков, потому что в русском языке часто встречаются сочетания согласных. В потоке речи звуки влияют друг на друга, изменяются и приспосабливаются друг к другу (становятся похожими), чтобы человеку легче было произносить близкие (похожие) звуки.

Согласные звуки могут приобретать некоторые признаки (характеристики) в зависимости от соседних звуков. В русском языке распространена регрессивная ассимиляция, при которой последующий звук влияет на предшествующий.

АССИМИЛЯЦИЯ РАЗНЫХ ВИДОВ

1. Ассимиляция по глухости / звонкости

СБИТЬ произносится [ЗБ], т. е. глухой С озвончается (становится звонким) и превращается в звонкий З. Это происходит в результате влияния на глухой С последующего звонкого Б.

ЛОДКА произносится [ТК], так как глухой К влияет на звонкий Д, в результате чего звонкий Д оглушается и превращается в глухой Т.

2. Ассимиляция по твердости / мягкости.

БАНТ – БАНТИК, в первом слове все согласные твердые, а во втором слове БАНТИК мягкий Т' влияет на предшествующий твердый Н, в результате чего твердый Н тоже смягчается и произносится [Н'Т'].

3. Ассимиляция по месту и способу образования

Если после звука С следует звук Ш (например, в сочетании предлога с существительным С ШУБОЙ или в слове СШИТЬ), звуки СШ произносим как долгий звук [Ш], потому что переднеязычный шипящий Ш влияет на предшествующий зубной свистящий С, в результате чего зубной свистящий С полностью уподобляется звуку Ш и сливается с ним, образуя долгий звук [Ш]. Такая ассимиляция называется *полной*, потому что два звука перестают различаться и сливаются в один.

Если после звука С следует звук Ж (например, в сочетании предлога с существительным С ЖЕНОЙ или в слове СЖЕЧЬ), звуки СЖ произносим как долгий звук [Ж], потому что переднеязычный шипящий Ж влияет на предшествующий зубной свистящий С, в результате чего зубной свистящий С полностью уподобляется звуку Ж и сливается с ним, образуя долгий звук [Ж]. Это тоже полная ассимиляция.

ДИССИМИЛЯЦИЯ

Влияя друг на друга в потоке речи, согласные звуки русского языка могут не только уподобляться, но и расподобляться, т. е. похожие звуки (имеющие общую артикуляционную характеристику) меняют один или несколько признаков, чтобы больше отличаться друг от друга. Такое влияние звуков называется *диссимиляцией* (расподоблением).

Например, в слове МЯГКИЙ сочетание согласных ГК мы произносим как [Х'К'], что является результатом ассимиляции и диссимиляции звуков. Сначала звуки [ГК'] уподобляются по глухости, т. е. звонкий [Г] оглушается под влиянием

глухого [К] (происходит ассимиляция по глухости), затем твердый [Г] смягчается под влиянием мягкого [К'] и в результате ассимиляции по мягкости превращается в мягкий [К'], но получившиеся сочетание двух одинаковых смычно-взрывных [К'К'] произносить неудобно, поэтому происходит расподобление согласных: первый смычно-взрывной меняет способ образования, превращаясь в щелевой [Х'] (диссимиляция по способу образования). В результате фонетических изменений получаем сочетание звуков [Х'К'].

АККОМОДАЦИЯ

Аккомодация – это приспособление звуков разного рода (т. е. гласных и согласных) друг к другу.

В русском языке аккомодации подвергаются, например, гласные непятого ряда, которые в позиции после мягких согласных, между мягкими согласными или перед мягким согласным продвигаются вперед и немного изменяют свое звучание. Например, в слове ПАР гласный А выступает в своем основном виде, а в позиции между мягкими согласными он продвигается вперед [П'АТ'] (пять) (в транскрипции это продвижение гласного вперед обозначается двумя точками над буквой).

С другой стороны, гласный пятого ряда И после мягких согласных выступает в своем основном виде (Д'ИМА), а в позиции после твердых согласных отодвигается назад, превращаясь в гласный среднего ряда Ы: ДЫМ.

В старославянском языке заднеязычные заднеязычные согласные К, Г, Х в позиции перед гласными пятого ряда И, Е продвигались вперед, приспособляясь к гласным пятого ряда. В результате этого процесса К, Г и Х превратились в среднеязычные Ч, Ж и Ш (старик – старче, рука – ручной, друг – друже, дух – душе и др.). Этот процесс исторического изменения звуков получил название *палатализации*, поскольку заднеязычные заднеязычные согласные продвигались вперед к твердому нёбу (палатум) и превратились в среднеязычные согласные. Исторической фонетике русского языка известна еще одна (более поздняя) палатализация, в результате которой заднеязычные заднеязычные К, Г и Х перед гласными пятого ряда превратились в переднеязычно-среднеязычные Ц, З и С (ученик – ученицы, друг – друзья, дух – о душе). Таким образом, шипящие звуки Ж и Ш, свистящие З и С, обе аффрикаты Ц и Ч в русском языке могли образоваться в результате палатализации (продвижения вперед) заднеязычных заднеязычных согласных К, Г и Х.

Следовательно, аккомодация отражает процесс взаимного приспособления гласных и согласных звуков друг к другу.

Позиционные изменения звуков

1. Редукция гласных в безударной позиции в русском языке

В русском языке четко (энергично и ясно) произносится ударный гласный (гласный под ударением), а в безударной позиции русские гласные подвергаются редукции (редуцируются). *Редукция* – это ослабление звучания безударного гласного (гласный произносится более кратко, может меняться его звучание).

Например, звук О в безударной позиции произносится как А в слове МОЛОКО [м'лако] или ВОДА [вада].

Слова САМ и СОМ (рыба) в безударной позиции произносятся одинаково:

Я сама поймала сомá [самá].

Или слова ЛЕС (дерева) и ЛИС (животное):

Я в лесу увидел лису́ [л'ису́].

2. Оглушение звонких согласных на конце слова

В русском языке звонкий согласный на конце слова оглушается. Например, САД произносится как [САТ]. Это изменение называется *позиционным*, так как оглушается звонкий согласный строго в позиции конца слова, если же за звонким согласным следует гласный звук, оглушения не происходит САДЫ [САДЫ]. Или МОРОЗА, но МОРОЗ [МАРО́С].

Транскрипция

Транскрипция – это запись произношения звуков речи. В транскрипции используются специальные значки; например, ударение обозначается косой чертой над гласным [á], долгота звука обозначается прямой чертой над звуком [ā] или двоеточием (двумя точками) справа от звука [a:], а мягкость согласного специальным значком после буквы ' [б'].

В транскрипции записываются звуки речи, которые мы произносим и слышим, а на письме – буквы. Транскрипция записывается в квадратных скобках.

Буквы и звуки не всегда совпадают в русской системе письма. Так, буква Ю обозначает два звука [йу], или буква Ё обозначает два звука [йо]. Например, в слове ЁЛКА [йóлка]. А буква Ъ не обозначает никакого звука, она используется для указания на мягкость предшествующего согласного. Например, в слове КОНЬ мягкий Н' на конце слова обозначается сочетанием букв НЬ, поэтому в слове КОНЬ четыре буквы, но три звука [кон'].

Контрольные вопросы

Назовите комбинаторные изменения звуков.

Что такое ассимиляция? Приведите пример ассимиляции.

Что такое полная ассимиляция? Приведите пример полной ассимиляции.

Объясните изменение звуков в слове РЫБКА [пк], СКАЗКА [ск].

Что такое редукция? Приведите пример редукции гласных звуков в русском языке.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В ЯЗЫКАХ МИРА

Таблица 5. Классификация согласных английского языка по месту и способу образования

Способ образования	Место образования						
	Губно-губные	Губно-зубные	Межзубные	Альвеолярные	Средненебные (палатальные)	Задненебные (велярные)	Ларингальные
Смычно-взрывные	p b			t d		k g	
Фрикативные		f v	θ ð	s z	ʃ ʒ		h
Аффрикаты					tʃ dʒ		
Носовые	m			n		ŋ	
Боковые				l			
Аппроксиманты	w				j r		

Характеристика английских согласных по месту образования

В английском языке есть губные, межзубные, небные и гортанные (ларингальные) звуки. Губные звуки, как и в русском языке, можно разделить на губно-губные и губно-зубные.

В английском языке есть особые межзубные звуки, которых нет в русском языке. Межзубные согласные θ и δ (в словах *thin, this*) образуются, когда кончик языка занимает положение между зубами и воздух проходит сквозь образовавшуюся щель (см. рис. 8).

Рисунок 8

Кроме того, смычно-взрывные согласные t , d , n и l в английском языке не зубные (как в русском), а альвеолярные. На рисунке речевого аппарата цифрой 3 обозначены маленькие бугорки за зубами – альвеолы. При образовании английских смычных переднеязычных звуков t , d , n и l кончик языка смыкается с альвеолами, и образуются альвеолярные смычные звуки. А в русском языке T и D – переднеязычные зубные звуки (см. рис. 9).

Рисунок 9

В английском есть несколько средненебных согласных, тогда как в русском языке средненёбный (палатальный) только один – Й. В английском языке j также средненебный, однако средненебными в английском языке являются шипящие ($\ʃ$, $\ʒ$), аффрикаты ($tʃ$, $dʒ$) и согласный $ɹ$. При артикуляции английского дрожащего кончик языка загнут к твердому небу (ретрофлексный согласный), а при артикуляции русского дрожащего кончик языка опущен. Кроме того, при произнесении английского $ɹ$ не происходит образования и прерывания преграды на пути струи воздуха, поэтому английский $ɹ$ близок к аппроксимантам – звонким щелевым согласным (см. рис. 10).

Рисунок 10

В русском языке обе аффрикаты глухие: $Ц$ и $Ч$, но в английском языке есть звонкая аффриката $dʒ$ (j) (в словах *John, jam*).

В английском языке задненебных согласных три: k , g и $ŋ$. Последний согласный представляет собой задненебный носовой (например, в слове *morning*).

В русском языке все согласные образуются в ротовой полости, гортань не используется в русском языке как место образования звуков, но в английском языке есть гортанный (ларингальный) h (в словах *he, home*).

В английском языке есть аппроксиманты (щелевые сонорные) – сонорные согласные, которые образуются путем образования щели на пути струи воздуха, но почти без образования шума. Эти звуки представляют собой полугласные. Например, губно-губной щелевой w (в словах *we, what*) или j (*yes*).

Итак, в английском языке есть некоторые согласные, которых нет в русском языке, но в русском языке есть противопоставление согласных по твердости / мягкости, поэтому в русском языке согласных больше, чем в английском.

Система вокализма (система гласных звуков) в английском языке

В английском языке гласных звуков больше, чем в русском. Во-первых, в английском есть простые гласные (монофтонги), дифтонги и даже трифтонги. Монофтонг - простой гласный, однородный по качеству [a], [o] и т.п., а дифтонг и трифтонг - сложные гласные, состоящие из двух или трех частей, неоднородных по качеству звучания [au], [oi], [auiə] и др.

Кроме того, простые гласные бывают долгими и краткими, причем долгие и краткие гласные могут различать смысл слова.

Таблица 6. Классификация гласных монофтонгов по ряду и подъему

	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем	i: i		u u:
Средний подъем	e	ə з:	ɔ: ʌ
Нижний подъем	æ		ɒ ɑ:

Всего в английском языке 12 монофтонгов:

i: – i	keep – kip
a: – ʌ	dark – duck
ɔ: – ɒ	sport – spot
u: – u	food – foot, childhood
e – æ	any – Anny
з: – ə	girl – camel

Но есть еще 8 дифтонгов:

ei bake	oi boy	ai kite
əu cold		au cloud
iə dear	eə air	uə sure

И трифтонги: auiə, aiə.

В английском языке у гласных тоже есть дополнительная артикуляция лабиализации (но менее сильная, чем в русском языке), причем в английском языке лабиализованные гласные тоже гласные заднего ряда, как и в русском. Но в немецком и во французском языках есть лабиализованные (огубленные) гласные переднего ряда: y и ø.

Во французском и польском языках при помощи дополнительной артикуляции назализации образуются носовые гласные, при произнесении которых увула опускается и воздух проходит в носовую полость. В русском языке носовых гласных нет. В старославянском языке тоже когда-то были носовые гласные, которые обозначались в кириллическом алфавите специальными буквами – юсами (Ѧ и Ѧ).

Очевидно, что гласных звуков в английском языке намного больше, чем в русском, а согласных звуков, наоборот, больше в русском языке. Поэтому можно утверждать, что русский язык консонантный, а английский вокальный.

К вокальным языкам (языкам с богатой системой гласных звуков) относятся, например, французский (17 согласных и 18 гласных), финский (14 согласных и 16 гласных). К консонантным языкам (к языкам с богатой системой согласных звуков) относятся, например, абхазский язык (68 согласных и 3 гласных звука) и арабский язык. Система вокализма арабского языка состоит из трех простых гласных – а, і, u, их долгих вариантов – ā, ī, ū, а также двух дифтонгов.

Контрольные вопросы по теме «Фонетика»

1. Строение речевого аппарата и работа органов речи при произнесении звуков.
2. Классификация русских согласных звуков по способу образования.
3. Классификация русских согласных звуков по месту образования.
4. Классификация русских гласных по ряду и подъему.
5. Основная и дополнительная артикуляция гласных и согласных звуков в русском языке.
6. Фонетические процессы. Изменение звуков в потоке речи. Ассимиляция и редукция.
7. Сопоставительная система согласных звуков русского и английского языков.
8. Сопоставительная система гласных звуков русского и английского языков.

ТЕСТ 2

ВАРИАНТ 1

Задание 1. Выберите правильный ответ.

Наука, которая изучает звуки речи и процесс изменения звуков в потоке речи, называется

- Грамматикой*
- Фонетикой*
- Лексикой*

Задание 2. Как называется совокупность органов артикуляции, используемых для образования звуков речи?

Задание 3. Если голосовые связки в гортани работают (колеблются), то образуются ... звуки. Например: ...

Задание 4. Выберите правильный ответ.

- Согласные звуки
- 1. имеют преграду на пути струи воздуха
- 2. не имеют преграды на пути струи воздуха

Задание 5. Посмотрите на рис. 3. Какие органы артикуляции обозначены цифрами 1, 5, 7, 8, 9.

Задание 6. При образовании носовых звуков увула

1. опускается
2. поднимается

Задание 7. Выберите правильный ответ. Смычные согласные образуются

1. при помощи образования сужения органов артикуляции на пути струи воздуха
2. при помощи образования полной смычки на пути струи воздуха

Задание 8. По месту образования звук **Й** является ... , а по способу образования ...

Задание 9. Найдите щелевые согласные.

Л П С Ш Ц Р Х Б Ч З Й Ф

Найдите аффрикаты:

Т Щ С Ц З Х Ч В Р

Найдите смычно-взрывные согласные:

Р Ц М К П Н Г Ш Ц Т

Задание 10. Охарактеризуйте согласный звук русского языка по месту образования, способу образования, глухости / звонкости и твердости / мягкости.

М	
Й	
Ш	
Т'	
Р'	
Ч	

Задание 11. Перечислите заднеязычные согласные. Найдите среди них смычные согласные по способу образования.

Задание 12. Назовите непарные звонкие согласные (согласные, которые не имеют пары по звонкости / глухости). Как они называются?

Задание 13. Выберите правильный ответ. Дополнительная артикуляция согласных звуков в русском языке – это ...

- место образования
- способ образования
- палатализация

Задание 14. Выберите правильный ответ. Лабиализация – это дополнительная артикуляция, при которой ...

- увула опускается и струя воздуха проходит в носовую полость
- спинка языка поднимается к твердому нёбу
- губы округляются и вытягиваются вперед

Задание 15. По способу образования согласный Л

Задание 16. Перечислите все переднеязычные-передненебные звуки по месту образования.

Задание 17. Найдите смычно-взрывные согласные:

Л П С Ш Ц Р Х Б Ч З Й Ф

Найдите аффрикаты:

Т Щ С Ц З Х Ч В Р

Найдите щелевые согласные:

Р Ц М К П Н Г Ш Ц Т

Задание 18. Найдите заднеязычный, смычно-взрывной звук:

Л Ш Д В П Щ Х К М Й

Найдите звук палатальный, щелевой:

Д Ш Л З Ц Й Р

Найдите губно-зубной, щелевой, глухой согласный:

Д В П Ф Й Л Щ Х М

Задание 19. Заполните таблицу характеристики русских гласных по ряду и подъему.

	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем			
Средний подъем			
Нижний подъем			

Задание 20. Угадайте гласный звук.

Гласный переднего ряда верхнего подъема	
Гласный заднего ряда среднего подъема	
Лабиализованный гласный верхнего подъема	

Задание 21. Редукция – это ...

Например:

ТИПЫ ПИСЬМА В ЯЗЫКАХ МИРА

ПИКТОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

1. **Пиктографическое письмо**, или пиктография (от латинского **pictus** нарисованный и **γράφω** пишу), – это письмо рисунками (пиктограммами), на которых изображен предмет или событие, часто в схематическом виде. Пиктография самый древний тип письма, первые образцы пиктографического письма – это древнейшая наскальная живопись. Пиктограммы использовали для изображения священных животных, сцен удачной охоты, военных действий, героических событий прошлого. Пиктография не является фонетическим письмом, т. е. рисунок не передает звучания слов, а только образ предмета или сцену изображаемого события. Очевидно, что рисунок допускает разное понимание и субъективную трактовку изображения.

Рисунок 1

Например, на рис. 1 изображена сцена охоты, но мы не знаем, насколько удачной была охота, как давно происходило это событие, или, может быть, это только планы будущей охоты. Письмо пиктограммами было неудобно, так как рисунок мог быть по-разному понят участниками коммуникации, кроме того, создание рисунка требовало особого мастерства от его создателя. Постепенно на смену пиктографии приходили другие формы письма, которые позволяли более подробно и точно передавать информацию.

Однако в наши дни пиктограммы также активно используются (см., например, рис. 2 и 2а).

Рисунки 2, 2а

Или олимпийские пиктограммы, изображающие разные виды спорта (см. рис. 3).

Пиктограммы удобно использовать для коммуникации людей разных национальностей и культур, ведь рисунки понятны без слов носителям разных языков.

Рисунок 3

2. **Иероглифическое письмо** (иероглифика) – письмо иероглифами (др.-греч. **ἱερογλύφος**), письменными знаками, которые могут означать как отдельные звуки, так и целые слова и понятия (идеограммы), поэтому иероглифическое письмо еще называют идеографическим письмом.

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЕ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Древнеегипетское иероглифическое письмо (древнеегипетская иероглифика) – это схематизированное рисуночное письмо, дополненное фонетическими знаками, т. е. система письма сочетает элементы идеографического и фонетического письма. Древнеегипетская иероглифика сложилась примерно в IV–III тыс. до н. э. и использовалась на протяжении трех с половиной тысяч лет. Египетская письменность насчитывает несколько тысяч иероглифов – знаков, отражающих понятие (значение слова).

Древнейшее египетское письмо было пиктографическим, т. е. использовались рисунки (см., например, рис. 4).

Постепенно рисунки становились все более схематичными. Например, рис. 5 (царь), рис. 5а (небо) и т. п. Со временем иероглиф стал употребляться не только для обозначения конкретного предмета, но и для выражения абстрактного понятия или действия (см., например, рис. 6 – человеческий дух или рис. 6а – приказ).

Иероглиф, который использовался для передачи отвлеченного понятия, называется **идеограммой**, а письмо такими иероглифами называется **идеографическим письмом**. Например, знак солнца (рис. 7) мог использоваться для обозначения дня, верховного правителя, бога солнца, фараона и т. п.

Рисунок 4

Рисунок 5. Царь

Рисунок 5а. Небо

Рисунок 6а. Приказ

Рисунок 8. Ночь

Рисунок 6.
Человеческий дух

Рисунок 7.
Знак солнца

Рисунок 8а. Дождь

Постепенно иероглифы стали комбинировать для выражения более сложного, производного понятия. Например, небо и звезды (звездное небо) стали использовать для обозначения ночи (рис. 8) а льющуюся с неба воду – для обозначения дождя (рис. 8а)

Рисунок 9

Иероглиф становился все более схематичным изображением предмета, поэтому не всегда можно было догадаться о значении конкретного иероглифа, постепенно иероглифы стали условными обозначениями понятий. Со временем иероглифы перестали употребляться, тайна древнеегипетских иероглифов была утрачена, и европейцы не могли читать египетские надписи.

Лишь в начале XIX в. французский ученый Жан-Франсуа Шампольон смог расшифровать древнеегипетское письмо. Он исследовал надпись на розетском камне, где текст был представлен на трех языках: древнеегипетском, египетской скорописью и на древнегреческом, – и заметил, что некоторые иероглифы объединены в овал – картуш; он предположил, что это имена собственные египетских фараонов (см. рис. 9).

Далее Ж.-Ф. Шампольон стал сопоставлять иероглифы в картуше со звуками, составляющими имена фараонов, переданных греческим письмом. Он предположил, что картуш, в котором два последних значка (скипетр) повторяются (рис. 10) – это запись имени Рамсес (Рамзес), следовательно, два последних одинаковых знака обозначают звук [s]. Тогда первый значок (солнце) обозначает звук [r], а второй иероглиф передает звук [m]. Действительно, этот же иероглиф и графическое обозначение звука [s] встречаются и в имени Тотмос (рис. 10а).

Таким образом, европейцам удалось восстановить систему иероглифов, обозначающих звуки (рис. 11).

Рисунок 10

Рисунок 10а

Ф. Шампольон понял, что египетское письмо смешанное, ведь наряду с иероглифами, обозначающими понятие, используются фонетические (звуковые) знаки, в которых изображенный рисунок связан уже не со значением слова, а с его звучанием.

Древнеегипетская иероглифика оказалась сложнейшей системой письма смешанного типа: одни иероглифы обозначали понятия, другие использовались для записи звуков, но были и специальные значки, которые обозначали грамматическое значение (например, указание на женский род существительного).

КИТАЙСКОЕ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Рисунок 11. Система иероглифов, обозначающих звуки

Китайское иероглифическое письмо – иероглифическая система записи, в которой каждому знаку приписано конкретное значение. Система иероглифики сложилась в древнем Китае и успешно используется до сих пор.

Древнейшие изобразительные иероглифы представляли собой рисунок, который схематично изображал предмет, но постепенно изображение упрощалось, графический знак уже очень отдаленно напоминал изображаемый предмет (см. рис. 12).

Рисунок 12

Многие иероглифы – это идеограммы, передающие понятия. Однако большинство знаков – это *фоноидеограммы*. Одна из частей иероглифа (*фонетик*) по произношению близко обозначаемому иероглифом слову, т. е. чтение знака примерно совпадает с чтением одной его части. Например, иероглиф 非 *плохой, зло*, произносящийся как *fei*, стал частью нового иероглифа 誹 *говорить плохо, злословить, порочить*, который тоже стал произноситься как *fei*, т. е. общая часть двух иероглифов определяет их фонетическое тождество, способствует тому, что они одинаково произносятся. Другая часть иероглифа обозначает понятие, объединяющая иероглиф с другими не по звучанию, а по значению, – это детерминатив. В новом иероглифе 誹 *злословить, порочить* таким детерминативом является часть 言 *jan'*

Рисунок 13

слово, и этот детерминатив объединяет данный иероглиф со значением *произнесенное слово* в семантическую группу иероглифов со значением *слово, речь*.

艸 艸 – трава
人 – человек
木 – дерево

Рисунок 14

Многие китайские иероглифы представляют собой сочетания иероглифов для выражения самых разнообразных понятий. Например, иероглиф *чай* (рис. 13) состоит из трех частей (рис. 14). То есть *чай* – это настой из трав, который пьет человек, отдыхая под деревом: для китайца чаепитие – это удовольствие и отдых, что отражено в самом иероглифе. Таким образом, китайские иероглифы передают особенности мировоззрения китайского народа, представление людей об окружающем мире, оценку человеческих качеств и событий.

Рисунок 15. Различные стили написания иероглифов

Изображение китайских иероглифов постепенно становится отдельной областью национального изобразительного искусства. В Китае складывается система обучения мастерству искусного написания иероглифов, появляются различные школы **калли-**

графии (от греч. καλλιγραφία – красивый почерк), которые разрабатывают различные стили написания иероглифов (рис. 15).

АЛФАВИТНОЕ ПИСЬМО (БУКВЕННО-ЗВУКОВОЕ)

Алфавитное письмо – это фонетическое письмо (или буквенно-звуковое), в системе которого каждый письменный знак передает отдельный звук. Именно так устроен алфавит¹ – список графем (букв) для записи звучащей речи.

Древние греки заимствовали алфавитное письмо у финикийцев, но, поскольку финикийцы не отражали на письме гласные звуки (их письмо было консонантным), греки добавили специальные буквы для гласных звуков. Поэтому именно греки впервые стали использовать систему записи звучащей речи, путем передачи на письме каждого звука (и гласного, и согласного).

Древнегреческий алфавит (24 буквы)

В древнегреческом языке были долгие и краткие гласные *ε* и *ο*, поэтому для долгого *ι* и краткого *ε* использовались разные буквы: *ε* (эпсилон) для краткого *ε*, а *η* (эта) для долгого, *ο* (омикрон) для краткого *ο*, а *ω* (омега) для долгого. Кроме того, в древнегреческом языке были аффрикаты, которые тоже обозначались специальными буквами: *ψ* пси и *ξ* кси. Очевидно, что древнегреческий алфавит (см. рис. 16) был создан для передачи на письме звуков греческого языка.

Рисунок 16. Древнегреческий алфавит

В качестве примера текста на древнегреческом языке приведем начало поэмы Гомера Одиссея:

Ὀδύσσεια

Ἄνδρα μοι ἔννεπε, Μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ
 πλάγχθη, ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσε:
 πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω².

Постепенно принцип алфавитного письма распространился по всему миру. Латинский язык также стал пользоваться алфавитом (латиницей) для записи звучащей речи. Классический латинский алфавит первоначально содержал 24 буквы.

Aa	Bb	Cc	Dd	Ee	Ff
Gg	Hh	Ii	Kk	Ll	Mm
Nn	Oo	Pp	Qq	Rr	Ss
Tt	Uu	Vv	Xx	Yy	Zz

Латинская система письменности постепенно распространялась по всему миру, разные языки использовали латиницу (латинские буквы) для записи собственных звуков. Перевод священных книг Нового завета с греческого и латинского языков в связи с распространением христианской религии также способствовал созданию алфавитов для бесписьменных народов. Например, в IV в. епископ Вульфила создал готскую письменность и перевел Евангелие на готский язык.

¹Алфавит – от греч. *альфа* и *бета* (новогреч. *вита*) – название первых букв греческого алфавита. Соответственно славянская азбука тоже получила название по первым буквам славянского алфавита: *Азъ* и *Буки*.

² «Муза, скажи мне о том многопытном муже, который, / Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен, / Многих людей города посетил и обычаи видел...» (пер. В.А. Жуковского).

Рисунок 17.
Готский алфавит

Готский алфавит (см. рис. 17)

Сохранился знаменитый Серебряный кодекс – рукопись перевода Евангелия с древнегреческого на готский язык, выполненная на пурпурном пергаменте серебряными чернилами (см. рис. 18).

Многие европейские языки приспособили латинский алфавит для записи собственных звуков, т. е. создали свою письменность на основе латиницы. Если в латинском языке не было похожего звука (например, в латинском не было множества шипящих и аффрикат, в латинском алфавите было всего 24 буквы), стали использовать комбинацию букв или диакритические значки (диакритики). Так, английский язык для передачи шипящих стал использовать сочетания букв, например, sh, ch. Польское письмо также использовало сочетания букв для обозначения шипящих – sz (ш), cz (ч), szcz (щ), а чешская система письма стала использовать диакритические значки – š (ш), č (ч).

Латинский алфавит распространился по всему миру, большинство языков пользуется именно этой системой письма.

В IX в. славянские просветители Кирилл и Мефодий создали систему письма для перевода Евангелия с древнегреческого на старославянский язык. Этот алфавит получил название кириллица (см. рис. 19). Именно этой системой письменности пользовались древнерусские писцы, создавая первые рукописные книги. Например, Остромирово евангелие – древнерусская рукопись XI в. (см. рис. 20)

Русский язык традиционно пользуется кириллицей. Кроме того, некоторые другие славянские народы также используют кириллицу для записи звучащей речи. Например, болгарский, белорусский, украинский, сербский и др.

Рисунок 18

Рисунок 19

Рисунок 20

Некоторые народы заимствовали систему письма, но есть народы, для которых алфавит является национальным достоянием: он тесно связан с письменной культурой народа. Такой системой письма является, например, армянский алфавит, созданный для записи армянского языка (см. рис. 21).

Грузинский язык также использует национальный алфавит. Индийские языки традиционно используют древнеиндийский алфавит деванагари.

Иногда народ может поменять письменность, если принятая система письма не стала культурной традицией народа. Так, некоторые тюркские народы меняли систему письма, переходя в XX в. с арабского письма на латиницу. Некоторые тюркские народы, входившие в состав СССР, использовали кириллический алфавит, но после распада СССР перешли на латинскую письменность (например, азербайджанский и казахский языки).

Таким образом, алфавитное письмо получило самое большое распространение в мире, большинство языков пользуются алфавитом. В основе такой системы письма лежит фонетический принцип записи звучащей речи при помощи букв, впервые реализованный в греческом алфавите. Созданные позднее системы письма для готского, армянского, славянского и др. языков стали по греческому образцу использовать специальные знаки для обозначения звуков речи. Графемы (сами буквы) были заимствованы системами письменности современных языков из латинского алфавита, поэтому можно утверждать, что большинство языков мира используют латиницу.

Рисунок 21.
Армянский алфавит (39 букв)

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ТЕМЕ

1. Что такое пиктография? Используются ли пиктограммы в наше время? Объясните значение пиктограмм.

2. Назовите языки, которые использовали в древности иероглифическое письмо. А какой язык пользуется иероглификой в наши дни? Можно ли сказать, что иероглиф отражает понятие (значение знака, а не звучание). Приведите пример.
3. На каком языке написан этот текст?

3. Что такое алфавитное письмо? Для какого языка впервые использовали алфавит?

4. Алфавиту какого языка принадлежат эти буквы?

р с т у ф х џ Ѡ

5. Как называется алфавит, на основе которого создана система письма для английского языка? Какие еще языки мира используют этот алфавит?

6. В каком веке была создана письменность для славянских языков? Кто ее изобрел?

7. На каком языке написан этот текст? Какая рукопись начинается с этих слов?

8. Объясните значение русских фразеологических оборотов:

«ОТ АЛЬФЫ ДО ОМЕГИ» (ОТ А ДО Я)

«КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА»

Тесты по теме «Типы письма в языках мира»

1. Выберите правильный ответ.

Пиктографическое письмо – это

буквенно-звуковое письмо
письмо рисунками.

2. Назовите языки мира, которые использовали или до сих пор используют иероглифическое письмо.

китайский
финский
древнеиндийский
древнеегипетский

3. Это изображение представляет собой:

пиктограмму
иероглиф

Ответ объясните.

4. На каком языке написан этот текст?

древнеиндийский
древнеегипетский
древнееврейский

4. На каком языке написан этот текст?

армянский
старославянский
готский
китайский

Тропа́рь крѣтѣ . гла́сѣ , ѿ . Спаси́ гдѣи
люди́ своѣ , и́ бла́гѣи до́стоѣнїе́ своѣ ,
пѣвѣ́ды бл҃говѣ́рномѣ цр҃ю на́шемѣ на
сопрѣ́тѣныѣ дѣрѣи , и́ своѣ сохрѣ́наѣ
крѣ́томѣ лю́ди .

5. Какие языки используют усовершенствованную латиницу:

французский
немецкий
армянский
болгарский
польский
чешский
македонский
английский
русский

6. Как создал систему письменности для готского языка?

Кирилл и Мефодий
епископ Вульфила
Ф. Шампольон

7. Как называется знаменитая рукопись IX века на древнерусском языке?

Серебряный кодекс
Остромирово евангелие

Сведения об авторе:

Оксана Анатольевна Волошина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Oksana A. Voloshina,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
oxanav2005@mail.ru

Л.А. Чижова (Москва, Россия)

**Программа учебной дисциплины
«Теория сравнительно-исторического языкознания»**

Для направления подготовки магистров «Филология»
(Магистерская программа «Сопоставительное языкознание»)

L.A. Chizhova (Moscow, Russia)

**The Program of Discipline
“The Theory of Comparative-Historical Linguistics”**

1. Цели освоения курса «Сопоставительное языкознание»

- ознакомить учащихся с проблематикой сопоставительного языкознания как научной дисциплины;
- сформировать навыки сопоставительного анализа на разных уровнях языковой системы;
- применять полученные навыки в собственной научно-исследовательской, педагогической, переводческой деятельности.

2. Место дисциплины в структуре ООП

Дисциплина входит в вариативную часть ООП.

Курс «Сопоставительное языкознание» в магистерских программах подготовки специалистов по общему языкознанию знакомит учащихся с основными направлениями в области сопоставительной, или контрастивной, лингвистики, с основными концепциями, системой терминов, сложившихся в истории российской и мировой лингвистики. Большое внимание уделяется лингвокультурологическому, когнитивному, типологическому аспектам сопоставительной лингвистики, а также аспектам лингводидактики и переводоведения, описанию результатов языковых контактов, особенности парадигмы функциональной лингвистики. Важным аспектом является рассмотрение связей сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания.

Материалом сопоставительного анализа служат примеры всех уровней языковой системы: фонологического, морфологического, лексического и синтаксического. Важным компонентом являются понятия дискурса, коммуникативного акта, что необходимо учитывать в процессе сопоставительного анализа.

В центре курса «Сопоставительное языкознание» находится описание методов сопоставительного анализа.

В курсе «Сопоставительное языкознание» предполагается формирование навыков учащихся в области реферирования научной литературы по проблематике курса, проведение самостоятельного исследования по конкретным темам курса, а также представление доклада с обсуждением.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций:

- умение анализировать, сопоставлять и критически оценивать различные лингвистические теории и гипотезы и выбирать оптимальные теоретические подходы и методы решения конкретных научных задач в области лингвистики и новых информационных технологий (С-ПК-2);
- обладание сведениями о параметрах разнообразия естественных языков и об их ареальной, типологической и генетической классификации (С-ПК-11);
- способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения (С-СК-2)

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

ЗНАТЬ

- основные направления сопоставительного анализа и сферы его применения;

УМЕТЬ

- использовать различные методы сопоставительного анализа при учете специфики текстов разного рода;

ВЛАДЕТЬ

- навыками работы сбора и анализа языкового материала текстов на электронных носителях, представления результатов самостоятельного исследования в статье или докладе, навыками ведения научной дискуссии.

4. Структура и содержание дисциплины

4.1. СТРУКТУРА ДИСЦИПЛИНЫ

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 часа).
Курс представлен в следующих разделах.

Разделы дисциплин и виды занятий

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов и трудоемкость (в часах)				Формы текущего контроля успеваемости. Форма промежуточной аттестации
			Лекции	Пр	КСР	С.р.с.	
1	Сопоставительное языкознание как часть общего языкознания		4			4	Конспект материалов, ответы на контрольные вопросы, презентация
2	Сопоставительное языкознание в историческом аспекте и его современное состояние		4			4	Конспект материалов, ответы на контрольные вопросы, презентация
3	Сопоставление языков родственных и неродственных, типологически сходных и несходных на разных уровнях языковой системы		10			12	Конспект материалов, ответы на контрольные вопросы, презентация
4	Сопоставление явлений, возникших в результате языковых контактов, – культурологический, социолингвистический аспекты		4			2	Конспект материалов, ответы на контрольные вопросы, презентация
5	Методы лингвистического анализа в сопоставительном языкознании		4			2	Конспект материалов, ответы на контрольные вопросы, презентация
6	Сопоставительное языкознание в лингводидактике		4			4	Конспект материалов, ответы на контрольные вопросы, презентация
7	Сопоставительное языкознание и переводоведение		6			2	Конспект материалов, ответы на контрольные вопросы, презентация
			6				Экзамен
	Всего аудиторных часов		42 часа			30 часов	

4.2. СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Курс представлен в следующих разделах.

Сопоставительное языкознание как часть общего языкознания (внешняя и внутренняя лингвистика; сопоставительное и сравнительно-историческое языкознание, сопоставительное и типологическое языкознание; сопоставительное языкознание и характерология; сопоставление единиц уровней языковой системы разных языков).

Сопоставительное языкознание в историческом аспекте и его современное состояние (зарождение, становление сопоставительного языкознания в истории языкознания; основные имена и работы лингвистов, открытия и перспективы исследований; влияние особенностей развития цивилизаций, социальных, политических идей, технологий на развитие сопоставительного языкознания).

Сопоставление языков родственных и неродственных, типологически сходных и несходных на разных уровнях языковой системы (выражение сходных концептов в разных языках, сходных синтаксических значений субъекта и объекта, определенности и неопределенности, места, времени, модальности др.).

Сопоставление явлений, возникших в результате языковых контактов, – культурологический, социолингвистический аспекты (явление перевода как проявление языкового контакта, конфликт исконного и заимствованного явления в одном языке; возникновение синонимического ряда в результате языкового контакта).

Методы лингвистического анализа в сопоставительном языкознании. Описательный, сопоставительный, компонентный, дистрибутивный, контекстуальный, статистический типы анализа. Выделение семантического признака сопоставительного анализа, параллельное исследование в сопоставляемых языках, интерпретация, учет уровневой принадлежности описываемого явления, выделение внешних факторов, влияющих на сопоставляемые языковые явления (цивилизационный, культурный, исторический, социологический, психологический) – соотношение внутренней и внешней интерпретации.

Сопоставительное языкознание в лингводидактике (трудности формирования речевых навыков при искусственном билингвизме, основные методики обучения неродному языку в разных социальных группах учащихся).

Сопоставительное языкознание и переводоведение (история формирования переводоведения как раздела прикладного языкознания, влияние типа текста на характер перевода, перевод как особый акт коммуникации – типологии переводчиков как особого типа адресанта; влияние перевода на формирование литературной нормы языка; влияние технологий на практику перевода; основные типы машинных переводчиков).

Литература по курсу «Сопоставительное языкознание».

Список предлагаемых тем рефератов по курсу.

Самостоятельная работа по дисциплине включает:

- углубленное изучение отдельных тем дисциплины с использованием основной и дополнительной литературы и интернет-ресурсов;
- чтение и анализ лингвистической литературы по дисциплине;
- составление рефератов по результатам анализа научной литературы по теме курса;
- подготовка докладов и презентаций по теме курса;
- участие в дискуссии по теме курса.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Курс предполагает использование интерактивных форм обучения, в том числе с привлечением сетевых технологий для поиска и анализа информации, работы с базами данных.

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

Студентам в качестве самостоятельной работы предлагается подготовить доклад на основе одной из основных современных теории по индоевропейскому языкознанию. Во время представления доклада остальные студенты выступают в качестве оппонента и результат дискуссии, умение полемизировать и отстаивать свою точку зрения учитывается во время аттестации студента.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

А) ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта: Наука, 2005. 414 с.
- Кашкин В.Б.* Сопоставительная лингвистика: Учебное пособие для вузов. Воронеж, 2007. 88 с.
- Мечковская Н.Б.* Общее языкознание : структурная и социальная типология языков: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. спец. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003. 312 с.
- Рождественский Ю.В.* Лекции по общему языкознанию. М.: Высшая школа, 1990. 381 с.
- Стернин И.А.* Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: Восток – Запад, 2006. 206 с.
- Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
- Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. 112 с.

Б) ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Rosch E.* Principles of Categorization // Cognition and Categorization / Ed. by E. Rosch and B.B. Lloyd. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1978. С. 27–48.
- Амирова Т.А.* Очерки по истории лингвистики / Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский. М.: Наука, 1975. 432 с.
- Бондарко А.В.* Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 386 с.
- Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 228 с.
- Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
- Вопросы сопоставительной аспектологии: Сб. / Отв. ред. Ю.С. Маслов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 196 с.
- Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
- Герценберг Л.Г.* О методе сопоставительного изучения языков / Л.Г. Герценберг, Ж.М. Юсуфджанова // Теория языка, англистика, кельтология. М.: Наука, 1976. С. 40–46.

Дудин М.А. Все вместе. Переводы. Послания. Посвящения. Мастера художественного перевода. М.: Советская Россия, 1980. 272 с.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. С. 264–389.

Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М.: Просвещение, 1964. 495 с.; Ч. II. М.: Просвещение, 1965. 496 с.

Категория определенности / неопределенности в славянских и балканских языках. М., Наука, 1979. 323 с.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. 4-е изд. М., 2009. 218 с.

Кашкин В.Б. Сопоставительная лингвистика. Уч. пособие / Под ред. Ю.А. Рылова. Воронеж, 2007. 88 с.

Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / Неопределенность. СПб.: Наука, 1992. 376 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 264 с.

Мещанинов И.И. Члены предложения и части XXV / Под ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1989. 438 с. (см. также интернет-издание: classes.ru/grammar/166.new-in-linguistics-25).

Осипова О.А. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие для вузов. Ч. 1. Введение в лингвистическую типологию. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005. 91 с.

Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М.: Наука, 1987. 240 с.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. 360 с.

Сусов И.П. История языкознания. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. 295 с.

Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 348 с.

Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / Неопределенность. СПб.: Наука, 1992. 376 с.

Уорф Б. Л. Грамматические категории (1945) // Проблемы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 44–60.

Хрестоматия по теоретической и прикладной лингвистике. Ч. 2: Сравнительно-историческое, сопоставительное и типологическое языкознание. Душанбе, 2005.

Эко У. Сказать почти то же самое: Опыты о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.

Язык и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 136–151 (см. также интернет-издание: tp1999.narod.ru/WebTPL2000/kachkineTPL2000.htm).

В) ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ

Библия в переводах на 18 языках (23 перевода). М.: МЦФ, 1996. (CD-ROM)

Книга Песен. Из европейской лирики XIII–XX веков. М.: Московский рабочий, 1986. 640 с.

Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы: Сборник / Сост. А.Н. Горбунов. М., 1985.

Шекспир У. Сонеты / Пер. с англ. Р. Бадыгова. М.: Водолей Publishers, 2005.

ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ САЙТЫ

www.garshin.ru – ссылки на лингвистические сайты
<http://systemling.narod.ru> – сайт по системной лингвистике
www.yazyk.wallst.ru – материалы по лингвистике
www.durov.com – сайт по филологии
<http://lingantrop.ru> – сайт по лингвистической антропологии
www.ruthenia.ru – сайт по русской филологии
<http://philologos.narod.ru> – сайт по филологии
www.rudn.ru – сайт РУДН
www.phil.msu.ru – сайт филфака МГУ
www.linguistic-typology.org – сайт Ассоциации лингвистической типологии
www.e-lingvo.net – сайт филологической литературы
www.elibrary.ru – сайт научной электронной библиотеки
www.krugosvet.ru – электронная энциклопедия
www.wals.info – типологический атлас мира
www.phil.msu.ru – сайт филфака МГУ
www.prometeus.nsc.ru/guide/guide/sci10.ssi

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает:

- доступ к Интернету в аудиторное и внеаудиторное время;
- использование на занятиях компьютерного проектора и интерактивной электронной доски.

9. Список тем рефератов

Причины формирования акцента в речи инофона (обучение русскому языку как иностранному).

Технологии при обучении иностранному языку – традиции и новаторство.

Причины выбора одного из лексических синонимов при переводе (на материале различных текстов).

Сложности перевода текстов с одного языка на другой при передачи культурно-значимых концептов (концепты ПУТЬ, СУДЬБА, СВОБОДА, СЧАСТЬЕ и др.).

Сложности перевода текстов особой культурной и политической значимости (тексты Библии, конституции, художественной и научной литературы, СМИ и др.).

Средства выражения значений определенности / неопределенности в разных языках.

Средства выражения значений нереальной модальности в разных языках.

Выражение значений объекта в разных языках.

Выражение значений субъекта в разных языках.

Выражение значений места в разных языках.

Выражение значений числа в разных языках.

Выражение значений времени в разных языках.

Выражение значений аспектуальности в разных языках.

Программа составлена в соответствии с требованиями ОС МГУ
по специальности «Филология».

Автор-составитель:

Лариса Алексеевна Чижова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Larisa A. Chizhova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lachizhov@yandex.ru

Заметки. Впечатления

Notes. Impressions

Е.А. Гринина (Москва, Россия)

Галисия: Finisterre или перекресток дорог?

Аннотация: В статье анализируется культурная и языковая ситуация в Галисии. Отмечена причастность Галисии ко многим важным европейским событиям культурного и религиозного характера (поиски общих корней с кельтским миром, паломническая деятельность, тесные культурные связи с Провансом в средние века и т. д.). Рассматриваются в том числе споры между сторонниками интеграции с Португалией и их противниками, а также вопросы нормализации и кодификация галисийского языка, имеющего статус одного из коофициальных языков на территории Испании.

Ключевые слова: галисийский язык, культурная и языковая ситуация в Галисии

E.A. Grinina (Moscow, Russia)

Galicía: Finisterre or the Crossroads?

Abstract: The article comprises the cultural and language situation in Galicia and its interrelations with the other world. e. g. search for common roots with The Celtic world, pilgrimage activities, close cultural relations with Provence in the Middle Ages etc. The disputes between the supporters of integration with Portugal and their opponents are, the normalization and codification of the Galician language, which has the status of one of the official languages in Spain are discussed.

Key words: The Galician language, cultural and language situation in Galicia

Возможно, эту статью следовало бы назвать «Mi visión de Galicia», поскольку ее содержание составляют размышления, навеянные посещением этого интереснейшего региона Испании, и, разумеется, интерпретация и оценка некоторых важных событий и явлений носит чисто субъективный характер.

Галисия, которая расположена на северо-западе Пиренейского полуострова и с двух сторон омывается водами Атлантики, ассоциируется в сознании среднестатистического испанца с краем земли, т. е. местом, где заканчивается какая-либо цивилизация. Не случайно одним из топонимов, который можно смело вписать в визитную карточку Галисии, является *Finisterre* (край земли). Иными словами, речь идет об испанском захолустье.

Самих галисийцев жители других регионов Испании считают людьми работающими, очень гостеприимными, но в то же время не вызывающими особого доверия, поскольку невозможно предугадать, что сделает галисиец в следующую минуту. Его образ ассоциируется с лестницей, которая ведет как вверх, так и вниз. Более того, галисиец никогда не ответит прямо на поставленный вопрос. В лучшем случае ответом прозвучит *depende ¿no?*

Finisterre

Трудолюбие и жажда приключений заставляют галисийца пускаться в путь в поисках работы, что нашло отражение в следующей поговорке: «Allí donde vayas te encontrarás con un gallego». Однако справедливости ради следует подчеркнуть, что массовая миграция галисийцев все же вызвана тем тяжелым социально-экономическим положением, которое было характерно для этого региона на разных этапах его истории и оставляет желать лучшего и сегодня.

Кстати, испанцев, эмигрирующих в Южную Америку, как правило, называют галисийцами, несмотря на то что они могут быть выходцами из разных регионов Испании. Это связано с тем, что подавляющее большинство эмигрантов составляют именно галисийцы.

По данным, которые приводит Б.П. Нарумов, в странах Нового Света проживает более 1 миллиона эмигрантов и их потомков родом из Галисии [Нарумов 2008: 4]. Так, в Аргентине эта цифра достигает примерно 70% от общего числа испанской диаспоры. При этом слово *gallego* приобрело такие носящие уничижительный характер оттенки значений, как человек недалекий, жадный и ненадежный.

Метафорический образ галисийца

Другим распространенным стереотипом является представлением о том, что Галисия, будучи где-то на краю света, населена такими мистическими и сказочными персонажами как *meigas*. Это злые колдуньи, которые способны нанести вред

и совершить любое злодеяние по отношению к человеку. Именно из галисийского языка распространилось такое крылатое выражение, как «Eu non creo nas meigas, mais habelas, hainas» («Yo no creo en las meigas, pero haberlas, las hay»), которое можно истолковать следующим образом: «Я не верю в существование ведьм, но если их нельзя увидеть, это не значит, что их нет». Живучесть этого выражения свидетельствует о том, насколько крепко в характере галисийца укоренились и переплелись практичность и склонность к мистицизму.

Существует еще много стереотипов, которые, безусловно, всегда жили и будут жить в сознании самих галисийцев, их соседей и других народов, с которыми жителям Галисии доводилось соприкасаться. Однако действительно ли Галисия, будучи отдаленной провинцией Испании, является настоящим захолустьем, краем света, богом забытой землей, очень бедной, откуда люди бегут, потому что нет возможности найти работу, и т. д.?

Meigas

Стоит приехать в Галисию, чтобы понять, что представление об этой земле среднестатистического испанца далеко не совпадает с тем, что думают сами ее жители, и с тем, что подтверждается реальными фактами.

Выгодное географическое положение, а именно – выход в Атлантику, подсказывает, что Галисия как в далеком прошлом, так и сегодня находится на пересечении важных торговых и культурных путей, благодаря чему галисийцы чувствуют свою причастность многим важным событиями европейской истории, а также явлениям культурного и религиозного характера.

Обзор ключевых моментов истории развития этого региона Испании и характеристику каждого из этапов дает Б.П. Нарумов в своей монографии, посвященной галисийскому языку [Нарумов 2008: 7–45].

Одним из самых впечатляющих и фантастических мифов стала попытка представить Галисию как территорию, откуда берут свое начало кельты. В 2009 г. был создан галисийский институт кельтских исследований *Instituto Galego de Estudos Célticos* (IGEC), задача которого изучать и сохранять те элементы кельтской культуры, которые были найдены на территории Галисии.

Особые надежды сторонники теории галисийского происхождения кельтов возлагали на исследования Анхеля Карраседо, руководителя медицинского ин-

ститута Университета Сантьяго де Компостела, полагая, что полученные этим специалистом по генетике данные помогут доказать их гипотезу и подтвердить подлинность легенды о Бреогане.

Согласно этой легенде, в городе Бригантия (некоторые археологи склоняются к мысли, что это А Корунья) король Бреоган построил высокую башню, откуда был виден далекий зеленый берег (имеется в виду южная Ирландия). Тогда один из сыновей Бреогана отправился туда и был убит. И вот внуки Бреогана, охваченные жаждой мести, отправляются в военный поход и захватывают Ирландию и другие британские острова. Эта красивая сказка лежит в основе ирландских эпических произведений XI в. и говорит нам о том, что уже в ту раннюю эпоху существова-

La Torre de Hércules

ли контакты между народами в бассейне Атлантического океана, но достоверные доказательства, которые подтверждали бы хронологическую последовательность событий и причинно-следственные связи между ними, отсутствуют. Выступая на III Международном конгрессе по кельтской культуре в 2011 г., Анхель Карраседо подчеркнул, что проводимые им исследования по хромосомам и ДНК могут доказать лишь общность генетического происхождения, но не могут пролить свет на общность культуры и языка [Salgado 2015]. По его мнению, кельтские племена могли перебираться в Галисию, спасаясь от сильных морозов.

В Галисии сохранились древние памятники в виде укреплений (*castro*), самый древний из действующих маяков (*La Torre de Hércules*), воздвигнутый римскими колонизаторами на месте предыдущего, о

характеристиках которого можно только гадать, и красивая легенда о короле Бреогане, которую не удалось использовать для достижения определенных идеологических, а возможно, и политических целей.

Другим заметным явлением культурной жизни Западной Европы стала лирика средневековых галисийских трубадуров, вдохновленных славой своих провансальских и каталанских собратьев по перу. Провансальская лирика, ориентированная на запросы аристократов королевских дворов, пользовалась невероятным успехом не только в Провансе и Каталонии, но и при королевских дворах соседей. При этом все стремились подражать первым и поэтому признанным лучшими трубадурам. Язык поэзии трубадуров, своего рода литературное койне, считался общепризнанным поэтическим языком и использовался всеми трубадурами, невзирая на то, откуда они родом. Однако галисийские трубадуры, воспитанные на лучших провансальских образцах, все же пошли своим путем и оставили богатейшее поэтическое наследие на галисийско-португальском языке. Творчеству средневековых португальских и галисийских трубадуров посвящена монография О.А. Сапрыкиной «Язык и словесное творчество средневековой Португалии». Ее автор подчеркивает, что «уже в конце XII в. галисийско-португальский язык был

известен и признан за пределами Пиренейского полуострова как язык своеобразной лирической поэзии» [Сапрыкина 2010: 102].

Престиж этого языка был настолько высок, что он был признан как язык поэзии при королевском дворе Кастилии. По мнению О.А. Сапрыкиной, «Поэзия галисийско-португальских трубадуров, расцвет которой произошел в XIII в., наследует разнообразные традиции. Одна из них – традиция древнейшей народной испанской поэзии – восходит к мифопоэтической словесности. Другая традиция, литературная, проходит через творчество провансальских трубадуров XII в. Третья традиция сложилась в арабоандалусской средневековой поэзии» [Сапрыкина 2010: 110].

Но возникает вопрос, как при отсутствии современных средств передвижения и коммуникации поддерживались тесные культурные связи и так быстро распространялась информация в Средние века? С этой задачей великолепно справлялись паломники.

Средневековая галисийская поэзия

Сантьяго де Компостела

С того момента, когда в IX в. в Сантьяго де Компостела были найдены реликвии и весь христианский мир узнал, что там хранятся мощи святого апостола Иакова (хотя научных доказательств этого не существует, все держится на вере), Галисия постепенно становится одним из влиятельных христианских центров, притягивая католических паломников отовсюду, что в свою очередь способству-

ет возвышению города: отстраиваются кафедральный собор, университет и другие монументальные здания религиозного и гражданского характера. К XVI в. престиж и влияние Сантьяго де Компостела резко падает, что ведет к резкому снижению числа паломников. Религиозная жизнь замирает на несколько веков. А новый всплеск интереса к Сантьяго де Компостела происходит к концу XX в., и сегодня ежегодно, особенно летом, толпы паломников заполняют улицы и площади этого великолепного средневекового города. Таким образом, Богом забытая земля – это уж точно не про Галисию.

Как раз потому, что в Сантьяго де Компостела слишком много приезжих, очень трудно расслышать в этом многоязыком гомоне галисийскую речь. Но она все же звучит: 95% жителей Галисии считают галисийский родным [Григина 2014: 46]. В глаза бросаются надписи, сделанные на галисийском; в книжном магазине полки ломятся от обилия литературы на галисийском языке. Тем не менее галисийская молодежь предпочитает использовать испанский язык, который оказывается более конкурентоспособным, прежде всего на рынке труда. При этом галисийскому языку приходится конкурировать не только с испанским, но и с английским. К подобному положению привели реформы, предпринятые в области образования. Разделяя мнение защитников галисийского языка, А.А. Евдокимова подчеркивает: «...правительство Галисии фактически ведет тайную войну против галисийского языка» [Евдокимова 2013: 70].

Анализ современной языковой ситуации в Галисии показывает, что процесс языковой нормализации галисийского языка, несмотря ни на что, движется вперед и проходит гораздо спокойнее, чем в других автономных областях Испании, как, например, в Каталонии или Валенсии, где возникли течения, которые, в угоду политическим амбициям, по утверждению Г.В. Денисенко, упорно отрицают, что *el valenciano* это каталанский язык. [Денисенко 2016: 573–574]. И хотя в Галисии никто не призывает к сепаратизму, споры между сторонниками языковой интеграции с Португалией и их противниками бывают очень жаркими [Евдокимова 2012: 217].

Будущее покажет, какие результаты даст языковая политика, проводимая правительством Галисии, и чем закончатся споры между сторонниками языковой интеграции с Португалией и их противниками. Однако приведенные примеры показывают, что, несмотря на удаленность от центра страны, Галисия всегда находилась и по-прежнему находится на перекрестке многих дорог, как ведущих в другие уголки Европы, так и – через Атлантику – на другие континенты.

ЛИТЕРАТУРА

Григина Е.А. Situación sociolingüística en España: el pasado y el presente. Мир испанского языка: курс лекций по лингвострановедению / Под ред. А.А. Горенко, Е.В. Крюковой. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 38–60.

Денисенко Г.В. La Guerra por la lengua: ¿el catalán/el valenciano o el catalán y el valenciano? // Ибероамериканский мир: традиции и современные тенденции. Приложение к журналу «Ибероамериканские тетради». Материалы VII Международной научной конференции испанистов: «Homo loquens в ибероамериканском лингвистическом пространстве: исследование и преподавание». Вып. 1. М.: МГИМО, 2016. С. 572–578.

Евдокимова А.А. Галисия: на пороге лингвистических войн // Ибероамериканские тетради. Вып. 1 / Отв. редактор А.А. Орлов. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 70–75.

Евдокимова А.А. El gallego: ¿isolación o reintegración? // V Международная научная конференции испанистов: «Испанский язык в контексте новых вызовов XXI века: исследования и преподавание» (26–28 апреля 2012 г.). М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2012. С. 216–217.

Нарумов Б.П. Формирование романских литературных языков. Современный галисийский язык. 2-е изд., доп. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 166 с.

Сапрыкина О.А. Язык и словесное творчество средневековой Португалии. М.: КРА-САНД, 2010. 285 с.

Salgado X. ¿Descienden los celtas de los gallegos? www.elmundo.es/elmundo/2011/04/15/galicia/1302889574.html

REFERENCES

Grinina E.A. Situación sociolingüística en España: el pasado y el presente. The World of the Spanish Language: A course of Lectures on Linguistics. Moscow MGIMO-University Press, pp. 38–60.

Denisenko G.V. The War for the Language: the Catalan / the Valencian or the Catalan and the Valencian? In: The Ibero-American World: Traditions and Modern Trends. Issue 1. Moscow. MGIMO-University Press. 2016, pp. 572–578.

Evdokimova A.A. Galicia: On the Threshold of Linguistic Wars. In: Cuadernos Iberoamericanos. Issue 1. Moscow. MGIMO-University Press. 2013, pp. 70–75.

Evdokimova A.A. El gallego: ¿isolación o reintegración? In: V International Scientific Conference of Spanish: “Spanish in the Context of the New Challenges of the 21st century: Research and Teaching” (26–28 April 2012). Moscow. MGIMO-University Press. 2012, pp. 216–217.

Narumov B.P. (2008) The Formation of the Romance Literary Languages. The Modern Galician Language. 2nd ed., suppl. Moscow. URSS Publ. 166 p.

Saprykina O.A. (2010) Language and Verbal Creativity of Medieval Portugal. Moscow. KRASAND Publ. 285 p.

Salgado X. ¿Descienden los celtas de los gallegos? www.elmundo.es/elmundo/2011/04/15/galicia/1302889574.html

Сведения об авторе:

Елена Анатольевна Гринина,
канд. филол. наук
доцент
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России (МГИМО-Университет)

Elena A. Grinina,
PhD (Romance Linguistics)
Associate Professor
Moscow State University of International
Relations
(MGIMO-University)

eagrinina@yandex.ru

К.М. Фьяннакка, А. Докукина Бобель, М. Тонджани (Генуя, Италия)

Письмо в редакцию

C.M.Fiannacca, A. Dokukina Böbel, M. Tongiani (Genoa, Italy)

A Letter to the Editorial Board

Уважаемая Редакция *Stephanos*,

Несколько времени назад нам представилась возможность прочитать опубликованную у вас статью независимого исследователя Ирины Дергачёвой под названием «*Небытие – условность*» (*Марина и Анастасия Цветаевы в Италии*).

В резюме статьи, вероятно созданном Редакцией и которое не было оспорено автором, можно прочитать о мемориальной доске, которую установили 8 июня 2017 г. на доме в районе Каполунго Нерви (Генуя, Италия) в память о пребывании там великой Марины Цветаевой, ее сестры Анастасии и всей семьи, такие слова:

Установка памятной доски стала результатом многолетних упорных усилий автора статьи и ее итальянской помощницы – Марты Тонджани.

Это заявление сбивает с толку, так как не соответствует действительности.

На самом деле история возникновения доски намного сложнее по сравнению с тем, как ее излагает Ирина Д. В нее было вложено очень много сил и втянуто намного больше людей, не названных ею.

Шел 1974 г., когда Августа Докукина Бобель, будущий доцент Генуэзского университета на кафедре русского языка и литературы, приехала в Нерви с только что опубликованной книгой «Воспоминаний» Анастасии Цветаевой в руках, чтобы найти дом, где размещался Русский Пансион, в котором в ноябре 1902 г. поселилась семья профессора Ивана Цветаева. Поиски точного адреса заняли длительное время и только в 1992 г. завершились успехом, который сразу же был зафиксирован цветаеводами на ежегодной международной цветаевской конференции в Москве. С этого момента он не раз был напечатан во многих научных статьях: *Нерви, ул. Аурелия 25*. Естественно, что сразу же одной из первых идей, пришедших в голову, стала мечта оставить на стенах здания след от этого открытия, такого важного для культуры, искусства, литературы и просто для жителей Нерви и Генуи.

Вместе с Катериной Марией Фьяннакка, переводчиком многочисленных поэтических и прозаических русских текстов и популяризатором российской культуры, пишущей эти строки, была опубликована на итальянском языке удачно оформленная книжечка «Нерви, мое дорогое», главы из книги воспоминаний Анаста-

сии Цветаевой с подробным рассказом об их жизни в Нерви. Имевшая большой успех, она выдержала два издания.

Это были первые шаги в восстановлении истории пребывания Цветаевых в Нерви. Библиотека Нерви распахнула свои двери для всех предложений и идей. Результатом стали проводимые на протяжении многих лет многочисленные спектакли, лекции, встречи, костер, посвященные этой теме. В них принимали участие и студенты Театральной школы при Городском театре, руководимые их режиссером, Анной Лаурой Мессери, и ученики Международного лингвистического лицея *Грация Деледда* с активным участием их преподавателя русского языка, Стефании Кокетти, и профессор-славист Университета в Генуе, а затем в Триесте Джан Паоло Гандольфо, Катерина М.Ф., Августа Д.Б. и многие другие.

Первый этаж этого дома, где в то время размещался ресторан-пиццерия, с прилегающим к нему садом стал местом встречи студентов с их преподавателем, Августой Д.Б. Это были так называемые «цветаевские бдения», когда общий разговор о русской поэзии прекрасно сочетался со вкусом итальянской пиццы. Появилось также ценное место для приглашения туда гостей из России (например, Ирины Кудровой или всех участников конференции Дня А.П. Чехова в Генуе в 2004 г.) – и не только, а всех, для кого имя Марины Цветаевой значимо и дорого.

Между тем желание установить доску росло, и была сделана первая попытка получить на это разрешение. Сразу стало ясно, что это потребует преодоления больших бюрократических препятствий и экономических трудностей. Но все-таки надежда не умирала, и даже начались обсуждения, где определить для нее место: на прекрасной знаменитой Прогулочной тропе на скалах у моря или на стене бывшего Русского пансиона на Каполунго, который был свидетелем жизни, боли, радостей и надежд многих поселившихся в нем россиян, слышал голоса необыкновенных девочек, игру на рояле их матери и т. д.

Только несколько лет назад стало известно, что другие умы, другие два сердца были тоже захвачены судьбой семьи в Нерви, скорее всего, под впечатлением от книги Анастасии Цветаевой, которая не оставляет никого безразличным. Две подруги, Марта Тонджани – активный вдохновитель и организатор Культурного центра «Восток» провинции Массы-Каррары (экс Италия-СССР) и Ирина Дергачёва – автор стихов, посвященных Марине Цветаевой, также начали обдумывать идею мемориальной доски.

Марта Т., натура целеустремленная и твердая в своих решениях, сделала все необходимые официальные шаги, чтобы получить разрешение от Мэрии Генуи, но натолкнулась на большое препятствие: надо было произвести очень дорогую, самую сложную, а также неудобную для нее (ведь центр «Восток» находится в другом регионе) «пейзажную» экспертизу, которую должен был запросить хозяин дома у авторизованного эксперта для подтверждения им возможности установить доску на выбранном для этого месте (было уже решено установить ее на стене дома на ул. Аурелия 25). Нерви – место удивительной красоты, поэтому существуют необходимые организации для защиты его природной гармонии. Получить разрешение повесить доску на внешней стене дома не представлялось возможным.

В 2011 г. Марта Т. попыталась найти поддержку в Генеральном Консульстве Российской Федерации в Генуе – безрезультатно, оно не могло влиять на решения городских властей. Зато она получила обещание помощи при перемещении готовой доски из Каррары в Нерви. В действительности позже доска была перевезена пишущей эти строки.

Марта Т., может быть, не во всех подробностях, но рассказывала Ирин Д. обо всех перипетиях дела.

Шел 2013 г., когда дело цветаевской доски зашло в тупик и остановилось.

В июне 2014 г. я заметила на одной из очень престижных улиц Генуи, в Альбаро, доску, посвященную памяти английской писательницы Мэри Шелли, создательницы «Франкенштейна», узнала, что совсем недавно она была установлена с подачи Мэрии города. И почувствовала, что появилась надежда, что надо опять браться за «цветаевское дело».

Необходимо было пройти заново весь уже проделанный ранее путь, восстановить то, что было уже сделано, представить новую просьбу. Между тем поменялся Генеральный Консул Российской Федерации в Генуе, ушел также старый приходский священник Церкви Богоматери Милосердия и Св. Эразма в Каполунго, который поддерживал инициативу, закрыла свой ресторан и исчезла с горизонта его хозяйка. Необходимо было завязать новые отношения с новыми людьми и привлечь их к сотрудничеству.

Проблема с высокой ценой за пейзажную экспертизу была преодоленна благодаря щедрости и доверию многих людей из близкого окружения: родственников, друзей, знакомых, друзей знакомых, соседей, даже нескольких детей-школьников, которые захотели принять участие в общем деле. Очень важным явилась также щедрость Паоло Финаморе, архитектора из Нерви, который бесплатно отредактировал необходимые документы, а также Фирмы Дино Феличи от Мирко Феличи из Каррары-Авенцы, которая предоставила в дар мраморную плиту и специалиста по надписям (и это заслуга Марты Т.).

Наконец, учреждение по защите пейзажа выдало свое согласие. Доску решили установить 8 июня 2017 г.

В это последнее время, которое длилось три года, меня поддерживала солидарность Марты Т., дружеская близость Грациэллы и Джан Паоло Г., горячее участие тех, кто с давних пор ждал и мечтал о счастливом результате: это Августа Д.Б., Стефания К. и многие другие, – Марина сумела тронуть многочисленные сердца.

Церемонию открытия вела я, нас приветствовал своим письмом выдающийся ученый Витторио Страда, из Москвы мы получили приветствия от директора Института итальянской культуры Ольги Страда, Ольги Трухачёвой, внучки Анастасии Цветаевой. Было много разных выступлений: вице-мэра города Генуи, нового Генерального Консула Российской Федерации в Генуе, известной славистки Йоанны Спендел.

Последней была Ирина Д., которая через Марту попросила разрешение прочитать несколько своих стихов.

Я встретила с ней во второй раз, она подошла ко мне, показала свои стихи, посвященные Марине, предложила 50 евро за большие расходы, от которых я, естественно, не отказалась. Она знала, кто я, мое имя и фамилию, знала, сколько я всего сделала, чтобы достичь победного результата. Но она даже не упомянула моего имени в своей статье.

Ирина Д. написала :

Затем наступил новый этап, когда решающая роль принадлежала архитектору, который проводил исследование дома, его стен. Какого рода были эти исследования, мне не известно в подробностях. Возможно в процессе легализации доски были и еще какие-то

этапы. [...] Представляю, что чувствуют те, кто боролся за доску на последнем этапе, преодолевая шаг за шагом все препоны.

...На это и стоит обратить внимание. Если Ирина Д. замечает существование других на ее, с Мартой Т., пути к установлению доски, как же резюме может утверждать, что установка памятной доски **стала результатом многолетних упорных усилий автора статьи и ее итальянской помощницы Марты Тонджани?**

Резюме, в начальных словах, демонстрирует неточность и отсутствие важной информации. Может быть, прежде чем опубликовать свои сведения, Ирине Д. стоило узнать больше, спросить, например, Марту Т., которая знала все те детали, которые она игнорировала.

Мне всегда казалось, что установление этой меморальной доски – результат усилий многих, не только я одна довела это дело до счастливого конца. Люди всегда реализуют дела, только совместив наилучшие стремления всех.

Этим письмом я хотела – мы хотим – восстановить часть правды, которая слишком долго осталась в тени.

Если редакция *Stephanos*, ошибочно, выставила на первый план ее персону, независимый исследователь Ирина Дергачёва должна была бы это исправить.

Освободив нас тем самым от этой грустной и неприятной обязанности.

Вместе с нашей просьбой напечатать это письмо, посылаем Вам наш сердечный привет,

Катерина Мария Фьяннакка, независимый исследователь
Caterina Maria Fiannacca, Independent Researcher

Августа Докукина Бобель, независимый исследователь
Augusta Dokukina Böbel, Independent Researcher

Марта Тонджани, сотрудник муниципальной администрации
по побратимству с г. Ереван и гостеприимству детей Проекта Чернобыль и г. Крагуевац

Marta Tongiani, Employee of the Municipal Administration on Fraternity
with the city of Yerevan and the Hospitality of the Children of the Chernobyl Project
and the city of Kragujevac

Генуя, 5 апреля 2019

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

И.В. Ружицкий (Москва, Россия)

**Лукин В.А. 100 задач по семиотике текста:
Учебное пособие. М.: Флинта, 2019. 144 с.**

I. V. Ruzhitskiy (Moscow, Russia)

**Lukin V.A. 100 Tasks on Semiotics of a Text: Tutorial.
Moscow. Flinta Publ. 2019. 144 p.**

Рецензируемое пособие В.А. Лукина – книга не совсем обычная. Это, конечно, в первую очередь учебное пособие, но одновременно – сборник занимательных и в своем большинстве совершенно нетривиальных задач по семиотике текста, основанных на четко сформулированных теоретических положениях.

Если говорить об адресате учебника, то книга, по словам ее автора Владимира Алексеевича Лукина, является пособием к вузовским курсам «Семиотика», «Теория текста», «Теория коммуникации», а также спецкурсам «Семиотика денег» и «Социальный кризис в лингвосемиотическом освещении», читаемым на филологическом факультете. Во многом оригинальный характер этих курсов не мог не отразиться и на содержании пособия, что очевидным образом прослеживается как в его структуре, последовательном представлении задач по семиотике текста, так и в содержании самих задач, обусловленном авторской концепцией, краткое изложение которой дается в пособии.

Задачки, задания и головоломки парадоксального типа всегда использовались в высшей и средней школе в преподавании самых разных предметов, как естественных, так и гуманитарных, – физики, химии, математики, философии, лингвистики и т. д. В последнее время, однако, мы не можем не наблюдать всё большей стандартизованности в обучении, которая, несомненно, должна иметь место в учебном процессе, но – именно место: достижение стандарта, следование какому-то образцу, его заучивание не может являться основной целью обучения, что мы довольно часто видим в предлагаемых вузовских и школьных программах, а также различного вида контрольных материалах.

Справедливости ради следует отметить, что сборники задач по разным предметам есть и сейчас, но, к сожалению, они используются лишь как своего рода дополнительный материал, а не в качестве системных учебных пособий. Создается впечатление, что педагогический опыт, накапливаемый столетиями, по использованию в преподавании гуманитарных наук основанных на парадоксе логических задач, полностью утерян или забыт, как и сама логика.

В Советском Союзе логику с 1949 по 1956 г. преподавали в школах как обязательный предмет. Пользовались учебником «Логика», созданным специально для средней школы С.Н. Виноградовым и А.Ф. Кузьминым. Учебник очень даже серьезный, включающий в себя – правда, в небольшом количестве – и логические задачи. Потом логику как предмет обучения «закрыли», как в рамках борьбы с культом личности Сталина «закрывали» многое, посчитав слишком сложным. Вопрос о сложности – учебных материалов по разным предметам, предлагаемых для чтения и изучения литературных произведений и т. д. – тема отдельная, которая всегда была и остается актуальной. Когда-то Ф.М. Достоевский настаивал на том, чтобы исключить из школьной хрестоматии «Слово о полку Игореве» как слишком сложное с точки зрения языка произведение, сейчас же многие педагоги и методисты, приводя уже свои аргументы, пытаются доказать нецелесообразность включения «Преступления и наказания» в школьную программу. Действительно, идея романа Достоевского сложна и непонятна для многих или даже для большинства, но, если следовать такому подходу, в качестве учебного материала следует оставить только лозунги или всё то, что никакого понимания не требует, требует только заучивания наизусть. Важен сам процесс понимания, развития этой способности, но не его результат, предлагаемый в виде готовой схемы. А развивать такую способность можно, в общем-то, на самом разном материале: литературном произведении или статье конституции, философском трактате или рекламном тексте и т. д. Понимание как раз и основано на логике, на логике и диалоге.

В 1990-х логику сделали факультативным предметом, но мы отлично знаем, чем становится всё факультативное в наших школах. Примерно такая же ситуация была и в вузах, хотя здесь «Логика» в качестве обязательного предмета просуществовала намного дольше. Наиболее успешное преподавание логики – как раз через решение логических задач, чаще всего парадоксального характера. И проблема не в их сложности, часто иллюзорной, а в способности преподавателя увлечь своих учеников, и увлечь как раз парадоксом. Чтобы формальная логика не стала формальной, надо обладать способностью преподавать неформально. Это же можно сказать о преподавании любого предмета. Умение думать, размышлять действительно осложняет жизнь человека, тем не менее человек думающий все-таки в конечном счете полезнее для общества, чем человек, не умеющий этого делать. Дело даже и не в обществе, а в самодостаточности и вообще в человеческой сущности. «Думать вредно» – оно, конечно, удобнее. Да и зачем в нашей жизни парадокс? Современная жизнь требует однозначности... Однако если перед нами стоит цель познания окружающего мира, а также методическая и воспитательная задача обучения способам такого познания, то без логики и семиотики, науки, исследующей свойства знаков и знаковых систем, обойтись невозможно. «Тайна мира символами не закрывается, а именно раскрывается, в своей подлинной сущности, то есть как тайна» (П.А. Флоренский).

Преподавание семиотики сродни преподаванию логики, и кажущаяся сложность рецензируемой книги именно кажущаяся, если, конечно, вникнуть в авторский метаязык и – в авторскую логику. Как абсолютно справедливо указывает В.А. Лукин в предисловии к своей книге, необходимо «изложить узловые понятия и идеи семиотики текста в проблемном ключе, стараясь, где уместно, сделать это как можно проще» (стр. 3), а «лучшей формой для реализации такого намерения является учебная задача» (там же). Задача, таким образом, становится не столько учебным материалом, сколько методом обучения. И, наконец, «желая, чтобы “100 задач” решались не как и не чем угодно (и не кем угодно), автор вынуж-

ден был включить в пособие «Идеи, понятия и термины, необходимые для решения задач», раздел, в котором «собраны фрагменты статей автора за последние, примерно, 10 лет <...> проанализированы основные понятия семиотики текста, предложены формулировки ряда ее узловых проблем и даны возможные решения проблем» (стр. 8).

Скажем несколько слов о структуре рецензируемого пособия. Книга состоит из предисловия, двух разделов и списка литературы – в основном работ по семиотике текста и семантике.

Первый раздел – «Задачи и головоломки» – структурирован следующим образом: «Знаки и сообщения», «Коды, сообщения и произведения» и «Коммуникативно-семиотические ситуации». В нем также даются источники использованного материала. Приведем примеры предлагаемых задач и головоломок.

7. Какое из трех однотипных изображений в семиотическом смысле противопоставлено двум другим? (стр. 14)

9. (стр. 15)

ЗАПАДНОАФРИКАНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ НСИБИДИ

«Происхождение нсибиди неясно. Согласно традиции, эта письменность возникла среди народа угакима (иначе эбе, или уянга) – ответвления племени ибо, живущего между Икорана (на реке Кросс-Ривер) и Увет (на реке Калабар). Существует прелестная сказка о том, как уянга научились письму от обезьян бабуинов, называемых идиоками, которые собирались вокруг их костров».

«Следует отметить, что местное население стремится скрыть от европейцев свое знакомство с письменностью. К тому же нсибиди употребляется главным образом для выражения любви, а под это понятие подводится целый ряд слов, в умении писать которые любой уважающий себя местный житель предпочёл бы не признаваться» (Дирингер Д. Алфавит. М., 1963. С. 184–185).

В этой письменности имеются, в частности, следующие сообщения:

∩ – 'супружеская любовь'

∩ – 'супружеская любовь' + знак 'подушка'

∩
I – 'мужчина приходит к женщине, у которой есть муж, и просит ее жить с ним'

▪ К какому типу знаков (по Ч.С. Пирсу) следовало бы отнести приведенные выше?

Два новых сообщения:

- В чем причина того, что легко установить значение первого из сообщений и практически невозможно значение второго?

16. (стр. 19).

- Увеличенный фрагмент пятидесятирублевой купюры свидетельствует об одной странности в изображении скульптуры – символа Невы, – причем сама скульптура этой странности лишена. Какова эта странная особенность и при каких условиях она может или не может расцениваться как знак?

Решений к задачам, т. е. ключей, в пособии нет, что нам представляется вполне логичным и правильным, если учитывать имплицитно присутствующую в книге идею – в первую очередь помочь студентам (на самом деле, не только учащимся вуза) научиться рассуждать, готовое решение же будет ограничивать развитие этой способности. В конце концов, в данном случае важнее не сам ответ на поставленный вопрос, а тот путь, посредством которого к этому ответу можно подойти. Ключом, если уж говорить об обязательности выполнения этого методического требования, может служить теоретическая часть пособия. Неподготовленному же читателю в начале каждого из трех разделов «Задач и головоломок» предлагаются образцы решений – этого вполне достаточно.

Во втором разделе книги – «Понятия, идеи и термины, необходимые для решения задач» – в предельно компактной форме представлены результаты многолетних размышлений автора, касающиеся проблем семиотики текста. Это и определение самого понятия «текст», и соотношение текста и «не-текста», и функциональная обусловленность текста, и некоторые другие. Полагаем, что теоретический и методический аппарат данного раздела пособия является вполне достаточным для решения задач и головоломок, которые даются в первом разделе.

Как и любое значимое произведение, а учебник Владимира Алексеевича Лукина вне всякого сомнения следует считать таковым, пособие «100 задач по семиотике текста» не может не вызвать определенных вопросов, предложений, возможно, даже возражений. Так, вполне очевидным для нас является то, что автор создавал свой учебник в первую очередь для себя, в соответствии со своей теорией и для своей теории, для своих учебных курсов и для своих студентов, наконец, для своего стиля общения со студентами и «стиля» обращения к материалу. Так, в общем-то, и должно быть. Тем не менее при этом естественным образом возникает вопрос о том, насколько широко может использоваться данный материал другими его пользователями? И для каких еще, кроме предлагаемых автором, курсов? Хотелось бы высказать и такое соображение: решение любого рода задач, не только по семиотике, влечет за собой некоторый автоматизм при их выполнении, что, по большому счету, нарушает исходную идею рецензируемой книги – развитие спо-

способности к пониманию через парадоксальное осмысление действительности. Из этого противоречия есть несколько выходов; например, можно на каком-то этапе поставить перед учащимися задачу самим придумать какую-нибудь головоломку или логический парадокс, которую легко упростить (или, наоборот, усложнить), предложив какие-либо исходные данные. Обозначенный в пособии терминологический словарь, на наш взгляд, не помешало бы расширить, отдельно включить хрестоматийную часть – отрывки из известных работ, посвященных семиотике текста. Возможно, в последующих изданиях книги ее автор как-то отразит данные соображения. Однако и без этого учебное пособие «100 задач по семиотике текста», безусловно, будет востребовано преподавательской и студенческой аудиторией и, смеем полагать, что, несмотря на весьма непростой материал, представленный в нем, окажется интересным для широкого круга читателей.

Сведения об авторе:

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Igor V. Ruzhitskiy,
Doctor of Philology
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

konnitie@mail.ru

Н.М. Солнцева

**Хартинг Дж.Э. Орнитология Шекспира /
Пер. с англ. П. Тушаро. М.: Libra, 2019.
140 с.**

N.M. Solntseva

**Harting J.E. The Ornithology of Shakespeare /
Transl. by P. Tusharo. Moscow. Libra, 2019. 140 p.**

Тема книги – птицы в произведениях Шекспира. Автор – журналист и орнитолог Джеймс Эдмунд Хартинг (1841–1928). Перевод осуществлен по изданию: *Harting D.E. The Ornithology of Shakespeare. London: van Voorst, 1871*. В слове от издателя мотивируются купюры, предпринятые в русском издании: обстоятельное описание не связанных с орнитологией разночтений в шекспировских текстах и не упомянутых Шекспиром охотничьих приспособлений, избыточность объяснения вариантов орнитологических терминов. Для полноты картины представим названия глав: «Орел и крупные хищные птицы», «Соколы и соколиная охота», «Сова и ассоциации с нею», «Вороны и их сородичи», «Птицы певчие», «Домашняя птица», «Пернатая дичь», «Водоплавающая дичь и морские птицы», «Разные птицы, не включенные в предыдущие главы». Завершают книгу указатель произведений Шекспира и их переводчиков, список иллюстраций. Формат книги карманный.

Текст вводит нас в пространство Шекспира и мир птиц, оторваться от него можно разве что на разглядывание гравюр художника-натуралиста Чарлза Фредерика Танниклиффа. Автор исходил из того, что Шекспир, безусловно, был охотником и натуралистом, хорошо знал мир природы и этот опыт спроецировал на образный ряд произведений – сравнения, эпитеты, аллюзии, антитезы и т. д. По сути, Хартинг исследовал источники образов Шекспира, и его труд представляет собой развернутый, очень информативный орнитологический комментарий поэтики.

Благодаря Хартингу мы видим, сколь виртуозно Шекспир использовал в образотворчестве биологическую специфику птиц. Ссылаясь на Плиния, автор упоминает об испытании для птенцов орла – смотреть на солнце, и в «Генрихе VI» эта особенность ассоциирована: «Коль ты птенец могучего орла, / Взглянув на солнце, докажи свой род». Или повторяющийся в текстах Шекспира мотив забо-

ты родителей о детях соответствует инстинкту защиты птенцов взрослыми птицами. При описании глухого места в трагедии «Тит и Андроник» («Здесь солнца нет, и водятся здесь только / Сова ночная да зловещий ворон») использовано стремление ворона к уединению во время гнездования. Прожорливость бакланов обыгрывается в «Ричарде II», «Кориолане», «Бесплодных усилиях любви», а «война бакланов» в «Троиле и Крессиде» означает войну кровопролитную. Особое место в книге отведено образному восприятию певчих птиц – соловья, жаворонка, а сходство жаворонка с овсянкой отражено в словах лорда Лафе («Все хорошо, что хорошо кончается»), принявшего жаворонка за овсянку. Биологическая информация корректирует понимание текста, например строк о Купидоне из «Бури»: «И клятву дал вперед с людьми не знаться / И воробьями вместо них заняться, / Как все мальчишки», – которые автор сопровождает таким комментарием: «Плодовитость воробьев вполне известна» (стр. 90). Непрозрачная семантическая связь лексем «голубь» и «желчь» в строках из «Гамлета» «...Уж сердце у меня / Не голубиное ль, или нет желчи вовсе» получает разъяснение: у голубя нет желчного пузыря, в нем просто нет нужды – птица тщательно перерабатывает пищу в зобе.

Хартинг блистательно обнаруживает мифогенность орнитологии. Появление совы считается дурным знаком, а в «Макбете» крыло совы – компонент зелья ведьм. С мрачной легендой, распространенной в некоторых регионах Англии, связана фраза из «Гамлета»: «Говорят, что сова была дочь пекаря». У Шекспира сова – роковая, зловещая, жуткая и т. п. Такая же мифология сложилась вокруг ворона. Приведем один из многих примеров: «Я бы покаркал над ним, что твой ворон, напророчил бы ему беду!» («Троил и Крессида»). Кроме того, ворон предсказывает судьбу, и у Шекспира он – обладатель тайного знания. Или в книге дана предпринятая Шекспиром интерпретация поверья о том, что вороны испытывают отвращение к вылупившимся птенцам и возвращаются в гнездо, когда птенцы покрываются оперением, что нашло отражение и в Псалмах, и в Книге Иова, и в трактате Бартоломея Английского «О свойствах вещей», и в трактате Исаака Уолтона «Искусный рыболов». В Книге Царств Илия слышит слова Господа о том, что его будут кормить вороны, и это соответствует легенде о воронах, оставивших своих птенцов и кормящих брошенных детей; ее отзвук есть в «Зимней сказке». Или строки «Филомела, подпевай, / Сон отрадней навевай» («Сон в летнюю ночь»), «Тем временем в поголубевшей мгле / Плач Филомелы сладкий отзвучал» («Обесчещенная Лукреция») объясняются мифом о дочери афинского царя Пандиона, у которой насильник вырвал язык, но Зевс превратил ее в соловья. Оказывается, в давние времена удачливого любовника называли кукушкой, а к июню пение кукушки уже не привлекает прежнего внимания, – и проясняется смысл фразы Генриха IV: «Когда он был доступен лицемерию, / Напоминал кукушку он в июне». Мистическая мифология петуха использована, например, в «Гамлете». У вопроса «Не вдохновлял ли голубь Магомета?» («Генрих VI») есть предыстория: голубь питался пшеницей из уха Магомета, однако люди думали, что то дух святой дает пророку совет.

Шекспировская орнитология служит описанию характеров персонажей, по сути – психотипов. Например, павлин обозначает самолюбование («Троил и Крессида», «Генрих VI»), чайка маркирует глупость («Генрих V», «Отелло», «Тимон Афинский», «Двенадцатая ночь»). Очевидна ирония Фальстафа, которому, конечно, известна трусливая натура голубя: «Ты будешь так же отважен, как разъярен-

ный голубь» («Генрих IV»). В «Укрощении строптивой» Бьянка названа «злой соколихой», что соотносено автором книги со злобными и истеричными соколами, которых сокольники ловили уже взрослыми.

Много места в книге отведено описанию бытовой культуры. Так, уже в древности развлекались петушиными боями («Антоний и Клеопатра»). Особое внимание уделено соколиной охоте – дорогостоящему, указывающему на статус охотника увлечению, чему соответствуют такие строки ХСІ сонета: «Кто хвалится родством своим со знатью, / Кто силой, кто блестящим галуном, / Кто кошельком, кто пряжками на платье, / Кто соколом, собакой, скакуном». Хартинг подчеркивает, что в пьесах Шекспира соколиная охота упоминается часто и со знанием дела. Причем, казалось, невероятную ситуацию в «Макбете» («Я видел, как паривший в небе сокол / Совую был настигнут и заклеван») автор подтверждает реальным фактом: «Однако нам известен случай, когда старая неясать, действительно, убила и пожрала пустельгу, содержащуюся в одном с ней авиарии»¹ (стр. 31). Или слова Отелло «...если легкокрылые игрушки / Пернатого Эрота сладкой ленью / Зашьют глаза моим душевным силам» и слова Дездемоны «Отцу глаза, как соколу, зашить» объясняются таким обычаем: ближние к клюву края верхнего и нижнего век пойманного сокола соединяли нитью, чтобы приучить к клобучку. Ярko представлены образотворческие возможности охоты с орлами. С одной стороны, орел уязвим, на него направлено оружие, ему расставлены ловушки, что запечатлено в строках «И часто, утешаясь, замечаем, / Что жук надкрыльем защищен надежней, / Чем крыльями – орел» («Цимбелин»); с другой – «путешественники в Московию сообщали, что цари ходят с орлами на ланей, лис и прочую крупную дичь» (стр. 19), чему созвучен образ «Она была, / Как воплощение чистоты святой, / Как лань в когтях у горного орла» («Обесчещенная Лукреция»). Источником сравнений, метафор стала и утиная охота («Много шума из ничего», «Генрих IV»).

Вместе с тем Хартинг пишет о поэтических вольностях Шекспира, к которым он, орнитолог, снисходителен: «Но было бы абсурдным ожидать научной точности от поэзии» (стр. 15). Он отмечает, что названия конкретных птиц Шекспир употреблял расширительно и не вполне точно. Не всегда очевидно, завирушку Шекспир имеет в виду или домового воробья. Ночной ворон в «Много шума из ничего», по предположению Хартинга, – выпь, что из семейства цаплевых. Или в «Ромео и Джульетте» орел назван зеленоглазым, тогда как «у всех знакомых представителей этого рода цвет радужки либо карий, либо желтый» (стр. 15). Совы, оказывается, не нападают на голубей, но у Шекспира встречаются такие ассоциации: «Спит голубок, намеченный совой» («Обесчещенная Лукреция»), «Эй, берегись, поймает сыч голубку» («Укрощение строптивой»). Подобные небрежности, как замечено в книге, допускаются сознательно – ради выразительного образа.

Интересны замечания Хартинга относительно степени частотности упоминания птиц в произведениях Шекспира. Теперь мы знаем, что крапивник встречается реже завирушки, а бекас – реже вальдшнепа, трясогузка и фазан упоминаются лишь раз, а о домашних птицах, особенно голубях и гусях, говорится часто и т. д.

Итак, художественная орнитология Шекспира исследована педантично и с точным попаданием в лузу. Во всяком случае, так представляется нам – не орнито-логам.

¹ Пустельга – из отряда соколообразных семейства соколиных, неясать – из семейства совиных.

В заключение выскажем наши сомнения относительно издательской мистификации. Переводчик этой поистине увлекательной и познавательной книги – П. Тущаро. Или обладатель копирайта А. Филиппов-Чехов – переводчик произведений Р. Вальзера, И. Готтхельфа, В. Бенямина, Б. Брехта, Г. Бюхнера, Г. Зиммеля, Х. Мюллера, П. Целана, Ф. Кафки, З. Кракауэра, А. Шмидта и др.? ...Тогда эта подмена вполне отвечает поэтическим вольностям Шекспира.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Солнцева,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia M. Solntseva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natashasolnceva@yandex.ru

In Memoriam

In Memoriam

Алексей Васильевич Степанов
(15.02.1930 – 14.04.2019)

Alexey V. Stepanov
(15.02.1930 – 14.04.2019)

В апреле 2019 г. скончался Алексей Васильевич Степанов – старейший сотрудник кафедры русского языка филологического факультета, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. Уроженец Смоленской области, он прошел достаточно долгий путь, прежде чем поступил в аспирантуру филологического факультета Московского университета. Учился в Новосибирском педагогическом училище, затем в Новосибирском педагогическом институте, работал учителем русского языка и литературы в сельской школе.

Диплом в институте Алексей Васильевич защитил с отличием, за участие в работе Научного студенческого общества в годы учебы был награжден почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

В середине 1950-х гг. он учился в аспирантуре Московского университета, подготовил и защитил в 1959 г. под научным руководством А.И. Ефимова, специалиста в области истории русского литературного языка и стилистики, кандидатскую диссертацию «Стилистические функции частей речи в поэзии А.И. Полежаева». А в 1996 г. представил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук – «Топика метастилия в русских сочинениях XIX–XX вв.».

В сферу научных интересов Алексея Васильевича входили история русского литературного языка, стилистика русского языка и язык художественных произведений.

Много сил и душевного тепла Алексей Васильевич отдавал своим ученикам – студентам вечернего отделения филологического факультета Московского университета, которым еще в этом учебном году читал курсы «Практическая стилистика» и «Язык художественных произведений».

Память о нем сохраняют коллеги и ученики.

Редколлегия журнала Stephanos

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2018-35-3-1-300

STEPHANOS
2019
№3 (35)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2019
Май — May